Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЁЛОКОВ

Редколлегия:

АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Оренбург)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МЕЩЕРЯКОВ Ю.А. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

11 ■ 2019

В НОМЕРЕ:

Специальный выпуск

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Михаил ЕЛЬЧАНИНОВ, глава Хохольского муниципального района. **Трудолюбивые и талантливые люди — главное богатство нашего края** 5

ПРОЗА

Виктор ОДИНЦОВ. **В стране слонов.** Рассказы 35
Вячеслав ДЁГТЕВ. **Пар над кровью.** Рассказы. *(Предисловие Галины ОРЕХАНОВОЙ, Николая СТРЕБКОВА)* 69
Петр СЫСОЕВ. **Танкетка.** Рассказ 97
Александр БОНДАРЕВ. **Со слезой и улыбкой.** Рассказы 107
Сергей ТАРАНИН. **Щукарь из Скотланд-Ярда.** Рассказ 120

ПОЭЗИЯ

Виктор КУЛАКОВ. **Протяни мне руки.** Стихи 66
Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ. **Голубая, как небо, сирень.** Стихи 95
Василий КНЯЗЕВ. **Журавушка.** Стихи 103
Осень пришла в Россию. Стихи поэтов Хохольского района 114

НЕЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

Алексей ПРАСОЛОВ. **«Здесь ветер, долгий, жаркий, полевой...»** Стихи. *(Предисловие и публикация Раисы АНДРЕЕВОЙ-ПРАСОЛОВОЙ)* 9
Надежда ТИШАНИНОВА. **Во имя твое.** Главы из книги «Алексей Прасолов: «Прости меня...» 14

ИМЕНА

Николай ТАРАКАНОВ. **Невидимый противник.** Из книги мемуаров «Исчадие ада» — о ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. *(Предисловие-очерк «Спасатель» Николая КОЛТАКОВА)* 125
Виктор АВДЕЕВ. **Тропинками судьбы.** Воспоминания. **Обновленное сердце.** Стихи и переводы 148

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Валентин КОТЮХ. **Освобождение.** (Изгнание фашистских захватчиков с родной земли) 165
Бессмертный полк Рукиных. (Очерк о семье победителей) 175
Героев наших имена. (Уроженцы Хохольского района, награжденные Звездами Героев за ратные подвиги и трудовую доблесть) 168
Алексей ВАЛУЙСКИЙ. **Украденное детство.** (Необычная история искренней книги) 183
Елена ДЕДОВА. **Не бывает ушедших бесследно.** (Памятник воевавшим хохольцам установили в Тверской области) 187

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Евгений НОВИЧИХИН. **Феномен Василия Панина.** (Память души для малой родины) 189
Татьяна ПЯТОЧЕНКО. **Время, еще не оторванное от вечных истоков.** (Вспоминая художника Аркадия Васильева) 195
Надежда ПОПОВА. **Староникольские частушки для автора «Василия Теркина».** (Как А.Т. Твардовский был в гостях у хохольских тружеников) 197

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Валерий БЕРЕЗУЦКИЙ. **Жемчужина палеолита на Дону** 200

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Людмила ГРЕШНЕВА. **В гостях у «Мастеров»** 214
Владимир НОВОСЕЛОВ. **Как прорастают таланты** ... 217
Юлия ТУРИЩЕВА. **Есть у улицы музей** 221

На 1 стр. обложки:
Центральная площадь р.п. Хохольский.
Празднование Дня России.

В номере использованы фото, предоставленные редакцией Хохольской районной газеты «Народное слово» (главный редактор Л. Стародубцева), Хохольским музеем народного творчества и ремесел «Мастера» (директор Л. Абакумова).

Подписные индексы: каталог агентства «Роспечать» 73312; каталог «Почта России» П3239
Сайт и мобильная версия журнала: http//www.podiemvrn.ru

«Без таких городов не представить Россию» — специальный проект журнала «Подъём»: райцентр Хохольский Воронежской области

Выпуск подготовлен
при содействии администрации
Хохольского
муниципального района
с целью поддержки творчества
местных авторов.

Михаил Ельчанинов,
глава Хохольского муниципального района

ТРУДОЛЮБИВЫЕ И ТАЛАНТЛИВЫЕ ЛЮДИ — ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО НАШЕГО КРАЯ

В должности главы Хохольского муниципального района Михаил Петрович Ельчанинов немногим больше года. А до этого руководил Семилукским и Репьевским районами Воронежской области. Так что есть база для сравнений. Поэтому и разговор наш начался с вопроса:

— Михаил Петрович, как вы оцениваете потенциал района – экономический, социальный, культурный? Существует ли такое понятие «хохольский характер»? И в чем его особенности?

— Я бы назвал Хохольский район идеальным. Он средний, компактный по территории, по численности населения (около тридцати тысяч жителей), удобно расположен относительно областного центра. Постановлением ВЦИК РСФСР район был образован 18 января 1935 года, так что скоро будем отмечать 85-летний юбилей. Первоначально административный центр вновь образованного района находился в селе Хохол, позднее центром стал рабочий поселок Хохольский. В современных границах район существует с января 1965 года. Здесь плодородные черноземные почвы, одни из лучших в области, благоприятный климат, наконец, по территории района протекает река Дон. В общем, я бы сказал, есть все условия для интенсивного земледелия и животноводства, перерабатывающих производств. Что же касается характера... Пожалуй, можно выделить такие черты коренных жителей, как хорошая упертость, настойчивость в достижении поставленной цели, предприимчивость, любовь к родной земле, верность традициям. И это тоже работает на конечный результат.

— И каков же он, этот результат?

— В прошлом году объем валовой продукции района составил более 10 млрд рублей, из них 4 млрд приходятся на долю промышленности. Темп роста промышленного производства (126,1%) превышает среднеобластной показатель. По прогнозам, в текущем году сельское хозяйство превзойдет прошлогодний уровень на 5, а промышленность на 15 процентов.

В лидерах — наш сахарный завод (компания «Продимекс»), благодаря которому когда-то и возник рабочий поселок Хохольский, а также сравнительно недавно перебазировавшийся к нам из Воронежа мыловаренный завод (компания «Эфко Косметик»). В аграрном секторе лидируют крестьянско-фермерское хозяйство А.В. Князева, ООО «Дон», инвестором которого является Г.В. Чернушкин, известный производитель мебели «Ангстрем», ООО «Ряба» под руководством В.В. Мурашкина, сельхозпредприятие «Большевик» Ю.А. Мыскова, СПК «Староникольский» В.Е. Полухина, АО «Юбилейное» Е.А. Воищева. По надоям молока и производству мяса район находится на передовых позициях в области. С каждым годом растет число субъектов малого и среднего бизнеса. Сейчас в районе создано более 900 предприятий. Ожидается, что их торговый оборот по итогам 2019 года превысит 3,5 млрд рублей.

Производственная сфера — это рабочие места, налоги, те самые основы, на которых строится эффективная социальная политика. И вот важнейший интегральный результат — все 36 населенных пунктов района живы и не видно домов с заколоченными окнами, у людей есть работа. Ежегодно у нас вводится около 20 тысяч квадратных метров жилья, район прочно занимает второе место в области по выполнению программы закрепления на селе молодых специалистов. Населенные пункты газифицированы, пользуются централизованным водоснабжением. Газом отапливаются все социальные объекты района и 85 процентов жилья. В каждом селе имеются образовательные и медицинские учреждения, дома культуры, клубы, спортивные и детские площадки, парки.

— Согласитесь, местному начальству, каким бы искусным и старательным оно ни было, далеко не все под силу: ресурсы-то ограничены. Трудно представить путь руководителя ровным и гладким, без острых ситуаций и непредвиденных обстоятельств.

— Могу назвать, по меньшей мере, три инфраструктурных проблемы, решение которых выходит за пределы обычных муниципальных возможностей. Нельзя назвать благополучным положение с питьевой водой, в некоторых поселениях воды не хватает и она неудовлетворительного качества. К решению непростой проблемы мы уже приступили. В этом году начались геологоразведывательные работы на территории Петинского поселения, их цель — найти источники чистой воды для дальнейшего строительства водопровода. Вторая проблема — нехватка энергетических мощностей, большой износ электросетей. И, конечно же, требуется реконструировать и расширять сеть автодорог. Нынче почти каждая сельская семья владеет автомобилем, для транспорта требуется асфальтовое покрытие. В поселке Хохольском на очереди — строительство биологических очистных сооружений. Без них невозможно расширять производство и возводить новое жилье. И еще важная и наболевшая тема для района — строительство двух средних школ — в селе Гремячьем и в поселке Опытная станция.

— Известно, что не хлебом единым жив человек. Какая ситуация в районе с тем, что определяет духовную суть человека, радует людей, помогает жить и работать, повышает тонус, придает силы?

— Духовность, культура не живут сами по себе. Человеческая общность формируется и определяется традициями, качеством жизни, бытовыми условиями. И тут многое зависит от власти, активной позиции руководителей — от губернатора до главы сельского поселения. Наверное, каждый из нас замечал: две соседних области или два района имеют примерно одинаковый уровень социального и экономического развития. Но в одном селе — дороги

приличные, бурьян выкошен, заборы покрашены, все чисто и аккуратно. А в другом — сорняк на улицах, свалки, усадьбы неухоженные. Почему такая разница? Да потому что в одном месте благоустройство стало совместным делом власти и населения, а в другом пущено на самотек. В Хохольском районе мы всячески поддерживаем некоммерческие организации, территориальное общественное самоуправление, проекты инициативного бюджетирования, направленные на обустройство населенных пунктов. Нам важно знать, что нужно жителям конкретного поселения для достойной и интересной жизни. Высокие экономические показатели для того и достигаются, чтобы содержать на хорошем уровне учреждения здравоохранения, культуры, спорта, другие социальные объекты. А без этого жизнь не может быть полноценной. Ведь когда человек присматривается к району, подыскивает село для переезда на постоянное место жительства, он интересуется не только работой, но и тем, есть ли в селе школа, клуб, спортивные площадки, парк. Люди понимают, что без этого дети не вырастут здоровыми и развитыми, да и самим будет невмоготу жить.

Местная власть учитывает эти факторы в своей работе. В нынешнем году открыли две ясельные группы на 100 детей, решив вопрос с обеспечением малышей местами. В районе прекрасный, один из лучших в области, спортивно-оздоровительный комплекс, бассейн, стадион, лыжероллерная трасса. За последние годы реконструировали и крупные Дома культуры, и небольшие сельские клубы. Оснастили их современным техническим и сценическим оборудованием, мебелью. В ближайших планах — строительство новых клубов в селах Староникольское и Новогремяченское. Стоит задача войти в областную или федеральную программу развития сельской культуры, чтобы получить финансовую поддержку.

— Общественная, культурная жизнь — села, района, области — во многом определяется традициями, опытом предыдущих поколений. И в Воронежской области есть районы и села «певческие», «ремесленные» или «спортивные». А чем славится Хохольский район?

– А вы пойдите для начала в наш музей народного творчества, он так и называется «Мастера». В нем есть зал, рассказывающий о ковроткачестве и знаменитой хохольской мастерице Марии Гладневой. В «Доме ремесел», например, однажды шили народные костюмы для знаменитого ансамбля «Воронежские девчата». А в селе Кочетовка к нематериальным памятникам культуры отнесено искусство изготовления рушников и головных уборов. Село Оськино славится старинным обрядом «Вождение русалки». Два десятилетия у нас проходит песенный фестиваль «На Казанскую». Далеко за пределами района известны ансамбли «Хохольские родники», «Былина», «Воля». Дом культуры в селе Устье — один из лучших в области, со спортивным залом, получил статус модельного. Его бессменным руководителем в течение 30 лет является заслуженный работник культуры России И.П. Панин. Все держится на народных традициях, их надо только умело поддерживать, распространять, сочетая с современными тенденциями и культурными запросами людей.

История здешних мест уникальна. На территории сел Борщево и Костенки сохранились следы древних поселений. Костенки в археологической литературе называют «жемчужиной палеолита». А за славянской культурой середины I тысячелетия до н.э. закрепилось название «Борщевская». Костенки и Борщево могли бы стать основой для создания современного туристского кластера, приносящего славу и, конечно, доходы, району и области.

В 2020 году мы отметим 75-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Семь уроженцев района стали Героями Советского Союза, а Пётр Фёдорович Шипилов из села Никольское-на-Еманче – кавалером ордена Славы трех степеней. В селе Гремячьем в честь 60-летия Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2005 года открыли величественный военно-мемориальный комплекс. В братских могилах здесь захоронены 1566 советских солдат – участников освободительной Острогожско-Россошанской операции.

Из нашего района вышли писатель и ученый генерал Николай Дмитриевич Тараканов, руководивший операцией по ликвидации последствий Чернобыльской аварии, кинорежиссер Василий Степанович Панин, председатель знаменитого колхоза «Великий Октябрь», фронтовик и краевед Николай Григорьевич Пегарьков.

С хохольской землей прочно связал свою научно-педагогическую деятельность известный в дореволюционной России педагог Николай Фёдорович Бунаков. В селе Петине он создал образцовую школу для крестьянских детей, народный театр, построил для этих учреждений здания. Педагог-просветитель читал публичные лекции для крестьян, устраивал торжественные чествования годовщин Пушкина, Белинского, Кольцова, Гоголя, ставил спектакли. Втянувшись в земскую деятельность и став гласным уездного и губернского земств, Н.Ф. Бунаков в 1902 году был избран в знаменитый комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Педагогические и просветительские традиции Бунакова в 60-х годах прошлого века продолжил учитель Иван Федорович Раздымалин. Воронежское село Костенки прославилось на всю страну школьной научно-производственной бригадой, созданной этим удивительно талантливым человеком. Опыт академика И.Ф. Раздымалина по сей день изучается и используется российскими педагогами.

В селе Костенки родился и вырос олимпийский чемпион по стрельбе из пистолета Алексей Гущин. В 1960 году в Риме в напряженной борьбе спортсмен завоевал золотую медаль Олимпийских Игр.

Творческая биография многих воронежских литераторов связана с хохольской землей. В Гремячьем родился прозаик Петр Сысоев. Здесь же в средней школе учился яркий, самобытный писатель нашего времени Вячеслав Дёгтев. В редакции районной газеты с сентября 1969-го по май 1971 года работал известный поэт Алексей Прасолов. В 50-е годы прошлого века в район приезжал автор «Василия Тёркина» и главный редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский, избиравшийся на нашей земле депутатом Верховного Совета РСФСР.

Обо всем этом надо, конечно же, помнить, приобщать к истории, краеведению и культуре молодежь. Что усвоишь в молодости, то и останется в характере на всю жизнь. А форм и вариантов вовлечения школьников в содержательный и полезный досуг, активной жизненной позиции, раскрытия творческого потенциала и природных способностей предостаточно. Районные конкурсы, смотры, фестивали — их десятки для детей и для взрослых. Хохольцы являются постоянными участниками областных и российских конкурсов художественной самодеятельности и спортивных соревнований. Задача местной власти – поддерживать активных и талантливых людей, создавать необходимые условия для развития культуры, спорта, краеведения, сохранения народных традиций.

Беседовал Сергей РЯБИНИН

Алексей Тимофеевич Прасолов *(1930–1972). Родился в селе Ивановка Михайловского района ЦЧО. Окончил Россошанское педагогическое училище. Работал школьным учителем, корректором, литературным сотрудником в районных газетах Воронежской области. Автор поэтических сборников «День и ночь», «Лирика», «Земля и зенит», «Во имя твое». Среди посмертных книг — «Стихотворения», «И душу я несу сквозь годы», «Я встретил ночь твою» (роман в письмах), «На грани тьмы и света». Член Союза писателей СССР с 1966 года.*

Алексей Прасолов

«ЗДЕСЬ ВЕТЕР, ДОЛГИЙ, ЖАРКИЙ, ПОЛЕВОЙ...»

Это лишь небольшая подборка стихотворений из тех, что написаны Алексеем Тимофеевичем Прасоловым (1930–1972) в «хохольский период» его жизни, когда он работал литературным сотрудником в районной газете «За коммунистический труд» (с 1 сентября 1969-го по 27 мая 1971 года), на страницах которой некоторые из них впервые публиковались.

Стихи Алексея Прасолова вряд ли нуждаются в каком бы то ни было пояснении, потому что любое их толкование будет невольно выглядеть ограниченным по сравнению с глубиной и масштабом его поэтического мироздания. К тому же каждый из нас ищет и находит в творчестве поэта созвучия своей душе, своему уму и своему сердцу.

Краткие комментарии в данном случае относятся к конкретным адресатам публикуемых стихотворений.

Стихотворение *«В эту ночь с холмов, с булыжных улиц...»* посвящено Александру Тихоновичу Смирнову (1945–2003), в то время молодому журналисту, с которым работали в одной газете. В дневнике поэта есть запись от 20 ноября 1969 года: «Вчера ночью дописал «Ледоход». С. — в восторге. А меня кое-что коробит...» Стихотворение впервые было опубликовано в последнем прижизненном сборнике Алексея Прасолова, но «Слава Богу» в завершающей строке цензура не пропустила, оставив только «Неподвластный нам».

Стихотворение *«...Да, я нечасто говорю с тобой...»* посвящено Наталье Борисовне Банк (1933–1998) — критику, автору одной из первых рецензий на книги Алексея Прасолова. Н.Б. Банк жила в Ленинграде. Ее письма были очень важны для поэта как связь с литературным миром северной столицы. В дневнике от 21 февраля 1970 года А.Т. Прасолов пишет: «Банк на юбилее Успенского читала из моего к ней письма слова об Успенском — «дятле, долбящем древо языка», и об Ахматовой — «Лучшие люди отдали должное такому способу почтить память Ахматовой». Я — был там....» Свою книгу о Льве Успенском Н.Б. Банк переслала Прасолову ранее. Об Ахматовой он написал в одном из писем к Банк. В 1969 году Ахматовой исполнилось бы 80 лет. Что касается самого стихотворения, то оно достаточно ярко и точно представляет повседневную жизнь поэта на хохольской земле.

Стихотворение *«Как ветки листьями облепит»* посвящается Александру Трифоновичу Твардовскому. Этому великому поэту Алексей Прасолов обязан своим открытием для русской литературы. Благодаря А.Т. Твардовскому стихи А. Прасолова были опубликованы в самом влиятельном журнале тех лет — в «Новом мире», издан сборник «Лирика» в издательстве «Молодая гвардия», кстати, единственное прижизненное издание в Москве. Но после этого других публикаций стихов А. Прасолова в «Новом мире» не появилось, хотя обращения были. В его дневнике сохранилась запись от 28 декабря 1969 года: «Сегодня — стихи Твардовскому. Что теперь скажет Караганова?» (Сотрудник журнала «Новый мир». — *Р.А.)*. Среди отосланных стихов называются «Как ветки...», «В эту ночь...», «Нет, не соленый привкус нищеты» и другие. Стихи не были опубликованы. В Хохле Прасолов получил письмо А.Т. Твардовского с объяснением позиции журнала и творческими пожеланиями. Это были слова поддержки, в которой Алексей Тимофеевич очень нуждался в то время: «Я получил от него письмо, короткое, предостерегающее от «академического спокойствия» в лирике. В конце слова: «Да вы сами с усами, а ученого учить — только портить».

Смотря кто учит...

Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский». (Из воспоминаний А. Прасолова о Твардовском, написанных 22 января 1972 года).

* * *

А.С.

В эту ночь с холмов, с булыжных улиц
Собирались силы темных вод.
И когда наутро мы проснулись,
Шел рекой широкий ледоход.

Размыкая губы ледяные,
Говорила вольная вода.
Это было в мире не впервые,
Так зачем спешили мы сюда?

А река — огромная, чужая,
Спертая — в беспамятстве идет,
Ничего уже не отражая
В мутной перекошенности вод.

От волны — прощальный холод снега,
Сочный плеск — предвестье первых слов,
И кругом такой простор для эха,
Для далеких чьих-то голосов.

Нет мгновений кратких и напрасных —
Доверяйся сердцу и глазам:
В этот час там тихо светит праздник,
Слава Богу, неподвластный нам.

1969

* * *

Н.Б.

…Да, я не часто говорю с тобой,
И, кажется, впервые слишком длинно.
Здесь ветер, долгий, жаркий, полевой,
Идет спокойно ширью всей равнины.

И вот, встречаясь с ветром грудь на грудь,
Себе кажусь я грубым и плечистым.
И я, и он на стане где-нибудь,
Мы оба пахнем, словно трактористы,
Дымком, соляркой, тронутой землей,
Горячей переломанной соломой.

Здесь жизни ход — нагруженный, иной
(И, может статься, чересчур земной),
Чем там, где люди сеют в мире слово,
А пожинают — впрочем, что кому.
Те два посева сравнивать не ново
И не всегда разумно — потому
Давай с тобой доверимся на слово
В стихии — чувству, в остальном уму,
И даже если все смешает ветер,
Как этой жизни — отдаюсь ему.

1970

* * *

А.Т.Т.

Как ветки листьями облепит,
Растают зимние слова.
И всюду слышен клейкий лепет —
Весны безгрешная молва.

И сколько раз дано мне встретить
На старых ветках юных их —

Еще неполных, но согретых,
Всегда холодных, но живых?

Меняй же мир свои одежды,
Свои летучие цвета,
Но осени меня, как прежде,
Наивной зеленью листа.

Под шум и лепет затоскую,
Как станет горько одному,
Уйду — и всю молву людскую —
Какая б ни была — приму.

1970

* * *

Нет, не соленый привкус нищеты —
Нам сводит губы жажда этой жизни,
Боязнь того, что, до конца не вызнав
Ее щедро, исчезнем — я и ты.
Болезней много мы превозмогли,
Так дай нам Бог не увидать земли,
Где изобилье, ставши безобразьем,
Уже томит создателей своих,
И властно подчиняет чувства их,
И соблазняет прихотями разум.

1969

* * *

В час, как дождик короткий и празднично чистый
Чем-то душу наполнит,
Молодая упругость рябиновой кисти
О тебе мне напомнит.

Не постиг я, каким создала твое сердце природа,
Но всегда мне казалось,
Что сродни ему зрелость неполного раннего плода
И стыдливая завязь.

А мое ведь иное — в нем поровну мрака и света,
И порой, что ни делай,
Для него в этом мире как будто два цвета —
Только черный и белый.

Не зови нищетой — это грани враждующих истин.
С ними горше и легче.
Ты поймешь это все, когда рук обессиленных кисти
Мне уронишь на плечи.

1970

* * *

В ковше неотгруженный щебень,
Как будто случилась беда.
В большой котловине от неба
Глубокой казалась вода.

К холодной и чистой купели
Сходил по уступам мой день,
И грани уступов горели,
Другие обрезала тень.

Я видел высокую стену,
Что в небо и в воду ушла,
И росчерком — белую пену,
Что ярко к подножью легла.

Я слышал, как звонче и чаще —
Невидимый — камень стучал,
Обрушенный днем уходящим,
За ним он катился в провал.

В паденье ничто не боролось,
Лишь громко зевнула вода, —
И подал призывный свой голос,
И подал я голос тогда.

И грозным иссеченным ликом
Ко мне обернулась стена,
С вниманьем таинственно-диким
Его принимала она.

А голос в пространстве вечернем,
Какою-то силой гоним,
Метался, — огромный, пещерный,
Несходный с ничтожным моим.

И бездна предстала иною:
Я чувствовал близость светил,
Но голос, исторгнутый мною,
Он к предкам моим восходил.

1970

Предисловие и публикация
Раисы АНДРЕЕВОЙ-ПРАСОЛОВОЙ.

Надежда Васильевна Тишанинова *(Карташова) родилась в селе Крутое Елецкого района Орловской (ныне Липецкой) области. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Отличник народного просвещения РФ. Организатор и многолетний руководитель единственного в России музея литовской литературы, искусства и культуры им. Ю. Янониса. Автор ряда документально-публицистических книг и многих статей в периодике. Живет в Воронеже.*

Надежда Тишанинова

ВО ИМЯ ТВОЕ

Главы из книги «Алексей Прасолов: «Прости меня...»

Имя гениального русского поэта Алексея Прасолова известно далеко за пределами Воронежа и России. Без его творчества «немыслимо во всей полноте увидеть и понять образ поэзии двадцатого века» (В.М. Акаткин). Современники: поэты, критики, литературоведы, журналисты — уже сказали свое слово о его литературном наследии.

Интерес к поэзии Алексея Прасолова, его личности сопровождает всю мою педагогическую деятельность. Начну с того, что мой муж Алексей Егорович Тишанинов работал вместе с поэтом в редакции Хохольской районной газеты, полтора года жил с ним на одной квартире и много мне о нем рассказывал. В школе мы с учащимися проводили поэтические вечера, посвященные творчеству поэта, анализировали его стихотворения. На некоторые встречи приглашали вдову А.Т. Прасолова Раису Васильевну Андрееву-Прасолову. Меня покорила удивительная скромность, благородство этой замечательной женщины, ее начитанность, образность речи и сдержанность. В ней было что-то от пушкинской Татьяны: «без взгляда наглого для всех, без притязаний на успех». В стихах последних лет поэта, его жемчужных россыпях, все чаще я находила строки, навеянные ее присутствием.

Изучив статьи, книги, написанные о Прасолове, с горечью заметила, что мало кто говорит о влиянии жены на творчество поэта. Лишь косвенные упоминания, а иногда прямое осуждение находим в высказываниях, что он был одинок, что не было рядом человека, который посвятил бы ему свою жизнь. А один поэт в разговоре со мной напрямую назвал ее виновницей трагедии, совершенно забыв о словах поэта, обращенных к жене: «Ты не должна быть причастна ко всему этому...» Потрясенная таким отношением к памяти Алексея Прасолова, я взялась за сей скромный труд. Несомненно, что на мировоззрение поэта прежде всего повлияла и его мать...

Редакция публикует главы книги Надежды Тишаниновой, посвященные матери поэта Вере Ивановне Гриневой и его вдове Раисе Васильевне Андреевой-Прасоловой, которые во многом хронологически связаны с периодом его работы и жизни в поселке Хохольский.

«ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА!»

Первое и великое спасибо — матери поэта.
В.В. Будаков

Алексей Тимофеевич Прасолов всю свою недолгую жизнь испытывал к матери двойственное чувство: с одной стороны, чувство теплоты, сострадания, с другой — отчаяния, что не было духовной близости, — так ему казалось.

Что мы знаем о ней? Вера Ивановна Гринева (урожденная Литвинова) — крестьянка, неграмотная женщина. Те редкие письма, что получал от нее Алексей, писали чужие люди. «От мамы — письмо. Доброе, хотя писано чужой бойкой рукой» [10; 511], — свидетельствует поэт. Из письма Алексея Тимофеевича от 24 июня 1955 года мы узнаем имя женщины, благодаря которой происходит переписка: «Сегодня я так расписался. Симе понадобится не менее получаса, чтобы прочитать. Я ей очень благодарен за письма от Вас. Передавайте ей теплый привет». Но самое главное в этом письме то, что Алексей осознает потребность к переменам и движению: «Главное — есть дорога, а это уже цель». Добро и тепло — основные слова, что связаны у него с письмами матери.

Итак, с рождения вошло —
Мир в ощущении расколот:
От тела матери — тепло,
От рук отца — бездомный холод.

В стихотворении «Память» (1962) Прасолов касается горькой истины: отец оставил семью из-за клеветы.

Помогли тебе те, кого в ночь
клевета родила
И подсунула людям,
как искренний дар свой.

В результате — «нечаянно смятое детство» поэта, горькая доля женщины-матери, а затем сиротство — отец погиб на войне. А что же осталось?

Ты оставил наследство мне —
Отчество, пряник, зажатый в руке,
И еще — неизбывную едкую память.

Память… Она постоянно в душе поэта. «Вспомнился далекий год: мне 5 лет. Мама на работе весь день, дома — под замком — весь день я и кошка. Дружили здорово. А потом я стал пяти лет ходить в школу. Рядом жила учительница Феонтиса Ивановна (вот запомнилось), она дала мне букварь и тетрадь. Учеником, конечно, не числился, ходил с пропусками, но со всеми вместе научился читать и писать. Кошка прибегала к школе, делили хлеб» [10, 467]. Дитя предвоенных и военных лет хлебнул горюшка.

Писатель Виктор Викторович Будаков встречался с матерью Прасолова в 1988 г., сделал фотографию Веры Ивановны на фоне дома, построенного в россошанском селе Морозовка. Вот его впечатления: «Страдница-мать. Оставленная мужем. Поруганная нашествием» [4, 61]. С фотографии смотрит на нас полноватая, невысокого роста женщина, с круглым славянским лицом, в рабочем халате с рукавами, подвернутыми у запястья. На голове по-крестьянски завязанный темный платок с концами на обнаженной шее. Взгляд спокойный, мягкий, глаза слегка прищурены, они словно всматриваются в собеседника.

Будаков записал трогательные воспоминания Веры Ивановны и передал их в книге «Одинокое сердце поэта», сохранив самобытность ее украинской речи: «Голодувалы. Бувало, мисяцами трава да вода — вся еда. У Алеши ноги отикали от такой еды <…>Добри люды, правда, пособляли выжить <…> Алеша, грих обижаться, гарный помощнык був. Правда, кой-колы жалувався: «Мэни ж, мамо, и почитать хочеться». Кныжка ему — и друг, и пидруга…» [4, 32]. Виктор Викторович пишет, что Алексею приходилось и за плугом ходить, и дом (небольшую хатку) строить: прежнюю сожгли немцы. Учась в Россошанском педучилище, юноша разгружал вагоны, чтобы хоть как-то прокормиться. Часть заработанного шла на оплату квартирного угла, часть отдавал матери: надо было выплачивать налоги, душившие после войны крестьянское подворье [4, 39].

Но Алексей продолжал помогать матери и позже. Из письма А.Т. Прасолова от 24 июня 1955 года узнаем: «Насчет денег, пожалуйста, не делайте приписок вроде: ты, может, сердишься, что я прошу у тебя денег, и прочее; если бы я посердился на это, а налог и уплатился сам собой, то, может быть, я только то и делал, что сердился, а так и сам знаю, что нужно и обязательно нужно выслать; но приходится пока туговато, — сколько смог, столько и выслал; соберу еще. Сколько осталось? — я же Вас очень просил, чтобы написали, мне будет видней» [13].

Борьба за выживание объединяла сына и мать, но духовного родства, как считают многие, не было. Отсюда «у поэта прорывается тоска о доме как о духовном пристанище» [18, 44]. Душа стремилась к идеалу, к книге, к которой «тянулся вслепую под ругань даже матери (простим ее совершенную неграмотность)». Прасолов признавался: «Я знаю жизнь — от хлеба, от земли, жизнь без тонкого мышления, страшно (странно для меня) приземленную; но хорошо, что я рано почувствовал, что она — неполная, что есть иная — выше нее» [10, 480]. Алексей Прасолов начинает смотреть на родной дом, на опеку родных, на мать под критическим углом. В стихах прорываются строки, что душа хочет радостей иных. Состояние поэта и связь его с домом и миром глубоко проанализировала Инна Чернышева в книге «Мироздание Алексея Прасолова».

Вера Ивановна Гринева — мать поэта

Духовную связь Алексей Тимофеевич будет ощущать с матерью Инны Ростовцевой Галиной Викторовной. Это ему она писала в тюрьму письма, посылала посылки, позже привечала в своем доме. Галина Викторовна тонко чувствовала стихи Прасолова, порой была первым их читателем. В письме к Инне Ивановне поэт написал: «Будь бы у меня такая мама, я бы вырос иным…» [16, 100]. Позднее Инна Ростовцева опубликует письма Прасолова к ее матери. Не берусь их анализировать и обобщать. Мое внимание направлено на Веру Ивановну — мать А. Прасолова. Поэт с горечью признавался: «Из дому — от матери — было одно письмо и все <…> Знаю одно <…> одна муза будет скрашивать мою дикую судьбу» [10, 469].

Но матерей не выбирают. Со временем Прасолов все пристальнее всматривается в родную мать, и постепенно она превращается в поэтический образ матери-крестьянки, вынесшей тяготы войны и послевоенных лет, не сломленной невзгодами и ударами судьбы. Давайте и мы посмотрим на взаимоотношения Веры Ивановны и Алексея, что называется, из первых рук. В архиве жены Алексея Прасолова Р.В. Андреевой-Прасоловой сохранились две открытки, два письма, набросок стихотворения, обращенного к матери, без даты, фотографии первой семьи А.Т. Прасолова и его посмертная.

Алексей Тимофеевич обращается к матери на Вы, согласно украинской традиции. Он (см. письмо от 24 июня 1955 года) подробно описывает прошедший день, события в редакции (в это время поэт работал корректором в газете «Молодой коммунар») и послевоенную обстановку в Воронеже, свои намерения, и создается впечатление, что это важно для матери и она в курсе всех его событий. Алексею интересно с ней общаться, знать ее мнение. А когда он решил связать свою судьбу с женщиной, у которой был маленький ребенок, Вера Ивановна, судя по письму Алексея, живо обсуждала с ним, видимо, нежелательную для нее ситуацию. Алексей пользовался любой возможностью, чтобы написать матери. Когда его сводный брат Иван (сын Веры Ивановны от второго брака) уехал из дома и от него долго не было вестей, Прасолов прислал Вере Ивановне безыскусные строки:

Здравствуйте, мама!
Я посылаю Вам привет,
Здоровья доброго желаю,
И брата — дома он иль нет —
По-братски крепко обнимаю…
Прошу Вас вскоре сообщить:
Мой брат и думает ли дома жить,
Иль вновь собрался в путь опасный?
Я был бы рад, когда бы он
Мне написал собственноручно,
Что, повидавши Тихий Дон,
Жить с Вами будет неразлучно.

(Дата не указана).

После войны Вера Ивановна выйдет в третий раз замуж за инвалида Великой Отечественной войны Алексея Головенко (второй муж Сергей Гринев пропал без вести на войне), и в открытках Алексей будет писать: «Дорогие мама и папа», «Здоровья вам и бате». Тоска по родному отцу выливалась вот в такие трогательные строки.

К образу конкретной женщины-матери поэт шел от обобщенного образа матерей, ждущих с войны своих сыновей:

Да знает мать, коль битва снова грянет,
Ее сыны, поднявшись во весь рост,
Не отдадут врагам на поле брани
Родных полей и вечный свет берез.

(«Давно уж ночь. А матери не спится…» 1951–1952)

В 1963 году Прасолов напишет одно из лучших стихотворений о матери в русской поэзии XX века — «Ладоней темные морщины». Читая эти поэтические строки, мы зримо представляем морщинистые ладони матери, почерневшие от тяжелого крестьянского труда. Поэт находит им сравнение — «как трещины земной коры». Так руки матери превращаются в символ вечности и живительной силы:

Вот руки, что меня учили
Труду и жизни до поры.

Да, такие руки учат «труду и жизни до поры». Метафора «ударил час разлуки», эпитет «тревожная совесть» передают ту силу влияния, что имела мать на сына. Недаром поэт считает:

Во всю мою большую память
Вновь образ матери встает.

Обращением к матери «родная», желанием вглядеться в ее черты, чтобы осмыслить свое глубинное единство с ней, поэт дает нам понять: мать — труженица, «что шьет и моет, что гнется в поле дотемна», становится мерилом совести поэта:

Чертами теплыми, простыми
Без всяких слов, наедине
О человеческой святыне
Она пришла напомнить мне.

Это вглядывание в образ матери не будет оставлять поэта до конца дней. Позже в стихах появятся строки об украденной материнской печали, «что вдвойне тяжелей» («Одним окном светился мир ночной…» 1966).

Алексей Прасолов все чаще возвращается к образу матери. И на бумагу ложатся строки — воспоминания о сенокосном долгом дне, о голосе матери, кровоточащих ссадинах на ее руках, о шумном дожде, несущем ощущение ласкового благословения.

Мать,
Невидимый поток
Горней силою заверчен, —
С головы
Сорвет платок,
А с копен моих —
Овершья.

Но под шумом дождевым,
По колено
В душном сене
Я стою, как под твоим
Ласковым благословеньем.

(«Сенокосный долгий день...» 1968)

В стихотворении «Мать наклонилась, но век не коснулась...» (1969) поэт напрямую обращается к матери, подчеркивая свою нерасторжимую связь с ней и вечностью и неизбежный уход.

Видишь ли даль, где играют, стремятся,
Бьются о стены и бьют через край,
Реют, в извилинах темных змеятся
Мысли людские... Дай руку. Прощай.

Инна Чернышева в книге «Мироздание Алексея Прасолова» обратит внимание на то, что поэт скажет о непонимании, которое было между ним и матерью. «Лирический субъект, находясь в родном доме («В глазах струился лунный свет...»), испытывает не радость общения, а чувство вины, на его душе тяжесть: «Прощеньем матери вдвойне / Наказан я...» [18, 44].

К концу жизни Алексей Прасолов переосмысливает свои взаимоотношения с матерью. В дневниковых записях он пишет, что «получил письмо от мамы», что «мать в беспокойстве» за него и сводного брата. В дневнике за 12.X.1965 г. встречаем: «На столе открытка матери — Пушкин Кипренского. Хорошо» [6, 402]. Все, что связано с мамой, хорошо. Все чаще в стихах встречаем слова «мать», «мама». Интересен его взгляд на памятник на Задонском шоссе. Поэт очеловечивает женскую фигуру:

Мать на стеле устало
Кормит грудью дитя.

Поэт словно присутствует при том, как просыпается новая жизнь. Мы знаем, что в момент написания стихотворения у Алексея Прасолова родился сын. И вновь соединяется личное и вечное.

Жизнь проснулась... Какая?
Чья? Пока только вскрик.
А потом будет имя,
И судьба, и твой путь,
Мать руками своими
Подает тебе грудь.
<...>
Пусть рождение — мука,
Эта мука — как тень.

Есть бессонные руки,
Что готовят твой день.

(«Вечный огонь» 1971)

Все чаще, если кто-то произносит слово «мама», у поэта снова рождаются строки — воспоминания о его детских годах, о матери, о доме.

На пустыре обмякла яма,
Наполненная тишиной.
И мне не слышно слово «мама»,
Произнесенное не мной.
Тяжелую я вижу крышу,
Которой нет уже теперь,
И сквозь бомбежку резко слышу,
Как вновь отскакивает дверь.

(«На пустыре обмякла яма...» 1971)

Если ранее в стихах рождались строки об украденной материнской печали, то в повести «Жестокие глаголы» мы словно видим «запавшие, печально-чистые глаза» матери, «лицо, без того измученное жизнью последних дней, таяло, точно теряло кровь», — так описывает Прасолов состояние матери при известии, что в село пришли немцы.

«Прости меня, мама!» — пронзительные слова поэта, как последний вздох. Но разговор с матерью продолжается. За несколько дней до смерти он сообщил жене: «Написал матери то, что говорил тебе. Освобождение, а не приспособление к скверне этой жизни. Здесь хоть кого сломят...» [10, 532]. К сожаленью, письмо к Вере Ивановне не сохранилось. Но есть другое, написанное на клочке бумаги в Терновке, ксерокопию которого передал Андреевой-Прасоловой известный журналист, краевед А. Дегтярев через несколько лет после ухода поэта. Почерк дает основание считать, что записка принадлежит перу Алексея Прасолова. Воспроизведу эту ксерокопию.

Мать, в этом буйно-весеннем краю
Я лебединую песню спою.
Много людей я видал и любил,
И ненавидел — и нет моих сил.
Рано я начал и рано уйду,
Знаю, что буду не в райском саду,
Буду лежать в этой черной земле.
Будешь ты плакать в далеком селе.

22.V.69. А. Пр.

Вера Ивановна Гринева (1909–2004) пережила и трагедию сына, и его посмертную славу. Незадолго до смерти, по свидетельству В.В. Будакова, Прасолов сетовал: «Дескать, живет в деревне крестьянка-мать и знать не знает, какой у нее гениальный сын; а узнает лишь тогда, когда он уйдет из жизни» [4, 195]. Слова оказались пророческими.

Вера Ивановна поддерживала связь с первой женой сына Ниной Илларионовной и внуком Сергеем. В меру своих сил и возможностей помогала Раисе Васильевне: маленький внук Михаил порой гостил у нее. Чистоплотная, трудолюбивая, строгая и одновременно заботливая, Вера Ивановна содержала крестьянское хозяйство: обихаживала огород, разводила кур, свиней, коз. На зиму заготавливала не только овощи, но и домашние мясные продукты и щедро делилась ими с родственниками. В

конце двадцатого века она уехала к младшему сыну Ивану Сергеевичу Гриневу на Кубань, где и нашла свое вечное упокоение.

В архиве Андреевой-Прасоловой хранятся редкие фотографии. Всмотримся в лицо женщины, подарившей миру большого поэта, и подростка, полного сил и надежд.

Интересна фотография первой семьи А.Т. Прасолова. На обороте рукой Прасолова написано: «10 августа 1958 года. Россошь. Первое семейное. Фото — натурализация. Но это — близко к действительности. Да здравствует неопытный фотограф! Иначе он сфальшивил бы — приукрасил. Рад».

Запомним и скорбную фотографию склоненных женских фигур у гроба Алексея Прасолова и замрем на минуту сами перед памятью человека, так хотевшего признания при жизни. Белла Ахмадулина, размышляя о судьбе поэтов, как-то сказала о сложившемся мнении, что поэт — это что-то неустроенное, неблагополучное, мятущееся, страдающее. А.Т. Прасолов своей жизнью подтвердил это. Мать любила и жалела неустроенного сына, а сын передал свою нежность к ней в стихах. Так навечно в поэзии останутся сын и мать: их духовное единство, запечатленное в стихах, никому не разъять.

Письмо А.Т. Прасолова матери

Здравствуйте, дорогая мама! Спасибо за письмо. Я сегодня ходил ловить рыбу. Вы пишете, что дома много работы, а я через день бездельничаю и очень жалею, что наш завалившийся погреб находится не в Воронеже, а в Морозовке, — именно этого физического труда мне здесь и не хватает; однако погреб моих рук не минует, Вы пока с ним не возитесь. Досадно, что град побил огород, но, может быть, он отойдет постепенно, — Вы мне погодя напишите, пожалуйста, как он поправляется. Итак, пробродил я сегодня полдня на реке Воронеж и поймал одного подлещика, а второй сорвался перед самым носом; попалось несколько крупных плотвичек и еще штук 5 бирючков, которых в нашей речке нет, — всего килограмма полтора. В отпуск я иду в половине августа, сначала попаду в Сочи[1], а потом в Морозовку; в Сочи буду недолго.

Насчет денег, пожалуйста, не делайте приписок вроде: ты, может, сердишься, что я прошу у тебя денег, и прочее; если бы я посердился, а налог уплатился сам собой, то тогда я, может быть, только и делал бы, что сердился, а так сам знаю, что нужно и обязательно нужно выслать; но приходится пока туговато, — сколько смог, столько и выслал; соберу еще. Сколько осталось? — я же Вас очень просил, чтобы написали, мне будет видней.

Вчера видел в печатном цехе и у цензора свой отпечатанный, наконец, рассказ[2]; он займет в книжке двенадцать листов — почти два листа печатных; а печатный и книжный листы — это не одно и то же. Скоро выйдет в свет.

Публикуется впервые. Письмо хранится в личном архиве Р.В. Андреевой-Прасоловой.

[1] Видимо, А.Т. Прасолов намеревался посетить сводного брата Ивана Гринева, который в это время жил в Сочи, но это намерение по какой-то причине не осуществилось.

[2] Речь идет о первой публикации прозы поэта в журнале «Литературный Воронеж» — рассказе «Друзья» (1955, № 35. — С.187–210).

У нас в редакции беда за бедой: сначала прошло сокращение штатов; недавно посадили шофера: он, будучи пьяным, нахулиганил в одном магазине. < ... >

Вообще в Воронеже каждые сутки гибнет 1–2 человека от финок и несколько человек ограбливаются, избиваются и т.д. Тянется это со дня амнистии; подсудимые, обвиняющиеся в убийстве, грабеже, хулиганстве, — вовсе не какие-либо особые личности; часто это рабочие и даже студенты. Но есть и профессионалы — эти попадаются реже, но они руководят шайками и втягивают в них всяких молокососов и разную дрянь, которой хватает везде. В городе по ночам ходит патруль от военных частей и от организаций; но он держится более людных мест и в темные переулки не заглядывает. Со мной инцидентов не было, хотя я часто бываю в городе ночью.

Писать много о себе, как Вы просите, я не стану, потому что живу, как и жил, а как — Вы и без того знаете. Самое главное, что Вас интересует и чем я могу Вас успокоить еще раз, то, что я — один[3]. Но не думайте, что я один потому, что внял Вашему совету и просьбе и совету дяди, — нет. У меня впереди дальняя дорога, и ради нее я все прекратил, как и начал, — сразу. А что за дорога и когда я отправлюсь по ней, пока говорить не стоит, потому что рано и все надо обдумать и решить. Главное — есть дорога, а это уже цель.

От Вани еще нет ответа. Кончаю. Сегодня я так расписался. Симе понадобится не менее получаса, чтобы прочитать. Я ей очень благодарен за письма от Вас. Передавайте ей теплый привет.

До свиданья. Желаю доброго здоровья, мама.

Ваш сын Алексей.

24/VI — 55 г.
г. Воронеж

ВО ИМЯ ТВОЕ

У меня в руках сборник стихов Алексея Прасолова «Во имя твое» — последнее прижизненное издание поэта 1971 года со словами *«Р. Андреевой посвящаю»* и эпиграфом:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть...

Строки М. Лермонтова, с одной стороны, как бы подчеркивают мятежность чувств к конкретной женщине, но с другой — их можно трактовать иначе: «У меня одна пламенная страсть — поэзия». Кстати, большинство исследователей обращает внимание именно на этот смысл эпиграфа. Так, В.М. Акаткин утверждает: «Поистине он знал «одной лишь думы власть»... «Главное событие его стиха — момент прозрения, прорыва к высшей, какой-то надмирной ясности. Он весь в стремлении сбросить оковы обыденности, каждую минуту жизни он хотел бы сделать волнующей, творческой, наполненной высоким смыслом бытия» [1, 542–543]. С этим трудно поспорить, да и не нужно. Но существует посвящение, дававшееся поэту мучительно, исподволь. И само название книги Алексея Прасолова «Во имя твое» таит некую интригу. Надо сказать, что Прасо-

[3] Судя по содержанию еще одного письма Алексея Прасолова матери, в Воронеже он хотел жениться на женщине с ребенком, что Вера Ивановна не одобряла.

лов постоянно искал женщину, кому мог произнести: «Во имя твое». Так, в его архиве хранится фотография Инны Ивановны Ростовцевой. На обороте рукой Алексея Тимофеевича написано: «Инна Ростовцева. 1965 г. Поездка в Ростов-на-Дону». И добавлено: «Во имя твое… Да святится имя твое… декабрь 1969 г.». После разрыва с ней душа болела и жила памятью.

Вот почему, когда Прасолов стал готовить сборник к изданию и упрекать Раису Васильевну в том, что она весьма сдержанно приняла его посвящение, ей пришлось ему написать: «Страшно повторяться в стихах, в поэзии, но не менее страшно и в реальной жизни. Теперь ты часто говоришь: во имя твое. А кому ты сказал это впервые? Прошло время — женщина ушла, постучалась вторая, третья… Что это? Щедрость? Нет. <…> «Во имя твое» — твой идеал, та, что ты мечтал встретить как цельное, а находил по частям. «Во имя твое» — стремление к совершенству, гармонии, свойственное человеку думающему. А гармония, что горизонт, она не имеет предметного олицетворения. Совершенство — на языке математики — величина, предел которой бесконечность. И хорошо. Иначе, как же расти человеку, к чему тянуться. Пока его в какой-то степени удается воплотить только гениям, и то не в себе самих, как представителях рода человеческого, а в своих творениях. Поэтому не тверди без надобности — «Во имя твое» [3]. Так бескомпромиссно заканчивается это письмо. Добавим от себя, что о фотографии И. Ростовцевой и надписи на ней Раиса Васильевна узнает уже после смерти мужа.

Алексей Прасолов, получив письмо жены, переосмысливает его и дополняет: «…печаль мужчины вечна. И он всю жизнь — самых разных — сливает в одну — не Еву, а в Лилит! — и шепчет: Во имя твое… Разве можно упрекать его в этой печали? Разве можно так кощунственно требовать от него слова, имени ЕЁ, совершенно ничего общего не имеющего с именами и душами всех или большинства (а может, меньшинства?) Женщин, из которых (из всех вместе, как из Мужчин) не сложил бы Идеала, оставив его бесконечной — почти математической — величиной?» [10, 521–522]. Несмотря на сопротивление Раисы Васильевны, Прасолов оставляет посвящение именно ей. И настаивает на неком Идеале, который недостижим: «Мне с тобой не уютно, наоборот, я все время с тобой на сквозняках, оттого так свежо в моей жизни» [10, 515].

Раисе Васильевне чужда малейшая фальшь. Она сдержанна и самодостаточна: «Я совсем не собираюсь занять какое-то место в твоей поэме, быть разделенной на поэтическую и реальную и жить в страхе: ах, как бы не раздвоиться. Хорошо сказал в свое время Бетховен: «Я есть тот, кто есть» (из письма от 14 декабря 1970 г.).

Кто же есть наша героиня? В «Воронежской историко-культурной энциклопедии» ее представляют как вдову А.Т. Прасолова, публикатора его текстов и составителя его книг. Но ее роль значительно шире. Об этом пишет Анатолий Жигулин в своих дневниках за 1983 год. И по мнению Владимира Колобова, автора книги «Читая дневники поэта…», встреча Андреевой с Прасоловым «словно луч света для поэта» [5, 170]. Это чувство чистоты и света передается читателю в стихотворении «В час, как дождик короткий и празднично чистый…», которое сегодня включено в подборку поэта.

Алексей Прасолов и Раиса Андреева

Раиса Васильевна Андреева вышла замуж за Алексея Прасолова 10 апреля 1970 года, сама того не понимая, какую ношу взвалила на свои плечи. Ей чуть меньше 22 лет, ему около 40. У Прасолова позади тяжелый развод с первой женой Ниной Илларионовной Лукьяновой, мучительный разрыв с Инной Ивановной Ростовцевой, близким другом и критиком. Это ей в августе 1965 года Алексей писал: «Инн мой, жена моя, чертенок мой, любимая!..» [16, 474] и горько сознавал, что 1966 год «вывернул их наизнанку, растоптал все, что тлело живого, что грело душу» [16, 521].

Где познакомились Раиса Васильевна и Алексей Тимофеевич? С 1 августа 1968-го по 28 апреля 1972 года она работала в районной газете «За коммунистический труд» в поселке Хохольский Воронежской области, Алексей Прасолов — там же с 1 сентября 1969-го по 27 мая 1971 года. Виктор Будаков тактично и бережно передает атмосферу их сближения: «Рабочие столы сотрудников Раи Андреевой и Алексея Прасолова оказались почти рядом. «Вдруг» — характерное для прасоловского мира. Здесь же — «все произойдет не вдруг»... а как бы прорастая, восходя, день за днем, исподволь и всерьез» [4, 159]. Половодье, заставшее их однажды в командировке в придонском селе Гремячье, превратится в половодье чувств.

И с горы мы увидели это:
Островки отрешенной земли
И разлив, как внезапный край света, —
Вот куда мы с тобой добрели...

Эти кем-то забытые сходни —
Для шагов осторожных твоих, —
Так всходи и забудь, что сегодня
Слишком много дано на двоих.

(«И с горы мы увидели это...» 1970)

С одной стороны, мужчина, у которого душа что выжженная пустыня, с другой — восторженная деревенская девушка, которая любит поэзию, знает наизусть столько, что может часами читать без перерыва, сама

украдкой пишет стихи. Встретив настоящего поэта, она была покорена необычностью и масштабом его личности. Алексей же, кто «насмехался над жизнью», кто «цепляться за чью-то более чистую душу, чтобы расшевелить свою», считал недостойным [16, 115], вдруг (все-таки вдруг!) ощутил «свое, родное, однородное» — и замер, на какое-то время почувствовав себя счастливым.

Вообще хотелось бы чуть подробнее остановиться на хохольском периоде жизни поэта. Так сложилось, что в этом месте рядом с ним оказались люди по-своему неординарные. Редактор Вадим Владимирович Кордов с самого прибытия на новую должность стремился создать в небольшом журналистском коллективе атмосферу не только творческую, но и дружескую. И это ему удалось. По словам Р.В. Андреевой-Прасоловой, «разборки» на редакционных «летучках» напоминали деликатный спор умных, образованных, интеллигентных людей. Всегда уместны были и юмор, и мягкая ирония, и принципиальная профессиональная оценка успехов и неудач. А каждый понедельник все с нетерпением ждали возвращения после выходных Александра Тихоновича Смирнова и Алексея Егоровича Тишанинова — от них узнавали культурные новости Воронежа. Это было для всех, не исключая Алексея Тимофеевича, как глоток свежего воздуха. Ему было с кем общаться на таком уровне, которого подчас не находил и в воронежской писательской среде. И самое главное, он прекрасно понимал, что здесь знают истинную цену его поэтическому таланту.

Свои воспоминания о хохольских временах оставил Александр Тихонович Смирнов, или, как называли его в редакции, — «Тихныч». Его глазами мы видим «ладного крепкого мужичка невысокого роста». «Что запомнилось внешне? Его открытая улыбка. И почему-то костюм. Старенький, в мелкую клетку. Отутюженный, очень аккуратно подштопанный. И Прасолов — энергичный такой мужик, азартно жестикулирующий во время разговора, словно подтверждающий свое слово жестом. Весь в смехе. Круглолицый. Потом, уже позже, разгляжу дюжий лоб козырьком. Так и казалось, когда наклонял свою лобастую голову, будто козырек на глаза надвигает. И, конечно же, непременный его берет» [17, 42].

Рая же для всех была «Раечкой, славной». Приведу еще один отрывок из воспоминаний Смирнова: «Я профилонил редакционный субботник. Смотался в большой город на выходные. Редактору же клятвенно пообещал отработать «свою долю» в свободное от работы время. С тем и уехал.

«Доля» оказалась такая: приблизительно десять метров штакетного забора вокруг редакции. Плюс посадка дерева.

Дерево я посадил в понедельник после рабочего дня. Со штакетником получилось хуже. Стал прибивать жердочки на глаз, и такая «волна» пошла, такой «девятый вал» покатился, что еще не ушедшие после службы коллеги за бока хватались от смеха, глядя из редакционных окон на мои потуги.

Я злился, а редакционный домик, составленный когда-то из двух щитовых, разве что не трясся от их утробного смеха.

Первым не выдержал моего дикого надругательства над плотницким искусством Алексей Тимофеевич. Вышел ко мне с хмурым лицом. (На меня ребята обиделись за «смыв» с субботника. И Прасолов, разумеется.)

— Сходи в типографию за шнуром. Надо же по уму делать, а не зад-

ницей. Иди, пока я твои «художества» отбивать буду. Дай только молоток и топор!

Сложил я «оружие» перед ним и поплелся в типографию, благо та была в двух шагах. Вернулся быстро. Рядом с Алешей уже вовсю трудилась его молодая жена Раечка Андреева. Алексей по-прежнему был мрачен. Рая же без смеха не могла смотреть ни на штакетник, ни на меня. Я не выдержал и тоже начал хохотать.

Алексей было махнул рукой сердито и досадливо, но улыбка и его поборола.

Отсмеявшись до слез, мы начали орудовать. Алексей — на основных работах, мы со славной Раей — на вспомогательных. Полезли из редакции «добровольцы», но, кроме моего закадычного друга Алеши Тишанинова, прочие были отвергнуты.

Наверное, Алексею Тимофеевичу стало жалко меня, когда я один, стуча себе по пальцам, вкривь и вкось строил эту «демаркационную линию». Хохочущих надо мной оказалось и без него достаточно. Вот он вышел на подмогу, добрый человек.

А потом, почти в сумерках, с примкнувшим Тишаниновым пошли мы вместе к Прасоловым на их съемную квартирку в гости. Есть жареную картошку. Это были первые опыты Раисы как молодой хозяйки в области кулинарии.

Картошка Рае удалась. Но больше всех этому радовался Алексей Тимофеевич, то и дело спрашивавший едоков:

— Ну, как картошечка по качеству?

— Лучше моего штакетника, — честно признался я. И все мы дружно засмеялись.

Вообще Алексей Тимофеевич посмеяться любил. И улыбка ему необычайно шла.

На фотографиях в сборниках стихов он был серьезен. А в жизни я больше запомнил его улыбающимся и смеющимся» [17, 44–45].

В дневнике от 4 июня 1970 года Прасолов пишет о своем состоянии: «<…> душа какая-то притихшая, как опустелый дом…» Что так смутило поэта? Он пытается понять свою молодую жену. «Снова перечитал ее дневник… Неужели она и сейчас та же, что в этих записях? Неужели это проблеск, один-единственный в жизни ее? А теперь — обыденное существо, как все? Неужели эти стихи вперемежку с ахматовскими — ее стихи? Где она теперь — эта? Спряталась, чтобы сохраниться, или исчезла, как подснежники, которые мы сажали. Не дай бог <…> Ничего ее, даже книг, не хочется трогать.

Ведь для меня она еще не жена, дай бог, чтобы и я для нее подольше не был мужем. Иначе нас, тех, кого мы видели и чувствовали друг в друге, не будет. <…> Мучаюсь, когда несчастлив, мучаюсь, когда счастлив, только по-разному, но все не сладко» [6, 424].

Что так настораживает Алексея? Почему на несомненное ощущение счастья накладывается печаль? Он боится «обыденности» своей жены. Многое объясняет письмо от 4 декабря 1970 года, в котором Алексей отмечает обыкновенность желаний жены, общих для ее сверстников: «…тут и поиск людей, и поиск дела в жизни, и поиск обыкновенной любви» [10, 513] — и ее «необыкновенность» — неповторимую индивидуальность.

«Ты шла с ними <сверстниками> — уходя от них, и не в сторону, а — спеша вперед и проникая глубже, чем они. Поэтому ты во многом отста-

вала от них, но только — во внешнем, даже в своей нелюдности, в одежде, в своих житейских запросах и т. д.» [10, 513].

При всей кажущейся незаметности Раи Алексей Тимофеевич отмечает «очень необщие духовные качества» своей жены, чья душа («страшно беззащитная») шла родственным ему путем. «Все остальное стало вершиться силой этой родственности» [10, 514]. Алексей понимает: то ощущение счастья, которое внутри молодой женщины, она находит в людях и книгах. Восторженная девушка искала интересных людей в жизни (вот почему пошла в журналисты). «Ты жадно дышала этим счастьем, забывая, что есть между людьми и книгами беспощадно разделяющий, беспощадно единящий их распорядитель — обыденщина. И — ты часто убегаешь от нее — то к людям, если были под рукой хоть чуть сносные, то к книгам — в мир, равный по высоте миру Маленького Принца» [10, 513]. «<...> мы не можем друг без друга», — признается поэт и тут же добавляет: «Душный уют я разгромил сразу же, едва лишь он посягнул на мое сущее, требуя как бы оплаты за удобство, которым одарил якобы меня. В этом его гибель — я щадить не умею то, что требует такой же заслуженной им платы. Я не могу щадить того, что (или кто) пытается приобщить меня к жизни...» [10, 515].

И ее Величество жизнь диктует свои законы. Рая вынуждена уехать к родителям в Тамбовскую область: беременность протекала тяжело, своего постоянного угла для проживания не было. Вот как об этом написал Владимир Колобов: «Счастье семейной жизни угнетает неустроенный быт. Молодая семья снимает угол в старом доме. Русская печь почти не греет. Копоть. Дым. Того и гляди, что угоришь до смерти» [5, 171].

Была и еще одна причина ее отъезда. Раиса Васильевна вспоминает: «Мы поженились в апреле, а в июне у меня началась сессия в ВГУ, и я уехала в Воронеж. В это время его навестили знакомые писатели, и не обошлось без застолья. Болезнь вернулась. Приехав, я сразу заметила, что Алексей стал каким-то другим. Мы взяли отпуск и решили поехать в Ленинград, в этом городе оба не были ни разу, и все повторяли: «Мы поедем в Ленинград, как я рада, как я рад». В Воронеже он отлучился на некоторое время, и после этого с ним стало происходить что-то странное: он куда-то бежал, кричал, все на нас оглядывались. Я не могла его остановить. Мы поселились в гостинице «Россия». Это была страшная ночь для нас обоих...

Я уехала сначала к матери своей подруги, затем, несколько успокоившись, — к родителям. Алексей лечился в больнице. Потом мы вернулись в Хохол, работали в одной редакции. Оба понимали, что в наших отношениях разрушено непоправимо, может быть, самое главное. Но пытались держаться друг за друга. В октябре за мной приехал мой отец и забрал меня домой. Роды предстояли в декабре. Гораздо позднее Саша Смирнов, узнав обо всем этом, сказал слова, которые многое мне объяснили: «Талант ему дан от Бога, а ходит он по грешной земле».

Лаконично их общую боль Прасолов передаст в стихах, ощущая, что находится «на грани счастья и беды». В стихотворении «Торжествует ночное отчаянье...» мы словно присутствуем при разделении родственных душ.

Торжествует ночное отчаянье,
До утра обеззвучив слова,
Не одно у нас даже молчание,
А стеной разделенные — два.

Сжало губы, как смертною клятвою,
Налегло тяжело и черно,
Хорошо, что разорвано надвое, —
Может, проговорится оно!

Из Хохла Прасолов пишет: «Скоро, может, к весне — я уйду отсюда. Дело — за квартирой. Нам с тобой здесь не век быть. Роди только благополучно да возвращайся в свой час. Очень прошу тебя — берегись, особенно в эти последние дни. <…> Я с тобой, родная…» [10, 511]. В очередном письме: «<…> Я страшно не на своем месте — я не возле тебя, не возле вас…» [10, 515].

Переписка, дневниковые записи раскрывают необыкновенность духовного мира двух столь разных и таких похожих людей, их будущую трагедию. Чистота души, наивность, доверчивость к жизни, внутренний стержень, прямота молодой женщины вызывают закономерное желание поэта: «Как хорошо было бы, если бы ты толкала меня тем, что шла бы где-нибудь чуть впереди меня в чем-то. Но это вечная печаль мужчины, которому надо самому быть впереди — и вести Женщину, защищать ее от Зверя и человека, такого же, как он» [10,521]. Напомню, Рая ждет ребенка. До его рождения остается пять дней. Именно в это время Прасолов настаивает, чтобы жена определилась с целью жизни, что дало бы устойчивость их отношениям, ибо его цель ему ясна и понятна: «Самое действенное, что мне дано, — поэзия, то есть единство инстинкта, чувства, мысли, слова и всех пригодных для них средств, обостряющих и закрепляющих их в моем цельном — Я» [10, 515]. «Тебе предстоит родить ребенка, после чего ты встанешь перед неизбежным решением: какое место займет в тебе твоя цель. И станет ясной необходимость четкой цели или исключения этой цели, заслоненной всем, что день ото дня все больше делает тебя женщиной, матерью» [10, 515]. Прасолов как бы ставит жену перед выбором: служение ему, его поэзии или будущему ребенку.

Письмо Раи Андреевой от 15 декабря 1970 года: «А вчера я видела сон. На скамеечке в саду — трое детей — два мальчика и девочка. Подхожу я к ним и одного беру на руки — мальчика — и куда-то несу. Сначала ничего — потом вдруг, как молния, мысль — это же мой, мой сын, мой мальчик. Господи! Как я обрадовалась! Прижала его к себе, точно боялась — отнимут, и бегу, бегу, уж и сил нет. Упала. Испугалась. Не ушибся ли? Гляжу на него, а он серьезный — глаза твои, а сам такой милый, толстенький. Вижу — кто-то руки протянул, помочь мне хочет, взять его, а я не даю, так и иду, иду…» И далее обжигающая приписка: «Спросишь, чем живу»? — Ожиданием. Мои руки, губы, груди — все ждет его, все готово к его встрече». (Сын родился 26 декабря 1970 года.)

Прасолов углублен в себя. Он не слышит, что чувствует жена. Лишь позднее появятся его строки: «И только сына, только сына, / Закрыв глаза, не урони, / Не передай в чужие руки…» А тогда он пишет те самые слова: «Как хорошо было бы, если бы ты толкала меня тем, что шла бы где-нибудь чуть впереди меня в чем-то…»

Итак, в центре мироздания Прасолова — его поэтическое Я, в центре мироздания Андреевой-Прасоловой — судьба будущего ребенка. А здесь необходимы и душевное спокойствие, и тепло семейного очага, и «душный уют», который Прасолов громил, едва тот посягал на его сущее. За пять дней до рождения сына поэт написал: «Спасибо, что ты — такая» [10, 519]. И еще: «Я рад, что судьба дала мне тебя — страшно слабую, потому

что прекрасное — тонко, сильную по природе своего духа. Иначе исчерпала бы меня в один вечер — я тебя, если бы мы не были в этом родственниками — сестра не по крови (я сразу понял это, даже когда полушутя писал тебе на книге). А сестра не по крови — это только Любовь, а не одно лишь духовное родство… Это то, о чем, умирая, ты скажешь жизни: спасибо, я знала истинную любовь, а потому, быть может, и проклинаю тебя, жизнь, — проклинаю — благодаря: слишком много уносит настоящее, порою больше, чем дает. В этой несоразмерности — драгоценность Жизни» [10, 521].

Размышляя о судьбе Алексея Прасолова, В.И. Гусев пытался понять, чего был лишен поэт при жизни. «Оказалось, нужен был кто-то, кто посвятил бы Прасолову-поэту всю жизнь, всю свою судьбу, — такого человека не было» [5, 177]. Раиса Васильевна могла стать поводырем поэта, его нянькой, его матерью и его Лилит. Жертвенность Андреевой известна, но она уже служила новой, рожденной жизни — их сыну. Соединить в себе обе эти ипостаси оказалось выше ее душевных сил. Может быть, и потому, что она появилась в жизни Алексея Прасолова слишком поздно, когда вряд ли что-то можно было поправить, и она не знала, как и чем ему помочь, хотя и пыталась это делать.

Понять состояние молодой женщины мне помог Иоанн Крестьянкин, который размышлял о роли матери. Раиса Васильевна интуитивно почувствовала истинное назначение женщины, ее миссию, ее богатство, «Богом благословенное назначение — родительницы и воспитательницы…»

Мудрость, такт, чуткость, отказ от привычных проявлений себя — в этом море новых для себя ощущений и переживаний Андреева-Прасолова сама нуждалась в понимании и помощи, но их со стороны Алексея Тимофеевича не было.

Если охарактеризовать 1970 год — год 40-летия Прасолова, то он проходит под знаком изучения духовного мира своей жены. Поэт все больше находит точки соприкосновения: одинаково любят Бетховена, поэзию Лорки, Лермонтова. Обмениваются в письмах впечатлениями. Но забег слишком быстр. «Никак не могу представить тебя матерью — все, что я знаю о тебе и о Нем, так реально, как и призрачно…» [10, 523].

Забота о сыне — забота Раи. Едва малышу исполнилось три месяца, она пошла работать сельским почтальоном. Рассчитывать на материальную поддержку мужа не приходилось: он в это время отдыхал и лечился в санатории (на этом настояла Р.В. Андреева-Прасолова). Один раз он приедет к сыну, побудет с ним три дня и уедет в Воронеж, где необходимо было обустраивать быт, к чему не было никакого стремления и желания. Смирение и терпение, которыми в избытке наделена Раиса Васильевна, были Прасолову неведомы. В.В. Будаков с щемящей болью и с какой-то пронзительностью мыслей и чувств напишет: «<…> семья как триединство отца, матери и дитяти едва образовалась, а над ней уже повеяло холодком распада. Замаячила тень уходящего одинокого. Одинокий мужественен и безжалостен: ему не дано утешать или же он не хочет утешать, в милосердии поступаясь истиной. Истину и гуманизм не срастить. Правда выше всякого утешительства и даже — выше любви?» [4, 172–173].

Последние два года жизни поэта в духовном плане словно раскаленная лава. «…Лава вдохновенья! Клокочет на груди моей!» — слова М. Лермонтова ложатся на творчество Алексея Прасолова. Именно в это время Прасолов испытывает ощущение, что его «захлестывает девятый вал»

поэзии. Поэт признается: «Я чувствую вот что: стихи стали требовать от меня действия, полной отдачи моей души… Чувствую, что начал говорить сердцем» [10, 527]. «Я только начался всерьез: старости у меня не будет, внутренней, с меня хватит зрелости…» [10, 528]. «Я учусь естественности поэтической речи, которая не терпит долгой задержки под пером, ибо остывает, пока холодный ум правит чувство… Слово должно выбирать чувство, а не рассудок» [10, 519]. «Мне нужно бодрствовать и работать — умственно и физически. Знаешь, как это здорово сочетается. Работа — в руках, стихи — в голове, урывками — на бумагу» [10, 522]. «А во мне — трагедия: хожу и разговариваю нутром — и умышленно не пишу. Так — нельзя. Придет тот час» [10, 529].

О духовной близости двух талантливых людей говорит такой случай. В письме от 14 декабря 1970 года Андреева пишет Прасолову, что очень жалеет, что не взяла с собой в деревню пластинку с «Лунной сонатой» Бетховена: «Я тоскую по ней, очень хотела бы послушать ее, особенно сейчас. Для меня она не просто чудная гармония звуков, а гораздо больше — пусть несколько мгновений, но удивительно прекрасной жизни. Музыка! Что ты делаешь, музыка? И зачем ты делаешь то, что делаешь?» [2].

В ответном письме от 20 декабря 1970 года Прасолов рассказывает, что был в Союзе писателей на Бетховенском вечере, что слушал дирижера Николаевского из филармонии и много общего открыл в восприятии сонат композитора: «Отдохнул немного — и за стихи, с утра прорвало и пошло. Бетховен со мной, хотя пишу не о нем…» [10, 520].

И вот таких ниточек, завязанных в поэтическое кружево, рассыпано по стихам Прасолова множество. Попытки понять «жену — не жену», затем мать своего ребенка и сына выливаются в поэтические строки. «Памятник с вечным огнем — возле дома, в двух шагах. Часто ходил туда ночью. Написал стихи. Живу же здесь, как в эмиграции: людей много, но все — по себе» [10, 530].

И вспоминаются поэту материнские руки. Жизнь повторяется, жизнь продолжается: «бессонные руки» уже другой матери готовят день новой жизни. Появляется стихотворение «Сыну».

Тебе, кого я в мире жду,
Как неоткрытую Звезду
Ждет днем и ночью Человек,
Уже забыв, который век.
Коснулся воспаленных век
Уже не слыша, плач иль смех,
Уже не зная, дождь иль снег,
Уже не помня тех имен,
Что для Звезды придумал он,
Уже — ни молодость, ни старость,
Уже светил круговорот
В глазах пошел наоборот,
И Человеку показалось,
Когда свой взгляд он устремил
На небо, — не Звезда рождалась,
Рождался заново весь Мир.

(«Сыну». 1971)

Сын для Прасолова — «как неоткрытая Звезда», и с его рождением «рождался заново весь Мир». Вот почему, сознавая свое неизбывное одиночество, свое стремление быть «наедине с собой», он обрекает мать сво-

его ребенка на еще большее одиночество, фактически исключая ее из своей жизни, хотя и не желая ей беды.

В стихотворении «Наедине с собой останусь...» Прасолов осознает, что тоже должен научиться жертвовать, но он к этому не готов. Он оставляет за собой право жить свободно, ни о ком и ни о чем не заботясь, ибо это отвлекает его от основного в его жизни — поэзии. Вот почему жестко и безжалостно он произносит: «Сгинь». Поэт делает для себя выбор, но делает его и Раиса Васильевна. Слова А.Т. Прасолова как заклинание: «И только сына, только сына, / Закрыв глаза, не урони, / Не передай в чужие руки...», — станут той самой силой, что убережет Раису Васильевну от отчаяния.

Стихи последних лет жизни Алексея Прасолова во многом навеяны образом Раисы Васильевны Андреевой-Прасоловой и посвящены ей: «Померк закат, угасла нежность...», «И с горы мы увидели это...», «Замученные свесились цветы...», «Торжествует ночное отчаянье...», «В тяжких волнах наружного гула...», «В час, как дождик короткий и празднично чистый...», «Наедине с собой останусь...», «Если ко мне ты захочешь...», «Я губ твоих не потревожу...»

Поэма «Последняя встреча» (1971) пронизана памятью об И.И. Ростовцевой и зарождением нового чувства к Р.В. Андреевой. Прошли годы, и вновь чьи-то глаза «вышли» на его «живой и щедрый» огонь тоже в поисках тепла:

Не ты ль понять мне помогла
(Как я твои не смог вначале)
Глаза, что, в поисках тепла,
Мне вновь открылись одичало!..

«Прости» в стихотворении — это и просьба о прощении за прошлое, и мольба о прощении за настоящее.

Прости, и пусть, как чистый день,
Мой благодарный вздох и радость
Вдохнет раскрытая сирень
За домовитою оградой.

Но огонь его любви играл «своею силой» — «ему не надо было греться», он не нуждался в привычном человеческом тепле.

Умышленно отстраняясь от настоящего, Алексей Прасолов начинает более обостренно чувствовать кровное родство со своими предками:

А голос в пространстве вечернем,
Какою-то силой гоним,
Метался, — огромный, пещерный,
Несходный с ничтожным моим.
И бездна предстала иною:
Я чувствовал близость светил,
Но голос, исторгнутый мною,
Он к предкам моим восходил.

(«В ковше неотгруженный щебень...» 1970)

После накала поэтических страстей Прасолову хочется признания: «Ездил по районам, выступал. Вижу, что мое людям очень нужно» [10, 530]. Но ему этого недостаточно. «С печатанием все трудней: злоба дня меняется, а я остаюсь собой...» [10, 529]. Он ищет одобрения у коллег по перу, у людей, стоящих у власти, и рождаются полные отчаяния строки:

«Нужен ли уже я?.. душе некуда деться», «Моя никчемность на свете настолько осознана...», «Гадко мое положение, не слаще — и твое. И это на всю жизнь? Видно, в основном — да» [10, 530–531].

«Всесожигающий огонь» клокочет в груди Прасолова. Казалось бы, все начинает складываться. Родился сын. Получил квартиру. Издан сборник стихов «Во имя твое». Но болезнь, больница, отсутствие работы, а следовательно, безденежье... Все чаще в письмах звучат слова: «Устал я, Рая».

Маленькая, хрупкая, такая слабая сильная женщина, боровшаяся за здоровье сына, еще не оправившаяся после родов, противостоит унынию и отчаянию Алексея. Она пишет письма, приводит в пример роман Э. Хемингуэя «Старик и море». На что Прасолов отвечает: «Да, человека нельзя победить. Но зато можно убить...» [10, 532]. Силы неравны. Если в 1965 году он писал Инне Ростовцевой: «Не смотри и не думай, что беда затаилась во мне и ждет часа — вырваться. Я знаю — что было. Я знаю — как было. Я знаю — почему было. Я уже не загадка» [16, 482], то теперь, вырвавшись с безудержной силой, болезнь (а алкоголизм — страшная болезнь) стала рушить все, и главное — волю к жизни. Если в письме от 12 марта 1966 года он писал: «Так хочется жить...», то в конце 1971-го пришло страшное отчаяние — осознание своей никчемности.

Алексей все для себя решил. «Не тоскуй о том, у кого одна-единственная дорога. Как судьба. Твоя связана со всеми, кто помогает выжить. Моя — иная» [10, 532]. «Ждать мне нечего, торопиться тоже некуда — пусть все идет своим чередом — ни помогать, ни мешать не надо. Ты же не должна быть причастна ко всему этому...» [10, 532].

В 23 года Раиса Васильевна Андреева-Прасолова — вдова с годовалым сыном на руках. Кто может передать муки, страдания молодой женщины, беспримерное мужество в воспитании сына, самоотверженное служение по увековечиванию памяти поэта?.. Когда-то Алексей Прасолов ждал от нее жертвы. Что ж, так сложилось, что вся жизнь Р.В. Андреевой-Прасоловой — это жертвоприношение. Она по праву может сказать: «Все, что я делала, я сделала *во имя твое*».

ПОСЛЕСЛОВИЕ. СОВРЕМЕННИКИ О ПРАСОЛОВЕ

Уйду — и всю молву людскую —
Какая б ни была — приму.

Алексей Прасолов

Молва людская... Ее не избежать любому человеку, тем более выдающемуся. А.Т. Прасолов в статье «О Есенине вслух» коснулся «душевных тайников» поэта. Так и мы, любящие поэзию Прасолова, каждый по-своему, пытаемся постичь его «душевные тайники», мятежный дух и человеческую трагедию. Стоит ли осуждать нас за это?!

«Существует большой корпус сказанного, написанного о поэте учеными-литературоведами, критиками, писателями, поэтами — А. Абрамовым, В. Акаткиным, Л. Аннинским, Вл. Гусевым, А. Жигулиным, В. Кожиновым, Ю. Кузнецовым, В. Кулиничевым, С. Риммаром, Н. Банк, В. Скобелевым, В. Семеновым, А. Вольданом, О. Ласунским, А. Поповым,

О. Разводовой… О поэте вспоминают хорошо знавшие его М. Шевченко, И. Татаренко, Е. Новичихин, В. Белов, В. Самойлов, В. Шуваев… Есть большой «венок» памяти — из поэтических строк»[4, 218–219].

Обилие сказанного о поэте побудило Владимира Шуваева написать эпитафию:

Бедный Прасолов Алеша!
Он ушел… Они живут!
Второй раз его, похоже,
«Мемуарами» убьют…
Потому ушел с рассветом,
Что, как водится всегда,
Друга не было и нету
У Поэта никогда.

Свою озабоченность выразил и сам поэт: «Не хочу, чтобы на меня клеветали — на мертвого!» [10,392].

Идет время. Издана замечательная книга о поэте Виктора Будакова, исследование Инны Чернышевой, статьи Александра Дубровских, книга Петра Чалого… Они деликатно касаются многих аспектов жизни и творчества поэта.

Поэзия Алексея Прасолова живет, ширится круг его почитателей, и все они хотят знать, кто был рядом с ним, какими духовными нитями связаны, как это преломилось в его творчестве. И каждое свидетельство тех, кто знал поэта, кто изучает его наследие, — бесценно.

Приведу некоторые высказывания современников о поэте в надежде, что будет издан сборник статей, разбросанных по разным источникам, которые помогут сохранить в нашей душе целостный образ поэта, ибо, как он сам писал, «правда в равной мере нужна всем живущим» [6, 446].

* * *

Алексей Прасолов — поэт, требующий, чтобы в него серьезно и подолгу вчитывались.

Анатолий Абрамов.

Творчество для него — это озарение новым, это неукротимый огонь, прожигающий оболочку обыденности и соединяющий нас с чудом земного существования.

Виктор Акаткин.

Он аристократ крестьянского рода. Аристократ не манерами, но духовной устремленностью.

Виктор Будаков.

Стихи Алексея Прасолова нельзя читать между делом, для отдыха и развлечения. Их нужно пережить.

Вадим Кожинов.

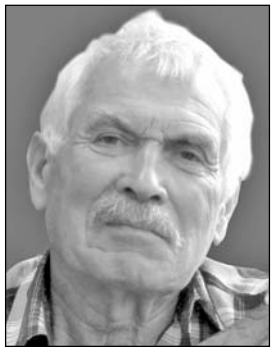
Так будем дорожить теми мгновениями, когда можем прикоснуться к слову А.Т. Прасолова. Прислушаемся к нему, услышим его боль и прощальный призыв:

Может, люди немного
Станут к людям добрей.
Дайте мне на дорогу
Каплю влаги своей.

(«Я умру на рассвете...» 1971).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В.М. Высоким курсом (послесловие) // Алексей Прасолов. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. — 533–551 с.
2. Андреева-Прасолова Р.В. Письмо А.Т. Прасолову от 14 декабря 1970 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
3. Андреева-Прасолова Р.В. Письмо А.Т. Прасолову от 15 декабря 1970 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
4. Будаков В.В. Одинокое сердце поэта. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. — 224 с.
5. Колобов В.В. Читая дневники поэта... (Анатолий Жигулин о времени и о себе). — Тамбов: ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2016. — 320 с.
6. Прасолов А.Т. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Проза. Дневники. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. — 432 с.
7. Прасолов А.Т. Во имя твое. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1971. — 120 с.
8. Прасолов А.Т. Записка от 22 мая 1969 г. Из личного архива Р.В. Андреевой-Прасоловой (ксерокопия).
9. Прасолов А.Т. Земля и зенит. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1968. — 72 с.
10. Прасолов А.Т. «И душу я несу сквозь годы...» — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. — 560 с.
11. Прасолов А.Т. На грани тьмы и света. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. — 240 с.
12. Прасолов А.Т. Осенний свет. Стихи. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1976. — 132 с.
13. Прасолов А.Т. Письмо к матери от 24 июня 1955г. Из архива Р.В. Андреевой-Прасоловой.
14. Прасолов А.Т. Стихотворения. — М.: «Советская Россия», 1978. — 190 с.
15. Прасолов А.Т. Стихотворения и поэмы. — Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во, 1984. — 384 с.
16. Прасолов А.Т. Я встретил ночь твою. Роман в письмах. — М.: Хроникер, 2003. — 592 с.
17. Смирнов А.Т. Я слова рассыпаю по траве... Сборник. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2004. — 136 с.
18. Чернышева И.С. Мироздание Алексея Прасолова. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2007. — 208 с.



Виктор Владимирович Одинцов *родился в 1942 году в городе Новосибирске. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Работал в воронежских многотиражках, областной газете «Молодой коммунар», журнале «Подъём». Публиковался в ведущих региональных и центральных изданиях. Издал две книги прозы «Хоровод после дождя», «Неуловимые пределы». Многие его произведения связаны с селом Борщево Хохольского района, где автор в основном проживает.*

Виктор Одинцов

В СТРАНЕ СЛОНОВ

Рассказы

Перед его устремленным в прищуре взглядом поднимаются из глубин веков высокие и покатистые в сторону Дона меловые холмы. Они напоминают головы застывших в одной шеренге гигантских слонов. Первые лучи восходящего солнца скользили по этим головам и упирались в небольшой скверик, где перед окнами сельского совета на кирпичной тумбочке располагался бюст Ильича. Вождь мирового пролетариата молчаливо наблюдал за ходом событий в деревенской жизни. Оживи он хоть на короткое время, чтобы объяснить людям, в какую страну они направлялись, а в какую пришли, было бы полезно всем.

По другую сторону сельсовета, на усадьбе разрушенного в войну монастыря, белела надмогильная пирамидка с пятиконечной звездочкой. Там похоронили первого председателя местного колхоза. Суровым человеком показал себя. Не позволял разбазаривать общественное добро, неуступчивым оказался для всяких прохиндеев. И получил вилы в грудь.

У входа в сельсовет, напротив двери, размещался на двух столбах красный пожарный щит. На нем были прицеплены красные инструменты: багор, топор, лопата, лом и коническое, как колпак, ведро. Однажды совет упразднили, а инструменты потихоньку растащили. Оставался один

топор. И только лишь потому, что действующий здесь депутат, живший рядом, постоянно брал его, рубил им дрова и возвращал на место.

А еще за углом сельсовета работала школа. Ребятню обучали и обязательным наукам, и правилам жизни в коллективном мире.

Когда приезжие мастеровые люди устанавливали бюст вождя, их окружили школьники. Один любопытный мальчишка поинтересовался, а зачем в деревне памятник? Мастеровой ответил просто: а чтобы жители помнили, кто хотел и старался, чтобы трудовой народ стал счастливым.

Любопытный мальчишка указал мастеровому на белую пирамидку со звездой и спросил:

— А это памятник?

— Конечно, — ответил тот и добавил, что вот вырастешь, станешь знаменитым и в твою честь поставят красивый бюст рядом с этим. И он погладил ладонью голову Ильича. А потом о чем-то подумал и продолжил: — Как станешь знаменитым, а твой сын подойдет к бюсту, оглядит со всех сторон, скажет, смотрите-ка, какая важная персона. И произнесет слова благодарности за труды твои и достижения.

Мастеровой указал рукой на пирамидку и задал вопрос мальчишке, не знает ли он, кто там, под звездочкой?

— Знаю, — ответил тот, — там мой дедушка.

— Какая неожиданность, — удивился мастеровой и спросил имя собеседника.

— Да это Жук, — закричали другие пацаны. — Он — Жук…

* * *

Последний рейс Жук завершил перед рассветом. Уже и дороги стали непроезжими, и светает рано, и следы на земле отпечатываются, словно буквы на бумаге. В потемках, как обычно, не зажигая фар, разгрузил кузов. Свалил у стены бревнышки для завершения третьего этажа, накрыл их куском черного целлофана. Все. Главная задача решена. Задумывал до Пасхи обеспечить стройку добытыми своими руками материалами — сделал. Подфартило. Время смутное, злое, но удобное для исполнения самых крутых замыслов. Глупо не ловить рыбу в мутной воде, когда всюду торчат ее хвосты. Да и грех упускать такую редкую возможность, когда за деревней через широкую реку начали поднимать крупный мост.

Сколько же понавезли всего дельного! Разложили по берегам. Выбирай нужные тебе предметы и размеры. Смешно вспомнить, как ночной сторож Кеша таскал по утрам домой тяжеленный рюкзак с магарычами. Сам он не злоупотреблял, но покупателей у жены хватало на весь товар. Жалко, конечно, что недавно его нашли недалеко от дома, на автобусной остановке, бездыханным. Похоже, привезли откуда-то и выбросили. Разбирайтесь тут. А кому разбираться? Ясно и так. Начал высовывать язык Кеша, а то и зубки показал. Магарычи — затея затяжная и опасная. А как без них? Да никак. Жуку это ясно с тех пор, как переделили всенародную собственность, появились новые хозяева, наемники и посредники между ними. Содействие в чем угодно стали называть услугой. У каждой услуги появилась цена. Магарычи всегда поддерживали теплые отношения. А теперь они определились, как обязательная плата в любом виде. В том числе и жидком. Правда, в большинстве случаев Жуку удавалось подобрать, что плохо лежит. Было ваше — стало наше. Ловкость рук. За безнадзорность не платят.

Каждое утро Жук неторопливо обходил свою усадьбу вдоль забора. Высокая, плотная и надежная ограда. Снизу — мощный бетонный фундамент, сверху — острые, как лезвия, края железных листов. Непроницаемая стена. Душа радуется такой защите. Понятно, что порядок нерушим, но все равно необходимо убедиться в его неизменности.

И сейчас, после праведных трудов, он, прихватив лопату, двинулся в привычном направлении. В сумеречной тишине разнесся свист. Нет, птицы еще не пели. Они только присматривали места для гнездовий. А над усадьбой поднимались шансоновые мотивы из репертуара придорожного радио.

Жук любил насвистывать еще со школьных лет. Тогда же и прилипло к нему это прозвище. Одноклассники точно подметили сущность своего товарища. А что, разве плохо быть пронырливым, все про всех знать, легко увиливать от нежелательных обстоятельств, умело отшивать, когда пристают. Прозвище стало для него родным, срослось с ним. Иногда он и сам говорил себе: ну что, Жук, решим проблему? И обязательно решал, потому что любые загвоздки, поползновения в свою сторону видел наперед.

Его хитрющие синие глазки под низеньким, в два пальца, лобиком с торчащими, как на щетке, черными волосами, всегда в напряжении, будто у снайпера. Они убеждают, что их хозяин имеет изворотливый ум. Смышленый человек. А крепкая, жилистая и выпуклая спереди фигура при среднем росте выглядела приземистой и очень напоминала суковатый обрубок ствола толстой вербы. Точный пенек. Только живой.

Обход усадьбы стал обязательным еще до возведения железной стены. Вынудил сосед. Несносный тип: противно уживаться рядом с таким недоразумением. Вечно наблюдает за тобой, что-то фотографирует. Развел у дороги полоску ивовых кустов. Некоторые прутья стали высовываться через огородную границу. А это недопустимо. Да ладно бы свой, деревенский мужик проглядел, оплошал, а тут городской обустроился. Понаехали... А с ними разговор короткий: банка солярки и спичка. И ищи ветра в поле. Дурных кустов как не бывало. Пусть понимает, кто здесь хозяин. Сосед раздувать спор не стал, значит побаивается. И это правильно. Но, вероятно, мщение все-таки затаил. И кто его знает, какой номер выкинет, наблюдая за ростом этажей, оград, отары овец, гусиного стада на гектаре пруда. Конечно, сильно навредить у него ни ума, ни духа не хватит. А если что-то по мелочам... Так вон он — участковый, как всегда приехал на утреннюю зорьку сазанчиков ловить. Стоит только намекнуть. Но приглядывать за соседом не лишне. Взбредет ему в голову помои под забор выплескивать, а рядом пруд. Непозволительно. А если продырявит плотину на ручье?..

Помахал над головой растопыренной пятерней в сторону участкового. Поприветствовал. И тот поднял руку. Знакомство между ними давнее, взаимопонимание полное. И зовут они друг друга по-приятельски, без обид: Жук и Мент. Особенно дружба окрепла после одного так и не разгоревшегося скандальчика. Года два утекло, а история красного топора то и дело выпирает из потемок души. Замечательный человек Мент, а как встретишь, непонятная неловкость, унизительная виноватость возникает. Увильнуть от встречи хочется, хотя надо принимать достойный вид. Вот и сейчас можно бы попросту подойти, поздороваться за руку, спросить про оперативную обстановку, про Кешу. Но лучше сначала подняться на гору. Там, в старом обвалившемся мадьярском блиндаже, за ореховым кустом лежат в запасе мостовые конструкции. Не умыкнул бы кто?

Жук, хоть и приустал, обходя нижнюю часть усадьбы, ступил на тропу в верхние свои владения. Здесь, на склоне со временем вырастет сад. В нем расположится пасека. Горные усыпные земляничники обнесет колючей проволокой. Нечего посторонним шастать. А пока сделал разметку ямками под бесчисленные столбы. Вдоль будущей загородки по меловым камешкам и вытоптана тропа.

Тяжеловато подниматься в гору грузному человеку. Но ведь только так можно чего-то добиться, преодолевая всякие препятствия. А не странно ли, что многие люди лазят по горам ради спортивного интереса? Глупые. Настоящий интерес ведет к материальному достатку. Это не потрогать руками облака, а необходимый прагматизм.

Жук размахивает лопатой, сбивает с пути неровности. Ступеньки здесь делать неразумно, а тротуарчик в две доски положить реально. А кто помешает? Пока депутатствуешь на своей улице, все можно. Медлить с делами нельзя. Про себя же признает, что никакой он не депутат, хотя и избранник. А если что-то делает во благо других, то исключительно имея при этом собственную выгоду. Прав был отец, когда еще давным-давно говорил: всегда ищи доступ к власти. И не к той, которая далеко и высоко, а к той, которая рядом: уличком, участковый, сельсовет, райсовет... Придумывай для них поводок. Не забывай, что во всем вокруг есть твоя доля. Старайся ее возвратить.

Да, гнусно выдавать себя за другого. Но иначе не обустроишься в этой жизни. Вон почти все предыдущие депутаты по улице после избрания сразу начинали или успешно заканчивали приличное домостроительство. А чем он хуже? Люди сами выдвинули его в местное правление. Оставалось только согласиться. Зато теперь он знает, насколько крута дорожка в народовластие.

Вот и половина горы. Остановился передохнуть. Повернулся в обратную сторону. Да, здесь не тротуарчик нужен, а настоящий фуникулер. Пробить бульдозером подходящий ровик сверху до подошвы холма, конечно, по силам. Правда, лишние вопросы начнут задавать. Так Мента подключим. А то сидит себе на персональной скамеечке у места, где кормится рыба, про дедукцию забыл.

Идея подъемника моментально сложилась в понятную схему. Работают мозги! Надо договориться с археологами. Они раскапывают за горой стоянку первобытных людей. Там еще указатель есть: фанерная стрелка со словами «Страна слонов». А наш бугор разве не продолжение этой страны? Поможем им, а они помогут нам своими поисками на нашем склоне. Мент утрясет земельные непонятки.

Если Жук начинает размышлять, а он это делает постоянно, то его не остановить. Никто не собьет с пути наставлениями о каких-то заблуждениях. Свои персональные упущения, которых практически не наблюдается, всегда преподнесет как проявления изобретательности. Ведь главное не в размере или содержании оплошности, а как ее подать. Иную оплошность можно превратить в необходимую реальность или даже в достижения. Надо обладать способностями психолога, аналитика, авантюриста, чтобы чужой рукой поджигать костер, греться у него, да еще таскать из золы печеную картошку, а то и лакомиться шашлычком.

Впрочем, а что тут не так? Разве хозяйственная расторопность осуждается? Разве не извлечение прибыли из всего, что делаешь и даже не делаешь, является главным правилом проживания? Поступай так, чтобы тебе было хорошо. А если кому-то не по нраву и не по силам... ах, ах,

ах! С волками жить — по-волчьи выть. По-другому, по-братски, нажились. Надоело. Теперь положено жить кто как может.

Продвигается Жук к вершине горы, опирается на лопату. На душе спокойно, мысли текут стройно, легко. Какой же он все-таки молодец, что подметил факт, мимо которого все проходили равнодушно. Слепые, что ли? Ну, хотя бы кто-нибудь задался вопросом, а почему на улице в порядке домов исчез один номер? Ведь был же всегда, а потом его не стало. Сразу за двадцать восьмым следует тридцатый. А где двадцать девятый? Возможно, так обозначали одну из времянок, которые есть в каждом дворе. Думай, как хочешь. А он, Жук, задумался, кое-что выяснил через Мента и уточнил: двадцать девятым стало ветхое бесхозное строение, похожее на сарай. И находится оно не на улице, а за горой, на территории песчаного карьера. Вернее, карьер в границах частного владения, у которого вдруг появился номер.

Да, ловкую комбинацию провернул бывший депутат. Многим он запомнился по неприятному случаю, когда на могильной пирамидке колхозного председателя самолично ножовкой по металлу спилил железную звездочку. Мол, не нужны нам символы прошлой власти. Люди пошумели, но возвращать звезду не стали. В самом деле, многие звезды потухли. А борец с пролетарскими знаками доказал, что теперь важнее другие признаки состоятельности: хорошая «крыша» над головой, надежный «забор», непробиваемая стена. Под их прикрытием сумел застолбить склон горы вокруг сарая, втихомолку достал разрешение на добычу и продажу песка. И гора начала работать на народного избранника. Потоком — грузовики, потоком — наличные. Несправедливо.

Жук узнал, что осквернили могилу председателя, махнул рукой, отсекая жалость к родственнику и желание наказать вандала. Незачем было деду ввязываться в большевистские дела. Но замысел прибрать к рукам удачливый песочный бизнес образовался. Потому и сильно возмутился, когда в ближних к карьеру домах стала мутнеть вода из скважин, трескаться стены, а пылища забила окна и помещения. А тут еще выяснилось, что места эти являются ландшафтными заповедниками с реликтовыми растениями и таят в себе памятники человеческой культуры с древнейших времен. Варварство надо пресекать. И он пошел в атаку.

В нахрапистости Жуку не откажешь. Она выпирает из него всякий раз, когда приходится разговаривать требовательно. Как обычно, принимает позу превосходства перед стоящим рядом. Расправляет плечи, выпячивает грудь, немного назад откидывает голову, приподнимает подбородок и нервно подергивает искривленными губами. Ну, прямо памятник императору. Да еще интонациями голоса дает понять, что милость оказывает своему собеседнику. Манеры, разумеется, неприглядные. Так бывает. Петух перед курицей хорохорится по предписанию природы.

Без особого труда удалось взбаламутить всю улицу. Люди дружно пошли за своим заступником. Начались собрания, митинги на склоне горы, комиссии, чтобы закрыть карьер. Но депутат продолжал насыпать песок в огромные КАМАЗы. И тогда Жук посоветовался с Ментом, как вынудить делягу прекратить разграбление государственной собственности. Изобрели коварный план. Исполнили его. И теперь он, Жук, точно знает, кому светит удача, если способен рисковать...

Наконец-то, тропа закончилась. Верхолаз стоял на вершине горы. Здесь всегда сквозил ветерок и быстро исчезала усталость. Видно было далеко-далеко. За рекой, за неоглядными заливными лугами просматри-

вались крыши домов и блестел церковный купол соседней деревеньки. Справа подпирали небо высоченные краны на околице ближайшего городка. Слева до горизонта громоздились лбы меловых гор. А внизу, как просторный хутор, раздвинулась в разные стороны его усадьба. С высоты она похожа на крепость, обнесенную стеной, с земляным валом, с водяной преградой и замком посередине. А будут еще миниатюрные пушечки по углам дома для праздничных салютов. Вместо обычных петард.

Фигурка Мента выглядела отсюда малюсенькой. А удочку в его руке вообще не различить. Зато какое громадное дело с его подачи осуществили. Даже и сейчас оторопь берет, когда вспоминаешь про самое главное.

Честно говоря, страшновато было брать в руки топор. Он оказался красного цвета и прилажен на красном пожарном щите рядом с сельсоветом. Вроде бы прошли времена, когда громили и валяли памятники вождям. Вероятно, кто-то когда-то в чем-то провинился. Бывает. Но при чем здесь их цементные и бронзовые идолы? Это же просто свидетельства истории, вроде стоянок первобытных людей, древних пирамид... Сначала удивлялся несуразице. Потом дошло, что крушили окаменевших, как живых. Затмение наехало. Возмущались неугодной властью, а доставалось другим. Получается, что разгром символических фигур вчерашних или сегодняшних был и остается протестом против существующего порядка. А кто там у руля, какая разница? Любое насилие над символами сулит неприятности. В этом сомнения не оставалось. Мент припомнил шумиху вокруг звездочки над могилой председателя колхоза и приложившего к ней руку владельца карьера. Дальновидным и практичным оказался соратник, а его вариант беспроигрышным.

Как и раньше, в центре села, между двух высоких и мохнатых елей скромно выглядывал бюст вождя мирового пролетариата. Жук и треснул лезвием топора прямо по темечку товарища Ленина. Топор оказался тяжелым, глубоко влез в плотную серую массу и застрял в трещине. Вытаскивали его вдвоем. Потом холодное оружие со следами насилия Мент забросил на крышу депутатского сарая. А вскоре он же и осуществил процедуру местного расследования крамольного покушения. Владелец карьера под напором железных улик, опасаясь прослыть вандалом, перестал торговать песком и исчез из депутатского корпуса. Как раз и время перевыборов наступило. А улица проголосовала за нового боевого депутата. И Жук стал государственным человеком.

Сбылись отцовские предсказания. Свою долю из скопища общих благ он доставал в полную меру. Ему предоставили свободу выбора места и пространства под собственную усадьбу. Тогда на улице еще сиротливо торчали брошенные или бесхозные домишки. Оформить их на себя не составило труда. А осваивать прилегающие к ним участки земли приступил без промедления.

В шоферской бригаде пригородной строительной компании Жук считался несомненным авторитетом по части знаний современного мироустройства. И не пустяк, что завгар иные производственные вопросы предварительно обговаривал с ним. Чаще всего это происходило в дружеской обстановке, когда помогал завгару строить дачу. Жук и не скрывал, что с начальством на короткой ноге. И кому какое дело, что конторский бульдозер или кран упираются и на его усадьбе. Частная фирма, частная собственность, частные отношения. Какие вопросы? Вопрос цены — да и только. Тоже дело частное.

Кое-кто, конечно, удивился размаху горных работ. В короткий срок

бульдозеры снесли лобную часть холма, сгребли меловой слой и добрались до золотистых песочных россыпей. Все лето Жук расширял образовавшийся карьер. Песок в деревне и ее округе нужен всегда. Торговля процветала. А на опустошенном месте, между меловых стен появился сначала фундамент, а потом и все остальное, чем сейчас, стоя на вершине горы, любовался Жук. Отсюда видны и спрятанные в блиндаже плиты, и на лугу летний телячий лагерь, откуда сегодня ночью доставил отличные сухие, длинные и ошкуренные бревнышки. Там их еще достаточно.

Много раз он оказывался на этом пятачке в разное время. Но раннее утро застало его здесь впервые. Неожиданно представил себе, что стоит на гребне высочайшей волны. По бокам глубокие провалы, переходящие в новые огромные волны. Солнце уже приподнялось над горизонтом. Тень от его горы вытянулась через впадину на половину другой. Таких гигантских теней не наблюдал никогда. Но не это его поразило. На краю черного окоема прилепился отпечаток его фигуры. Засомневался, его ли это тень. Начал махать лопатой. Тень зашевелилась. Вот это сюрприз! Какая величина! И представить себе невозможно собственную природную значительность.

Жук начал осторожно спускаться с горы. Очень скользко. Сорвешься — докатишься до двора весь изломанный. Поэтому втыкал лопату, а к ней приставлял ногу. И только так, шаг за шагом. Скоро подойдут плотники, будут завершать крышу остроконечными башнями. На самой высокой поставят железного петушка с электронной начинкой и на восходе солнца сверху будет доноситься боевой клич «ку-ка-ре-ку». Сказка...

Аномальная погода уже перестала удивлять. Ночью откуда-то принесло тучи. Хлестали молнии, грохот стоял невероятный. С гор неслись потоки грязно-белой воды. Они сливались в сплошной вал, который крушил на своем пути все и уносил в низину. Огороды вывернулись наизнанку, горная дорога превратилась в ущелье. Проехать по улице невозможно. От отцовского дома до новой усадьбы Жук добирался по сохранившимся на склонах гор невырубленным кустам. Окольным путем поднялся на свою гору. Посмотрел вниз и ахнул. Дома не существовало. Местами торчали ребра бетонных блоков, вздымались груды красного кирпича. Верхняя часть карьера рухнула, снесла и завалила усадьбу. Там, где был пруд, появился бугор из смытых земляных валов и бревен от поставленных вчера башен. Все уплыло.

Как назло, выкатилось золотистое веселое солнце, и на окрестности пролилась радость. В эти минуты должен бы прокукарекать электронный петушок на большой башне, возвещая миру о неизменности и порядке в нем. Но петушок исчез вместе со своим постаментом. Неужели кара небесная стеганула? Зачем же тогда крест на шее, который всегда выручал?

Жук долго и неподвижно сидел на верхушке горы. Пожалуй, впервые с ним стряслось невообразимое происшествие. Ну, ладно бы, кто-то подставил, поймал с поличным, обвинил в тайных и непозволительных умыслах, в непомерных амбициях и сомнительных удачах, а тут сама природа сунула палку в колеса и выразила к нему, ее почитателю, свое неуважение. Он же всегда знал, что выживает в мире только сильнейший. Слабый становится жертвой сильного. Закон сохранения видов никто не отменял. Естественный отбор работает стихийно. Им нельзя управлять. Так в чем же он, Жук, провинился, что получил такую оплеуху? Действовал без оглядки на тех, кто полагает, что люди должны жить по божеским заповедям? А где они, эти люди, кто они?..

Жука захлестнула волна раздумий по поводу печального события. Ну, какая милость божья должна произрастать, если вокруг базар, все хотят базара, где побеждает самый хитрый и ловкий. Все хотят быть такими самыми, но не у всех получается. Ничего не поделаешь — инстинкт побеждает сознание. Закон — тайга, медведь — хозяин. Чистая зоология. И эта вакханалия — не крушенье, а естественная случайность. Поправимая.

Солнце быстро поднималось, а гигантская тень на соседнем склоне, слитая с его черным силуэтом, заметно сокращалась. И вскоре пропала совсем. А от его фигуры не возникало отдельной тени. Будто он бестелесное существо.

Внезапно вспомнилось, как еще в школьные годы водили его вместе с классом в областной музей на выставку рисунков известного художника. На одной картине приглянулся ему разбойного вида мужичок на заборе, который за кем-то подглядывал, может, что-то обдумывал. Кто его знает. Забор стоял у воды и отражался в ней. А вот отражения мужичка почему-то не было. Спросил об этом. Учительница даже руками всплеснула, мол, смотрите-ка, правда. Наверное, художник ошибся. Но потом сказала, что так задумано. Мужичок есть, а в тоже время его и нет. А нет потому, что он пустое место, или природе не нужен. Течет себе река жизни без него, уносит все никчемное...

Да мало ли кто-то и что-то нарисовал. Пусть и интересно, но все это на бумаге. А тут не картинка, и сам он не мужичок на заборе. Руки, ноги в порядке, голова не болит. Значит, надо брать лопату и становиться сначала археологом, а потом кем всегда был. Иначе, какой же он Жук? Ведь еще не вечер...

ВЧЕРАШНИЙ СНЕГ

К ночи прошумела метель, подсыпала снегу, запорошила дорожки, намела сугробы. А у меня утром неотложные дела: сбегать к реке, чтобы проверить закидушку на налима и сгрести вокруг дома снег. Дон местами и в морозы не застывает, а случается, всю зиму между белыми берегами струится черная вода.

Еще сумеречно. Глянул в окно перед крыльцом, а там, на кормушке, под навесом крыши, уже птичья суматоха. Синицы вертятся как на карусели, крупный пестрый дятел без остановки молотит черным клювом по куску сала. А с толстой ветки соседней березы готовится к прыжку на пиршество осмотрительная, будто сделанная из шоколада, сойка.

Внезапно в нижнюю планку рамы моего окна вцепилась синица. Растопырила прозрачные с синевой крылышки, уперлась лимонной грудкой с черной полосочкой в стекло и шустро осматривает комнату. Меня, застывшего у стола, не замечает. Ее не страшит яркая лампочка под потолком. Конечно, привлекают блестящим желтым контуром круглые часы на стене, а чуть пониже — акварельные пейзажи здешних окрестностей. Приманивает и стоящий на подоконнике ящик с зелеными стрелками лука.

Вероятно, синица видит пейзажи и желает залететь в них. Быстро бегущая по циферблату секундная стрелка кажется ей соблазнительной гусеницей. Вот бы полакомиться! А луковая зелень перед клювом приводит ее в трепет. Да это же весна! Вот она где затаилась.

Но странную преграду не одолеть. Терпение и любопытство иссякли,

птичка вспархивает на кормушку, а я собираюсь на улицу. Там уже посветлело.

Щелкаю выключателем. На всякий случай перед стеклом взмахиваю рукой. Резкое движение никого на кормушке не пугает, потому что у окна одна особенность. Когда в комнате свет выключен, стекло с уличной стороны становится непроглядным. На его поверхность будто натекает темная пелена. Она словно затененные очки на носу человека. Изнутри видно все, а вот снаружи и не пытайся рассмотреть глаза очкарика. Не получится.

Зима в этот раз нагрянула рано. Река застыла в начале декабря. Но потом явилась оттепель, лед залило, сорвало, унесло. У берегов осталась наледь, влипшая в затопленные кусты и тростники. По отсыревшему припаю расплылись дорожки треугольных следов белобоких гагар. Стаи залетных гостей зимуют у нас до весеннего половодья, а потом уносятся в свое Заполярье.

А снегу полно. Вспугнув пташек, спустился с крыльца. У края дома повернул к дороге, но тут же и остановился. Здесь нижние ветки высоченной березы вытянулись до земли. Густые, тонкие, распущенные и свободно свисающие коричневые косы полоскались по свежей пороше, высекая на ней перистые бороздки. И прямо у бороздок обрывались крестики следов стайки куропаток. Эти незаметные соседи обитают в огородах, ходят и летают через дворы. Обычное явление. Однако наследившие избрали небывалый путь: прошли по зыбким древесным прядям до вершины белоствольной и сорвались в небо.

На веточках остались точно такие же, как на снегу, крестики. Они крепко держались на кончиках утонченных прутиков и пошевеливались на ветерке вместе с ними. Стайка успела умчаться, но над горизонтом еще реяла крупная светлая птица. Ее конусная голова тянулась к плотной сизой стене изморози или тумана, за которой по пульсирующей золотисто-зеленой ауре угадывалось восходящее белесое зимнее солнце. Пушистые крылья раскинулись в стремительном паренье, а дымчатый в завитушках хвост напоминал павлиний. Вскоре даль поглотила видение, а на моем пути оставались подарком деревенской улицы и следы на снегу, и их копии в виде застывших березовых сережек на дереве.

Под светлым парусом приподнятого настроения начал пробиваться по занесенной тропе через огород к берегу. Снег рассыпался и светился редкостной молочной белизной. Когда в него наступал, терялось ощущение расстояния и материальности под ногой. Казалось, шагал по пенистому кучевому облаку. И чем ближе подходил к воде, тем гуще и затейливее облегали каждую веточку кустов, каждый стебелек бурьяна серебристые, узорчатые кружева инея.

Налим не попался. Он просто сорвал наживку: оттаявшую свежемороженую кильку — и ушел. Жалко. Но туда ему и дорога. Появится другой. И хотя желаемая сцена рыбалки не состоялась, я увидел, не сходя с места, нечто потрясающее, невероятное.

Сизые клочья неожиданного для этой поры тумана, ползущие по течению, вдруг приподнялись, зашевелились, обрели форму согбенных крадущихся человеческих фигур, спрятанных под маскировочными халатами. Фигуры двигались ровными рядами. Никто никого не обгонял. Халаты топорщились, прикрывая оружие. Волны необъяснимой смуты в душе исходили от молчаливого призрачного нашествия. Эх, был бы в руках фотоаппарат! Вот оно, неподдельное послание параллельного мира.

С низовий реки набежал ветерок. Вода зарябила, засверкала. Сизые халаты чуть приподнялись, как по команде развернулись к берегу. И эта мрачная, тайная, похожая на воинскую, лавина полезла на снег, на пологое прибрежье и дальше, сливаясь с сугробами и растворяясь в них.

Если бы не видел, не знал, как оживала картина запределья, принял бы ее за мираж из прошлого, за воплощение мистических начал, за неизбывность памяти пространства…

Страшен потусторонний мир, но и ничтожен. Он — головная выдумка. Его реальные черты зависят от замысла того, кому он приоткрылся. Воображению людскому нет границ…

От берега до дома ходу — пять минут. Минуты три иду по огороду. И уже много лет, когда копаю землю, на этих сотках нахожу винтовочные гильзы, ржавые обрывки колючей проволоки. Внучка собирает боевые «сувениры». Из медной гильзы получается удобная свистулька. Подуешь в нее, звук возникает жесткий, пронзительный, вероятно, похожий на свист летящей пули.

Уже вблизи от дома, с дороги, подметил, что стекла в двух окнах бликовали, ясно означая свои контуры и цельность. А вид третьего окна меня ошеломил. Стекла, через которое наблюдал за птицами, не было. Зияла чернота. Пустая чернота. Выбили. В дыру залезли…

Взмокли лоб и глаза. Опустил голову, заспешил к пролому. И в этот миг будто встряхнуло током. Стоп! А где же признаки погрома? Снег у стены целехонький. Мои следы и куропачьи крестики никто не растоптал. Куст калины перед окном пышно накрыт белыми волнами, не обрушен.

Ступил за куст. Повел глазами на окно. Никакой дыры! Стекло на месте. Фокус-покус. Опять что-то из бреда о входных порталах, смещении времен… А может быть, оптический обман?

Захлопнул за собою дверь. В доме я как под шапкой-невидимкой. Приблизился к обратной стороне мнимого оконного пролома. А за ним уже засуетились птицы. И тот же дятел, как отбойным молотком, бил клювом в общипанное сало. Синицы расселись по краям кормушки. А самая мелкая из них, лазоревка, у которой клювик не больше кончика иголки, пыталась прицепиться рядом с дятлом и отщипнуть от жирного куска.

В соседском дворе залаяла собака. Кто-то шел по улице. Дятел пуглив и осторожен. Он сорвался с места и кинулся прямо в оконную черноту. В последний миг, уже на расстоянии руки, птица заметила меня, решила затормозить, распластала белые с черными пестринами крылья, как два раскрытых веера, но было поздно. Раздался глухой удар. Дятел хлопнул крыльями по стеклу и рухнул на снег.

Да что же это творится? Чистое колдовство. Точно, что окно с подвохом. Скорее на улицу. Однако на снегу никто не умирал. Там никого не оказалось. Только красные пушинки рдели у стены. В наряде дятла такие украшения на голове, в малиновом берете, сдвинутом к затылку, да за лапками в подхвостье.

Повезло. Значит, не разбился. Пушинки подберу на память. С куста калины посыпался снежок. Веточка качнулась. Перед красной гроздью стылых ягод на развилке тонких прутьев прицепился, точнее, лежал исчезнувший красавец. Крылья обвисли, головенка бессильно вытянулась вдоль ветки и вздрагивала. Весь он был похож на клок засохшей бересты, застрявшей в паутине.

Захотелось посмотреть глазами бедолаги на отрезок его последнего ужасного полета. Подошел к кормушке. Со стороны стены — окно в квадратной раме, с другой — простор. За придорожными кустами небесная голубизна. Ее рассек, как саблей, белым шлейфом реактивный самолет. И этот шлейф, словно гигантское копье летит, преследуя сверкающую точку.

Повернулся к стеклянному квадрату. Совершенно неожиданно увидел в нем и голубую даль, и белое копье... Как в зеркале. Выходит, взлетная полоска уперлась в зазеркалье, которое всегда и неизбежно, и сногсшибательно. Ловушка неизведанного мира.

Пока я разбирался в ошибках птичьего полета, обманутый и пострадавший дятел пришел в себя, шумно встрепенулся, стряхнул остатки снега с ветки и помчался туда, где истинная воля и стихия. Мне оставалось взять лопату и убирать вчерашний снег. Надо было поспешать. Над фарфоровым солнцем возникло радужное полукружие — верная примета близкого ненастья. Возможно, к ночи заклубится новая метель.

ЧЕРНОЕ ПЕРО

«Пришлось подумать, прежде чем на афише написать: «Моя улица». Это наружное пространство у лица. В нем я вырос, узнал людей, которые его создали, начинал работать. Про жизнь на моей улице расскажут акварельные этюды»...

Иван перечитал заметку в заводской газете, напечатанную много лет назад. В ней были его слова, записанные журналистом на выставке в заводском Дворце культуры. Он тогда решился показать все, что изобразил в красках, как ему казалось, самое примечательное в натуре деревенской.

Сейчас, читая свои давние слова, уже засомневался в реальности красочных сюжетов. Кто из местных сегодня знает или помнит о шестиглавом храме с высокой колокольней? Кто слышал о больнице и родильном доме? Кому служили банк, торговые ряды? На родниковом ручье, а может быть, речушке, текущей из-под гор, крутились мельничные колеса. Действовали школы, магазины, винный завод. А в самом просторном школьном классе готовился к открытию краеведческий музей...

Заметку сопровождали иллюстрации с портретов мастеровитых земляков. Один плел лапти и корзины, другой ковал подковы для лошадей, третий сочинял стихи, музыку, играл на балалайке и баяне, четвертый выкладывал из кирпича причудливые своды в погребах, камины, печи...

Знакомые зрители догадывались, кто сидит на срубе дома, подгоняет бревна топором, и утверждали, что это вылитый Тавров. А тот, который, как конь в упряжке, тащит за собою плуг в три лемеха, в руках держит глобус и книжку, — копия школьного учителя и пахаря.

— Смотрите-ка, — в тишине выставочного зала раздался громкий возглас, — да это же за мной гонялся дед Калуга.

Толпа людей сгрудилась вокруг смеющегося пожилого человека. Все устремили взгляды на картинку, где убегал один мужик, а другой — с поднятой оглоблей, гнался за ним. Сценка вроде бы потешная, одному другого не догнать, так как у вооруженного дубиной к ноге привязана веревка с тяжелой гирей. Но суть погони драматична. Она как эпилог в спектакле о войне.

Иван был очевидцем той погони и слышал, как сумасбродный дед обозвал соседа предателем и зятьком литовским. А тот в ответ назвал

Калугу фашистским прихвостнем. Все знали, что сосед в Прибалтике попался в плен и рабство. Пытался бежать. Ловили, наказывали жестоко. Из плена вырвался, когда пришли свои. Калуга же отсиделся в родной избушке, когда нагрянули фашисты, и поселились рядом. А что возьмешь с больного головой?

— Убью, подорву, — хрипел взбешенный дед.

— Пороху не хватит, — язвил другой, — у тебя один песок.

Но порох был. Когда Калуга умер, домишко развалили родственники, чтобы построить новое жилье. Из-за стены, прижавшейся к горе, посыпались проржавленные мины. У одного снаряда отвалился хвостовик. Иван привесил его на веревочку к углу своего дома.

— Спасибо, что увековечил, — сказал Ивану бывший пленник, — за улицу и за себя спасибо. Здесь все — правда. А можно пояснить, что означает маленький журавлик под изображением каждого этюда?

Иван сначала даже растерялся. Не рассказывать же всем, как на самом деле возник журавлик и стал по его жизни путеводной звездочкой. Да и неловко самодеятельному живописцу под своей работой ставить фамилию, которая вызовет сомнения.

— Такой у меня символ, — пояснил Иван, — он мне нравится.

Ивану повезло с фамилией. Он — Шишкин, как и знаменитый живописец. А если так, то надо оправдывать свою причастность к интересам знаменитости. Недавно он оформил пенсию. Бездельничать не стал. Твердо сказал себе: пора всерьез заняться красками, брать в руки кисти не только по выходным. Делать это лучше всего в деревне. Снял со стены квартиры квадратики этюдов, картин, упаковал, собрал рюкзак, нажал на педали.

Ехал на велосипеде не спеша. Катиться береговой дорогой вдоль реки никогда не надоест. По пути приятно осмотреть свои заветные места, где скрывался с удочкой и этюдником.

Дома его никто не ждал. Родители давно переселились в мир иной, собственная семья не сложилась. Знакомые за глаза называли блажным, при встречах хитровато прикалывались: где же он срисовал трех медведей, если не ходил в дремучий лес? Эти плоские шуточки ему надоели, но отвечал таким же тоном, что лес, зверей, даже музей, где выставлена известная картина, увидел во сне. И, не ожидая вопроса, на что потратил вырученные за картину деньги и почему не построил особняк, а живет в заводской однушке, сообщал: все проедал в столовой, старикам немного помогал да тратился на краски — они дорогие.

Иван слесарничал в инструментальной мастерской. Мог бы накопить на машину, но не хотел. Купил обычный дорожный велосипед и на нем, когда была возможность, прикатывал в деревню. Если погода позволяла, загружал в рюкзак этюдник, уходил в горы или к донским затонам. Оттуда уносил акварельные красоты дивных пейзажей.

Поглядывать на чудеса природы в деревянных рамках совсем не то, что обитать в их изначальном естестве. Пожалуй, впервые в жизни сейчас подумал, что и птицы возвращаются туда, где они на свет явились. И рыбы приплывают из морей в ручьи и речки, к истокам своего происхождения. Зов предков. А люди откликаются на этот зов, если поманит интерес. Они же как вода в соединенных между собой речных протоках, которая перетекает куда направлен естественный или устроенный уклон. Вот и сам утек когда-то из деревни, потому что уничтожили родной заводик, где он работал наладчиком. А в двух часах ходу на своих двоих разверну-

лась большая стройка. Возводили электростанцию и городок вокруг нее. Ну, и кому нужна деревня при такой занятной перспективе? Ровесники и кто постарше — все ушли на стройку. Многие из них забыли дорогу к дому. То некогда, то ненастье и бездорожье, то хочется поваляться на песчаном пляже, а не упираться в огороде с лопатой или тяпкой.

Иван тоже тяготился от необходимости тратить время на огород. Его всегда лишало покоя постоянное пристрастие, противостоять которому не нашлось бы сил. Притягивала, как магнит железо, многоликая таинственность живой природы и подталкивало желание ее изображать.

Еще мальчишкой заметил, что пространство вокруг переполнено всевозможными видениями. Куда ни глянешь: на гору, на ствол березы, на облако, на заросли в болоте, на что угодно, — всюду мерещатся знакомые и незнакомые фигуры, очертания понятных и неведомых существ. Даже сны несли такое разноцветье, какого не увидишь наяву.

Но вот что удивительно: чем дальше уходил в наплывающие годы, тем яснее видел явления из давних лет. Наверное, не просто так маячит перед глазами обычная для комнаты стена, перед которой до сих пор стоит его кровать. Когда ложился спать, то стенка будто оживала. На выбеленной известковой плоскости различные полоски, трещинки, извилинки, почти невидимые выпуклости, шероховатости, отсветы и тени под острым взглядом начинали соединятся и обретали облик журавля. Царственная птица размахнула крылья и летела. Ее присутствие наполняло комнатную пустоту дарами поднебесья.

Чтобы волшебное создание не исчезло, взял карандаш и обвел тонкими линиями на стене его изящный контур. Именно эти линии стали первым шагом к рисованию. Они же подсказали, как возникает нечто из ничего, вернее, из собственного воображения.

Добавило азарта рисовать и другое обстоятельство. До поры до времени не придавал значения случайным наблюдениям, которые, как оказалось, имеют глубокий смысл. Всего-то ничего: ехал в автобусе, смотрел в окно. Темнело. Фонари на столбах рассеивали полумрак. Вдоль дороги двигались прохожие. Над головами поднималось столбиком белое мерцание. У кого-то оно тянулось в высоту, у других струилось чуть-чуть над шапкой, а над иными воздух не светился. Похоже, что по асфальту проходили живые тени и неживые. Попросил соседа по сидению заглянуть в окно и объяснил, куда надо смотреть. Тот долго щурился перед стеклом, усмехнулся, развел руками. Он ничего особенного не узрел. Хорошо, что психом не обозвал, не покрутил пальцем у виска.

Значит, не дано, не так глаза устроены. Но любопытно, те, иные, без света над головой, может быть, без света в голове? Энергетическая опустошенность? А если в них сила темная, адская? В мироздании все представляет из себя разновидности энергий. И сознание людей не что иное, как энергетический поток, который порождает мысли, слова, поступки. Красочные картины — зримая материя этого потока. Через художество можно понять духовное начало человека, увидеть оболочку ощущений света, цвета, звука, добра и зла.

Перед убытием в деревню замучил себя фантазиями о бесподобной композиции, которая возникнет на стене вокруг летящей птицы. Журавль получит оперение и воспарит над краем. Под его крыльями предстанет улица в своем сегодняшнем и прошлом виде. Готовых уличных пейзажей множество, а еще больше приметных мест в округе. Задумка, от которой и страшновато, и восторг.

В другие годы у береговой тропы открывалась редкая картина. Заречная долина почти до горизонта была заполнена водой и становилась похожей на обвалившееся небо, по которому несло набухающие синевой глыбы облаков. Сырые вихри закручивали, загоняли облака под заросли из старых верб и кленов, где они превращались в присмиревшие тающие льдины. А на течении у кустов обломки льдин вставали на дыбы, лезли на сучья, до белизны сдирая с них кору.

В этот раз ничего подобного не происходило. За всю зиму река застыла на десяток дней. Ожидаемый разлив не состоялся. Впервые не приплыл с верховий лед. И даже вода в реке не замутилась. Весна без половодья, как человек без радости.

Впереди старая, разлапистая верба. Около нее просиживал часами. Отсюда рисовал заречье, а из омута под нависающим над водой стволом выхватывал на удочку горбатых окуней. Без этой вербы в композиции не обойтись. Она особенная. Если бесконечный пояс из летних деревьев у реки назвать зеленым ожерельем, то эта верба в нем — серебряный кулон. Зимой она похожа на многоглавого дракона. Толстые ветки, как удавы, сворачиваются кольцами, переплетаются между собой, вытягиваются в стороны, будто ждут добычу. А когда их перебинтует снежная метель, от редкостного зрелища глаз не оторвать.

Весною, как сейчас, верба превращается в великанского цыпленка. Из тысяч почек лезут желтые, нежные пушинки, как на тельце маленького чуда из куриного яйца. Позже пух осыплется, а высунутся узенькие язычки белесых листиков. В них есть налет зеленого, но они больше белые. Бирюза под серебром.

Странное дерево всегда словно подсказывало что-то. Оно выглядит то поникшим, хмурым, то задумчивым, то настороженным, а бывает и восторженным, веселым. Это заметно по рисунку ветвей, листвы. И, удивительно, что их любой расклад одаривает подходящим настроением.

Иван остановился, слез с велосипеда. И не поверил своим глазам. По заречным заливным лугам громыхает трактор. Подумал, сено перевозит. Но за ним тянулись, как черные канаты, длинные борозды. Кому-то вздумалось распахивать придонскую пойму. Хотя, хозяин — барин. В этой глуши ему никто не помешает. А вдруг в реке прибавится воды и она выйдет из берегов? И поплывет сорванная с места луговина по течению...

Перебивая грохот трактора из заболоченных крепей Стародонья донеслись крики журавлей. Изломанные, перекрученные, пронзительные возгласы, полные тоски вселенской и колокольной силы. Невозможно устоять на месте от бушующего напора голосовой стихии. На какой палитре найдутся краски, чтобы изобразить тревогу журавлей? Они же не чирикают — трубят...

Встречный ветерок окатил волной табачного дымка. На краю омута показалась плоскодонка. Она двигалась бесшумно. Мужик на корме умело греб коротким деревянным веслом, а второй, как коня на вожжах, держал на натянутой веревке плывущую по течению сеть. Обычно такая рыбалка — занятие ночное. А тут, пожалуйста, среди бела дня.

Следом за рыбаками, только подальше от них, к середине реки, возникло черное бревно с расшеперенными сучьями. Оно покачивалось как живое, клонилось острыми обломками в разные стороны, будто крупный олень, ворочая рожищами, направлялся, куда ему надо. Позади бревна рассекало воду нечто похожее на вытянутую фигуру человека в одежде. На волне, как на подушке, голова. Над ней треугольником горбатилось

плечо. По бурунам угадывалось тело на боку. Рук, ног не видно, не разобрать. Понятно, живому человеку нечего делать в обжигающей холодом воде. А если так оно и есть? А если человек тот самый, о котором недавно говорили, что пропал бесследно? О купле дома договорился, но деньги не успел отдать. Покупку обмыл с соседями досрочно. И как в воду канул. Позвонить бы. Но кому, куда? Не поверят. Скажут, если что-то мерещится, перекрестись. Рогатые бревна везде плывут. Но все равно такая встреча — не лучшая примета.

Пока жил и работал в городе, деревенские подробности мало привлекали. Думал, лучше не вникать в сторонние дела. Да и бесполезно. Когда под корень уничтожили местный заводик, выпускающий хорошее винцо, варенье, соки, поверили удалым говорунам, что таким путем они организуют трезвость. Оказалось, организовали передел всего. Винцо доставили из-за бугра по личным коридорам, проложенным говорунами. А у деревни выбили из рук работу. Свернулись ягодные плантации, сады. Исчезло заготовительное овощное производство. Не стало целых огородов чеснока, закрыли фермы... Теперь взялись распахивать луга. При этом брошенных полей не пересчитать. Поля пустые. Как обозначить на картине пустоту? Взять белый лист бумаги и вставить в рамку? По сравнению с этим белым известный черный квадрат настоящий клад. Он — бездна таинств ночи, в которой всему начало и конец. А пустота — бесцветна и бессмысленна. Бессмысленное поведение людей и надо изобразить.

— Эй, привет, — раздалось за спиной из пустоты. — Что там?

Иван обернулся. Как не заметил раньше? К нему приблизилось стадо черных быков и подошел пастух с кнутом, узбек или таджик.

— Там странные коряги, — ответил и спросил, — а чьи быки? Кто владелец?

— Большой начальник, — пояснил пастух. — У него по всей губернии пастбища. Теперь перевезли быков сюда. Тут много корма и воды. Мраморное мясо будет.

Непривычно видеть комолых быков. Никаких рогов. Они пугливо шарахались от велосипеда. Когда-то на этом месте располагалось общественное стойло. К обеденной дойке сгоняли несколько уличных коровьих стад. Хозяева рогатых жили в каждом доме. Сразу вспомнилась история последней уличной коровы. Ее хозяйка собирала по горам целебную траву и по выходным торговала ею на городском базаре. Соседи узнали, что травница продает, как она говорила, свою кормилицу. Удивились, спросили. Сказала, невыгодно держать скотину, да и тяжело. С кормами стало плохо. Выгоднее продавать траву. И хлопот поменьше.

Корову увели в соседнюю деревню через мост. На следующий день буренка объявилась в родном дворе, о чем предупредила басистым ревом. Ее снова увели, закрыли в загоне на берегу. Так она переплыла широкую реку и громогласно пришла домой. Травница в слезы. Уже хотела вернуть за продажу деньги, да не успела. Буренку за ее подвиги отправили на мясо. Сказали, что не поддается дойке, кусается. И вовсе не корова она, а злющая собака.

Сцены с коровой и быками пригодятся в новой композиции. Уместны трактор на лугу и рыбаки, и бревно с прицепом. Стена широкая, всему найдется место. Не потерять бы ощущение утраты. Оно, похоже, главный персонаж.

Иван отъехал недалеко, снова остановился, соскочил с велосипеда. Дальше — каменистый склон горы. Отсюда начинается белая дорога.

Здесь всегда кажется, что топаешь по выбеленной стене или перевернутому потолку. При каждом шаге дорога отзывается отдаленным гулом, который пробивается из глубины, из-под каких-то толстых напряженных сводов, запечатавших отзвуки тысячелетий.

Среди накопленных этюдов есть изображения распадков между склонами. Весною они залиты голубизной, которая как музыка исходит от колокольчиков — цветов дикого льна. На меловых уступчиках, над этой лазоревой мелодией, поднимаются метелки ковыля. Сначала зеленые и острые щетинки можно спутать с длинными осочинками. Но вскоре они становятся пушистыми, превращаются в плотные седые гривки, дружно склоняются в одну сторону и ходят пенистыми волнами на ветру.

Посмотришь на распадок с расстояния, глаза закроешь, а перед тобой по долине несутся табуны коней. За высоким разнотравьем не видно всадников, полощутся только белые гривы на вытянутых шеях скакунов. Легко представить, что перестук копыт пробивших белую дорогу, вонзившись в меловую твердь, возвращается неясным эхом.

Однажды, наслушавшись подземных отголосков, вместо этюдника взял лом, вскарабкался на самый звучный срез горы. Ударил железом всего несколько раз, камня не выбил, как прибежали любопытные соседки, выхватили из рук тяжелый лом, зашумели. Зачем зовешь беду? Зачем ломаешь, чего не строил? И никаких объяснений не принимают. Убирайся, пока не налетел на свою тайну. Про нее знают, кому не лень. Иди да посчитай, сколько на улице калек, желавших покопаться в меловой коре. Оно и правда, лучше не долбить неведомое, ударишь по запалу. И может ахнуть оглушительно истинное эхо от ожившего в горе чудовища войны.

Иван взошел на холмик, где появлялся с ломом. Чуть ниже, как и раньше, развалилась выбитая в скале продолговатая траншея. На ее высокой стенке отчетливо виднелись вмятины от колес тяжелого орудия и пролом для мощного ствола. Отсюда в сторону города летели через Дон фашистские снаряды. Над проломом, как ни странно, выросла пушистая сосна. Иван воспринимал ее как знак противоборства мертвого с живым. И на тебе: безумная нелепость. Сосну срубили. На одном эскизе зеленая красавица в лучах закатного светила становится подобием вспышки огневой на фоне красных монастырских стен, вблизи которых зародилась деревенька. Там начало улицы и спуск с горы, а рукой подать — родимая усадьба. Удивительно, сколько несовместимого и разного слилось в одно.

— Здесь твои медведи, Шишкин, дремучий лес и будущий музей, — сказал Иван, подруливая к дому.

Не успел сойти с велосипеда, соседки окружили. Новости посыпались, как из короба. Местную шпану забрали, подозревают в убийстве чужого человека. К воде ведут улики. Появился фермер. Запугивает стариков, что приберет к рукам все брошенные огороды. Хвалится, что может перекроить любую нужную ему усадьбу. А сам он с наркотиками связан. Пацан, пастух его баранов, катался на мотоцикле и разбился. Оказалось, что в его крови отрава, которую вкалывал ему хозяин. Сосну на нашем склоне видел? Исчезла. Люди наблюдали, как фермер под Новый год ее спилил. Сам в деревне не живет, бывает наездами, а беспредельничает постоянно. Еще беда с учителем случилась. Похоронили. Внучек из города приехал и избил. Пообещал добавить, если срочно не перепишет на него свой дом. А дочка пообещала упечь отца в психушку за то, что нанимает в помощники бездомную бродяжку. Умер от приступа сердечного. Начали бумаги разбирать, а там завещание на внука.

Соседки стрекотали как сороки. Им про все известно. Спохватившись, чуть не забыли: с тебя, Иван, две тысячи. За тебя внесли приезжему предпринимателю. Пообещал на нашей улице отремонтировать дорогу. Деньги нужны для взноса, чтобы выиграть какой-то конкурс, объявленный по интернету. Божился выиграть.

Спросил бабулек, а за отданные рубли расписку взяли? Увы, расписок не было. Значит, ушла дорога приезжему в карман… Сюжетик для рисунка очень занимательный!

Сороки стрекотали, довольные прибытием соседа. Иван поднялся по ступенькам на крыльцо. Уже ключ достал, чтобы открыть замок. Но что-то его насторожило. Запахло гарью. Потом раздались заунывные, тягучие причитания. Не то молитва, не то плач? Соседки успокоили, не надо обращать внимания. На дело вышел Аллилуйщик. Пенсионер. Бывший специалист по электричеству. Отбыл свое на производстве в городе, теперь живет через три дома. Продал отцовские паи-гектары, сестру в наследстве обездолил. Нашел себе занятие: по выходным куда-то уезжает помолиться, по будням распевает здесь.

Быстрыми шагами Иван метнулся в дальний огород. Там, за деревьями, поля, заросшие осокой, пижмой, донником, чертополохом. Прошлогоднего бурьяна выше головы. На тропе увидел приземистого мужичка. Тот семенил коротенькими ножками, покачивался, будто его колышет ветер, спотыкался о траву. Пока двигался, гнусавил: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя». Когда приседал, твердил протяжно: «Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй». В этот момент чиркал зажигалкой и поджигал траву.

— Уважаемый, перестань устраивать пожары, — сказал Иван.

Опершись на четвереньки, мужичок, взирая мутными глазами в небо, оторвал руку от земли и замахал ею, словно отгребал землю.

— Сгинь, сатана! Сгинь! — воскликнул он, поблескивая сталью зубов.

И снова понеслась над огородом аллилуйя…

Что делать? Человек в бреду. Переговоры невозможны. Богомолец в жестоком трансе. И будет находится в этом состоянии не меньше месяца. За это время выжжет всю округу. Под «господи, помилуй» уничтожит на лугах все гнезда жаворонков, перепелок, куропаток. Спалит зайчат, бесчисленное паучье население, все муравейники, достанется и чьим-то яблоням, малинникам. И даже мирные сурки в своих убежищах на склонах гор хлебнут огня и дыма.

Похоже, что волна природных аномалий, накрывшая погоду, насекомых, прихватила и людей.

Заканчивался день. Наконец, Иван уселся перед стеной, уперся взглядом в белую фигуру журавля. У ног и вдоль стены разложил цветастые этюды — фрагменты будущей картины. Под крыльями, словно под солнцем, у разбитой пушки на траншее поднимется еще не срубленная сосна. У края слева вздыбятся обломки красных стен монастыря. В правой стороне уместен кирпичный замок владельца тутошних земель. Стену разделит белая дорога… В картине будет преобладать пейзаж. Он станет основой для любых историй…

Уже темнело. Становилось зябко. Хорошо бы печку затопить. За дровами пошел в сарай. И вдруг услышал страшный рев. Орал какой-то зверь, попавший в яму и напоровшийся на острый кол. Рев переходил в рычание. Неужто из кого-то тянут жилы? Неужто распахнулись двери ада?

Побежал к соседкам. Те извинились, что не предупредили. Из города

вернулся еще один селянин. Здесь недавно, но кличку заработал точную — Тарзан. Мужик нестарый. Служил где-то по контракту. Чаще всего, когда стемнеет или на рассвете, над улицей летит ужасный крик. Кто не знает, откуда пугающие вопли, стараются укрыться от угроз. А кто наслышан про дикий ор, скажут: Тарзан очнулся. Что там накипело на душе у крикуна, какой напряг рвет горло, никто понять не может. Когда соседи встречают его около дома, пока трезв, просят, чтобы орал потише, а то дети пугаются, собаки начинают лаять. Тарзан крепко стискивает губы и сильно прижимает к ним вытянутый палец. Это означает, что замолкаю как могила. Но только на дворе темнота — снова громыхают джунгли.

Час от часу не легче. Каких еще подарков ждать? Кто городу не нужен, мало пригоден и в деревне. Он здесь не свой и не чужой. Да и сама себе деревня больше чужая, чем своя. Ее изломы заметны всюду.

На улице затишье. Собаки утихомирились. Вероятно, Тарзан заснул. Пора и самому на отдых. Сейчас журавль взмахнет распахнутыми крыльями, взовьется, утянет за собой, как уже бывало. А завтра он отправится в полет не белым, а в перьевом торжественном наряде. С него начнется живопись и новая картина.

Апрельская заря приходит рано. Привычка долгих лет — вставать чуть свет. С крыльца услышал: «пок-пок-пок»... Будто лопаются пузырьки. Оглашают свое присутствие лягушки в родниковом озерце. У забора распустил кисточки соцветий, похожих на десанты парашютиков, высокий ясень. Сейчас в осинниках, орешниках на склонах гор по стокам талых вод, ломая ржавую листву, встают шеренгой великолепные сморчки, грибы с неповторимым запахом весенней свежести. В огородных вербах подняли трескотню-переполох дрозды. Устроили погони друг за другом. От реки донесся журавлиный крик. Крик громкий, непрерывный, жалобный. Он приближался. Журавль летел вдоль улицы, почти над крышами. И вдруг — «ба-бах». Гром выстрела. Журавль умолк. В ушах застрял тяжелый звуковой раскат. Кто там воюет? Кому мешает птичья песня? Уже через минуту Иван стоял у дома, где зависла пороховая гарь. По двору с улицы тащился утлый, как огурец, мужик. Голова белая с наклоном, будто готов бодаться. Ноги колесом. Руки длинные, паучьи. Одной рукой держал за ствол ружье, другой — волок за ноги журавля. Увидев подошедшего Ивана, сделал в его сторону выпад ногой, притопнул и рыкнул как собака. И стало ясно, что встретился Тарзан.

— Ты кто? Какого дьявола блудишь по чужим дворам?

— Услышал выстрел.

— Тебе какое дело? У меня праздничный салют.

— По редким птицам?

— Птица подвернулась под раздачу. Хочешь правду знать? Смотри.

Тарзан сдвинул в кучу ружье и журавля, вынул из кармана согнутый пополам конверт, из него достал листок бумаги и протянул Ивану.

— Изучай.

Листок был копией документа о награде бойца орденом за подвиг на войне с фашистами. Перед атакой боец сумел пробраться в тыл врага и уничтожить огневую точку. Атака удалась.

— Это про моего отца. После войны Красная Звезда лежала в ящике стола, и никто не знал, за что отцу награда. Сам только повторял, что за Победу.

Иван еще раз пробежал глазами по документу. Понял, что это ответ из военкомата на запрос семьи.

— Помнится, Александр Матросов сделал тоже самое. Он получил звезду Героя. Погиб на амбразуре. А твоему отцу просто повезло. Радоваться только.

— А я и радуюсь. Письмо прислали вчера вечером, — объяснял Тарзан. — Теперь я знаю правду. Поэтому устроил утренний салют. А птица мимо пролетала. Да еще кричала громко. Решил, что лучше ей рот заткнуть, чем палить в пустое небо. Идем, выпьем за отцовский подвиг.

Иван поднял с земли спустившееся с неба после выстрела большое черное перо, пошел домой.

Тарзан сейчас напьется, начнет орать. Люди скажут, мужик свихнулся. Возможно, так и есть. Но совершенно точно, в душе у человека перелом. Закрытый.

Утренняя встряска прояснила сюжет картины. Теперь на меловых камнях у срубленной сосны рядом с разбитой пушкой будет стоять мужик на костыле и целить из ружья по журавлю. Птица на стене должна остаться белой, без оперенья. Лишнее оно для улетевшей в вечность. А черное перо больше не упадет на землю. Оно не нарисованное, а настоящее, вставленное в стену, зависнет в вышине над улицей. Белый журавль все равно когда-то улетит за своей стаей. А черное перо останется частицей правды.

Откуда-то возник укор. Кому какая польза от его стараний, открытых чувств, свидетельств о красотах и неправедностях жизни? Только самому? Он — кто? Заметил — оценил, усвоил — описал, нарисовал. Просто — наблюдатель. Назвал какие-то деяния своими именами? Ну и что? Совершил открытие? Выдал чьи-то тайны? Пресек абсурд? Да ничего такого! Оправдывается перед самим собой, что не причастен к переменам на своей улице? Возможно. Хочет показать, что понимает причины перемен? Пожалуй. А толку-то? Что может пчела без жала?

Кстати, еще один пенсионер вернулся из города в деревню. Устроился на краю улицы. Рассказывают, что у него самые выгодные пчелы. Селекционеры сумели вывести вид насекомых, которые добывают мед, но никого не жалят. Лишены природного инстинкта. Хозяин окуривает их специальным сизым дымом. Очень влиятельный и сильный дым.

Вспомнив про это, Иван даже встрепенулся, грусть улетучилась. Сработала практическая сметка. Картине понадобится рама. Конечно, нарисованная на стене. А что может быть лучше своеобразного сизого облачка, окутывающего по краям всю композицию? Облачко дурмана прошито пестрыми цепочками летящих пчел. Незримый ветер скручивает клубы дыма в разжатую спираль, уносит в стороны границы стен и открывает улицы лицо…

В КОСТРЕ БАБЬЕГО ЛЕТА

Вчерашний день — сплошное сумасшествие. Навалилась тяжелая и мрачная тоска. При этом окатило раздерганное беспокойство, которое сменилось усталым безразличием, апатией, хотелось выкрикнуть: а провались все пропадом в тартарары! Но требовалось неотложно самой себе ответить, что, в конце концов, произошло? Ее привычный мир трещит по швам. Вероятно, кто-то думает, что живет, сообразуясь, приспосабливаясь к обстоятельствам. На самом деле всюду царит обман. Обман потому и не бросается в глаза, что воспринимается как образ жизни, способ отношений. На него смотрят, как на игру, кто кого пе-

рехитрит, или как на конкуренцию, или как на что-то выгодное. Даже пословицу придумали: обмани ближнего и возрадуйся, ибо ближний обведет тебя. Так жить нельзя, ты — не Маха, которой все равно, а просто — Маня.

* * *

Маня вышла на крыльцо. Солнце еще не показалось на горизонте. Заря, похожая на широкий, выпрямленный обруч радуги, отсекла небо от земли. По сторонам даль голубела, объятая плотным, холмистым туманом. Дунул ветерок. С придорожной березы посыпались, замельтешили роем золотых бабочек сухие листики. Вот и конец бабьему лету.

Маня посмотрела в гущу березовых ветвей. Подметила, удивленно, что никакой гущи уже нет. Пышные водопады из волнисто свисающих тонких древесных прядей стали подобием поредевших, жиденьких косиц на неприбранной и поседевшей старушечьей голове.

Еще недавно утренняя заря открывалась утонченными, мечтательными посвистами иволги. Птица, сравнимая с солнечным просверком, собрала в своем голосе медленные вибрации тягучего ветра, тревожную магию лунного свечения, жемчужные переливы звуков свирели. Заслушаешься, забудешь обо всем. А тут с вершины березы раздается утробное бурчание дикого голубя. Да ладно бы, бурчал себе, как чем-то недовольный старый человек. Но нет, твердит без конца картавыми словами: страдайте, страдайте, люди…

Во имя чего, за что страдания? Догадывайтесь сами. Вам ли не знать? Маня понимает, что заклинания небесного посланца бьют в точку. Они адресованы именно к ней. Их надо безропотно принять. Да и не остается ничего иного. Сразу после привычной, но последней прогулки, последней за годы, прожитые в этом приютном для души и взора уголке природы, она погрузит в заказанную машину собранные узлы, корзины и уедет. Грустно. Обидно. Жалко.

Настал момент подумать и назвать точным словом беду, из-за которой разом размеренное, безобидное существование полетело под откос. Неужели подвела собственная доверчивость и непрактичность? А может, вызывающая привлекательность и безоглядность поведения? Попробуйка увидеть заковырку, из-за которой весь сыр-бор?

По большому счету причина в перемене жительства. Но из города уехала в деревню по неотложным, вынужденным обстоятельствам. Надо было выхаживать тяжело заболевшую сестру. А уже позже, приглядевшись к первобытным особенностям края, решила, что в этом закоулочке природы для нее открылся райский уголок. Купила недорогой, уютный домик и поселилась в нем. Вдобавок здесь ее ждала любимая работа. Сельскому клубу нужен был специалист, владеющий музыкальным инструментом и певческим талантом. И бывшая солистка филармонии, пребывающая в статусе пенсионерки, с охотой принялась за дело.

Концерты, фестивали, смотры… Ее женский хор всегда на высоте. А собственное соло взбудораживало зрителей, заставляло волноваться, трепетать. В чем тут беда? Одна услада бесконечная. Однако есть зацепка. На последней репетиции один за другим раздались два звонка. Сначала позвонила внучка, наследница сестры, выпускница строительного института. Молила о помощи. Не хватало пятидесяти тысяч рублей для расплаты за кредит на квартиру. В запасе таких денег не было, но пообещала

внучке, что обязательно выручит ее. Певуньи находились рядом, слышали суть разговора. Когда Маня повернулась к ним с вопросом, кто богат, дружно развели руками.

Только запели, снова звонок. Прервала репетицию. На этот раз голос долетел из далекой Карелии с острова Валаам. Очень редкий и неожиданный звонок. Даже переспросила, чтобы точно знать, кто вызывает. Да, да, это был спокойный, без восторженных восклицаний, голос мужа. Хотела сказать, Петя, рада тебя слышать, а получилось холодновато: Петр, в чем дело?

Петр, несомненно, уловил меру отчужденности в вопросе, но поддерживать недружественный тон не стал. Сказал, что обустроился основательно. Условия и порядки на Валааме — лучше не придумаешь. Если пожелаешь, можно переселиться к нему. Даже найдется подходящая работа.

С налета не ответишь. Конечно, надо бы обрезать сразу, сказать, что не собирается срываться с места, а она, не зная для чего, завела унылую пластинку, мол, переезд в далекий край — событие и притягательное, и тяжелое. И домик надо продавать, расставаться с родными и коллегами не хочется. Тема интересная, но надо основательно обдумать…

Это только сейчас, когда она идет в последний раз по всклоченной красной дорожке из перепутанного спелого спорыша, явилась догадка, как возникли слухи об ее отъезде и быстро разнеслись по улице. Ясно, кто-то из подружек любезно постарался еще по ходу последней репетиции. Фактически короткие и пустяковые переговоры с мужем стали началом грязного обмана. Стоп, стоп, если честно, то она сама была готова обмануться. Но мимолетное общение с Петром стало пророческим.

Глянула на часы. В запасе минут тридцать. Тропа ведет к семейству тополей над берегом реки. Деревья разрослись просторным кругом. Летом они создают огромный теневой шатер, а осенью над обрывом возникал мираж какого-то невиданного храма с множеством золоченых луковичных колоколен. Когда солнечные лучи разливались по куполам, над лугом поднималось радостное сияние. Невозможно было не идти на этот свет, невозможно не наполниться восторгом. Пир полыхающего разноцветья дурманил голову как вспышка от наката весеннего хмельного самовольства. Но сейчас стволищи тополей вытянулись зелеными свечами, а на месте молитвенных куполов расшеперились обтрепанные ветром метелки да веники. Есть чем небо подметать. Исчезло, будто и не приходило бабье лето. Остались головешки от костра.

Эх, годы, годы. В них обнаруживаешь сходство с бумерангом. Беззаботно наполнишь их добром и мелкой пакостью, потом сполна получишь по заслугам. Но в первую очередь расплатишься за пакость. Чего греха таить? Уехал Петр на Валаам не потому, что он плохой мужик, хотя зануда. Не потому, что надоел проповедями из церковных книг, настойчивыми утверждениями о своих встречах с НЛО, болтовней о прибывающих пришельцах и рыночной неразберихе. Пришельцами он называл тех, кто портил жизнь и кого понять не мог. Уехал от вранья, которое она старалась завуалировать под неизбежность своей работы.

Сейчас понятно, что когда-то свела их мода на профессии. Было такое странное поветрие. Он — бортинженер экипажа дальней авиации, она — певица после музыкального училища. Встретились на соревнованиях по спортивной гимнастике. Спорт закреплял их узы. Концерты приносили душевное тепло. Она — на сцене, он — в первом ряду. А дальше —

он на север страны, она — на юг области. Бесконечные полеты и гастроли. Душевное тепло рассеивалось в пространстве.

Гастрольная работа не из легких. Дневные переезды до сельских клубов, подготовка к исполнению программы, множество других нюансов командировочного быта сродни походной жизни. Заметно уставала. А тут самой на удивление случилось все наоборот. Домой вернулась бодрая, веселая. Даже Петр заметил и сказал, что носишься будто на крыльях, и правда, похоже, крылья отросли. А как им не отрасти, если после концерта подошел статный, молодой мужчина с закрученными вверх усами, представился художником, рассыпался в высоких похвалах о ее голосе и внешности. В очень деликатной форме выразил неистребимое желание видеть ее на своей картине истоком вдохновения на каждый день. Подумала, что ради вот таких признаний и стоит заниматься своим делом. Еще ни от кого не слышала подобных слов.

Договоренности осуществили в тот же вечер. В райцентре рядом с Дворцом культуры находилась художественная мастерская. После дневных трудов входила в нее и превращалась в неведомую для себя до нынешней поры богиню Маху. Надо было лежать на подиуме, а художник, находясь поодаль, красками переносил желанный облик на огромный холст.

Условились, что будет копия с шедевра знаменитого испанца Франсиско Гойи «Обнаженная Маха». Только лицо на свежем полотне станет портретом Мани. Впрочем, в очертаниях фигурок этой и другой наблюдалось больше сходства, чем расхождений. Неделя упоения искусством пронеслась как миг земного волшебства. Он говорил ей — моя Маха, она, когда была необходимость в слове, — Гойя. Он ей нашептывал: ты истинная Маха и создана повелевать не словом, а красотой. Вот видишь, я у твоих ног.

Да, глядя на картину, можно раздуться и лопнуть от собственной важности, величия. Преображение простого естества в неожиданную драгоценность удивительно. А для чего преображение? Для вида, для утех или желания показать свою мечту, или что может быть на самом деле? Как хочешь, так и понимай. А принимай, что ближе, чему знаешь цену.

Договорились, Гойя делает две фотографии картины: одна полноформатная, другая — без Махи. Только пейзаж на заднем плане с фигуркой человека с кисточкой. Один снимок затаит, а другой будет лежать открыто на столе под листом зеленоватого стекла. Отрезанная Маха не исчезнет. Невидимая никому, она начнет присутствовать везде, где будет появляться Маня. Такая вот метаморфоза с трансформацией. Наверное, бывают игры, переходящие в реальность.

Петр обратил внимание на снимок под стеклом, но ни о чем расспрашивать не стал. Вроде бы ему не интересно. Почему-то у него не заметишь признаков ревности, хотя повод для этого легко найти. Зато он часто утверждал, что человек ни в прямом, ни в переносном смысле не может называться чьей-то собственностью. Собственной является твоя фамилия, руки, ноги, голова. Людей объединяют чувства и обязанности. Взаимность существует только на честной основе и доброй воле. Если сломалось то или другое, возник обман, — зачем прикидываться, что все в порядке? Легко сказать...

Однажды в марте предложила сходить в музей на выставку женского портрета. Смотрели, рассуждали. Остановились перед необыкновенным изображением. Привлекало в нем все: изощренная техника мазка, лью-

щийся свет по изящным изгибам тела, загадочность самого образа. Распущенные волосы скрывали лицо, обтекали открытую грудь, образуя струистый водопад, устремленный в бездну. Изображение казалось больше символическим, чем конкретным. Да и называлось соответственно: «Рожденная из пены».

Внимательно следила за лицом Петра. Ждала, что муж начнет переводить взгляды с картины на ее фигуру, отыскивая какие-то подобия. Но этого не происходило. Спросил только спокойным голосом, а смогла бы она позировать вот так? Ответила мгновенно, будто ждала вопроса, что ради искусства на все готова. Произнесла слова и спохватилась, зачем так сказала? Вдруг догадается, что видит ее зеркальное отражение. Но он все тем же ровным тоном произнес, тебе, Маня, виднее, как поступать.

Душа раздваивалась. Не хотелось признаваться, что вхожа в мастерские живописцев. И одновременно желала показаться перед мужем в картинном, чуть ли не иконном ореоле. Гордись и удивляйся!

Дома Петр сразу подошел к столу, накрытому листом зеленого стекла. Под стеклом распластанные цветные фотографии каких-то композиций. Ее коллекция. Среди картинок выделялась «Рожденная из пены». Когда-то мимоходом заметил снимок и запомнил. Красивым показался образ и будто знакомым. А теперь он стал понятным во всей своей природной подлинности. Было очевидным, муж расшифровал ее секрет.

О чем-то поразмыслив, Петр протянул руку к полке с книгами. Взял альбом с репродукциями полотен знаменитых художников, начал листать. Перед одной страницей замер, всматриваясь в иллюстрацию, потом воскликнул радостно и удивленно, Маня, так это ты! Обнаженную Маху Гойя рисовал с тебя! Только лицо другое. Но твое ни в чем оригиналу не уступит. Поздравляю. Кто бы мог подумать? Однако есть вопрос. Пейзаж на картине всего лишь фон из экзотических деревьев, а на твоей картинке под стеклом тот же пейзажик, но с усатым мужиком? У него кисточка в руке. Понятно, что художник. Но смотрит он в пустое место. А где же тут царственное тело? Кто и зачем отрезал Маху? Разве ей не место на твоем столе? Или она — секрет усатого? Да ладно, можешь не рассказывать про свои испанские пристрастия.

Да, это был большой прокол. Невозможно представить, что Петр окажется настоящим сыщиком. Да, знает она за собой особенную слабость. В минуту буйства чувственной стихии теряла голову, могла выдохнуть из пересохших губ никому не ведомое имя. Первый раз по этому поводу Петр выразил недоумение. Какой я тебе Гойя? Ты меня с кем-то путаешь. Позже, когда казус повторился, сказал шутливо, что тебе привет от Гойи. И вот — финал. И нечего сказать. Да и не стоит возражать. Все взрослые живут по-взрослому. Потомственных рефлексов, доставшихся от наших предков, никто не отменял.

Терпеливо ждала разборки своих полетов ради величия искусства, но не дождалась. Петр выложил на стол, как он сказал, билет на поезд до Карелии и приглашение работать на Валааме. Попросил присесть перед дальней дорогой. Никаких разводов и разделов не предлагал, кроме одного. Сумму собственных лет разделили пополам. Каждому досталось по шестьдесят пять.

Дурацкие обманы. Нечто вроде фокуса, а может, что-то вроде шахматной игры. Продуманный расчет с уверенностью в своем превосходстве. В дикой природе обман нередко целесообразен. Там другие ставки: жить или пропасть. Обман — беда. А люди привыкли больше процветать на

чужой беде. Обман, как живая тварь, всегда находит основания, чтобы возникнуть.

Если припомнить день последний клубной репетиции, то можно заметить первые движения этой твари. Кто-то кому-то в своей интерпретации пересказал ее телефонные беседы. Она расстроилась, озабоченная просьбой внучки. Даже переодеться не захотела. Пошла по улице в сценическом наряде. И неожиданно почувствовала, до чего же приятно пусть на чуть-чуть вернуть себе сладостные моменты молодости. Пусть и такие незначительные, как облаченье в романтические одежды времен Робертино Лоретти и Магомаева. Белая кофточка нараспашку, цветастая в мелкую складочку юбка широким колокольчиком чуть выше колен, платформа, будто на высоких каблуках. Шик! Цветущая ромашка на вытоптанном черноземе.

Кто встречался на пути, смотрели на нее, приветливо улыбались, выставляли руку с поднятым большим пальцем. А эти двое возникли как из-под земли. Раскинули руки в стороны — не пройти, потом схватились за головы, будто ушибленные. Который помоложе, прикрыл рукой глаза, а старший заговорил, что смотрит бесплатное кино, а она, Маня, есть та самая кавказская пленница, которая танцевала на придорожном валуне. Немыслимые, взрывные комплименты. Растаяла от похвал, но все-таки заметила: здесь ее ждали, так как настойчиво пригласили в дом, без предисловий сообщили, что знают, чем озабочена и готовы исполнить ее желания. Очаровательные люди.

В предчувствии свершения надежд впорхнула в комнату. Перед глазами квадратный стол, на нем закуски, большой графин с носиком, как клюв у петуха. У стены на ножках телевизор, на соседнем столике компьютер, какая-то аппаратура. По одну сторону стола — высокий стул, а два других — напротив, рядышком. На свое место уселся старший, а Маня бок о бок пристроилась с младшим. Их локти соприкоснулись и каждый друг другу улыбнулся.

Старший поднялся и заговорил, что мы с тобой, Маня, знакомы. Я — Серега, а это браток — Кирюша. Он отслужил в десанте и вернулся. Брат хочет выручить тебя. Из выдвинутого ящика стола Серега взял пачку денег и выложил перед собой. Уточнил, что здесь пятьдесят тысяч. Кирюша отдает их безвозвратно.

Растерялась от фантастического предложения. Перед тобой лежат зеленоватые купюры. Протяни руку — и внучкины проблемы решены. Ужели это правда или с головой что-то не так? Негаданно, как с небес падает удача. И нет больше душевного терзания.

Серега заметил женское смятение, руку протянул к графину. Через петушиный клюв разлил в стаканчики, как он сказал, калиновый нектар, предложил выпить за добрые дела от замечательных людей. Потом налил еще, призвал принять бальзам за продолжение добрых дел.

Приятная компания всегда согреет. Когда-то на богемных посиделках рекой лилось веселье, охватывало вдохновение, услада, хотелось петь и танцевать. А если допускали шалости, то выглядели они для Мани явлением искусства высокой пробы. А разве не Маха сидит на крепком деревенском стуле за праздничным столом? Украдкой посмотрела на Кирюшу. Даже беглого взгляда хватило, чтобы различить в его лице напоминание о близком человеке. Только недостает усов. Приятно. Маха — вальяжная, утонченная, снисходительная натура. Она не станет спорить, уточнять, подозревать. Люди шагнули к ней навстречу. И она им будет благодарна.

Серега снова поднялся, отставил в сторону графин, уставился на пачку денег. Да, да, твердил он, Кирюша их отдает тебе безвозвратно. Но есть условие. В нем никаких подвохов. Голову не надо забивать, такая мелочь. Когда надумаешь свой домик продавать, а ты надумаешь, сразу скажи нам, мы тут же купим. А эти деньги — своевременный и нужный для тебя задаток. Какую цену запросишь, не вопрос. Важно, чтобы Кирюша жил рядом. Ему надо жениться, заводить семью, хозяйство. А лучше твоего домика в округе нет. Да и ты у нас самая заветная, самая толковая из женщин.

Магическая сила не позволяла отвести глаза от денег. Слушала речь Сереги, но она не зацепляла ее внимания, рассудок. Понятно и про задаток, и про доверенность на оформление недвижимости, и про нотариуса, который может в любой момент возникнуть рядом и узаконить сделку. Слушала, а думала о внучкиной радости, когда получит сообщение о выполненной просьбе. Все остальное — обычные дела. Ребята вроде бы серьезные, не подведут.

Серега, наконец, умолк, присел на стул. Достал из ящика стола, где до того лежали деньги, листок бумаги и прочитал написанное на нем. Это была расписка в получении Марией Кудряшовой от Кирилла Мылина денег в счет оплаты за покупку дома. В скобках цифрами обозначилась сумма, которая лежала на столе. Подписывай и забирай свое, командовал Серега. Подписанный листок смахнул в ящик стола и снова поднялся в полный рост.

Теперь он изменился, серьезность, строгость, сошли с его лица, а в голосе растекалось удовольствие. Дела благополучно утрясли, всем за это низкий поклон и уважение, провозглашал он, разливая по стаканчикам из графина с петушиным клювом. Сначала пьем за нашу Маню, умницу и красавицу. Молодцы. Невежливо обойти тостом и удачливую внучку. За ее успех и благополучие. Она достойна нашего почтения…

Хорошие слова, но надо поскорей домой, чтоб внучке позвонить. Хотела встать, поблагодарить хозяев за то, что в трудный для нее момент так бескорыстно выручили, за их великодушие и прием. Но Серега сумел опередить. Начал расхваливать ее роскошный голос, услышанный на сцене клуба, просил оказать им великодушную услугу, если споет про шофера-дальнобойщика, а они подпоют.

Ну почему бы не уважить добрых людей? Песня знакомая, проникновенная. Душевные слова, красивая мелодия. Мысленно собралась, сосредоточилась, вспомнила начало и запела негромко. Братья тут же подхватили знакомый мотив и заголосили так, что ее пение утонуло в дребезге неспевшегося хора.

Нежданное прикосновение словно парализовало. Сначала обомлела, перестала шевелить губами, не знала, как поступить. В какие-то лета с ней вот так ненавязчиво, почти дружественно, но с явным намеком обходился парень молодой. Не девочка она, седьмой десяток на подходе.

Почему бы не хлопнуть по чужой руке, не оттолкнуть ее от себя. Или отодвинуть свой стул подальше. Можно повернуть голову к соседу, заглянуть насмешливо, саркастически в его глаза? Куда ты, паренек, заныриваешь? Презрительная усмешка иной раз сильнее резких слов. Да и с какой стати случайная компания, в которую вошла по важной, деловой причине, протягивает к ней незваные ручонки? Очнись, Маха!

Прошла минута, другая. Застольная песня продолжалась. После слов, озвученных захмелевшими солистами: я хочу, шофер, чтоб тебе повезло,

опустила свою маленькую, похолодевшую ладошку на сжимающие ее коленку крепкие пальцы. В тот же миг Кирюша выдернул пальцы из-под ладошки, накрыл ручонку своей лапой и перекинул ее на себя.

Голос Сереги долетал будто издали и казался совсем ненужным. Вы тут без меня обсудите, как лучше провести куплю-продажу. А я смотаюсь к нашему нотариусу, заверю все договоренности. Твой паспорт нужен, Маня. Дрожащею свободною рукой взяла из сумки паспорт.

...Вдруг музыкальная волна накрыла голову. Запел Газманов про свою морячку. Возникли штормовые ощущения. Серега весело заговорил, поспать ты, Маня, мастерица. Поднимайся, будем дело закруглять. Кирюша рассказал, что вы договорились обо всем. А ты как будто загрустила? Это не к лицу. Читай и торжествуй. Исполнилось твое желание.

Захлопала глазами как кукла. О чем договорились? Что сладилось? Задаток? Это правда. Взяла ближний листок. Доверенность. В ней просит Кирюшу исполнить оформление продажи ему своего дома при условии, что дом перейдет в его владение через сто дней после подписания доверенности. Дата, подпись, печать. Да, что-то говорили.

Другой листок. Расписка в получении от Кирюши пятидесяти тысяч рублей задатка от суммы за продажу дома. Задаток получен как заем с десятипроцентной ставки за каждый день. Если договор продажи не будет нарушен, то ставка обнуляется и задаток входит в общий счет оплаты. Если договор ею будет нарушен, то выплатит покупателю заем по ставке. Дата, подпись, печать. Понятно, зачем ломать договоренности.

Серега начал успокаивать, что все нормально, не надо сомневаться. Кирюша мужчина хоть куда, надежный. Ты ему велела ступеньки на крыльце отремонтировать, он и ушел делом заниматься. А еще ты ему предложила к себе переселиться, приглядывать там за порядком.

Серега посмотрел с умильной хитрецой и вкрадчиво спросил, а что такое Гойя? Кирюша несколько раз услышал от тебя это непонятное словцо. Хотела возразить, но получилось только — не может быть. Может, может, услышала в ответ. Серега поставил перед ней аппаратуру, которая располагалась у компьютера, нажал на кнопку. Послышался нетрезвый разговор о продаже дома, запели про шофера, снова какой-то бред, шуршание, ее возгласы: Гойя.

Глаза не поднимались на Серегу. А тот продолжил весело докладывать, что в его доме все прослушивается и просматривается. Видеокамера на столе. Вот она, в крышке графина. Если есть желание посмотреть кино, пожалуйста. При случае и в клубе перед концертом можно показать, да и в интернете повеселить людей. Но, думаю, для этого не образуется причина. Ты, Маня, умно поступила, зацепив Кирюшку. Теперь, можно сказать, он тоже хозяин в твоем доме. Твой-то бывший подвел тебя, покинул. А этот не подведет. Так что терпеливо будем ждать сто дней.

Эх, Маха, Маха, дала ты маху. Как бабочка осенняя летела на цветок, а это был костер. Крылышки, лапки подпалила, несет тебя по воле ветра. И занесло из певческой светлицы в прилично обустроенный свинарник. Кирюша быстро проявил хозяйственную хватку и сноровку. Привез откуда-то десяток визгливых поросят, уговорил на время холодов устроить их в сенях. Туда всегда открыта дверь. И резвые зверята, как ни сторожи, все равно прорываются в комнату. Нет и уже не будет от них спасения. Хоть пой, хоть вой — тупая обреченность.

Это точно, наступил час расплаты. Бывало, еще в городе отчитывала Петра за то, что под его ногами скрипела половица, когда ложилась спать,

а он проходил рядом. Несвоевременное бурчание в унитазе тоже раздражало. А радио — чтоб только шепотом. И вечный поиск крошек вокруг него — причуда из причуд. Демонстративно махала веником везде, где он сидел или стоял, явно намекая, что крошки — он сам. И вымела, в конце концов. Проявлялась паршивая и мелочная месть Петру за окончательную расшифровку Гойи.

Оказывается, в Махе обитала интриганка, умелая, но и трусливая. Признаться, неприятно вспоминать, как чуть не умерла от какого-то мистического страха. Над дверью звякнул колокольчик. Пошли на выход вместе с Петром. Открыли. За порогом стоял высокий, статный молодой мужчина с приметными, закрученными концами вверх усами. Позже Петр расскажет, ты, Маня, побелела лицом, как лист бумаги, за косяк схватилась, чтоб не упасть. Усатый тоже заметил нечто неожиданное для него. Извинился за внезапность появления. Объяснил, он — муж подруги Мани из соседнего райцентра. Она тоже певица. Здесь проездом. Забежал попутно, чтоб просьбу жены передать. Мы собираемся в поездку на Валаам. Жена захотела пригласить с собой Маню. Будет ждать ответа.

Волнение исчезло. Пришлось сказать, что предложение заманчивое, когда обдумает, то сообщит.

Конечно, отправиться в такой поход — мечта. Но Петр через минуту мечту разрушил. Подошел к столу, увидел экзотический пейзаж на отсеченном снимке, художника с закрученными вверх усами. И объяснил, кто приглашает в поход.

Петр как-то задавал вопрос: а почему ради искусства ты на все готова? Нашлись какие-то высокопарные слова про утверждение вокруг себя прекрасного начала, про жертвенность во имя красоты. Петр возмутился, а жертвенность при чем? Тебе необходима ширма, чтобы прятать за нее слабости и пороки.

Прав оказался Петр. Иначе не сидела бы она в свинарнике с Кирюшей.

Закончились твои концерты, Маня. И репетиции закончились. После той, последней, поехали в райцентр, на фестиваль. Расположились во Дворце культуры. Пошла посмотреть сцену. У входа кто-то тихо сказал — Маха. Подумала, что ослышалась, пошла дальше. Снова прозвучало: Маха, подожди. Подошел мужик с закрученными усами. Гойя! Ты откуда здесь? Тружусь, готовлю сцену для твоего ансамбля. Художественное оформление всего, что происходит во Дворце, моя работа. Я больше не пишу портретов. Твой был последним. Жена явилась в мастерскую, вонзилась взглядом в наш шедевр, заревновала, взбесилась. Приказала, или я сейчас ножом кромсаю полотно, или замазываю лицо дамочки и вместо него пишу ее физиономию. Новую картину повесили в ее спальне. Пришлось исполнить. Прости, Махи больше не существует, есть Маня, талантливая, милая певица.

Вот так: думаешь, что ты на небесах, а по сути, ты там и не была, обитала со всеми на земле. С фестиваля возвращалась поздно. В доме горел свет и было шумно. Кроме Кирюши и Сереги за столом сидели двое незнакомых бравых мужиков. Серега представил их как своих напарников по делу. Ее назвал местной знаменитостью и самой доброй женщиной на свете. Усадили за стол, предложили выпить за лучшую артистку. Серега напомнил про успешно начатый вместе с ней стодневный марафон, сказал, что надо его закрепить, подняв стаканы. Из мужского разговора

поняла, приезжим нужен склад. На время затащат туда несколько мешков с дорогими семенами, но об этом никому ни слова.

Да нет ей дела до чужих мешков. А семена успела разглядеть, когда споткнулась о мешки. Из них торчали сухие стебли мака.

Застолье затянулось. Дошло до песни. Пришлые мужики просили спеть про Любу-Любоньку, целую твои губоньки. Попробовала возразить. Лучше спеть, как зорька золотая светит над рекой. Но мужики были настойчивы. Пришлось придать огня веселью. Включили музыку. Начались пляски. От усталости и выпитого закружилась голова, ослабли ноги. Помнит, как выдернула из розетки шнур магнитофона. Кирюша и Серега ушли, а мужики остались.

Под утро, еще затемно, раздался стук в окно. Очнулась, еле встала. Пришла сестра, высказала замечание: вижу, что опять гулянка, за порядком не следишь, свинюшки сени засорили. Маня, так нельзя. Сплетни про тебя пошли. Вчера сказать хотела, но тебя дома не застала. На остановке, рядом с автолавкой, собралась толпа людей. Серега разглагольствовал, что купил у тебя дом, оформил на себя. Пока в нем поселил Кирюшу. Оказывается, Кирюша сидел в колонии, недавно освободился, нанялся в помощники к Сереге. Серега говорит, что дом ему не нужен, нужна усадьба под ферму для свиней. Так что в деревне будет скоро собственное сало. Своим покупателям со скидкой. А одна женщина сказала, что сало хорошо, но наш хор развалится без Мани. Она же лучшая певунья. Серега помахал рукой перед собой, выражая несогласие, добавил словами, от которых мне стало дурно, что вместо одной шалавы найдется другая. Я возмутилась, как ты смеешь. А он с усмешкой: есть доказательства.

В окне промелькнул Кирюша, привез на тачке от Сереги корм для поросят. Вошел в комнату без стука в дверь, поприветствовал сестер. Поинтересовался, как здоровье, Маня? Мужики ночью перед отъездом заходили, похвастались, что ты им очень по душе. Обещали наведаться к тебе через недельку. Жди.

Сестра резко поднялась со стула, хлопнула дверью, ушла. Терпению пришел конец. Спектакль окончен. Невыносимо играть надуманную роль. Нет больше Махи. Нет больше накрученного на себя чужого отражения. В печку все эти зашифрованные фотографии. Надо звонить Петру. А больше некому. Кругом, как он говорил, одни пришельцы. Немедленно звонить...

* * *

Все, кончились прогулки. Машина у самого крыльца. Заехала на любимую полянку из пышной муравы. Рухнуть бы, раскинув руки, на пружинистый ковер осеннего спорыша, уткнуться носом в его мельчайшие, поздние бело-розовые цветочки и вдыхать до бесконечности свежие запахи невиданных столетий.

В нависшей тишине раздался тягостный, унылый, долгий звук, похожий на последний, безнадежный вздох кого-то уходящего из жизни. В этом вздохе, казалось, сосредоточилась огромная невысказанная боль всего живого, попавшего в беду. Звук повторился и навсегда остался в ушах и памяти. Маня догадалась, чей это голос. Приходилось наблюдать, как у озерца за огородом голодный уж заглатывал лягушку. Уж никогда не сможет подавиться. Лягушка может только жалостливо, горько плакать. А люди такие, какие они есть. Других, получше, не предвидится.

АНТИЦИКЛОН

Оставались считанные дни до начала осени. Раскаленное лето не родило ни одного влажного облачка. Но и в пору наступления зябких утренников, затяжной мороси, грибных туманов, плотных и тяжелых, как набрякший водой свежий снег, ничего не изменилось. И только деревья, до времени потерявшие зеленый наряд, стояли как в пору осеннего ненастья.

Город, лежащий среди тучного чернозема, перестал походить на себя. Не случилось в этом году настоящей весны. Не было мягкого теплого лета с громами и молниями. И вот теперь не ладилась осень.

Жара продолжала полыхать. Ветер с небывалым постоянством тянул с безлесной южной стороны, посыпая землю горячей пылью. Густой зной призрачными глыбами опускался в тягучую задохнувшуюся воду озер и речек и сосал ненасытно парную влагу, обездоливая берега.

Метеосводка объясняла, что над Черноземьем образовался необычно устойчивый антициклон. Он препятствовал движению прохладных и влажных масс с Атлантического океана. Зато открывался путь сухому, раскаленному воздуху из Средней Азии, Прикаспия и даже пустынь Африки. Никто не мог объяснить, почему образовался такой мощный и устойчивый антициклон. Ученые говорили, что для этого нужно детально изучить процессы взаимосвязи океана и атмосферы, особенности солнечной деятельности.

Погода продолжала своевольничать, не считаясь ни с какими закономерностями. Громадное водохранилище, разлившееся у подножия города, не принесло облегчения. Ветер поднимал целые облака испаряющейся влаги и бросал их на город, как на раскаленные камни гигантской парильни.

Но вот, наконец, среди октября грянула гроза. Ливень был такой силы, что выхлестывал окна, ломал вершины и крупные ветки деревьев. По асфальту бурлили серые пузыристые потоки. Ни пройти, ни проехать. В такие дни в былые годы я поскорей уходил в лес. И не было благодатнее поры для охоты за опенками. Не изменять же и теперь привычке.

На следующий день, чуть свет, шел на знакомую вырубку. От сильного дождя грейдерная дорога расползлась. Первые машины буксовали на ней, скатываясь на обочину в тусклые лужи. А в двух шагах сумрачно молчала голая дубрава. Но здесь словно и не было дождя. Опавшие листья плотно упаковали землю. Влага не добралась даже до середины похрупывающего под каблуком, как первый тонкий ледок, слежавшегося покрова. Под листьями земля была сухой и рассыпчатой, словно легкий пепел. И только почерневшие стволы дубов и обуглившиеся, пряные пласты осиновых листьев напоминали о ливне.

Вырубку было не узнать. Пни оказались иссушенными настолько, что на них перестал расти мох. Ветер выдул из-под чахлых обрубков землю, обнаружив скрюченные корни, вцепившиеся в обнаженный песок.

В прошлые годы пеньки прятались в высокой траве. Всюду пробивались молодые деревца и кустарники. Сейчас вырубка выглядела угрюмо. Большие и малые коряжины остывшими головешками топорщились над поляной.

Безголосо дремал лес. И все, что прежде делало вырубку привлекательной, наполняло тихой радостью, исчезло. Здесь грибами и не пахло, хотя кругом было много ложбин.

Солнце поднялось над лесом и усилило впечатление запустения. Редкие неопавшие, высохшие листки начинали трепетать от налетевшего ветра. Они вытягивались в одну сторону, как маленькие, гудящие от напряжения флажки, и больше не умолкали. Возвращался антициклон.

Я вышел к разбитой дороге. По ее обочине, поскрипывая на кочках, медленно катились дрожки. На них — бочка. Мужчина, сидевший на охапке сена, привалился к ней спиной и подремывал, а крупный конь шагал лениво, словно спал на ходу.

Заметив меня, мужчина обернулся. На фуражке обозначилась ветвистая кокарда. Лесник. Он грустно улыбнулся и кивнул на мою пустую корзину.

— За грибами, что ли? Какие нынче грибы. Вода из колодца ушла. А дождь, что слезы.

— Не повезло, пошел по привычке, — ответил я.

— Пора такая, что и привычки менять надо. А ты садись, все не пешком, — и лесник хлопнул рукой возле себя.

Кордон лежал у меня на пути. Колеса неспешно перекатывались по пружинистому настилу из спрессованных листьев. Лесник оказался человеком разговорчивым и интересным. Не обращаясь ко мне, он говорил так, словно вел с кем-то уже давно начатую беседу.

— Погода у нас совсем испортилась. В огороде сплошная пыль. За водой приходится ехать к озеру. Видно, что-то сломалось в той самой механике, откуда погода выходит.

Почему, скажем, такая сушь подступила? Объясняют всяко. И причины будто в облаках и звездах. А я думаю, что дело тут в самой земле. Все твердят, что в жизни каждая букашка у места. Согласен. Тогда ради чего у меня во дворе на цветах появилось чудо заморское? Сам видел. Насекомое или пташка — не понять. Острыми крылышками по-птичьи машет. Клюв как иголочка. Глазенки блестящие, бойкие. Хвостишка веером, две тонюсенькие ножки болтаются. Ростом со шмеля. А красив! Сынишка поймал, показал учителю. Тот бражником назвал. Название какое-то веселое. Эта диковина приспособлена жить в пустыне. Выходит, что у меня во дворе пустыней запахло? Как тут быть? Отчего такая загвоздка? Пишут — вся беда из-за антициклона. А кто его послал сюда?

Лесник на короткое время умолк. На его лице появилось лукавое выражение. Казалось, он терпеливо выслушивает чей-то наивный вопрос, на который уже давно знает правильный ответ. И, уже обращаясь ко мне, продолжил свой монолог:

— А что самое главное для общего порядка вещей в природе? Равновесие. Во всем. Где-то положено быть вечному льду, а в противоположном месте — песок горячий. Иначе и быть не может. Мороз в равновесии с жарой, влага — с сушью. Это как полюса. А между ними все остальное по порядку располагается. От этого и климат в каждом месте особенный и постоянный. Если сломить равновесие, то все пойдет кувырком. Вот и жара уже давно к нам подбирается. Воды все меньше. Кто-то предлагал растопить полярные льды, чтобы на севере стало теплее, а у нас воды прибыло. Оказалось — чепуха. Землю затопит и везде станет сыро и мрачно, как в тумане. А я так рассуждаю: если нельзя трогать лед, то какой резон избавляться от пустыни? Знаем, что пустыня — первый враг людей. А уничтожь это пекло, что будет уравновешивать холодные пространства? Холод одолеет. Но в том-то и дело, что — пустыня свое не теряет. Наступи на ее край, она в другую сторону качнется. Закон у земли должен быть

такой. А жара передвинется туда, где для нее сопротивление меньше. Подсаживали мы деревьев, подсаживали, а песочка в последние годы у нас все равно прибавилось. И этот антициклон неспроста дует…

До кордона оставалось недалеко. Там, почуяв хозяина, залаяла собака. И лошадь встрепенулась, пошла скорее. У поворота к усадьбе я соскочил с телеги.

Сетования лесника мне были понятны. Я согласился с его рассуждениями о мировом равновесии, хотя, возможно, они были не совсем научны. Но зацепили меня за душу не слова с мудрой догадкой наблюдательного человека. От той догадки ничего не изменится. Красивая теория. Кто с ней посчитается? А вот о деревьях… Они не в пустыне, а рядом с нами, и в этом лесу, и в другом, и на берегу реки, которую берегут от зноя. Они-то берегут…

Сразу припомнилась весенняя прогулка по недалекой отсюда приречной тополиной роще. За три года деревья набрали силу, закустились, бросили на обрывистый берег тень, укрепили песчаное побережье. А тут прямо на полосе — огромное колхозное стадо коров. И нет тополей.

— Вы сажали эти деревья? — спросил я тогда пастухов.

— Нет, — ответили они, — а в чем дело?

— Нельзя же так варварски с посадками.

— Ну, это скажите коровам. Они есть хотят. А мы из другого района, нанялись здесь на время.

Вот как бывает: тут на время, там на время, тут чужое, там чужое, и никакой печали о земле.

Впереди, между темными стволами, уже открывался просвет над полем и белела березовая лесополоса. И здесь, недалеко от опушки, между деревьями копытами коров были пробиты глубокие тропы. Все до одного кустики оказались обглоданными. От свежих посадок на краю поля остались одни размочаленные сучки.

Спрятав пустую корзину в рюкзак, я вышел на залоснившуюся дорогу. Грязи как не бывало. Воздух над дорогой закиселился. Ветвистые дубы гудели от сильного ветра.

□ □

Виктор Тихонович Кулаков *родился в 1941 году в селе Девица Семилукского района Воронежской области. Учился в Перво-Еманчанской семилетней школе Хохольского района. Окончил математико-механический факультет Воронежского государственного университета. Работал программистом. Полковник таможенной службы. Автор нескольких сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Живет в Москве.*

Виктор Кулаков

ПРОТЯНИ МНЕ РУКИ

ЖЕНЩИНАМ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Вам, чья жизнь не выстлана цветами,
Одолевшим страшную войну,
Вытянувшим — жилами, хребтами —
Из безумной пропасти страну.

Вам, крещенным горем и бедою.
Вам, пахавшим землю на себе.
Вам, кормившим семьи лебедою,
Выстоявшим в яростной борьбе.

Вам, познавшим ранние седины.
Вам, чьи лица — в сеточках морщин,
Пережившим тяжкие годины,
Заменившим у станков мужчин.

Матери, скорбящие о детях!
Жены, потерявшие мужей!
Я хочу — в коротких строчках этих —
Пожелать вам самых светлых дней,

Преклонить колени перед вами
И поклон вам передать большой,
Женщины — с усталыми глазами…
Женщины — с прекрасною душой!

* * *

Я не писал записок перед боем,
В Берлине мой не отпечатан след.
Я помню лишь похлебку с лебедою
И горький хлеб послевоенных лет.

Я помню, как измученные вдовы,
Иссохшие от горя и забот,
Пахали землю на худых коровах,
Размазывая липкий, грязный пот.

Я помню, как, прогнав тоску-кручину,
Собравшись вечерами под окном,
Они протяжно пели о мужчинах,
Погибших под Смоленском, под Орлом...

Слова их песен не звенели сталью
И были задушевны и чисты,
А в их глазах, подернутых печалью,
Светилось столько ласки, доброты.

Пусть — в двадцать первом
техногенном веке
Ракеты покоряют высоту...
Превыше всех достоинств в человеке
Я ставлю — человечность, доброту.

ПРОТЯНИ МНЕ РУКИ

Сквозь печали, сквозь годы разлуки,
Сквозь тоскливые ночи и дни
Протяни мне навстречу руки,
Через тысячу верст — протяни...

Чтобы всюду — со мною вместе,
Через воды и через огни,
Протяни — через сто, через двести,
Через тысячу дней — протяни...

Чтоб смешались все краски и звуки,
Жгучим взором меня опьяни.
Протяни мне навстречу руки.
Я прошу — протяни. Протяни...

Чтоб никто не успел догадаться,
Эти слезы — откуда они?

Протяни же — не десять, не двадцать,
Только раз — протяни. Протяни…

Чтоб у счастья, коварной штуки,
Не остались мы оба в тени,
Протяни мне навстречу руки,
Протяни же — сейчас протяни…

***Вячеслав Иванович Дёгтев** (1959–2005). Родился на хуторе Карасилов Воронежской области, учился в селе Гремячье Хохольского района. Окончил учебно-авиационный центр ДОСААФ, Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в различных региональных и федеральных изданиях. Автор многих книг прозы. Лауреат премии Воронежского комсомола им. В. Кубанева, премии «России верные сыны» и др. Член Союза писателей России.*

Вячеслав Дёгтев

ПАР НАД КРОВЬЮ

Рассказы

КРЕСТ

Одну из последних Вячеслав Дёгтев назвал «Крест», и она живет в нас теперь как знак судьбы.

Он жил и писал страстно. До конца отдавался тому, о чем писал. Сюжеты его повестей и рассказов поражали, порой били наотмашь, слово — емкое, колоритное, насыщенное соками живой жизни — завораживало. Проза Дёгтева заставляла чувствовать, будила мысль, требовала от читателя: «Не спи! Действуй, здесь и сейчас же!»

В моем личном архиве — запись первого с ним разговора, в тот день, когда он впервые пришел в редакцию газеты, где я работала. Он еще не был известен в столице. Но у себя дома, в Воронеже, Дёгтев печатался широко, работал в «толстом» журнале «Подъём».

В тот памятный для меня день он появился в редакции неожиданно. Так и стоит перед глазами его красивая, мощная фигура. И чувствую до сих пор, как буравит он меня цепким и острым взглядом, желая зацепить.

Он положил на стол, уверенно и с чувством собственного достоинства, аккуратные тоненькие листки рукописи: в правом углу сверху было подчеркнуто — «фамилию писать через «ё»: Дёгтев (он никогда не забывал вписать эту строку).

Уроженец деревни из Воронежской области, что южным краем граничит с Доном, он гордил-

ся, что происходит из рода потомственных землепашцев: сын деревенского кузнеца, и сам кузнец, и фамилия пошла от едкого и сочного русского слова «деготь»: без дегтя ни одна телега с места не двинется.

— Я до 26 лет жил в деревне, поставил дом, во мне 96 кг — нормальный русский шестипудовый мужик, — сказал он весомо и, спросив разрешения, осторожно присел напротив ждать, когда я прочту его рассказ. Наступила напряженная тишина.

Читаю напечатанные на простенькой машинке строки: «Странно — ты девушка... Все русские уже в пятнадцать лет — джяляб.

— Ну почему вы так о нас?

— Почему? А потому что вы — вырожденцы. Как всякие холопы, вы не уважаете себя, поэтому вы обречены... Все империи и все великие народы погибли от распущенности и разврата. Вы обречены на вымирание. Как Рим, как Византия... Ваши призывники боятся идти служить, у нас — все наши мужчины воины...»

Это был знаменитый теперь рассказ Вячеслава Дёгтева «Джяляб». Потом были не менее жесткие, и страшные, и другие; был «Псы войны», вызвавший в печати нешуточные «бои», принесшие автору немало страданий.

По окончании чтения я долго молчала, опустив голову, не сразу справившись с накатившей волной чувств.

— Страшно. Жестоко, — медленно проговорила я, еще не зная, что скажу дальше.

Он ждал этого слова, ждал, как сигнала к наступлению. Заговорил страстно и порывисто:

— Жестоко! А жизнь — не жестокая?! Это же НАША ЖИЗНЬ, другой нет и, наверное, долго еще не будет!.. А у нас развели психологию «вечных мальчиков»! До семидесяти лет бренчат под гитару неувядающий «Троллейбус», а на Родине снаряды рвутся, слезами детей залита земля, окровавлены ближние и дальние границы, урезано поле Отчизны! А народец все подхихикивает, по-прежнему «кукиш в кармане» прячет. Стыдно.

— Вы давно пишете? Бывали в Чечне?

— Конечно. У меня вообще богатая биография — служил, летал на самолетах Л-29 и Миг-17, работал по демобилизации на газодобыче в Туркестане, был разнорабочим, был помощником машиниста... Да не в этом дело!

— А в чем же?

— Да в том, что творится в стране! России навязывается психология нытиков. Кто-то делает это, плетет интригу, ссорит народы России. Я написал об этом в рассказе «Кинжал»...

Он замолчал, посмотрел на меня испытующе. «Да стоит ли вообще с тобой откровенничать? Поймешь ли?..» — прочла я в его дерзком вызывающем взгляде.

Потом сказал, как отрубил, припечатал:

— На Руси испокон веков почитали Александра Невского! Суворова!..

И опять замолчал, оборвав себя почти на полуслове, а потом вдруг решился: заговорил горячо, страстно, доверчиво, точно окончательно уверился, что найдет не только понимание, а нечто большее, в чем — я почувствовала это каким-то «шестым чувством» — он очень нуждался:

— Из какой же такой морали родились комитеты солдатских матерей, героями стали самоубийцы? Объясняют — режим довел. Не по-русски все это! Русский человек всегда умел постоять за себя. Отступничество от жизни — грех великий. Человек обязан уметь себя защитить, свои правила жизни, свою мораль. А жизнь на Руси легкой никогда не была, обратитесь хоть в дальнюю нашу историю, хоть в ближнюю...

Я начал писать под влиянием смерти прадеда. Он умер 7 ноября 1974 года, коммунист, организатор первых коммун на деревне, участник 1-го Всероссийского крестьянского съезда. И дед мой, Максим Терентьевич Дёгтев, был коммунистом, председателем колхоза. В 1942 году сам себя приговорил — застрелился, потому что не хотел идти в лагерь с клеймом «враг народа». У меня есть об этом рассказ. В нашей семье ни-

когда никаких обид по этому поводу не держали. Понимали — были определенные «правила игры»: выбрали тебя председателем колхоза — давай выполняй план, получишь награду. Не выполнил план — отвечать будешь, не сумеешь — стреляйся. Жестокая, но справедливая мужицкая правда.

«Юношеский максимализм? — задавала я себе вопрос, слушая его. — Но ведь не так уж он и молод. Берет жизнь круто, мыслит — как пласты земли плугом отваливает — широко, масштабно».

Вспомнилось: «У меня есть об этом рассказ». Вот он

— «Тесные врата». Сказ о том, как привез отец сына, уже в наши дни, в родную деревню, на погост, — поклониться деду, своему отцу, застрелившемуся у сына на глазах.

...Шолохов, Бондарев, Казаков... У него были очень личные отношения с этими писателями. Нет, не рассказывал он о «своих» встречах с ними. Да неизвестно, были ли таковые, не цитировал он их строки в своих произведениях, намекая на какую-то особую «близость». Он «продолжал» в себе жизнь этих мощных художников, сильных и ярких людей, перед которыми испытывал особый трепет и уважение. Их отношение к литературе и русской судьбе, их раздумья и мысли аккумулировались в нем как естественный ход истории, покоряющей все новые и новые пространства жизни. Они воплощались, обогащенные новым его опытом, его страданиями и поисками правды жизни и искусства, к служению которому он относился очень серьезно.

Одному из самых сложных своих рассказов, философски насыщенному, отягощенному противоречивыми думами и сомнениями, бунтующему против мелочности и в то же время трепетному в лирической своей незащищенности и поэтичности — «Недогоревшая свеча», — он предпослал эпиграф из Юрия Казакова: «Настоящий писатель — это, прежде всего, писатель, думающий над вопросами важными».

— Я пишу с пятнадцати лет, печатаюсь — с семнадцати лет, — говорил он напористо. — И считаю, что писатель в жизнь литературы должен врываться, входить в нее так, как А.М. Горький, А.П. Чехов, Дж. Лондон, О. Генри, — писать потому, что так велел тебе Бог. Тогда ты действительно писатель. Есенин погиб в 30 лет, Маяковский застрелился в 35, Шолохов выпустил «Тихий Дон» в 25. Нет «молодых писателей» или «старых писателей». Есть или — писатель, или — не писатель.

Да, Вячеслав Дёгтев был категоричен в суждениях и поступках.

О любви писал пронзительно. Его прозу не спутать ни с чьей другой. Романтик, он умел видеть покоряющую КРАСОТУ И ВЕЛИЧИЕ МИРА. И воспел их. Ушел из жизни молодым.

Таким и остался в нашей памяти — неповторимым русским писателем.

Галина ОРЕХАНОВА.
«Литературная газета»

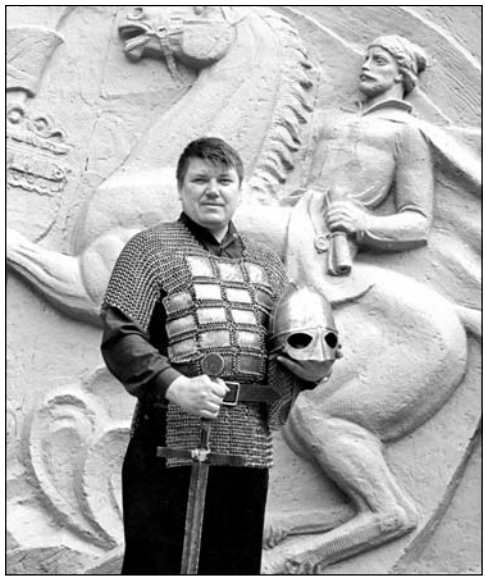
НА РОДИНУ ТАК И НЕ ВЕРНУЛСЯ...

2000-й, 10 января, понедельник.

Еще был дома, когда позвонил Вячеслав Дёгтев. Сообщение о том, что ему присуждена Платоновская премия, московская(!), уже прошло в газетах. Условились встретиться. В библиотеке нашел «Коммуну» за 30 декабря и сделал выписку. Спускаюсь вниз, там уже ожидает Слава. Еще на майские праздники я снимал его в городе. Пару раз он заходил, но только вчера отпечатал для него фотографии...

По проспекту Революции шли активисты клуба любителей старины. Слава надел кольчугу, и снимал я его с мечом на фоне барельефа с конем и всадником на фасаде телеграфа. Пожалуй, не менее часа просидел у меня и говорил в основном он. Моя мать из Истобного, а он родился в Коммуне, на хуторе рядом с этим селом. Когда несколько лет назад, разговорившись, узнали об этом, сблизились.

В школу он ходил в село, жил в интернате напротив дома моих близких родственников, у которых летом месяц в детстве проводил. В одном из расска-



зов есть упоминание, как это ему не нравилось. Уехали оттуда, когда был подростком. Жили в Юневке, Гремячьем, Шилово, это уже под Воронежем. Да и по стране его поносило…

Рассказывает, что пару лет назад был в Коммуне и понял, что родина — там. Запахи, а главное — вкус воды. Дошло, почему всю жизнь городская вода была неприятна ему: вырастал-то он на чистейшей родниковой. Задумал купить там или построить дом. Не был Слава на родине тридцать лет и рассказывает об ощущениях детства. Угадал интуитивно лощину, куда их с сестрой водила бабушка. На деревьях все так же, как и тридцать лет назад, грачиные гнезда. Теперь в своих мыслях он вновь живет там:

— Куплю «Ниву», может быть, даже новую… Дороги плохие, и это хорошо, меньше заезжих… Огород не нужен, возможно, десятка два помидоров. Хотел бы пчел завести, но сомневаюсь — будут мешать творчеству. Обязательно пруд, тракторист за день плотину поставит и дно подготовит. Зарыблю его, набросаю коряг, чтобы сетями не баловались, удочкой — лови…

Планов у Славы было много, но не случайно говорят: «Хочешь насмешить бога, расскажи о своих планах…»

Николай СТРЕБКОВ

ПАР НАД КРОВЬЮ

В одном из ранних и теперь уже старых рассказов пришлось както описывать деда Илюху. Упоминать о его голубях, пчелах, ружьях, которых было множество и одно из которых достанется потом мне по наследству, о его манере разговаривать и курить, держа при этом цигарку меж вытянутых тонких пальцев, о том, какие чудесные концерты устраивали они с бабкой Аксюткой (которая в том рассказе окрестилась почему-то «Ксюшей»), о верных его друзьях-односумах и о гончих его собаках…

Мать до сих пор как возьмется читать тот рассказ — так и ну плакать. Прямо ревмя ревет. Он и самому все еще нравится…

Но вот сейчас все чаще кажется, что недосказал, недоговорил, не дописал; кажется, что дед был настолько широк и глубок, настолько многогранен и многообразен, что очень многое упустилось и недорассказалось в том давнем уж теперь рассказе. Особенно мало уделилось внимания собакам…

Вот они, его собаки, всплывают в памяти, стоило лишь только упомянуть их. Рыже-ржавые русские гончие. Бывали у деда и простые пегие гончие, и даже метисы, муругопегие, рыже-бурые, с пятнами, но и от тех и от других дед вскоре отказался — слабы они оказались супротив наших-то «русских». Хоть и красивы, и осанисты, конечно, несравненно, даже и толковать не об чем, — так объяснил свое разочарование дед

друзьям-охотникам, а те кивали в знак согласия: слабы, слабы, об чем тут толковать, Илья Стефаныч, и балакать нечего...

Собак бывало обычно около десятка. Четыре-пять старых, брудастых, и столько же молодых, еще не опсовевших, которых дед то и дело немилосердно драл арапником, «учил». Но зато уж и выдрессированы были его собаки — куда там Дурову!

Вот сидит дед в сенцах — от земляного, вымазанного глиной пола там всегда прохладно, а от развешанных по стенам всевозможных трав — духовито, духмяно, пряно, как в какой-нибудь аптеке «зеленой». Сидит он на маленькой скамеечке, на которой бабы доят коров, перед ним на табуретке, — большая миска с вареной курицей. Дед смачно ест курицу, а кости бросает собакам, которые стоят в ряд перед порогом и смотрят деду в рот — у них вожжой текут слюни. Они ловят каждое его движение и слово: вот он обсасывает косточку, куриную «кобылку», говорит раздельно: «Кукла!» — и бросает «кобылку» любимой своей выжловке — Кукла на лету хватает ее и польщено, излишне громко чавкает. Дед через некоторое время вновь провозглашает: «Заливай!» — и бросает другую кость. Заливай, отличный половорыжепегий верхочуй и редкомах, ловит ее, потянувшись вперед, едва не переступая порог — все собаки разом начинают ворчать на него, скиглить зубами, давая понять, что знают закон: за порог нельзя. Запрет! Гок!

Дед говорит: «Атукай!» — и бросает очередную кость молодому выжлецу, который толком еще не опсовел и ходит пока что по-зрячему. Кость пролетает мимо Заливая, у самого несколько подуздроватого его щипца, и тот не удерживается, хватает ее. Ам и хрум-хрум! Все собаки, как по команде «Атрыш!» — шарахаются от него и нарушитель остается в одиночестве. Он мужественно, как и подобает настоящей кровной собаке, лишь с короткими, негромкими подвизгами, принимает удары дедова арапника. Нарушил, преступил закон — получи!

Через минуту трапеза возобновляется. Так же чинно, как и до экзекуции.

Увы, как говорится, и ах! Заветные картины эти в памяти — самые сладкие...

Дед был эдаким стихийным философом. Пчеловод и охотник, собачник и песельник, он держал множество голубей, разных пород, знал в них толк и даже брал на выставках какие-то призы; в клетках у него сидело два десятка певчих птиц; никаких «искусственных» кенаров-вырожденцев, лишь природные, натуральные щеглы, чижи и дрозды — «певчие», «черные» и «дерябы»; в сенцах несколько перепелих несли ему диетические яйца, а в хате, под образами, в красном углу, сидели в резных клетках соловьи. Помните, у Е. Маковского есть знаменитая картина с «непродажным» названием «Любители соловьев. 1872 г.?» — там в трактире трое солидных дядек из разных социальных групп — купец, барин и мещанин-прасол, — при парящем на столе самоваре, среди развешанных по стенам икон, слушают в живописных позах поющего соловья. Подобное приходилось наблюдать у деда Илюхи постоянно. Особенно когда открывалась охота. Тогда к деду съезжались его старые друзья, которых молва почему-то считала всех без разбору отставниками-полковниками, может, потому, что приезжали они, как правило, в сапогах-бурках и бекешах, некоторые — с суконными башлыками; приезжали они из Воронежа и Москвы, один «генерал» неоднократно наведывался из Сталинграда.

Дед выписывал «Красную звезду» и «Сельскую жизнь», а также «Пчеловодство» и «Охоту», где были восхитительные охотничьи рисунки, вы-

полненные со знанием дела, ко всевозможным охотничьим байкам и рассказам. Четыре раза в год приходили «Охотничьи просторы», альманах, переплетенный как книжка — он обертывался газетой, после чего быстренько с ним на печь и, прижимаясь к горячим кирпичам, прямиком в сладкую-сладкую сказку. Арсеньев, уссурийские тигры («бабры»), Дерсу Узала и женьшень, волки Зворыкина и упряжки Джека Лондона — до сих пор одни лишь слова эти слаще всякой самой нежной музыки… В том альманахе впервые были прочитаны «Сибирские записки» Черкасова, чудесная повесть Пермитина о первом ружье и первой охоте, под вой пурги проглотились «Живые деньги» Скалона, а также повесть Дриянского, его восхитительные, гоголевского уровня и размаха, «Записки мелкотравчатого», где упоминалась, между прочим, и наша, воронежская Каменная Степь, а также новохоперские места, в описываемое время почти совсем незаселенные, сплошь целина и залежи, отъемы да ржавцы-мочажины, и когда прочитал о волчьих облавах, о травле русаков и лисиц набродом и наездом, в нахлопку и назирку, о стадах стрепетов, дроф-дудаков, — прямо-таки заболел: ну почему, почему, черт возьми, родился так поздно! Когда все самые интересные события уже свершились?! Почему не родился хотя бы в прошлом веке? А еще лучше — во времена казачьей вольницы…

У деда была своя компания таких же сельских самодеятельных философов. Они хотя бы раз в неделю собирались у кого-нибудь из своих. Ах, что это бывали за посиделки!.. Все они жили по принципу: несчастен тот, кто счастливым себя не считает; в мире же все справедливо, и кто пожил, тот это знает, а потому ограничь себя немногим, и у тебя будет все необходимое, потому веселая бедность — вещь чистая и здоровая. Казалось, жизнь для них не была ни вопросом, ни загадкой; они играли в карты, нещадно дымя табаком, щелкали подсолнухи и орехи, плюя шелуху прямо на пол, пили самогон, брагу или медовуху и рассказывали… рассказывали под хохот и подначки весьма легкомысленные и фривольные истории про леших и домовых, про ведьм и колдунов, про охоту, волков и лисиц, про русалок и оборотней, и становилось ясным, откуда брал свои сюжеты Гоголь; иногда вспоминали германскую и гражданскую; о последней войне говорили постоянно, рассказывали про немцев и мадьяр, про житье на чужбине и в плену. Перед тем как разойтись, уже в хорошем хмелю, играли песни. Те песни именно — игрались. На три голоса, хрипло, с надрывом, иногда со слезами, иной раз — с гиком и плясом. В каждой какая-нибудь суровая история, душещипательная, но чаще — на разрыв сердца.

Никогда уж больше не пришлось слышать ничего подобного. Все эти нынешние кадышевы — беспомощная и слащавая стилизация, китч, пошловатый лубок. Даже отдаленно не напоминающие те песни. Одно лишь упоминание всей этой псевдоэтнографической попсы оскорбляет дедову память. Над теми песнями беззастенчиво лились очистительные слезы — сладкие слезы. От нынешних «песенок» про «трещинки» можно только горько усмехнуться.

В те времена и пришлось услышать одну историю, которая произошла в Платаве, селе неподалеку. История была про то, как молодая солдатка вызывала попавшего в плен мужа. Он попал в плен еще в «империалистическую» и после войны остался в Германии. Жена писала ему нежные письма, с очень интимными подробностями, и утром, затапливая печь, сжигала те письма на загнетке и, сжигая их, шептала, провожая в трубу сизый дым: «Феденька, родненький мой, сокол яснооки, прилети к голубке своей — заждалась, иссохлась вся, мочи моей уж больше нету!»

А у того в Германии была жена-немка и двое белобрысых ребят-погодков. Его давно уже перестали звать Рус-Иван, а стали называть Шварц-Теодор. Казалось бы, жизнь потихоньку налаживалась. Но только взяла вдруг его тоска. Скрутила, ссучила в конопляную веревку. Такая несусветная — хоть вой, хоть в петлю. Стал он проситься у немки — съездить на родину, хоть одним глазком взглянуть... Долго просился, до скандалов, до слез, наконец, уступила она ему. Взяла с него клятву страшную и собрала чемодан.

Приехал Федор домой, и назад уже не смог уехать. А клятву ту страшную поп ему отпустил, назвав немку «нехристем».

А лет через двадцать случилось у истории той продолжение. Во время войны заходит вдруг к Федору в хату молодой чернявый немец, заходит, отряхивает с шинели дорожную пыль, ставит в угол винтовку, снимает пилотку и говорит, приглаживая волосы:

— Ну, здравствуй, тятя! Гутен морген! Я твой сынок Вилли.

* * *

Да, друзья дедовы все были какие-нибудь эдакие. Одного звали Микоян, другого — Отвинтист; Иваны — Чистяк и Кутуз, Васька Лупкин, Черемушкин — на взгляд обывателя все это были какие-то чудики, но до чего ж то были интересные люди. И как, наверное, тосковал по ним дед в далекой той Перми (тогда — город Молотов), куда занесла его судьба...

Один его друг и кум, Егор Исайкин, перед смертью крестной твоей сапоги подарил, другой и вовсе от смерти неминучей спас, почитай, всю семью. А дело было так. Когда пришли немцы, они захватили Егора, дедова друга и кума (он крестил свою крестную, хотя бы «партейный» и работал в сельсовете «секлетарем»), эвакуироваться он почему-то не успел, немцы его и арестовали. Долго допрашивали в школе, били, потом вывели в школьный сад — копать себе могилу. Он вырыл яму, разделся — от рыхлой земли, медленно клубясь, поднимался пар, — увидел в толпе свою крестницу, тогда совсем еще подростка, и бросил ей сапоги — на память. «Куму Илюхе перекажи — при последней минуте поминал его. Нехай выпьет за меня когда-нибудь. Эх!..» — вздохнул он в смертной тоске.

Через некоторое время бабка Грапка, крестная и твоя мать, тогда еще ребенок, окажутся в лагере, в Семидесятском логу. Попадут они туда после того как на чердаке у них («суседка докажет, сучка рябая») найдут два солдатских, как у нас выражаются, «шинеля», которые бабка выменяла у наших окруженцев на хлеб. Вот за эти-то «шинеля» бабку с детьми в лагерь и определят. Лагерь представлял собой огромный овраг, огороженный по верху колючей проволокой. Охраняли его мадьяры и полицаи. Полицаи были в основном из казаков. В лагере содержались, кроме солдат, гражданские; человек пятьдесят были с детьми. Жили в землянках, которые сами же заключенные и копали. Дольше двух месяцев, как правило, не выдерживал никто. Кормежка была — одно название: воз свекольной ботвы на всех да несколько мешков гнилого жмыха. Бабка приспособилась выбирать из лошадиного навоза овсяные зерна, промывала их, толкла и варила кашу.

Среди охранников оказался знакомый полицай, дедов друг-охотник, тоже кум, Люля. Бабка угадала его, окликнула через проволоку: «Кум Валик, ты ли это?» — «Ды я, кума», — отозвался тот смущенно. Он не стал вилять и отпираться, посулился помочь. Сказал, что сделает все возможное, вот только надо дождаться, когда мадьяр сменят немцы — они

не такие лютые. А пока бросал через проволоку хлеб и картошку. И правда, через неделю вместо мадьяр пришли немцы, стало повеселее, кормить начали хоть как-то, даже врач появился. И вскоре бабку с детьми «ослобонили». Бабка тому полицаю Люле, куму Валику, при народе в ноги поклонилась.

Вот такие у деда были друзья-односумы. Правда, кума Валика после войны расстреляли. Кто-то донес («доказал»), чуть ли не та же самая «сучка рябая, суседка», что служил он в полицаях и принимал участие в карательных акциях — его к стенке и прислонили. Ах, как горевал, как жалковал по нему дед! Люля-то веселый, остроумный был парень…

Через много лет придется как-то прочитать у одного китайца, жившего в веке, кажется, десятом или восьмом небольшое стихотворение, смысл которого сводился к следующему: вот сидит автор на пороге своей фанзы в глубокой печали; рядом в пыли возятся чумазые раскосые дети, бродят поросята и куры, собаки преданно заглядывают в глаза, жена здоровая, теща сытая, а у него, горемыки, тоска. Тоска, которой не с кем поделиться — не поймут. А дело в том, что раз в год он отправлялся в горы, шел два дня, чтобы провести неделю в гостях у своего друга Вана. Это была самая лучшая неделя в году — они всю неделю читали друг другу стихи и говорили о поэзии. И вот пришло известие, что Ван умер… С кем поделиться теперь своей печалью? Кто разделит его горе? В семье у автора все благополучно: дети сыты, скотина размножается, жена здорова, теща обута, риса предостаточно, — но вот только беспросветная тоска у того древнего китайца на сердце. И жизнь сделалась бессмысленной и никчемной…

Когда придется прочитать это, ты аж вздрогнешь самопроизвольно: ведь это ж про деда твоего, про деда Илюху, да будет ему земля пухом! А теперь уж и про тебя самого — один в один.

* * *

Во время войны дед будет ранен в первом же бою. Недалеко от Ржева, в январе сорок второго. Перед тем дня три их будут держать в каких-то ригах. Круглосуточно они жгли костры посреди помещения, спали на соломе: расстилали шинели, ложились голова к голове, несколько человек в ряд, укрывались другими шинелями. Наутро волосы оказывались смерзшимися… Где-то вдали громыхала война. На четвертый день погнали мимо них какие-то «частя». К деду в ригу заскочит молодой земляк, попрощаться.

— Ну, прощевай, дядь Илюх. На передовую гонють, так что не серчай, ежели что не так. Кланяйся от меня нашим, ежели что…

Они покурят напоследок, и парень уйдет догонять свою роту. Так его больше и не видал никто и никогда. Всего из нашего села погибнет шестьсот человек…

На следующий день выдвинутся на передовые позиции и они. Окопаются в снегу. Немец начнет обстреливать из минометов. Маленький осколочек попадет деду в скулу и перебьет косточку, пониже глаза, под которую заходит нижняя челюсть.

Больно почти не было, хотя челюсть не закрывалась, пришлось подвязать ее, как покойнику, тряпкой. Дед покажется взводному и санинструктору, после чего вылезет из траншеи и пойдет в тыл, в медсанбат. Стоял сильный мороз, снег блестел как алюминий и скрипел как картофельный крахмал, с каждым шагом, с каждым скрипом дед будет удаляться

от смерти. За спиной бой громыхал, разгораясь все сильнее, и почти все ребята останутся на том безымянном поле — в ту зиму подо Ржевом стояли насмерть, — и кто не будет убит, тот замерзнет, раненый. В такой мороз раненые дольше часа на снегу не живут. Зато, говорят, смерть удивительно легкая: лишь только задремал — душа и отлетела…

Попадет дед в госпиталь в Пермь, тогда город Молотов. Через полгода, после излечения, он будет признан «годным к нестроевой» и его оставят при госпитале конюхом. Со временем он сойдется с какой-то молодой, рано поседевшей вдовой-солдаткой, и у них вскорости родится девочка — дело житейское. Дед рассказывал, что была его молодая жена печальной, потому, видать, и тосковать он начал; когда провожала на фронт своего первого мужа, зашила ему в ладанку, вместе с землей, и клок своих волос, так многие у них тогда делали, вот мертвец, похоже, за косы-то к себе и тянул… А еще рассказывал, как охотился в тех местах на сохатых, глухарей и тетеревей (он так и говорил, на старинный манер, — «тетеревей»). Медведей, правда, стрелять не пришлось, да и сам не решился испытывать судьбу. Что это за охота, шутил, не поймешь, кто же ты сам — охотник или добыча?

* * *

Война кончилась, а от деда ни слуху ни духу. Ни похоронки, ни извещения, что пропал без вести, ни писем — ничего. А в те времена была еще свежа вышеописанная платавская история. Та история гуляла, обрастая всякими подробностями, что будто бы и младший сын к Федору приезжал, правда, младший по-русски почти не говорил и дичился отца, потому что совсем почти его не помнил, и что ребят федоровых побили обоих на фронте к концу войны, а сам Федор, нарушитель зарока, сошел с ума, — но не суть важно. Главное, история эта давала вдовам надежду. В том числе и бабке.

Мать рассказывала, что бабка Грапка, когда дети засыпали, частенько писала на бумажке заклятья. Потом, уже заполночь, садилась у печного устья и начинала читать речитативом написанное; читала, распустив волосы, с придыханием, с каким-то страшным в горле клекотом: «Идеть мне навстречу двенадцать братьев родных, двенадцать ветров, я тринадцатому, старшому, поклонюся, помолюся и покорюся верой и правдой. Соймитя с мене, ветры, тоску тоскучую, горю горючую, снеситя тоску тоскучую, горю горючую по избам, по хатам, по тюрьмам, по богодельням, да по сердитым тюремшшикам. Неситя, не уронитя в черно-зыбучие грези, ежли уронитя, черно-зыбучие грези высохнут, захряснут, заколенеют. Снеситя к рабу Божьему Илюшеньке, мужу моему венчанному, чтоб он без мене, верной жены, не мог ни жить, ни быть, ни дни дневать, ни ночи коротать, ни днем при солнушке, ни ночью при месяце, ни при ветху, ни при молоду, ни при ушшербну. Пойду я на святой акиян-море да поймаю белу рыбу шшуку, чтоб бела рыба шшука слова мои в тайне могла соблюсти, чтоб никто не смог бы их достать. А хто их из белой рыбы щуки достаня, тады слова мои попрячутся. Тут словам моим ключ и замок. Чтобы дуть не сдуть и мыть не смыть, во век по-веки и от ныне до-веку». После чего бабка открывала в печи задвижку и зажигала эту бумажку при загнетке. И дым тоненькой, острой, как спица, струйкой, уходил в трубу…

И вот к сорок седьмому году обуяла деда тоска. А уже дочь у него была прижита. А тут вдруг — продыху прямо не стало… И решил он написать родным письмо: жив-здоров, а вы как там? Написал. Крестная, в те поры

уже невеста, два дня ответ ему писала. Все-все описала: и оккупацию, и лагерь, и лепешки из овса, наковырянного в навозе, и голодовку послевоенную, когда и таким лепешкам были б рады…

Отправила письмо, а бабка ворожить стала пуще прежнего. Каждую ночь звала: «Илюшка, муж мой Богом данный, воротись!» Называла его ласковыми именами, на Благовещенье отпустила всех его птиц певчих, переживших войну и голодомор послевоенный: летите, птахи, зовите хозяина! — даже исписала, а потом сожгла их свадебную фотографию, единственную заветную память, очень дорогую и самую, пожалуй, сокровенную, о которой потом много раз вспоминала и жалковала.

И дед вернется. Он отпросится у своей молодой жены: поеду, мол, хоть погляжу, как они там, помогу чем-нито и ворочусь… обязательно ворочусь. И та его отпустила. Эх, женщины, женщины!

Всю дорогу до Воронежа глаз не сомкнул. Приехал в Воронеж — все порушено, города не узнать. Потому что нету города! Но запах… ах, запах родины! — так и шибанул в голову. Как молодое вино, как неперебродившая брага. Там, на Урале, все чужое — и вода, и лесные запахи, и даже хлеб совершенно другой. А главное, так и не нашел он там друзей по себе. Ни с кем не сошелся близко, ни к кому душой не прикипел. Может, просто не попался такой человек, может, народ иной…

Всю ночь не шел домой — на крыльях летел. Нарадоваться, надышаться не мог. Земля черная и теплая, пыль по-особому першит в горле и в носу свербит, кругом чурюканы свиристят, кузнецы стрекочут, дергачи косы точат, перепела спать укладывают, соловьи заливаются, каштаны и акации цветут, липы пылят зеленой своей пыльцой, на меловых взлобках серебристые ковыли струятся по ветру, а в кронах пирамидальных тополей луна, как медное начищенное блюдо прячется — в том далеком, северном краю ничего этого нет, даже луна другая. Суровая там природа. Суровая, а главное — чужая.

Домой на рассвете пришел. Посмотрел — все порушено, разграблено. Растащено все подчистую. Сел на порог и заплакал. Все прахом!.. Но оказалось, пасека сохранилась, несколько колодок. Пошел к пчелам, они уже проснулись, вьются радостно, словно признали хозяина, будто по запаху угадали своего доброго Бога, ни одна не ужалила. Ну куда, куда тут от них уедешь?..

Молодая жена вскоре письмо прислала, но бабка Грапка перехватила его и сказала, что, мол, дочь твоя малолетняя, Илюх, померла. На самом деле сообщения того в письме не было, а были обычные женские увещевания: вернись!..

Дед написал в Пермь письмо, но бабка ухитрилась перехватить и его. Так и остался Илья Стефанович на родине. Бабку через несколько лет Боженька накажет: в страшных муках умрет она от рака поджелудочной.

А в Перми, выходит, у тебя, парень, живет тетка. Вот такая она, жизнь, крученая штуковина. Как веревка… Ежели придется когда побывать в том далеком северном городе и случится выступить по телевидению, обращусь к жителям: так и так, может, знает кто солдатскую дочь Валентину Ильиничну, у которой отец был солдат, из воронежских, Илья Стефанович Аксенов? Вдруг да случится чудо, и предо мной предстанет пожилая уже женщина, похожая на крестную или на деда, никогда никого из нас не видавшая, прожившая жизнь вдалеке от своей родни. А может, случится так, что она прочтет этот текст, сердце у нее екнет и она напишет письмецо: здравствуй, дорогой племянник, пишет тебе твоя уральская тетка…

И ты ответишь ей. Ответишь, что дядь Коля, ее брат и твоя крестная, старшая ее сестра Настя, давно уже встретились на небесных пажитях с дедом и с бабкой и ожидают там нас всех, каждого в свой черед, а в живых осталась одна лишь Катя, еще одна ее сестричка, то есть моя мать...

* * *

Да, похоже, вернулся дед все-таки не к семье и даже не к детям, а к странным своим друзьям. Самый яркий среди них был, конечно же, Пашка Горюн. Помнится, сказал как-то: «Что наша жизнь? Недоразумение природы. Довольны судьбой одни лишь распутники, грабители, убийцы да воры. Остальные, у кого хоть какая-нито есть душа, — все страдают. Да и сама душонка-то наша всего лишь... всего лишь, на самом деле, — пар над кровью».

И сразу же вспомнится, как дед рассказывал когда-то про войну: после захлебнувшейся атаки на снегу лежали трупы, и над ними в морозном воздухе, над каждым, стоял последний пар, и что именно тогда он со всей страшной отчетливостью осознал, до чего ничтожно все в этой жизни, презренно, низменно, бренно и скоротечно. Отлетел пар, все равно что груша созревшая упала с ветки. Или листок оторвался от черенка. Как это банально, и сколько про это понаписано задолго до нашего рождения. И все — и словеса эти, и размышления-сетования, — все как в бездну...

Каюсь, пришлось покривить душой — и зачем?! — перед истиной в том старом своем рассказе, где упоминал о Пашке Горюне. Оба, и Пашка, и дед, смотрели на действительность не с позиции жизни, как это делает большинство народа, — они взирали на нее с позиции смерти. В том рассказе «образ» Пашки получился излишне «подлакированным». На самом деле Пашка не дожил до старости, не сделался благообразен и похож на врубелевского Пана, не произносил красивых банальных сентенций — он повесился по пьянке, написав на стене: «Мать дура». Тем самым жутко разочаровал меня. Он должен был написать, коль уж решил свести счеты с жизнью, что-нибудь эдакое, «философическое», что-нибудь вроде того, что жизнь — есть миг и держаться особо-то не за что, суть ее — течение из ниоткуда в никуда, ощущения — обман, плоть — бренна и презренна, душа — химера, выдуманная неврастениками, ужасающимися надвигающейся тьмы, откуда нет возврата, судьба — сказки для глупых старух, слава — сладкий дым, выедающий к старости глаза, а сама жизнь — всего лишь странствие по чужбине, где ты никому не в радость и потому высший смысл жизни — подготовка к смерти. Или что-нибудь в этом же духе. А он нацарапал нечто совершенно безумное и дикое в своем варварстве.

Но захотелось почему-то приукрасить его, сгладить его предсмертную «дурь», и оттого что-то, чувство какое-то, давно уж не дает покоя. Наверное, от того, что написал тогда неправду. Но как же дед-то убивался по Пашке! Как по самому близкому человеку. После Пашкиной смерти дед вдруг резко, заметно стал седеть, ссутулился, разом превратившись в старика. Даже странно, что обычно сдержанный, насмешливый и довольно скупой на ласку дед мог так горевать — по совершенно чужому человеку. Все-таки, видно, друзей он любил по-настоящему.

В том давнем рассказе я и к себе обращался во втором лице — «ты» — и называл себя почему-то «Валерой» и сделал художником (я и сейчас попытался было начать писать от второго лица, да только, как видите, не удалось, съехал на первое), и написал, что сын у меня один, а их тогда

было уже трое. А еще бабку Аксютку, тогдашнюю дедову жену, почему-то назвал в том рассказе «Ксюшей», может, думал, что это одно и то же имя, а «Ксюша» казалось посовременней, поприличней что ли, и дал понять, что она — единственная его жена и моя, стало быть, родная бабка. На самом деле — она у него четвертая жена, хотя нельзя сказать, чтоб дед был такой уж отпетый ходок, просто жизнь так складывалась: первая жена с дочерью умерли в гражданскую от тифа, вторая, моя родная бабка Грапка, умерла в пятьдесят третьем, одна жена осталась в Перми, и бабка Аксютка, выходит, четвертая...

После дедовой смерти сохранились две самодельные тетради со стихами. Одно очень длинное стихотворение запомнилось: рассуждения о том, кому жить лучше — холостому или женатому. Куча сентенций в стиле и духе вышеизложенного. Да, дед был стихийный, природный философ, со скептическим взглядом на жизнь. И не его вина, что до некоторых расхожих банальностей, по причине малограмотности, доходить ему приходилось своим умом. Помнится, сказал, теребя ухо своей любимой Кукле: «Чем дольше живу и лучше узнаю людей, тем все больше люблю собак». Тогда это показалось затейливым каламбуром, и лишь много лет спустя мне вдруг вспомнится это, и я лишь горько покачаю головой: тут и собак-то нету...

Вот и все, что осталось от деда. А еще две пожелтевшие фотографии, которые хранятся у матери, да два ветхих письма: одно, неотправленное, в Прагу, на мотоциклетный завод-изготовитель «Мотоков», с просьбой прислать стекло для передней фары дедовой «Явы», а также «камары, так как у Воронеже таких вещей нету» (он у нас «явист» был, рассекал, как говорили тогда, на «Яве»); другое письмо — в нашу семью: «Привет унукам Еще привет таму кто будя читать в апервых привет зятю Ивану Андревичу и привет Дочки Екатерины Ильиничной Еще привет унуку славику Славик я забыл табе показать лисицу проста забыл Еще привет унучки Люси и желаю харошева здоровя Еще привет унучки Вали и желаю харошева здоровя и долгих лет жизни...» Дальше он передает слово бабке Аксютке и та, уже от себя, передает всем приветы и тоже желает всем долгих лет жизни и «харошева здоровя».

Забытые дедовы друзья и сам дед, давно уже покойник, вспомнятся, когда будем проезжать с матерью через Гремячье и Рудкино... Да, мы ехали с матерью и со взрослым моим сыном на родину, выправлять-«выстарывать» матери бумагу о ее пребывании в концлагере, она надеялась на прибавку к пенсии рублей в двести да еще бесплатный проезд полагается, да уголь, ну и прочие всякие мелкие льготы-поблажки. И так случилось, что путь наш пролегал по старой острогожской дороге, через Гремячье и Рудкино. И вот поднялись мы на гору, где когда-то было рудкинское МТФ, а теперь остались лишь развалины коровников, поднялись и увидали вдруг огромный мемориал, отделанный гранитом и мрамором, с часовнями из красного кирпича и даже с двумя фонтанами. И все это — на фоне завалившихся коровников, на фоне нищеты и запустения. Как банкет в морге. Или свадьба на погосте...

И тут, непонятно к чему, я вспомню деда, вспомню его друзей, чьи косточки давно уже истлели в заросших бурьяном-старюкой могилках, на покинутых кладбищах, с покосившимися крестами, с измочаленными грязными рушниками на них, и горло мое отчего-то сожмет, потому что много, много чего не совсем еще ясного всплывет в душе, то, что невозможно объяснить, выразить словами...

* * *

В последнее время почему-то часто снится один и тот же сон. Видится багровый шар солнца, который опускается в лилово-алые промерзшие бесконечные зеленя — опускается прямо на глазах. Он опускается, закатывается, и тебе холодно, аж до костей промозгло, и присутствует какое-то грандиозное, непонятное, неясное, однако чуть ли не восторженное чувство, что-то трагическое от самого лицезрения этого события — ухода за горизонт нашего светила, звезды, «желтого карлика», по имени Солнце. И, может, оттого, что первый заморозок побил раньше времени посеревшую траву, отава состарилась и преждевременно поникла, как болезненный ребенок, от того, наверное, травы так остро и как-то печально-предсмертно пахнут; под тобой — дубовые пеньки, целый воз, они тоже резко пахнут кисловатой прелью, и ты, одиннадцатилетний мальчишка в старой отцовской фуфайке, восседаешь на этом возу. Ты не понимал тогда, как не понимаешь и сейчас, когда тебе все это снится, что тогда печалило, от чего саднило душу, или скорее нечто, называемое «душой», тогда ты не смог бы проанализировать этого, а теперь — не хочешь. Потому что боишься заглядывать в ту бездну, куда лучше не заглядывать. Там нету дна…

Ах, как тяжко просыпаться!

Видно, тогда впервые почувствовал себя частицей этого громадного и в то же время такого крохотного мира. Наступающие холода, увядание трав, закатывающееся светило, заиндевелая савраска, едко пахнущая потом, волглые, сильно тронутые плесенью дубовые пеньки, — сколько миллионов повторений этих картин, этих запахов наслоилось в твоей памяти, в памяти, переданной от предков с кровью… Нет, не объяснить, не осознать и не объять этого даже сейчас. Да и не к чему.

А еще снится старый пруд. Он был как-то странный. Ничто не росло по берегам его, хотя столько приносилось вами с Дементевских прудов и осоки и камыша, и куги, — вы приносили, рассаживали вдоль берегов, через какое-то время коровы съедали эти диковинные для них растения; запускали из тех же Дементевских прудов «гибридов» — рыбу, выведенную из сазана и карася, — никто никогда ни разу не поймал в вашем пруду ни одного «гибрида», неизменно шел на удочку исключительно карась. Из Репьевки, с реки Потудань, привозили в бидонах ракушек и раков — и они пропали в вашем пруду бесследно. Из Прилужного притащили штук двадцать вьюнов — нырнули они в мутные воды пруда — и канули. В Осадчевском пруду водились странные, лупоглазые, с огромными пышными плавниками, совершенно красные рыбы — вы пошли туда всей своей ватагой, человек двадцать пацанов десяти-тринадцати лет, наловили целую флягу этих красивых красных рыб, привезли на свой пруд, выпустили — и никто никогда не поймал ни одной лупоглазой рыбки. Словно провалились. Какой-то странный, как будто проклятый кем-то или заговоренный пруд.

И вот он высох. Уже три года совершенно сухой. Пересох до самого дна. По бывшему дну растет жирный пырей. Пересохли еще несколько прудов, гораздо больше и глубже вашего. Один был настолько велик, что даже нанесен на карту, — и тот пересох. Говорят, климат изменился, изменился кардинально, стал более сухим.

А тебе он до сих пор все еще снится, тот пруд из детства, снится на-

полненным водой, снится розоватый пар над ним, после дождя, когда стоят запахи парного молока, теплого ила, лягушачьей икры, и все это плавает, клубится над тихой водой, у которой по поверхности непередаваемо красивые, прямо-таки радужные цвета, а сама вода, если зачерпнуть в ладонь, немного беловатая, потому что течет из меловых гор, легкая, теплая, ласковая, до неги, как покинутая на время утренняя детская постель. Ах, как это было счастье — погружаться в детстве в эту теплейшую, легчайшую, нежнейшую воду! И как тяжело просыпаться...

Однажды я расскажу эти свои бесконечные сны-грезы бородатому художнику, которого когда-то считал другом, а теперь перевел в ранг приятеля, — он загадочно улыбнется и достанет из груды эскизов несколько готовых картин, на которых все это окажется изображенным: и подмерзшая ноябрьская дорога с сутулившимся кипреем по обочинам, с кустами конского щавеля и татарника, и телега с заиндевелой лошадкой среди лилово-алых зеленей, и багровое светило, закатывающееся в бездонную яму на горизонте, и розово-сиреневый пруд, с невесомыми испарениями над смиренной водой, с пятнистыми коровами на берегу, с босоногими мальчишками, удящими рыбу и — на других картинах — кучерявый дубовый лес, побитый первой желтизной, как ранней сединой, и гон золотистой лисицы по-зрячему, среди бурой осенней степной травы, азартные гончаки-редкомахи, рыжие и полово-пегие, с жаркими языками на сторону, с паром из черно-алых пастей, с кровавой пеной на губах; а на пригорке полуразрушенный ветряк и там охотники «стоят на крови», а вдали одинокая телега, у самого горизонта, на фоне багрового заката...

Я восхищенно скажу, что это, братец, у тебя шедевры. На что художник улыбнется жалостливо и снова спрячет их в пыльную кучу других невостребованных полотен. На подставке у него будет стоять неоконченная, заказанная каким-то толстосумом картина с чудовищами, у которых рога и перепончатые лапы... В углу, среди всякого живописного хлама, старых касок, всевозможных гильз и снаряженных патронов, среди нескольких штыков и нескольких ржавых гранат (одна румынская, другая итальянская и наша «лимонка») я вдруг увижу череп с аккуратными дырочками в затылке — входной и выходной — с очень хорошими, молодыми зубами, а рядом с черепом — скукоженную кожаную ладанку, треснувшую от времени, с пучком рыжеватых волос, торчащих из разрыва... На мой недоуменный взгляд художник бросит равнодушно, что, дескать, подарил эту находку один его молодой приятель, который промышляет рытьем «смертных» мадьярских медальонов.

Боже мой! Эта женщина, может, живет еще где-то, живет и даже ждет своего возлюбленного, того, кому отхватила когда-то едва ли не половину своей косы и аккуратно зашила в ладанку. Да, она где-то, может, еще доживает, а ее волосы, нисколько не изменившиеся, с черепом любимого валяются в пыльной мастерской художника, среди всяческого военного псевдоэтнографического хлама. Но как мог он принять такой «подарок»? Как смог так быстро измениться-огрубеть?

Лет двадцать назад, когда он числился еще «молодым» художником и состоял в разряде моих друзей, жил он на каком-то вымирающем хуторе и писал пейзажи. Скучал. А тут повадилась к нему ходить одна старуха. Придет и стоит за спиной. Стоит и молчит. Часами стояла и смотрела. Потому вдруг попросила нарисовать сына Васятку, убитого на войне. Никакой карточки, говорит, не осталось, нарисуешь — вот и будет ей на старости лет радость. А за работу она станет каждый день носить банку

молока и десяток яиц. Художник сначала опешил, потом попытался отказаться, сказать, что, мол, занят — тогда старуха пообещала петуха старого зарубить, все равно толку от него уже никакого. «Да как же я нарисую твоего Васятку, мамаша?» — «Это ничего. Я тебе расскажу, какой он был. Волосья потемнее твоих были и даже немножко вроде как рыжеваты, нос, почти как у тебя, только бульбочка потолще, на подбородке, вот тут, осьпинка, а тут — родинка, а здеся — шрамик, в детстве коза брухнула, а лицом потемнее тебя и поскуластей будет, — нарисуешь, родимый, ты же художник. Вишь, Полькина телка у тебя — как живая».

И так взялась она его уговаривать, каждый день, так рьяно взялась, что он сдался. Ладно, говорит, попробую, только отвяжись. Старуха даже опешила. «Правда?» — и посмотрела на него так, будто он не портрет пообещал написать, а живого сына ей вернуть…

Она пришла, как было велено, через пять дней. Привела с собой еще трех старух, которые стояли за спиной, переминаясь с ноги на ногу, пряча под фартуками свои черные, изработанные клешнятые руки. Художник всполошился: ну все!.. раскритикуют, похоже, вчетвером-то!.. Но делать нечего: тут уж хоть и яловая, а телись. Он повернул к ним холст. Старухи ахнули в один голос: «Васятка!» — и в три глотки заголосили. Мать опустилась возле портрета на колени и целовала непросохший холст, и смиренно мочила его слезами: «Ну, здравствуй, сынушка! Здравствуй, Васенька, голубчик мой! Вот и свиделись!»

Художник плакал вместе с ними.

Эта картина, омытая слезьми материнскими, что святей святой водицы, так и осталась на том забытом хуторе. Посмотреть на нее ходили толпами, с соседних селений. Такого «успеха» у художника не было больше никогда в жизни.

И вот прошло двадцать лет, и от прежнего художника не осталось, кажется, уже ничего. Он любит вспоминать эту историю, рассказывая, преображается, купается в былой славе и почете, но рисует теперь всяческие перепончатокрылых монстров, исключительно за баксы. Да, видно, все каким-то странным образом взаимосвязано в этом мире. Просто пока что нам не дано понять этих закономерностей — но они существуют, они есть, ибо всякий поживший на свете знает точно, что за все, за все — своя плата, свой расчет… И потому верится, что рано или поздно придется встретить свою пермскую тетку.

Ты приедешь за чем-нибудь в эту самую Пермь (раньше — город Молотов, так дед называл его до самой своей смерти). Будешь жить в гостинице, гулять по городу, пытливо всматриваться в лица встречных женщин пенсионного возраста. Будут встречать русые, черные, крашеные, но больше всего будет, конечно же, седых, с карими, синими, немного раскосыми глазами. Не, не то, не то… Найдешь госпиталь — он будет действовать, как действовал безостановочно и во время войны. А где же тут при нем конюшни? А вон там, покажут, сейчас в тех зданиях склады. Ага, женщина, на которой дед женился, скорее всего, жила поблизости, в слободке. Тут же оказалась, выходит, и дедова дочь. Как же ее звали-то? Анна? Так нет же — Валя!

Пойдешь, побредешь по улице. Сердце скачет. По этим же камням ходил дед шестьдесят лет назад. Одну женщину встретишь, другую, заглянешь им в лица — нет, не то, не то. Порасспрашиваешь о тех годах. Нет, не знают, не помнят. И вообще не местные.

Будешь ждать старушку, похожую на крестную (она на деда была

похожа больше всех), и тут бы ей сразу вопросик: а по батюшке вы случайно не Ильинична? Да? А звать не Валентиной? А отец — Илья Стефанович? Ну, здравствуй, тетя Валя, я — твой воронежский племянник…

Но не попадались похожие на крестную. Попадались совсем другие.

Так пройдешь всю слободку из конца в конец, и под старыми соснами увидишь кладбище, зайдешь туда, что-то поведет, поведет, повлечет тебя, и вдруг уткнешься в свежий памятник из нержавейки: с керамической карточки будет смотреть на тебя фото женщины, рожденной в 1945 году, которую звали при жизни Анной Ильиничной. А девичья фамилия — Аксенова. Так значит все-таки — Анна!

Да, а за оградой увижу мужчину лет тридцати, похожего на деда Илюху в молодости, до того похожего, что всякие сомнения отпадут сами собой, стоит подойти к нему поближе: он даже курить будет так же, как дед, держа папиросу меж вытянутых пальцев. Рядом с ним будет стоять девочка, похожая на мою мать со старинных пожелтевших фотографий, где она еще совсем ребенок; а у ног девочки — лохматый спаниель, любимая моя порода…

— Ну, здравствуйте, дорогие родственники! Вот и свиделись…

Ах, если бы вы знали, как долго и как тяжко все это писалось. И какой кровью…

АУТОДАФЕ
(Плач)

Подвергнуть кого-либо публичному позору
и даже сожжению — это еще не значит
доказать свою правоту.

Макиавелли.

Крестный мой горделивый, бильярдно-лысый и медленно усыхающий, давно уж передает-намекает: пусть бы, дескать, крестник написал о хуторе нашем родимом. В некотором роде — увековечил бы и прославил. А я все откладывал да отмахивался: ужо еще! Пока не съездил на родину. И вот, земляки милые, единокровцы незабвенные, извольте убедиться: прославляю и в некотором роде увековечиваю. Хотя и не без смешанных, горьких чувств.

Мне казалось в последнее время, что вокруг меня все еще легкий утренний сон развевается, как прихотливый розовый туманец, клубящийся, отплывающий, подобно мареву, — а то проходит, проплывает, истончается мимотекущая, мимолетная, почти мгновенная жизнь моя ненаглядная, проистекает неумолимо, и все мимо, мимо, как вода из горсти, просыпается, провеивается, как песок в часах, чах-чах, чах-чах, улетает, как ветер духовитый, духмяный, сквозь седую тополиную листву струящийся… И вот уж сорок мне годков, и на родине милой не бывал лет эдак двадцать пять с гаком.

И вот собрался и поехал.
Приехал, оглянулся окрест, —
И душа моя содрогнулась.
И я горько-горько заплакал.
Глубоко в душе.

Я восплачу-воспою, дорогой читатель, не о глянцевой заграничной экзотике, воспою-восславлю не «сладкую парочку» и не «пепси», которое кто-то где-то выбирает, я поведу речь о смиренной нашей, сирой и убогой, а теперь еще и вечно пиано-пьяной родине милой, о далеком, серо тлеющем под нещедрым солнцем вымирающем хуторе, который давно уж позабыт Богом нашим православным, да и неправославными богами позабыт тоже… Я знаю, дорогой, как занят ты собою, любимым, и тебе, мимоидущему, мимобегущему, конечно же, нет никакого дела до какого-то там далекого, безвестного поселения отнюдь не городского типа, — но это моя родина, слышь, братан, серая, неказистая, и вечно похмельная, лохматая, непричесанная, и потому я попытаюсь все же пропеть о ней достойно и, если уж не возвышенно, то хотя бы без унижения, и постараюсь, уважаемый, чтоб тебе, пресыщенному, не сделалось бы скучно.

Итак, мне казалось, что думы о родине давно уж оставили охладелое, очерствелое сердце мое равнодушное; мне давно уж не жаль чужую кровь, что как водица, да и свою не жалею; давно не подаю нищим, друзьям не верю, и женщинам, и к исповеди-причастию забыл уж когда ходил. Думал, что никогда уж не потянет меня под те трехохватные дубы, усеянные гнездами грачиными, под которыми сделал первые, самые важные в жизни шажки несмелые, — из сказочного небытия сделал в этот горько-полынный, продажно-прогнивший, несовершенный мир печальный. И вот я на родине неприветливой, неприглядной, и пятеро из шести, кого встретил, были пьяно-пианы и на бомжей похожи, я не угадал их и они меня не узнали тоже, а под дубами, между тем, все так же пахнет грачиным пухом и пометом, и дубы, кажется, ничуть не изменилися, не прибавили ни в росте, ни в толщине за те двадцать пять с гаком разлуки. Впрочем, четыре дуба успели рухнуть. Увы, даже эти могучие великаны не вечны в этом ложном мире, неверном и нестойком.

После дубов направляю стопы свои к крестному, скромно ожидающему. Вот он — на крылечке крашенном, расписанном, стоит и смотрит из-под ладони, маленький, прямой, горделивый, как Суворов какой-нибудь или Бонапарт-корсиканец. Сейчас он, пожалуй, самый справный на хуторе хозяин, хоть и старик совсем. У него с женой пенсии, мерин, пасека, ухоженный сад и два огорода, а также разнообразной, разнокопытной скотины и птицы разноперой, плавающей и неплавающей, полон двор его просторный. Ему семьдесят, однако больше пятидесяти восьми никто не дает, глаза голубы и глубоки, как апрельское бездонное небушко, он бодр, в ладах с юмором, ум ясен и здрав, черты лица правильны, даже, можно сказать, благородны, недаром происходим мы из талагаев-однодворцев, крепостное ярмо предков не коснулося, наоборот, сами имели право живые души покупать. Даже сейчас он кое-что выписывает из прессы, в основном то, где мелькает крестник. Он поддержит беседу с любым профессором, а при случае и «срежет», за ним не заржавеет, выпьет с вами и даже песни поиграет, но ум никогда не пропивал, и память отменная. Можно смело утверждать, что жизнь его удалась и прошла с пользой.

Почему же у вас, милые сверстники, друзья-односумы, почему у вас она не сложилась, не получилась, не склеилась, а кое у кого уж и завершилась трагично? Почему ушли на небесные пажити не в свое время Бартень, сгоревший от водки вместе с братом Васькой, Сашка-лекарь прямо в борозде, непохмеленный, отдал Богу душу свою нескладную, Сашка Мицин по пьянке убит в собственном киоске, Худяк зарезан нетрезвым, и прочие, прочие хорошие люди по пьяни дурно кончили.

Ах ты, Сашка, Сашка, Сашка Бартень, Ползун ползучий! Зачем же ты, дурачина, так сильно водчонку белую, огненную воду крепкую возлюбил? Ведь оченно неполезная та жидкость для нестойких морально человеков.

Ты был бессменным нашим победоносным полководцем, под чьим началом мы обирали сады чужие урожайные, совершали рейды дальние, дерзкие экспедиции на Дементевские пруды заповедные, сторожами пиаными охраняемые, где ловили-таскали рыбу прямо из-под носа у охранников. Ты был нашим вождем, отцом-командиром, учителем, атаманом и паханом, неистощимым на выдумки, это про тебя Райкин говорил: «Игру-ун!» — и все мы твердо верили, что ты, когда вырастешь, станешь генералиссимусом или капитаном Немо, или Че Геварой, или Чапаем, на худой конец, Миклухо-Маклаем, а ты стал плотником и пианицей беспробудным. Эх, Сашка, Сашка, Сашка Ползун! Зачем же так скоро покинул ты этот мир юдоли, променяв его на пеяние ангелов, ибо куда ж еще попадешь ты, как не в рай, ведь Бог наш православный любит русских безобидных, чистых душой, безответных пианиц несчастных. Один лишь грех за тобой помню — тот маленький пушистый котеночек…

Ах, Сашка, Сашка, Сашка Бартень!
Мелькнула жизнь твоя
Яркая, бестолковая, скоротечная —
Как метеора взблеск.
Мелькнула — и будто
Не было ее!

Почему же не выходит у вас жизнь, милые мои сверстники, почему рвется по швам, трещит? Что за проклятье? Что за страшный рок ужасный? Неужто в самом деле устала-надорвалась ты, Русь-матушка, жить-страдать, умаялась радоваться победам и захотелось-загребтелось тебе не жить-мучиться, а поскорее уснуть-преставиться, и хочешь уйти поскорее туда, где нет трудов и забот, где нет воздыханий, а лишь сплошное питие нектаров и полеты бесконечные не во сне, а наяву, и что успенье теперь, говорят, главнее, нежели рождество, а слова «смертию смерть поправ» уж не веселят открывающейся бесконечностью, не горячат кровь застывшую, не толкают на подвиги безрассудные.

О, несчастная, о несмелая, неславная, несильная родина-мать моя сирая! Как называется сия болесть неизвестная, труднолечимая, и куда пойти нужно, куда податься, чтобы сдать, слить кровь за тебя свою горячую, чтоб исцелить, оживить тебя, синеокая моя? Однако нигде не принимают ярую, рудую горячую кровь мою бурлящую, и поэтому плачу я в сердце своем и рыдаю, потому что жалею очень бедную свою родину умирающую, на позорище выставленную.

Но нет! Нет! Не все еще потеряно, коль есть такие мужики, как крестный, жилистый, семижильный мой. Вот садимся за стол с ним, над которым смиренные серые, русские пчелы толстожалые вьются, залетевшие через открытую распахнутую форточку, выпиваем ярого, жгучего самогона его крепчайшего, на каких-то дивных, сорока двух травах настоянного, закусываем пупырчатыми огурцами-опупками малосольными, черный аржаной хлебушек самопечный макаем в мед гречишный, горький и тягучий, в котором крылья да лапки пчелиные застыли, совсем как в янтаре, и неторопливо ведем беседу бесконечную, витиеватую, прихотливую, свитую как веревка власяная, о дедах-прадедах, о старине седой-косматой, о вет-

ряках и извозе, о кузнях да крупорушках, о Сталине и Троцком, о коммуне и колхозе, и вдруг он заявляет ни с того ни с сего вроде, что похож я, дескать, не в калединову породу и не в терентьеву, а шибаю по всем статьям на брата бабки моей по отцу, на Мишку-доцента Клевцова, что в Курске-городе учил студентов потрошить болящих человеков — вот откуда у тебя головка-то вострая! — любовно гладит он по затылку моему шишковатому. И я польщенно подпираю бестолковку свою кулаком и отвожу взгляд осоловелый за окно прозрачно-голубое, и уже не слышу, как крестный рассказывает о тех крестинах, когда держал меня, девятимесячного, на руках, а я «уделал» его прямо в церкви Новосолдатской — бес нечистый выходил, как заметил батюшка с улыбкой… Я смотрю за окно, а за окном… ах, за окном патриархальный огород покато-выгнутый с садом старинным, где одуряюще пахнут воргуль и антоновка, пахнут, как в третий день творенья, а ниже — пепин-шафран краснеет, а еще ниже — лесдубрава, откуда наносит терпкими прелыми ароматами детства, где горчит дикая груша, и орешник-лещина перешептывается, и лягушки в ручье прощально поют, скоро уж им засыпать-цепенеть, лупоглазым.

Мы смотрим на это, купаемся в древних, девственных запахах сладких, и молчим. Торжественно и многозначительно. Аки библейские брадатые патриархи суровые. А за окном…

За окном порхают белые,
Последние порхают мотыльки
Невесомые. Как пух.
Как пух ангелов Божиих.

Кто скажет, почему так долго стоял я у старого шиповника, что на меже, стоял и нюхал, нюхал его прекрасный запах, щемяще-сладкий, до слез чудесный. Под этим кустом устраивал когда-то курень — лежал, выглядывал сквозь колючки гнутые и нюхал, нюхал аромат розы дикой, серьбярины колючей. Память на запахи самая стойкая, самая кровная. Сейчас из оврага запахом глины наносит сквозь раскрытую форточку, и сразу человечки большеголовые вспоминаются да кони толстоногие, которых лепил я тут, а также целый каскад воспоминаний, волнующих, мятущихся обрушивается, от которых чуть не задыхаюсь, чуть не захлебываюсь былым горем, — это ж именно тут, возле вон той лозины, тогда тонюсенькой, а сейчас увядающей, Сашка Бартень, наш бессменный коновод, а теперь покойник, убивал, Ползун ползучий, котенка, а я присутствовал при той казни, и поклялся, что когда вырасту, убью-подвергну Бартеня-душегуба такой же казни. Увы, некого уж казнить-подвергать…

Мы сидим, молчим, и видим Колика, тоже друга детства моего незабвенного, что, держась за плетень ветхий, при царе Горохе сооруженный, возвращается средь бела дня неспешно, верно, откуда-то с гульбища веселого, — и опять туча черная наплывает на очи мои ясные. Ну вот что, что делать с поколеньем ровесников, с поколеньем потерянным, поколеньем дворников и сторожей, вечно-пианых философов, пофигистов гребанных, гипертрофированно-гордым, инфантильно-расслабленным поколеньем никчемным.

Ах ты, Колик, Коля-Николай, Коляда-кучерявая борода, заблудшая, забубенная, забухаистая твоя головушка седеющая, — что ж ты с собой творишь-делаешь? Помнишь, лежали на вершине обдерганного, осевшего пахучего духмяного скирда-стожка кособокого, лежали и смотрелипялились в небо бездонное, ночное, и мечтали о межпланетных переле-

тах-станциях, об иных мирах-цивилизациях, о встречах радостных, волнительных с рогато-антенными братьями по разуму? Теперь у тебя другие братья по разуму… Помнишь, как хоронили трясогузку, которую кто-то из наших подстрелил из рогатки-праща? — а ты изготовил для нее гробик и даже крест воздвигнул на могилке, и обсадил цветочками лесными, незабудками синими. Где же ты прежний, мил-друг? Куда пропала-испарилась душа твоя нежная, тонкая, искрометная? Кого вижу я пред собою — горький пианица, угрюмый, невеселый, неприветливый, небритый, нестриженный, немытый, непохмеленный, несвежий и немолодой, неумный и несдержанный, — неужто ты это, Колик милый, тот, кому я когда-то — единственному! — посылал свой первый наивный опус, зная, что только ты поймешь и оценишь. И ты поддержал, написав в ответ: ничего, дескать, первый блин — он завсегда комом!..

Куда же подевалась твоя легкая лукавая веселость, твой искрометный ум, где растерял ты все былое, где иссосалась, подобно льдинке весенней, чистая душа твоя, чуткая и отзывчивая? Неужто этот грязный, небритый, босой, полупьяный, косоротый мужик со слюнявыми губами, — ты, мой Колик благородный, самый близкий друг детства, которого я всегда считал умнее себя, честнее и во многих вопросах тоньше и деликатнее? О, как жестока ты, жизнь пропащая, жизнь нетверезая, жизнь пианая, похмельная, жизнь-копейка, жизнь-жестянка, на которую давно махнули рукой, посчитав, что не удалась судьбина горькая и что простояла она, неказистая, пропыленная, на обочине, а мимо весело шлакатилась жизнь настоящая, полноценная. Э-эх!

За что, Господи, наказываешь целое поколенье наше — пьянством беспробудным, благодушием преступным, леностью и гордостью, легкомыслием, инфантильностью, безверием и безумием, бездушием и беспамятством? Позорищем великим на потеху всему миру? Неужто все это плата страшная за грехи колхозников-отцов наших и дедов-коммунаров, пытавшихся в простоте сердца создать рай земной, согласно марксова евангелия? И что же вышло из затеи той возвышенной, из мечты той святой, дерзновенной? Увы, трава кругом по пояс, а ни масла, ни молока нетути, сплошной самогон рекою мутной разливается, поля черноземные могильной сиротской травой-бурьяном, старюкой ороговевшей зарастают, и несметное количество зайцев да перепелок-куропаток расплодилося, как после войны разрушительной, а ночами осенними, длинными, промозглыми волки-бирюки воют по курганам. Землица-матушка наша уродимая, черная, жирная — хоть на хлеб ее мажь, — неродная больше людям на ней живущим, не мать стала, а мачеха подколодная. В глазах же ваших мутных беспросветность непроходимая, а в закромах — пусто, мыши передохли, и всесветная тоска тоскливая, тоска зеленая, болотная, непротивленная, после которой смерть несомненна, неизбежна и покажется благом, избавлением от мук, а руки ваши в кулаки не сжимаются, лишь стакан сжимать привыкли, семя ваше так и сгорит в вас, так и уйдет с вами в могилу, ибо невесты ваши и жены ваши неверные, беспутные, вас презирающие, неуважающие, рассеяны по белу свету великому, неприютному, по барам-бардакам турецким и всего мира необъятного, где их «наташками» зовут-кличут, и спят они с чурками позорными, смердящими, обрезанными, и рожают от лилово-фиолетовых негров кучерявых коричневых бастардов, — вам же все равно, вам наплевать, вам лишь бы булькала влага горячительная, вы давно уж привыкли обнимать одну лишь бутыль зелена вина, и готовы день-деньской лопатами махать иль

вилами за-ради стакана самогона желтого, бурячного, вонючего из руки пухлой нового хозяина жизни. Вы ли это, пацаны, взращенные на Александре Невском, Корчагине и Чапае? Нет, не вы. Неведомы мне эти субтильные, серолицые доходяги, эти лохматые существа красноглазые, имеющие лишь подобье человеков. Вы подобны чайкам расслабленным, халявой избалованным, кои имеющие резвые крылья, влачатся по мерзким помойкам, вместо того, чтобы лететь — навстречу морю, навстречу буре.

Вымирает, вырождается, исчезает раса
Наша победоносная, род-племя
Наше русское, русое, великое, славою
Овеянное и легендами, боянами
Воспетое, нашими и иноземными.
И некому усилить, продлить его.

И я говорю крестному, что горько и больно, и обидно смотреть на родину свою сирую, где двадцать лет ничего не строилось, не обновлялось, не возводилось, а только разваливалось, растаскивалось, проживалося, пропивалося, — и когда же наступит конец всему этому раздраю-разбою? Когда же снизойдет на страну нашу, на народ покой и благодать? Когда же?

На что крестный, посмотрев на меня в упор ясным наполеоновско-суворовским зраком, отвечает: однажды мужик один, дескать, забубенный проиграл собутыльнику жену младую, красивую, неприступную, гордую и строгую. Проиграл на сутки, и выигравший решил за сутки эти так над нею надругаться, чтоб позора хватило на всю жизнь оставшуюся, — он созвал приятелей, таких же, как сам, вывел женщину пред алчные их черные, непотребные очи похотливые и приказал раздеваться. И когда она отказалась повиноваться, — стал срывать, стал сдирать с нее одежды ее светлые, непорочные. Страстно взмолилась она к Господу нашему, заступнику: помоги, Отче, ибо видишь, невинна я! — и Господь неслышно отозвался: вот Я, во всей славе своей! И чудо свершилося: одежды ее светлыя, непорочныя не иссякали на ней, сколько ни сдирал их злодей ярый, не срывал, не изрывал, пианый, безумный, — он раздирал, а одежды не кончалися. Уморился злодей, остановился, призадумался и понял, что тут что-то не так. Да и гости вмиг протрезвели, испугалися и разбежалися.

Так и с Россией-матушкой, сынок. Обирают ее, проигрывают, обдирают, как липку, унижают, высмеивают, а она все стоит среди великого позорища в одеждах-ризах светлых своих, непорочных. Обирают, обдирают, грабят, а все никак не оберут, не обдерут и не ограбят. Унижают, обливают грязью, а она все равно чистая и все равно великая. Потому и вечная она, потому и святая. Тыщи лет стоит в славе и впредь стоять будет. Вот выгорит безжалостно, как в плавильном котле-тигеле вся ложь, вся неправда, вся лень и ржа, сгорит в шлак, в прах, в пепел, — и останется один звонкий металл чистый, литой. Из которого хоть меч ковать, хоть плуг. И будем мы вспоминать об этом времени смутном, как о м*о*роке похмельном, бредовом, и лишь головою качать. А историки честные назовут это временем очистительного самосожжения, и это будет правдой.

Ай да крестный! Ай да умница! Воистину, притчи твои Соломоновым подобны. Но как же ребята-сверстники, друзья-односумы, все поколенье наше потерянное? Ведь жалко… Услышит ли Господь плач мой рыдающий, вспомянет ли о чадах своих непутевых, — ведь не для пития же зе-

лья гадкого, неполезного послал Он в мир всех нас, — вспомянет ли, оглядит с небес и осияет своей благодатью?

И тогда, очнувшись
От угара хмельного, беспробудного,
Ударитесь вы главою буйною о кулаки
Пудовые. Очистительно восплачете, вырывая
Из бород запущенных клоки кудрявые,
И воспрянете, и покажете миру
Удаль русскую,
Русскую мощь и духа величие.

А ежели не очнетеся, мужики, друзья-односумы, и не воспрянете, тогда и жалковать об вас, о всех нас нечего. В шлак, в прах, в пепел — туда, значит, всем нам и дорога!

Очистительное пламя самосожжения не всегда означает смерть несомненную, чаще как раз наоборот — возрождение из пепла. Выгорай же скорее!

ХУТОР ЧЕВЕНГУР

Все было как всегда. Как в прошлые года. День выдался такой же сухой и жаркий. Не зря есть примета, что на Пасху и на Рождество Богородицы всегда ясно и тепло. Так было и в этот раз.

«Разминаться» красненьким начали еще в Богучаре, у начальника заготконторы, у Бурдейного Витьки, который был земляк-чевенгурец. В Лисках заехали в «Сельхозхимию», добавили у Тернового Сахуна, оттуда перебрались в Острогожский райпотребсоюз, к Алке Белокопытовой, у которой уже сидел директор Репьевской птицефабрики Эдька Ухань, сынок хуторской учительницы Галины Яковлевны, которая их всех вывела в люди.

Общий сбор, как всегда, в полдень, в Острогожске, у районного ДК. Выезжать собирались на нескольких машинах и автобусе. А пока — обнимались, целовались, пересаживались из машины в машину. Шутка ли — некоторые по тридцать лет не видались. Вспоминали детство, всякие хохмы и, как сейчас говорят, приколы. «А помнишь? А помнишь?..» — неслось отовсюду.

К их растянувшейся, уже готовой отправиться колонне подскочила голубая «Газель». Рядом с шофером сидел краснощекий Арканя Голомедов, директор Павловского речного порта. Он показал стелу из нержавейки, которую привез, чтобы земляки установили на хуторе — самому некогда, важное мероприятие на вечер запланировано с участием областного начальства, проигнорировать нельзя никак. Стела оказалась высокой, изящной, с надписью: «Охраняется совестью народа». Сам придумал — хвалился Арканя.

Стела понравилась, все наперебой стали предлагать, где ее установить. После непродолжительных споров и препирательств приняли предложение Алки Белокопытовой: поставить стелу на месте бывшего клуба. Место высокое, видное издалека, а до революции, говорят, церковь там стояла, которую срубили из дуба еще, кажется, в конце семнадцатого века их предки, основатели хутора.

Предложение «прошло», народ одобрительно загудел и стал рассаживаться по машинам. Многие сели в новенький, просторный «Мерседес»

Славуни Аралова, которого в детстве дразнили «Лупач» и который сейчас был какой-то шишкой в областной администрации. Стелу загрузили в автобус на задние сидения. «Сами установим, не боись, в лучшем виде!» — кричали вослед уезжавшему Аркане.

В автобусе оказался незнакомый седой человек. Как выяснилось — известнейший в области ученый-краевед и публицист Фрунзик Иосифович Алибасов. Познакомившись с ним для приличия, выпили и стали играть песни. Песни были старинные, игрались на три голоса, все сплошь походные да протяжные. «Прощай, родимая сторонка, прощай, любимый хуторок, прощай, девчонка молодая, прощай, лазоревый платок...» Ученый тоже пытался подпевать. Через какое-то время, когда напелись-наигрались и еще разок промочили горло, краевед стал рассказывать историю возникновения их родного хутора. Все, забросив разговоры, слушали с повышенным пьяным интересом.

Оказывается, хутор основан детьми боярскими, сиречь однодворцами, принимавшими участие во втором крымском походе под предводительством невенчанного мужа Софьи князя Голицына. «Поганые татаровья» и в этот раз уклонялись от решающей битвы, выжигали степь, травили колодцы. В войске начались болезни. Пришлось Голицыну опять возвращаться без славы. Кое-кто из стрельцов, подыскав на обратном пути свободную землю, оседал на ней. Вот так и возник хутор Чевенгур. Первые поселенцы: Белокопытовы, Бирюковы, Терновые, Бурдейные, Голомудовы... При последней фамилии все рассмеялись, вспомнив Арканю Голомедова. Хорошо, что его не было сейчас, а то бы, пожалуй, и в драку полез, он такой.

Но Фрунзик Иосифович, не обратив на смешки внимания, продолжал рассказывать: до 1783 года хуторяне-однодворцы служили в ландмилиции и приравнивались к помещикам, имели право покупать крепостных. Затем Екатерина II, после поездки в Крым, упразднила двадцать слободских полков, в том числе и Острогожский. Так чевенгурцы из «войсковых обывателей» стали «государственными крестьянами». На хуторе была церковь Рождества Богородицы, крупорушка, маслобойка, пять ветряков, церковно-приходская школа. После революции все это, за исключением школы, было разрушено. Правда, на месте сгоревшей деревянной церкви, на том же фундаменте, был построен клуб, где размещалась читальня.

В середине двадцатых годов, продолжал Фрунзик Иосифович, в окрестностях хутора работала мелиоративная бригада, которая бурила колодцы и возводила плотины. Было сооружено три пруда (все закивали: да, да, есть такие, Дементевскими называются, сейчас они давно уже не пруды, а заросшие камышом болотца). Руководил этой бригадой человек, ставший впоследствии известным писателем, который один из своих романов назвал — «Чевенгур».

— Да вы что?! Правда? — воскликнули в один голос сразу несколько человек и стали восторженно толкать друг друга локтями. Раскупорили новую бутылку. — Ну, за Чевенгур!

— Роман не печатали шестьдесять лет, — продолжал историк, отказавшийся выпить. — Но в тот самый год, как он был впервые опубликован, хутор Чевенгур прекратил существование — оттуда съехал последний житель.

— Да, то была бабка Гацуниха.

Все засопели, заскрипели импортными сидениями, лица потемнели, желваки заходили. Сделалось стыдно и как-то неловко.

— Но мы же помним о своей родине, — сказала за всех Алка Белокопытова, отличница, активистка и вообще «правильная». — Последние пять лет каждый год, в Богородицын день, в наш престольный праздник, мы приезжаем сюда, об этом даже газеты писали, иногда до двухсот человек, привозим детей… — поперхнулась бездетная и безмужняя Алка.

Детей в этот раз, кажется, не было совсем. Оттого и повисла опять неловкая тишина. Лишь сиротливо позванивала на задних сидениях стела… Путь был неблизкий, однообразный, с горы на гору, меловые склоны балок парили, над полями висело тягучее, прокаленное марево, — а каково тут было раньше, среди степи голой, на скрипучей бестарке, да при взмыкивающих быках! То-то люди были могучие, предки наши…

После недолгого, неловкого молчания разговор как-то сам собой перешел на политику, на недавние события в Югославии, на геополитическую ситуацию в мире — о чем еще говорить зрелым мужчинам? — и все наперебой стали высказывать мнения, похожие на оправдания, что вот-де нас, русских, слишком мало, мы даже не можем обиходить принадлежащую нам землю должным образом, отсюда и разгильдяйство, а так как человек ищет лучшей доли, более легкой жизни, его и тянет в города, ведь чтобы жить в деревне — это по нынешним временам подвиг, а кого заставишь совершать подвиги добровольно?! А вот если б нас было, скажем, как китайцев, нужда заставила бы обрабатывать каждый клочок, и никто бы тогда не смог уехать в город, или уезжали бы только самые достойные, и не было бы такой разрухи в деревне… — вот вкратце, в тезисах, темы тех пьяных разговоров.

И говоря так, философствуя этак, катились они комфортабельно в «Мерседесе» по жаркой, но выжженной русской степи, где поля в основном были уже убраны, а кое-где и перепаханы; и только иногда ежиной шкурой серел подсолнечник, да желтели лисьи хвосты неубранной кукурузы. Все были пьяны не столь от водки, сколь от возбуждения, которое каждый год, все более острое, посещало бывших хуторян, чем ближе они подъезжали к родным местам, — тут, казалось, даже воздух был какой-то особенный, пахучий, духмяный. Да, дым отечества… А разговор, между тем, свивался прихотливо. Говорили, что нас, русских, россиян, всего около двух процентов от общего населения планеты, а контролируем мы аж сорок процентов мировых ресурсов. Нонсенс. Пирамида, поставленная на острие, вверх основанием. Природа же не терпит неустойчивого положения. Да, поддакивали соседи многозначительно, война за передел мира будет обязательно, дело времени…

— На подъезде к хутору увидели впереди «КамАЗ» с железной будкой. — Кто это? — стали вопрошать бесперечь. Вроде в прошлом году никто на такой машине не приезжал. Кто-то бросил: наверное, Федя Бирюков свое потомство везет, больше некому. У него детей — только на «КамАЗе» и возить.

— Странно, — сказала грудастая Алка, смотрясь в зеркало, — в детстве такой недотепа был. Такой тихоня… — добавила она с восхищенным презрением.

— Вот по-тихому и настрогал — целый воз. Точнее — «КамАЗ»! — гоготнул Славуня Лупач, совсем не блюдя свой авторитет областного начальника. — За всех за нас отдал долг перед родиной. — И деловито оглядел присутствующих: у Алки ни мужа, ни детей, сама — мужик в юбке, у Сахуна один сын Рома, и тот из пивных не вылезает уж лет пятнадцать, у Бурдейного дочь Вика десять лет живет с мужем, но детей, видно, уже

не будет — «для себя» живут. У самого же Славуни где-то будто бы есть ребенок, но, как поговаривали, не совсем здоровый (слишком бурную молодость папа провел), и потому о детях с ним разговоры не заводят, — как в доме повешенного о веревке…

Они преследовали «КамАЗ», гнались, стараясь узнать, действительно ли Федя? Шофер у Славуни был — оторви! — но догнать не удавалось. Поля поворачивались, будто театральная сцена, кружил коршун с белыми подмышками, по обочинам плотной стеной стояли пыльные бурьяны, на дальних меловых взлобках крутояров, где стлался выгоревший ковыль, желтели столбики байбаков. Это была родина, это была земля отцов, политая кровью и потом, как это ни банально, — и эта земля была кинутой… В низине, перед мостом через заросшую кугой речку Потудань, машины остановились, сгрудившись кучей. Народ стал вылезать — было человек пятьдесят, — и отходить в сторону, туда, где копанка-криница, — там из меловой кручи бил голубой, пахнущий стеклом ключ Бурчак. Вода в нем — ледяная. Набирали во фляги и бидоны. Пили и не могли напиться. Это был вкус родины. Запах детства. Сколько ж их предков пили из Бурчака? Сколько судеб связано с этим родником?..

Возвращались назад к машинам — счастливые, взбодренные. Переговаривались оживленно — о воде, которую можно пить до бесконечности, как пиво все равно, о детстве, о милой юности, о том, что тогда все были разуты-раздеты, но жизнь била ключом. У всех — надежды, перспективы, планы. Вера, что родились не зря. Что нужны стране и родителям. В каждом дворе — по целому выводку детворы. Все выросли! И что не зря в древности проклинали не самого человека, а его потомство. И бесплодие считалось самым страшным Божьим наказанием. Да, да, — кивали собеседники, нация вымирает не от плохой медицины — от слабого потомства. Как только люди теряют интерес к жизни — к жизни ради самой жизни! — пиши пропало. Взять, к примеру, сербов и албанцев в Косово…

Да, прав тот, кто сильнее, кивали собеседники, рассаживаясь по машинам. Попробовали бы американцы поддержать албанских сепаратистов при Сталине… С этим согласился даже историк, поморщившись (видно, не любил он отца народов): сильнее тот этнос, — добавил, — какой моложе.

— И который не избалован комфортом, — встрял молчавший до того отчаюга-шофер. — Вот Китай, например. С ним всегда считались, какие бы кризисы там ни происходили… Поэтому ваш Федя, — кивнул он в сторону ушедшего «КамАЗа», — молодец. Именно его потомки и будут жить после нас. Все помрем, и вы, и я, и окажется, в конце концов, что человек ценен только тем, что останется после него. Дом. Дети. Сад. Корабль. Или книга на худой конец, — взгляд в сторону публициста.

Все молча рассаживались в автобусе, избегая смотреть друг другу в глаза. Все друг про друга все знали. Карьера, деньги — съели людей…

— В Америке со временем будут жить негры, — сказал шофер, запуская двигатель. — А у нас — узкоглазые брюнеты. Россияне…

— Да, да… — закивали смущенно. Автобус дернулся и помчался по брошенной ими земле. На задних сидениях погромыхивала стела… Через полчаса завиднелись дубы, под которыми все они бегали когда-то босиками, гоняли из-под дубов свиней, которые любили собирать там желуди. Увидели давешний «КамАЗ» — из железной будки вылезали дети, весело хохоча. Повсюду лежал сваленный кирпич, лес, пачки ши-

фера. Стояли несколько трейлеров и армейских палаток, вокруг которых развевалось на ветру белье. Всюду сновали какие-то люди.

Кто такие? Откуда? Что тут делают?

Как выяснилось, переселенцы. Несколько семей. Председатель сельсовета, оказавшийся тут по случаю ежегодно съезда хуторян, Геня Шмыков, которого в детстве дразнили «Шнырой», объяснил: беженцы с Кавказа, сами выбрали это место. Думают к зиме отстроиться. Вот детей в школу возят на «КамАЗе»…

Настроение испортилось. Бывшие хуторяне уныло бродили среди чужих трейлеров и палаток. Было ясно: в последний раз… Больше сюда не приедут и никогда уж не соберутся они, разбросанные по обширной стране. И стела оказалась не нужна. Тем более, место, где ее думали ставить, было занято: там лежали блоки, кирпичи. Несколько смуглых бородатых мужчин расчищали древний фундамент из дикого камня, на котором когда-то стоял клуб, а до того — церковь.

— Почему именно это место выбрали? — интересовались у землекопов.

— А зачем в селе тесниться? Тут простор. Воля. Жить можно, как привыкли.

Бывшие хуторяне переглянулись со Шнырой, представлявшим местную власть, и по выражению его лица было видно, что он предвидит все прелести такого компактного проживания, и скоро хлебнет этих прелестей по самое некуда… Но Геня лишь развел руками.

— Да и хорошо тут у вас. Тихо, — продолжил носатый землекоп. — Не то что у нас, — неопределенно махнул рукой и показал на «КамАЗ», где еще не успели покрыться ржавчиной рваные пулевые дыры. — А на фундаменте мечеть поставим. Место отличное — далеко видно…

Уезжали с родного пепелища как с похорон. Впору было выкапывать и увозить покойников. На задних сидениях дребезжала стела. Все молчали. Лишь историк бормотал что-то о Куликовской битве, которая произошла в аккурат на Рождество Богородицы, но никто уже его не слушал. Подъехав к Бурчаку, остановились на мосту через смиренную речушку Потудань. Публицист хотел было напомнить, что и речка описана-увековечена, но от него отмахнулись. Шофер взял стелу и бросил ее с моста в трясину, прорвав ряску. Стела булькнула — и будто не было ее.

— Вишь, что творится! — пробормотал Сахун. — И такое — по всей России. Что же нам, русским, — покосился в сторону Фрунзика Иосифовича, — делать? А, мужички?

Все молчали. Даже всезнающий историк, хоть и покрылся обиженно пятнами. Видно, недаром злые языки говорили, что среди историков он публицист, а среди публицистов — нацмен…

— Что-что… — бросил через плечо шофер, злобно взглянув на Алку, которая, косясь в зеркало, наводила красоту, — размножаться! Плодитесь и размножайтесь, сказано, занимайте землю и владейте ею. У меня их четверо, гавриков. Всех по дедам назвал. Вырастут! А у вас?

Все опять смолчали. Но каждый про себя подумал, что надо бы Славуне уволить этого умника, которого зовут — Иван.

□ □

Анатолий Тихонович Емельянов *(1926–2011). Родился в селе Архангельском Воронежской области. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Более 40 лет работал педагогом. Публиковался во многих областных и центральных газетах, журналах «Новый мир», «Подъём», «Смена».*

Анатолий Емельянов

ГОЛУБАЯ, КАК НЕБО, СИРЕНЬ

МОЕ СЕЛО

Когда мой предок сруб поставил,
Возвел строенье под венец,
Царь Алексей Россией правил —
Петра Великого отец.
Во всем была видна сноровка
У тех, кто основал село.
С названьем первым Голышовка
Оно в историю вошло.
Все было здесь отрадно взору:
Простор полей со всех сторон,
Луга и меловые горы,
Леса и полноводный Дон.
Отсюда флот Петра к Азову,
Крестя, мой предок провожал.
Народ карал врагов сурово,
Не раз пришельцев он бивал.
Трудна сегодня жизни чаша,
Но страсть к труду у нас в крови.
Живи, Архангельское наше,
Всем бурям вопреки — живи!

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

От родного села, где донская волна
Набегает, сверкая, на плес,
Далеко увела двух подружек война
От придонских лугов и берез.
И служили они в батальоне одном,
Много ран им пришлось бинтовать.

Но одну из подруг на пороге родном
В сорок пятом не встретила мать.
Где-то там, за Дунаем, в одном из боев
Светлой искрой погас ее день.
И цветет по весне над могилой ее
Голубая, как небо, сирень.

1944

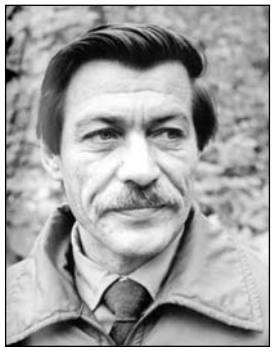
Я этот день не позабуду никогда.
Начало марта. Первая вода.
Как далеко теперь шагать ребятам!
Кому вернуться суждено из нас?
Кто кепкой на прощанье белым хатам
С пригорка помахал в последний раз?

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Разум человеку дан во благо.
Жизнь — бесценный дар, а не юдоль.
Как хрустальный ключ на дне оврага,
Так душою чистым быть изволь.
Что ж ты головой поник в печали?
Разум человеку дан во зло?
Было Слово, говорят, в начале, —
Свет Надежды в мир оно внесло.

ПЕСНЬ О ДОНЕ

И как твоею славой не гордиться,
Дошедшей к нам из глубины веков?
И счастлив я, что довелось родиться
Мне у твоих высоких берегов.
Изранены придонские просторы:
Здесь битва бушевала не одна.
Хранят поныне меловые горы
Трагических событий письмена.
Ты казаку из Вешенской станицы
Открыл сокровища волшебных слов.
И счастлив я, что довелось родиться
Мне у твоих высоких берегов.



***Петр Васильевич Сысоев** (1937–2018). Родился в селе Костенки Воронежской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал на производстве, журналистом многотиражки, областной газеты «Молодой коммунар», заведующим редакцией художественной и детской литературы Центрально-Черноземного книжного издательства. Автор пяти книг прозы. Член Союза писателей России.*

Петр Сысоев

ТАНКЕТКА

Рассказ

Русская танкетка застряла в ключе ниже мытного колодца. Было непонятно, зачем танкисты поехали вдоль ручья, если выше была дорога, как и ручей, выходившая к Дону? «Наверное, — подумал пятилетний Павлик, одним из первых в селе оглядевший застрявшее диво, — танкисты не знали, что берег у ручья сильно крутой! Ведь громыхали они еще ночью. А может, у них все кончилось…»

Как же Павлику хотелось хоть бы ладошкой погладить машину! Но — как одному это сделать? Страшно ведь! И он побежал за Петькой.

А немцев еще не было. Все русские солдаты уже переправились через Дон, угнав и паром, и все лодки на другой берег. «Теперь и захочешь — не убежишь! — сказала утром мама бабушке и утерлась фартуком. — Все бабы — по садам-огородам. Все закапывают! Пойду и я, хоть «швейку» свою закопаю!» Чем и воспользовался Павлик, убежав со двора к мытному колодцу, где и увидел…

А Петька сам шел Павлику навстречу! Он был в три раза длиннее Павла, очень кадыкастый, но такой же тощий и бледный, как и его друг — пацаненок.

— Там — настоящий танк! — сразу выпалил новость Павлик. И показал рукой себе за спину.

— Брешешь? — спросил недоверчивый Петька и, опустившись на корточки, испытующе поглядел в глаза Павлику.

— Петь... ты че-е...

Петька поднялся, взял «друга» за ладошку, сказал:

— Ладно, пошли...

Танкетка стояла кособоко — левая гусеница на берегу, правая почти вся в воде. Оба люка — верхний и передний — были открыты. Внутри еще пахло пороховым дымом — ведь его никогда не спутаешь с соломенным или кизяковым. В одном пулемете торчала расстрелянная лента, а на другом — крепко сидела сковорода-шляпка. Только в короткой пушечке, торчавшей из башенки почти в небо, в сторону дороги, не было ни одного снарядика.

Педали перед водительским сиденьем, рычаги с рубчатыми рукоятками справа и слева — все мягко двигалось, как и пулеметы, и пушка с башней. Но что бы ни нажимал Павлик — ничто не срабатывало.

И Петька тоже на все нажимал, но и у него ничто не срабатывало!

— Ладно, — сказал Петька, вылезая с самого дна танкетки, где было сидение водителя. — Сейчас...

И что-то у Петьки зацепилось за пулемет со сковородой. Пулемет щелкнул, и с него вдруг слетела шляпа-сковорода.

Петька оглянулся, взял в руки «сковороду», протянул ее к люку башни, куда глядел Павлик:

— Подержи! — приказал.

Павлик взял «шляпку» в руки и чуть не уронил, — такая она оказалась тяжелая; и в то же время такая гладкая, теплая! И с аккуратной прорезью-выступом в центре круга на одной стороне. А в прорези сверкал медью новенький патрон, которые у Павлика все отбирали почему-то, а он их находил больше всех!

Петька, выпрыгнув из башенного люка на броню, тут же отобрал у Павлика диск.

— Прыгай, — велел Павлику. — Сейчас будем разбирать... Оба слезли с танкетки и сели на траву. Петька сразу начал выковыривать из прорези видневшийся новенький патрон. Но его прочно удерживали два зауселца на выступах.

— А у него две жопки! — вдруг сказал Павлик и ткнул прутиком в пистон.

Что-то клацнуло, скрежетнуло внутри диска-тарелки, и патрон сам собой выскочил из прорези не вверх, куда его выковыривал Петька, а вперед.

Петька сразу догадался, как надо разряжать диск, но не сказал об этом Павлику — глупый еще! Поднял выскочивший патрон — порохом из таких в селе каждое утро многие растапливали печи, поджигая его трутом. Сунул в карман штанов:

— Пошли ко мне. Там разрядим и ... — сказал Павлику, который не отрывал глаз от руки друга с патроном в кармане.

— А мне дашь патронов? — сглотнув слюну, спросил Павлик.

Прижимистый во всем, жадноватый Петька прикинул про себя что-то, вынул руку из кармана вместе с патроном. Вздохнул, разглядывая новенький патрон в своей руке. Решил: лучше этот единственный отдать Павлику, чтоб все остальные достались ему! И сказал:

— На, возьми! Только спрячь и никому не показывай. Охотников до патронов, знаешь, сколько?

И прижал диск-тарелку к своему боку, прорезью к себе.

У Павлика в штанах карманов не было, и он сунул патрон за пазуху, а локтем прижал его к телу, как Петька тарелку.

— Так не видно? — спросил друга, ожидая похвалы.

— Молодец. Ну, пошли! — не замедлил исполнить желание Павлика Петька и взял его ладошку в свою.

Петька рос в семье один, а у Павлика были сестры, с одной из которых Петька ходил в школу и которая ему очень нравилась, но она про это не знала. Зато Павлик сполна пользовался тем, что Петьке нравилась его старшая сестра, и он в это лето ни на шаг не отставал от Муравлева, даже когда тот в своем дворе занимался по хозяйству или в огороде.

На крестище, у колодца и на облоге возле пустого скотного двора, лежали и стояли кучками военные в не виданных ребятами желто-зеленых, как табачный лист, одеждах. Некоторые были полуголые; железное ведро, намертво прикованное к колодезной цепи, беспрерывно громыхало о деревянный сруб, с маху бросаемое в колодец. Дубовый барабан с намотанным на него стальным тросом глухо гудел, раскручиваясь без тормоза...

Петька догадался, что это и есть немцы, про которых рассказывали наши отступавшие солдаты. Держа в одной руке круглый диск, а другой таща за собой перепуганного Павлика, Петька почти совсем прошел через крестище, как вдруг сзади громко залопотали и его крепко схватили за плечи. Страх тут же прорвался из Павлика слезами и ревом. Чьи-то руки сзади подхватили его под мышки, вынесли из толпы и поставили на дорогу. Павлик даже не оглянулся — кто же его вынес? — а побежал по дороге, продолжая реветь. Но тут патрон, забытый Павликом, вдруг скользнул из пазухи в правую штанину, клюнул пуленосиком в подъем стопы, заставив остановиться: что такое? Протер глаза — на дороге патрон! А что же с закадычным другом Петькой?..

Зажав обеими руками патрон, Павлик бочком-бочком сбежал с дороги в тень плетня, остановился, оглянулся: у Петьки отобрали диск и куда-то унесли. Потом стали о чем-то его расспрашивать, махая руками, а он явно ничего не понимал и все время неотрывно глядел на Павлика, словно что-то хотел передать. А Павлик глядел на Петьку, не понимая, что тот хочет ему сказать, а видел только солдат...

Тут два здоровенных солдата ухватились за Петькины плечи и повели в проулок, который вел на гору, мимо глубокого Матюнина яра. А избы его и Павлика были совсем в другом логу-распадке — за спиной у Павлика!

Павлик хотел пойти следом за солдатами с Петькой, но для этого надо было пересечь крестище, полное солдат. Страх перед ними стискивал сердечко, но он-таки пошел к колодцу маленькими шажками, неуверенно. Глазенки его метались по солдатам, и из-за этого он сразу потерял из виду своего друга-защитника. О нем ему напоминал теперь только патрон, стиснутый обеими ручонками и прижатый к груди.

Один из солдат — наверное, тот, который вынес Павлика из толпы, потому что он так и остался крайним, ближе всех к нему! — шагнул ему навстречу. Павлик остановился, вглядываясь в солдата — рыжего, будто вывалянного в мякине, с коричневыми от цигарки усами. Одной рукой солдат подзывал Павлика, а другой рылся в глубоком кармане своих измятых штанов. «Обманывает! В штанах ничего нету, — решил Павлик. И догадался: — Из-за патрона! Отобрать его хочет, во-от...»

Павлик попятился. Когда же солдат начал вытаскивать левую руку из штанов, он развернулся кругом и что было сил побежал в свой лог, к своей и Петькиной избе. Сзади ему чудился редкий, гулкий топот желтых ботинок рыжего солдата. Каждое мгновение он ждал, что тот его вот-вот схватит, и он все наддавал и наддавал в беге, и будто даже не дышал, а воздух сам собою пронизывал его насквозь через легкие, и его было так много, что Павлик не мог из-за него закрыть рот и даже закричать...

А Петьку привели под огромную, развесистую грушу-дулину на краю Матюнина сада, у самого обрыва. Под деревом были вкопаны два стола со скамейками. На одном из них перед тремя военными с другими погонами, чем у солдат возле колодца, лежал его диск-тарелка. Петька догадался, что это командиры тех солдат, что у колодца обливались водой.

Два молодых командира, перебивая друг друга, что-то быстро-быстро говорили третьему, явно более старому, с сединой на аккуратно подстриженных черных висках и с очками, поднятыми на лоб. Этот старший кивал молодым, но смотрел на Петьку, щуря то один, то другой глаз в черных ресницах. Потом заговорил, а солдат справа от Петьки начал переводить:

— Ти есть партизанен! Кавари, кте твой товарисч? Кас-падин официрин тебя отпускайт, если покажи. Нет — будет стреляйт! Кавари!

Слово «партизан» Петька понял и без переводчика. Но он не знал никаких партизан, кроме самого себя, потому что так называла его мать, особенно когда он без спроса куда-нибудь убегал с ребятами или съедал хлеб, оставленный матерью на ужин.

— Я никого... я не партизан! — торопливо сказал Петька и заныл, как делал, бывало, Павлик: — Отпусти-ите! Я ничего-то не сде-елал!

Молодой офицер стремительно шагнул из-за стола, больно стиснул Петьке плечо и рывком дернул его к столу с диском, что-то спрашивая при этом.

— Что это? Ти это нес партизанен? — перевел вопросы молодого солдат за спиной у Петьки.

— Нет, нет! Я хотел порох... печку растопить чтоб! Не знаю партизан! — забормотал Петька, холодея от догадки, что эти подумали, будто он нес пулеметный диск партизанам. «Надо было Павлику...»

— Кде взял? — спросил за спиной переводчик.

Петька повернулся было к нему, но молодой командир так рванул его за руку, что показалось — выдернул ее из плеча.

— Ой-ей! — по-настоящему вскрикнул от боли Петька и затараторил: — В танкетке... там... у мытного колодца! Для пороха... мамке нечем печку растоплять! А я жгут от кремня запалю — и в порох. Он пшикнет — солома и загорается...

— Ти партизанен! — почти по-русски крикнул над ним молодой и дал подзатыльник. Потом залопотал по-своему, обращаясь к седому.

Седой молчал, глядя на Петьку уже не мигающими, а какими-то далекими, как небо над логом, глазами. Первому молодому ответил второй молодой, но первый стукнул по столу кулаком, выкрикнул одно шипящее слово и махнул в сторону оврага. Петьку тут же схватили сзади за плечи — это был второй солдат, пришедший с ним от колодца, — а переводчик так и остался стоять в трех метрах от стола.

За спиной Петьки спорили два молодых офицера, а седой почему-то молчал. Петька подумал, что он похож глазами и очками на лбу на их

директора школы Владимира Сергеевича, преподавателя литературы, выделявшего Петьку за память на стихи. А еще — за вопросы, которые он мог задавать учителю без конца по каждому новому произведению, прочитанному в хрестоматии. Владимир Сергеевич не раз заступался за Петьку перед другими учителями, особенно перед Галиной Ивановной, математичкой, которая так и норовила поймать Петьку на нечестности и списывании решений…

Солдат подвел Петьку к самому обрыву и резко повернул к себе лицом. Сам отошел ровно на десять шагов, повернулся кругом, снял с плеча винтовку. Перезарядил ее — нестреляный патрон отлетел далеко в сторону. Оглянулся на офицеров, держа винтовку в опущенных руках. «Надо было диск отдать Павлику! Его б не схватили. А я пожалел патронов — и вот… — додумал до конца свою мысль Петька, мелькнувшую у него еще среди солдат на крестище. — Он уж небось дома, а я вот…»

И вдруг испугался, что соседский мальчишка расскажет его матери о случившемся. А мать, как всегда, когда ее чем-нибудь напугают, заругается и непременно побежит к колодцу, где много солдат. Там начнет скандалить, и ее тоже больно схватят за плечи, как его, а в ней почти нету тела, только маленькие косточки…

Возле стола спор стих — там совсем неслышно говорил седой, кивая головой на диск, а затылком — в сторону Петьки. Солдат вскинул приклад к плечу, а ствол с черным кругом и мушкой над ним направил прямо в лоб Петьке. Тот непроизвольно дернулся, закрыл ладонями глаза, лоб и немного щеки и совершенно спокойно подумал: «Он что, сбесился? В меня целится… — И только тут его будто кто ударил по сердцу. — Да ведь это расстрел!»

Он вдруг отчетливо увидел, как после всего, что сейчас произойдет, к дулине и офицерам от крестища прибежит его мать с растрепанными волосами и в разорванной одежде, такой, какой вырвется из рук солдат у колодца. Кинется в первую очередь к офицерам, голося и ломая руки, а то и бухнется на колени, как было однажды, когда незадолго до войны у них за недоимки и неуплату налога пришли забирать единственную кормилицу — козу Зойку. Потом ее взгляд остановится на нем, растянувшемся на траве ногами к обрыву, а головой вон к той зеленой дуле, — Петька почему-то был уверен, что после выстрела непременно упадет вперед, а не назад! И тогда произойдет такое…

У Петьки затряслись ноги, колени стали подгибаться, а перед глазами запрыгали, замерцали, поплыли ромбы и звезды — зеркальные, цветные, потом все темнее, темнее…

Но тут седой командир что-то крикнул солдату, целившемуся в Петьку, и тот опустил винтовку. Оглянулся на офицеров, пожал плечами и пошел вправо, шаря взглядом по земле. Поднял целый патрон, сказал в сторону Петьки короткое слово, похожее на гусиное «крэк». И повел винтовкой в сторону стола и офицеров.

А Петька не мог пошевелить даже пальцами, не то что сдвинуть ноги. И солдата он видел как в тумане. Но когда тот медленно — очень медленно! — пошел к нему, закидывая винтовку за плечо, он встретился с его взглядом — тяжелым и недобрым! — тут у Петьки мгновенно застучало сердце, кровь хлынула в ноги и в голову, а из глаз исчез туман. Он пошатнулся было к обрыву, но тут же ринулся от оврага к столу.

— Разряжайть! — велел Петьке переводчик.

А первый молодой командир уже протягивал ему его диск. «А то б вам не хрен!» — мгновенно сообразил в чем тут дело Петька. И вместо того, чтобы трясущимся пальцем, как Павлик прутиком, вытолкнуть патрон из прорези вперед, начал тянуть его за пуленосик вверх, как делал это возле танкетки.

— Молотком надо, — повторил свои же слова, оглянувшись на переводчика. — Дома я бы молотком! — пробормотал, уже глядя в стол. И услышал, как переводчик перевел это командирам.

Первый молодой отобрал у Петьки диск, положил его на стол, потом взял его сзади за плечи и повел вон из сада. На обочине дороги толкнул под зад коленом, а затем наддал еще пинком, и полетел в дорожную пыль ласточкой несостоявшийся партизан.

— Кур-рва! — отчетливо произнес молодой командир и добавил еще слово, наверное, тоже ругательное.

Содранная кожа на лбу, носу и на подбородке мгновенно засочилась кровью. Но боли Петька не чувствовал. Он вскочил на ноги и ринулся вниз, к крестищу, больше всего боясь, как бы ему не выстрелили в спину.

На повороте проулка дорогу Петьке преградил рыжий солдат, весь будто в мякине, с коричневыми от сигаретного дыма усами. Петька попытался обежать его слева, потом справа — не удалось. И он остановился, с трудом переводя дыхание. А кадык на его тонкой и длинной шее челноком сновал вверх-вниз.

Солдат присел перед ним на корточки — глаза обоих оказались на одном уровне. Петька с удивлением увидел, что солдат вовсе не рыжий, а весь седой и не запыленный, а будто в пуху от светлых-светлых и блестящих волосинок на очень бледном, совсем не загорелом лице и шее. От него пахло сигаретами и мятой.

Солдат полез в карман брюк, достал оттуда две аккуратных трубочки в красивой блестящей бумаге. Протянул их Петьке. А Петька знал, что внутри трубочек мятные конфеты-кругляши.

— Тебе и твой друг! — сказал по-русски солдат и показал пальцем на свой лоб и нос. — Кров! Бегай матка! Печка сиди… паф-паф — о-о! — Покачал головой и медленно распрямился, что-то бормоча по-своему. Добавил, поправляя ремень винтовки на плече: — Мэй — мадьяр. Немец — паф-паф, не попадай!

И пошел вверх по дороге, неся на сугорбой спине будто невероятно тяжелую винтовку. «Такие ж вы, мадьяры! Чуть не застрелили, гады!» — подумал Петька и не побежал вниз, к крестищу, а нырнул в огород — от греха подальше. Про себя же прикидывал: отдать Павлику трубочку конфет, как велел солдат, или выменять на нее единственный патрон, оставшийся у обоих от целого пулеметного диска? Раньше, до этого несостоявшегося расстрела, Петька непременно выменял бы патрон на конфеты! Но теперь… теперь…

□ □

Василий Алексеевич Князев *родился в 1955 году в селе Староникольское Хохольского района Воронежской области. Окончил Воронежский сельскохозяйственный институт. Работал водителем-дальнобойщиком, агрономом, руководителем колхоза. Автор нескольких сборников стихотворений. Участник и лауреат многих фестивалей бардовской песни. Живет в селе Оськино Хохольского района.*

Василий Князев

ЖУРАВУШКА

* * *

Месяц, месяц! Друг старинный!
Унеси из грязи этой
Чистоту моей невинной
Грустной песни недопетой.
Все равно никто не слышит,
Ничье сердце не забьется.
Только песня тише, тише —
Уж никто не отзовется…
Лишь в кустарнике в низине
Ветер листьями играет,
Пламя губ моей любимой
Гасит женщина другая…
Боль, тоска… Ах, месяц, месяц!
Моей песни, знать, не слышишь!
Что молчишь ты, тихо свесясь
Над угрюмой, мрачной крышей?

ТЕБЕ СТИХАМИ НЕ ПОМОЧЬ...

Хотела быть похожей ты
На бизнес-леди модную,
Когда я ужином простым
Кормил тебя, голодную…

В то время смена строя шла
По судьбам человеческим,
Ты в нищете тогда росла,
Сиротством искалечена!

Ты лихолетья злого дочь —
Обманщица манерная!

Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

Я в той разрухе стал болеть-
Впал в пьянство ошалелое,
Свой выбор — пить или же петь? —
Все ж в пользу песен сделал я!

Я легкой жизни не ищу —
Промчались дни «раздольные»!
Хочу помочь тебе — тащу
Тебя из бездны вольной я!

Но ты исчезнешь снова в ночь,
Обманщица манерная!
Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

Я терпеливо, долго ждал —
Похоже, разуверился,
Что полумертвая душа
Бродяжки все ж затеплится…

Я в детстве, помню, птиц любил —
Осталось чувство горечи:
Больную птицу я лечил,
Но все ж не смог помочь я ей!

Ты лихолетья злого дочь
Обманщица манерная!
Тебе стихами не помочь,
И потому так скверно мне!

ЖУРАВУШКА

Вдали от солнца и природы,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Мечты развеются твои…

Ф. Тютчев

Вдоль дорог — березы да осины,
В городе российском небольшом
Журавлева родилась Галина
С чуткой и ранимою душой.

Выросла — шалунья, непоседа,
Вышла замуж, родила детей,
Осенью, волнуясь, глядя в небо,
Провожала взглядом журавлей…

И помчались годы чередою —
Кухня, дети, муж, работа, дом,
Не грозило ей ничто бедою,
Отдых от работы — на потом!

Но душа ее в житейской клетке,
Маясь в «канареечном раю»,
Заметалась вдруг на тесной ветке,
Вспомнив про фамилию свою…

Сердце стала боль шальная тискать,
Биться в тесной клетке все сильней,
Не понять друзьям ее и близким:
Клетки — это не для журавлей!

Вдруг свершится то, что невозможно —
Женщина крылами вдруг взмахнет!
Как бы испугал рожденных ползать
Несанкционированный взлет!

Сказка никогда не станет былью,
Как укор несбывшимся мечтам —
Женских душ обломанные крылья,
Тихие рыданья по ночам…

В тютчевском трагизме строчек вещих,
В памяти, всевластной надо мной
Вижу схожесть судеб русских женщин
Я с судьбою матери родной…

Снова память болью отзовется!
Ты прости, моя родная мать,
Я боюсь, что сердце разорвется,
Когда стану о тебе писать!

У ИЗЛУЧИНЫ ДОНА

Моему отцу
колхозному бригадиру-полеводу,
под седлом у которого много лет
ходил гнедой конь Малыш

Возведенного храма колокольные звоны
У излучины Дона снова радуют слух,
Говорила мне мать — был младенцем крещен я,
Очень громко орал и смущал Божьих слуг…

Все же кажется мне — благодати мгновенья
Слышу с берега я в каждом плеске волны.
Вновь целебная сила колокольного пенья
Лечит души заблудших Великой страны…

В небе трепет звезды — тихий вечер в Придонье,
От реки я уйду прямиком на большак,
Там внамет по стерне, упиваясь раздольем,
Меня в детстве в седле нес отцовский дончак!

Его кличку — «Малыш» — никогда не забыть мне,
Свежий ветер в лицо — было все как вчера!
Как донская вода, утекло плавно время,
Вот и вечер пришел — далеко до утра…

Нервы я ублажу, по полям прогулявшись,
И, гитарой взмахнув, как крылом за спиной,
Ни Придонье свое, ни себя не предавший,
С просветленной душой прошагаю домой…

Колокольные звоны у излучины Дона
К возведенному храму я послушать приду,
Чтоб смотреть на закат у реки отрешенно,
Отдохнуть от тревог и от тягостных дум!

***Александр Васильевич Бондарев** (1926–2012). Родился в селе Александровка Павловского района Воронежской области. Служил в Советской армии. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького и Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской. Многие годы работал учителем русского языка и литературы в селе Борщево Хохольского района. Активно публиковался в журнале «Подъём», газетах «Литературная Россия», «Коммуна» и других изданиях, коллективных сборниках и альманахах.*

Александр Бондарев

СО СЛЕЗОЙ И УЛЫБКОЙ

Рассказы

«В одном из выступлений перед читателями, отвечая на их вопросы, наш земляк, замечательный русский писатель, автор знаменитой повести “Белый Бим Черное ухо”, переведенной во многих странах мира, Гавриил Николаевич Троепольский сказал: “Писателя нужно искать в его книгах. Он там и как писатель, и как человек...”

Именно эти слова вспомнились мне, когда я прочел рукопись Александра Бондарева “Со слезой и улыбкой”. Я знаю его давно как неутомимого труженика, любителя и ценителя природы, преданного до глубины души земле и крестьянской работе», — так в свое время отзывался о творчестве самобытного писателя из глубинки поэт Станислав Никулин.

Очерки, статьи талантливого литератора, наполненные знанием жизни, неоднократно публиковались на страницах литературно-художественного журнала «Подъём», периодической печати. Они всегда находили дорогу к сердцу и уму читателя, потому что слово Александра Бондарева живо, доходчиво, убедительно и правдиво. Оно несет надежду на лучшее, заставляет задуматься над теми проблемами, с которыми сталкиваются, преодолевая их или пасуя перед ними.

ЛИДА

У разбитой грунтовой дороги, в котловане, с тяжким нутряным храпом урчал трактор. Лениво перебирая широченными гусеницами, бульдозер толкал перед собой целую гору грунта. За стеклом кабины — парень с налитой шеей, красной, как медь.

Близ котлована в столовую проходили девчата в мешковатых брезентовых робах. На ногах — сапоги кирзовые, заляпанные раствором.

Бульдозерист толкнул рукой рычаг, и тяжелый, как танк, трактор стал пятиться назад. Девчата увидели лицо, горячее и круглое, как шляпка подсолнуха.

— Брухает землю Тимоха. Загребает деньжищи, — заговорила одна.

— А у пивного ларька хоть бы раз с ребятами «застроился», — отозвалась другая. — Жадюга, каких свет белый не видел!

Лида, недавно прибывшая на стройку, выслушивала подруг молча. Не такой, как все, парень, и это осуждали подруги.

Бульдозерист остановился, а потом трактор, будто передохнув от тяжкой работы, всхрапнул и с новой силой стал выталкивать наверх грунт.

Девчата вошли в столовую. Проголодавшись на зябком ветру у бетономешалки, Лида хлебала горячие щи. По всему телу разливалось тепло.

На второе — каша рисовая с подливкой, с духовитой и сытной котлеткой. В поле, на свекле, она, бывало, обедала всухомятку. А здесь все подогретое, вкусное и дешевое.

После обеда вставать из-за стола девчата не торопились. Отдыхая, распустили платки и наслаждались минутой покоя.

В столовую вошел Тимофей, русоволосый парень. Он уселся за столом у окна. Не спеша и как-то степенно взял ложку и, угнувшись над тарелкой, принялся за горячие щи. От избытка тепла лицо раскраснелось. Невзначай Тимофей кинул взгляд на девчат. Среди них он заметил незнакомую девку с симпатичной милой мордашкой. Уж не эта ли, о которой говорили ребята? Говорили не как-нибудь, а стихами:

Хорошая девушка Лида
На улице нашей живет!

Кашу Тимофей ел как-то рассеянно, неохотно, будто бы не проголодался.

Девчата дружно поднялись из-за стола и направились к выходу. Как-то ловко, легко незнакомка собрала со стола посуду и понесла на мойку. Тимофей исподволь глядел на ее фигурку. В девичьем стане нет ничего лишнего — все в нем естественно, просто и притягательно.

Спиной и плечами Лида чувствовала пристальный взгляд бульдозериста. Это ее смущало.

Она отнесла посуду и повернулась лицом к Тимофею. Глаза большие, ясные. Она поняла, что парень хочет что-то сказать, но никак не соберется с духом. Заглядывая вглубь ее глаз, он кашлянул.

— Вы здесь, наверно, недавно?

— Да.

— А откуда же прибыли, ежели не секрет?

В уголках губ дрогнула и расцвела улыбка-изюминка, и Лида ответила:

— Из соседней деревни…

— В общежитии устроилась?

— А там нет мест. Живу с подругой в вагончике.

Тимофей примолк. Почесывая лоб, он, похоже, собирался что-то сказать. Осмелев, наконец, предложил:

— А Вы не могли бы выйти со своего вагончика часов эдак в десять?

Лида не успела ответить — в дверь шумной гурьбой ввалились девчата. Девки глазастые, языкастые. Скажи при них хоть одно слово — разнесут тотчас по всей стройке да еще прибавят свои догадки.

Понурив взгляд, Лида молча прошла мимо парня.

За холодные тучи пряталось солнце. В общежитии — запустение, скука. Товарищи разбрелись по стройке. Настроение — хуже некуда. Но его надо создать самому, как говорят ученые люди.

Тимофей принял душ, побрился и надел белую нейлоновую рубашку. Перед зеркалом затянул и поправил узелок галстука. На плечи — болонью-куртку и вышел на волю.

Ноги сами несут к вагончику. «А ведь не было же уговору, а иду... Вот олух царя небесного! Шел бы ты спать, дубина, — ругал себя Тимофей. — Спать... Но разве можно уснуть?»

Вот и вагончик. «Выйдет или не выйдет? — гадал он. — Не выйдет... Но ведь она не сказала «нет»...

Сырой порывистый ветер гулял промеж штабелей кирпича, загонял людей в тепло. Тимофей взглянул на часы.

Остается минута — минута надежды. Каких трудов стоило выдавить слова о свидании! А, похоже, напрасно. Неужели все будет так, как однажды он предложил встретиться вечером одной фифоньке? Та легко согласилась, но на свиданье не пришла. Посмеиваясь, она рассказывала подругам: «Ишь, чего захотел!»

«Неужели не выйдет?!» Винить незнакомку правда не за что — она просто-напросто промолчала. Десять. «Ну, все! Не вышла!». С досадой он хотел было уйти в свое общежитие, но какая-то сила удержала его.

Вздрогнул от стука двери. Уж не ослышался ль? Нет, не ослышался — на пороге появилась фигурка! Глаза, наверное, к темноте привыкают. На плечах — теплая куртка, теплый платок на голове. Не помня себя, Тимофей устремился к порожкам.

— Добрый вечер, — пробормотал он, протянул руку, поймал ладошку, такую теплую, мягкую, и подержал в своей загрубевшей ладони. — Отойдем-ка в сторонку, — предложил он и помог ей сойти со ступенек.

Небольшого росточка, статная, она пристроилась к нему сбоку, и они шагнули в полутьму.

— Лида, а что заставило тебя приехать на стройку?

— В деревне остались одни старухи. Летом еще ничего — из города дачники приезжают, а зимой — тоска, глушь. Глянешь в конец улицы — ни единой живой души. Одни сугробы...

— А здесь что — понравилось?

— Не понравилось бы — назад порхнула б, к матери. А здесь кругом люди, а с людьми разве можно скучать?

Они не спеша шествовали по пустынной дороге, едва освещенной дальними фонарями.

У котлована Тимофей остановился. Зыбкий порывистый ветер трепал концы платка. Лида поеживалась от холода.

— А знаешь, что? Давай-ка сойдем к моему бульдозеру. Там затишек.

Она молча кивнула.

По откосу сошли вниз, к стальной громадине. Тимофей распахнул дверцу и помог Лиде по сходням забраться в кабину. В кабине мягкое пружинистое сиденье со спинкой.

— Как диван, — проговорила она тихо. Захлопнув дверь, Тимофей уселся рядом.

— Озябла?

— Осень есть осень, — отвечала она, зябко поеживаясь.

— Ну, это мы дело исправим. Сейчас будет тепло…

Двигатель всхрапнул, а затем перешел на приглушенный гул.

— А откуда тепло?

— От охлаждения…

— Как же это понять: тепло от охлаждения? — рассмеялась тихонько Лида.

Усмехнулся и Тимофей: «Девка в технике ни бум-бум… Ну да не в этом дело…»

Воздух в кабине прогрелся, и Лида распустила платок. Двигатель смолк.

— Тимош, я про свою жизнь рассказала. Расскажи-ка теперь про свою.

— Да что рассказывать… Как и ты, я родом из деревни. Отца своего не помню. Мать рассказывала, что он работал в бригаде учетчиком. Вовремя не списал горючее, и его посадили. Он умер в тюремной больнице… Мать сошлась с алкашом. Раз, во время запоя, он ударил ее носком сапога в живот, и с того дня мать начала сохнуть, да так и сошла в могилу… Меня приютила бабушка. Хочешь, верь, а хочешь, не верь, а я босиком бегал в школу. До самых морозов. А потом — в валенках бабушки. Прибежишь со школы, а бабушка ждет валенки. Ну, разденешься, да на печку шмыг — там я учил уроки. Школу окончил с похвальной грамотой, но дальше учиться не пришлось. Разве могла бы бабушка при ее бедности содержать меня в городе? Конечно, нет. А потом — армия. Увидел я, как живут в городах люди. Ну, отслужил срок и в деревню свою не вернулся. Приобрел специальность и вот работаю… Товарищи надо мной подтрунивают: «Кто не курит и не пьет — тот здоровеньким помрет». Одному-то, конечно, жить можно, а вдруг семья?

Лида молча выслушивала исповедь парня. На своем плече она ощутила вдруг руку. Как-то бережно, будто боясь измять, он притянул ее к себе. Каким же уютным, каким же приятным и ласковым было это прикосновение!

— Знай, если какой-нибудь забулдыга поднимет на тебя руку — я заступлюсь. Вот мой кулак чугунный! — и он положил его на ее колено.

Кабину они покинули в полночь. Расстались возле вагончика.

— Ну, до свиданья, вернее, до скорой встречи…

— До скорой, — тихонько засмеялась она, сходя по лесенке наземь.

Как же стремительно летит время! Давно ли Тимофей был незнакомым парнем, а нынче он стал самым желанным и милым.

Встречались все в той же кабине, где было «тепло от охлаждения».

— Может, куртку свою сымешь? — однажды предложил он.

— Что ж, это можно…

Одежку ее на крючок повесил. Разделся и сам. Как-то бережно, нежно положил на плечико руку. Что говорить, парень был щедр на ласку… Лида не оттолкнула его — природа брала свое… Так было всегда, так будет и впредь, пока живут на земле люди. Ну, как устоишь перед таким парнем…

Она любила прислоняться головой к его груди и молчать, молчать — к чему тут слова премудрые?

— Лид, а Лид… А почему бы нам не обвенчаться?

Над самым ухом пропела Лида:

— А, может, сыграть комсомольскую свадьбу?

— Не люблю комсомольских свадеб, — поморщился Тимофей. — Вот в прошлом году дружку моему комсомольскую организовали. И ты знаешь, я чуть было от стыда не провалился!

— Это почему же?

— Неестественно как-то… Представь себе: сидит за столом жених. Рядом невеста, как вишня в мае. На сцене стол с водкой, с закусками, а внизу — зал со зрите-

лями. Одни пьют за здравие молодых, другие глядят на сцену да слюнки глотают… Не унизительно ли? Угощение на свадьбе должно быть для всех. Ну, дальше поехали. Вот родственник жениха обмакнул хлебную корку в водку и поднес к губам. Уж он жевал, жевал эту корку, морщился, морщился да как гаркнет: «Горько!» Еще бы — не горько! Горше той корки, смоченной в водке, нет ничего на свете! Ну, жених с невестой встают, целуются. И это бы еще ничего. Но тут на сцену выбегает фотограф и говорит молодым: «Целуйтесь! Стоп! Не целуйтесь! Вы, — говорит, — не так, а вот так… целуйтесь, не целуйтесь!» Унизительно это… Иное дело венчание в церкви! Голос священника величавый, торжественный, как голос самого Бога. А как грянет церковный хор, тут уж и вовсе покажется, что на небеса воспаряешься…

— А я, признаться, неверующая, — и она сняла руку с его плеча.

— Да и я-то не очень. Знаю лишь «Отче наш» да еще через пень-колоду две-три молитвы — бабушка научила. Но церковное пение меня захватывает.

— Нет, Тимош, в церковь я не пойду. На комсомольскую свадьбу согласна. Я скажу так: не всякие свадьбы справляются на сцене. А что касается фотографа, то ему наперед заказать надо, чтоб не командовал поцелуями…

В этот вечер они расстались холодновато. Но настал другой, и они, как и прежде, сидели в кабине, где было тепло, как у самовара.

Так продолжалось и день, и другой, и неделя, и месяц, и однажды Лида сдалась:

— Тимош, а у нас дите завелося…

— Да ты че? — вскинул он голову. — И что надумала?

— Да ничего. Пусть все будет так, как есть.

— Но квартира-то еще не светит, — с досадой заметил он.

Встречи, одна другой родственней, продолжались. В назначенный час Лида сама приходила к бульдозеру. И вот однажды она подошла к котловану, а бульдозера на дне его не оказалось. Нулевая отметка белым снежком запорошена, а трактора нет. Совсем нет. Вернулась в холодный вагончик, будто побитая.

Утром узнала от мастера: бульдозер погрузили на трайлер, и тягач его уволок на какие-то аварийные работы. А где эти работы — толком никто не знал.

Подружки над Лидой только посмеивались: «Ну что, нашла мужа? Да таких мужей, что в море моржей!»

На вечеринке, на пятачке у общежития, Лида услыхала такую частушку обманутой девки:

Вспомни, милый, как божился и глядел на небеса. —

Чтоб язык твой отвалился и повылезли глаза!

Нет! И еще раз нет! Она никогда не пожелает такого, чтобы там ни было. Для нее Тимоша был свят.

Топчется Лида у бетономешалки. Волнуется, переживает. Работа из рук валится. Что делать? Возвращаться домой, к матери? Стыдоба великая… По селу тотчас слушок расползется: «А Лидка-то, гля! Тихоня тихоней, а в девках дите нагуляла!» Что правда, то правда — от этого некуда деться. Что поделаешь, надо к матери возвращаться…

Недолгой была материнская радость. Все с полуслова поняла Арина Власьевна. Хотелось ей сыграть веселую свадьбу с гостями, с обильным застольем, с песнями. Не получилось свадьбы. Вместо нее — крестины. Лида станет матерью-одиночкой. Уж кому-кому, а матери известно доподлинно, как жить без поддержки, без твердой мужской руки. Да что поделаешь? Живи, терпи. Знать, планида такая…

По утрам на окнах серебристые узоры-листья далеких неведомых пальм. В родительском доме плита вишнево-красная. По комнате дух сухой, прокаленный. У Лиды — свои заботы. Готовит она рубашонки да распашонки, даже чепчик ребеночку вяжет. Мелькают проворно спицы, клубок шерстяной по полу катается. На улице темь, а в доме светло и уютно. А за окном — беспредел. В трубе кто-то завыл, заплакал. Под обвальными ударами ветра содрогаются стены. Выйти во двор в такую пору и то боязно.

Арина Власьевна, прочитав молитву, взобралась на печь и голову прислонила к подушке.

В окно — стук.

— Кто там?

Лида к глазку прильнула. За окном — человек, обсыпанный снегом. Чего ему надо?

Снаружи послышался мужской бас:

— Скажите, здесь проживают Кравцовы?

— Ой, мама! — воскликнула Лида. — Тимоша приехал!

АВТОМОБИЛЬНАЯ ЛИХОРАДКА

Говорят, что машина экономит время. Но с тех пор, как Мишка Самоваров пригнал во двор новенький, пахнущий краской «Москвич», с человеком стало твориться что-то неладное. Был Самоваров в бригаде передовым механизатором, а тут стал опаздывать на работу. Огород его зарос бурьяном, да что огород! Мишка сам оброс щетиной, и люди перестали его угадывать. Некогда Мишке побриться: то надо ехать на регистрацию, то получать номера, то сдавать экзамен, то пересдавать...

Лихорадить стало Самоварова. Он и жену перестал замечать — вроде ее и вовсе нет.

Вот заводит «Москвича» Мишка и выезжает на трассу. С ветерком по асфальту катит, а как увидит инспектора, холодок грудь так и охватит. Проскочит мимо — дух переводит и снова пытается обогнать степные ветры. Душа так и ликует. То-то ж она, машина! Мечта! Класс! Одного лишь боялся пуще всего — он боялся угона. Раз поставил машину на городской улице и, пока по магазинам шастал, его авто тю-тю, угнали! Холодком охватило Мишку, а потом бросило в жар. Он туда, он сюда — нигде нет машины. Поднял милицию на ноги.

— А Вы, гражданин Самоваров, где свой «Москвич» поставили?

От пережитого никак не опомнится Мишка. Кажется, на проспекте... А может, у Центрального рынка? Всю ночь метался по городу Мишка. Измучился весь и в холодном поту... проснулся. Не сразу поверил, что кошмар этот — всего лишь сон. Лежит он в постели, а «Москвич» стоит себе в гараже, и никто угонять его не собирается. А на другой день — как раз тринадцатого — Самоваров так спешил в город, что забыл дома пиджак, а в нем — документы. Едет он с пафосом по городу, а постовой полосатой палочкой — раз! Тут-то и вспомнил Мишка, что права его дома. «Ну, думает, все! Попал, как кур во щи! Отберут машину да еще посадят за угон собственного автомобиля. Вот чего еще не хватало!» Перед инспектором Мишка схватился за грудь, стал божиться, креститься, хотя и был неверующий. Так, мол, и так, вышла промашка.

И бывают же чудеса на свете! Милиционер Мишке поверил! Отпустил. Ну, пронесло, слава тебе, владыко! Все ж таки надо верить в судьбу. Вон колхозный шофер подбил на задний борт подкову. На счастье. И ездит какой уж год без приключений. Его и милиция не останавливает. «Уж не пришпандорить и мне подкову? На багажник... А нет, не годится! Испортится товарный вид машины. А не лучше

ли сделать какую-нибудь надпись? Ну, вроде такой: «Поедешь лихо — понесут тихо». Вот еще чего не хватало! Правда, есть и другие надписи. «Не уверен — не обгоняй». Но табличка эта с ошибкой. Надо писать: «Не умерен — не обгоняй». Но Самоваров — мужик не пьющий. Не для него эти слова. Лучше всего, пожалуй, написать так: «Не верь жене и тормозам». И он надписал. Над номерным знаком.

— Мда... — почесывали мужики затылки, успевая прочитать такие слова, — докатался Самоваров. Доездился. Уже и жене не верит!

С покупкой машины у Мишки появилась уйма друзей. Сойдутся они у «Автомото», про здоровье, про жен не расспрашивают, а сразу про то, у кого стерлась обувка, у кого зуб выкрошился, и у кого пропала искра.

Раз случилась у Мишки поломка.

Мишка расстроен, а жена ему:

— Продай ты ее, заразу!

— А кому?

— Да хучь самому черту!

Слыхал Самоваров, что человек, купивший машину, может быть счастлив дважды: один раз, когда купит, другой — когда продаст. Вот почему соглашается:

— Ладно, исправлю — продам.

В субботний денек Мишка садится в автобус, и в магазин. Магазин выжимает карман насухо. Но зато Мишка доволен. Он везет домой шестеренку. С машиной возится весь выходной и, наконец, заявляет:

— Исправил. Теперь можно продать.

А жена:

— В район надо съездить.

В район так в район. Надевает Мишка на голову старую шляпу, усаживает в машину жену, ремнем пристегивает.

— Эх, прокачу! — говорит он и садится за руль. Кум королю, сват министру. Машина бежит, аж земля дрожит. Собаки со всех закоулков пробуют за ней угнаться. Да куда псам супротив мотора! Ветер шумит, машина гремит. Знакомые расступаются и с завистью глядят вслед. А Мишка чепурится, подымает шляпу над головой, кого поприветствует, а кого и нет. И совсем не важно, что шнурки на ботинках на узелках, что носки не заштопаны. Да что там носки! Брюки того... это самое... Хорошо, что Мишка сидит на заплатках. Их не видно... А не видно, значит, их нет. До брюк не доходит очередь: то покрышку надо купить, то жидкость. Перво-наперво, надо обуть машину.

Провожая глазами автомобиль, мужики чешут затылки и толкуют между собою:

— Крепко, однако, живет Самоваров!

— Да и как не жить? Ишь, как мотор тянет!

— Да! Стянул, говорят, со двора телушку...

Съездил Мишка в район, — все денежки прокатал. А машину продавать все-таки жалко. Но вдруг новая напасть? Нет, надо продать! Тут и покупатель подвернулся. Дает полцены, а Мишка и рад. Черт с нею с машиной и этой надписью «Не верь жене и тормозам». А раз нет тормозов, каким верить нельзя, то, выходит, жене надо верить. И стал с той поры замечать Мишка, во что жена одевается, во что обувается и как она выглядит в новом наряде.

Стихи поэтов Хохольского района

ОСЕНЬ ПРИШЛА В РОССИЮ

Валентина Фролова

* * *

Томная осень, крылья раскинув,
Вновь над землей проплывает неспешно,
Гнутся покорно плечи рябинок,
Словно стыдятся зрелости грешной.

Как же им спрятать спелые гроздья,
Так они манят губы и руки!
Поздний сентябрь паутинку набросил,
Не от нее ль эти тонкие звуки?

* * *

Вот и захолодало,
В красных шарфах осины.
Небо прозрачней стало —
Осень пришла в Россию.

Падают с кленов звезды —
Полю за труд награда.
Яблок последних россыпь
Манит пройти по саду.

Яркой веселой кистью
Выписан леса покров.
Там, средь опавших листьев,
Шорох растущих грибов.

Синий над Доном купол
Соснами тонко дышит.
Плач улетающих уток
Тает в небесных высях…

Надежда Мекка

СТАРАЯ ШКОЛА

Сельская школа, казалось бы, простенький дом.
Только осталась хорошая память о нем.
В маленьких классах уютное было тепло.
Там наше звонкое детство когда-то прошло.
Старые парты и черные крышки под лак,
Два отделенья для ранцев и школьных бумаг,
Место для ручек, чернильниц и карандашей.
Все предусмотрено было для нас, малышей.
Помнится, как мы, дыханье свое затаив,
На деревянной доске выводили курсив.
Мелом писали, стирая всю тряпку до дыр,
«Родина, мама, счастливое детство и мир»
Лили дожди, падал белый сверкающий снег,
Всякое было в уроках, провал и успех,
Горькие слезы ошибок и радость побед.
И впереди еще много безоблачных лет.
Сельская школа, заброшенный старенький дом,
Больше не слышен звонок жизнерадостный в нем.
Выросли дети, а новых сюда не пришло.
Школа закрыта, и вымерло с нею село.

Светлана Трушина

БАБЬЕ ЛЕТО

Дни бабьего лета — особенный праздник,
Они будоражат, чаруют и дразнят.
На солнце зарделся платочек рябины,
И клен приоделся, вдруг выпрямив спину.

Ольха в паутинках серебряных кружев
В вальсе старинном с осинником кружит.
В косах березки блеснувшая проседь
Вызвала слезы обиды на осень.

Дни пролетели волшебной стрелою,
Роща смирилась с коварной судьбою,
Только бросает под ноги рассветам
Золото листьев в награду за лето.

Иван Лядов

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Наверно, время все из памяти стирает,
И много вод с тех пор уж утекло.
Отец газетой «Правда» вытирает
От лампы керосиновой стекло.

Блестит пузырь покатыми боками,
И чудный свет заполнил всю избу.
Лежу на печке, как под облаками, —
Мне завтра рано утром на косьбу.

Пропахла вся рубаха горьким потом:
Уж больно жарким выдался денек.
Спешу домой мимо соседских окон
На свой семилинейный огонек.

В потемках зажигаю лампу-свечку.
В душе, как в церкви на Михайлов день.
Мать хлеб пекла: жара стоит на печке,
Даже клопам кусаться и то лень.

Подул в пузырь — погасли блики света,
А за окном чуть слышен шум лозин.
Ночь. Тишина. Мычит корова где-то.
Вкуснее меда пахнет керосин.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ...

Вновь шагаю в родные края
По проселку в деревню, где рос,
И раскисшая вдрызг колея
Мне целует ботинки взасос.

Меня встретят березки за домиком,
Где в помине нет модных вещей,
Где мне мать деревянным половником
Нальет в миску наваристых щей.

Где качает ночная прохлада
Синеву созревающих слив.
И с небес, будто с райского сада,
Гулко падает «белый налив».

Деревенька, забытая богом,
Крест несет свой на тощем горбу,
Там, где месяц серебряным рогом
Сыпет звезды в печную трубу.

Где поют вечерами гармони,
И где плачут росой лопухи.
С полотенца в углу на иконе
Ранним утром кричат петухи.

На заре поплюю на ладони —
Не ударить бы в грязь мне лицом, —
Сенокос — не игра на гармони,
И я в поле иду за отцом.

Все быльем поросло. Деревушка
Доживает свой век бобылем,
И стоит, скособочась, избушка,
Как на паперти бомж с костылем.

Птичьи гнезда исчезли с березы,
И сползли шапки крыш набекрень.
Будто скальпелем кто без наркоза
Полоснул по сердцам деревень.

Евдокия Лычагина

ПАМЯТИ МОЕГО ДЕДА

Не знаю я, где был ты похоронен,
Мой не пришедший с поля брани дед.
Где ты, в лесу или на горном склоне,
Оставил свой последний в жизни след?
Как много вас в далеком сорок первом
Безвестно сгинуло, сраженных наповал!.
И где-то там лежишь и ты, наверно,
В бою погибнув, без вести пропал.
Не нянчил внуков, что теперь сравнялись
С тобою прежним в возрасте давно.
Не видел ты, как дети поднимались,
Как разлетались, вставши на крыло.
Все потому, что далеко от дома
Нашел другой — с березкой и травой,
Где под раскатами лихого злого грома
Увидел свет последний над собой.
О чем ты думал, смерть свою встречая,
В далеком том, кровавом том году?
О том, что, землю эту покидая,
Ты оставлял жену с детьми одну?
Или в последний миг перед глазами
Мелькнули лица маленьких детей
И хуторок в леске между полями,
Где перед домом ивовый плетень?..
Кто хоронил тебя, мой дед Володя,
Мой нестареющий, мой незнакомый дед?

Ты так же молод, хоть промчались годы,
Хотя минуло много-много лет.
Не знаю я, каким ты был когда-то.
Ведь я тебя не видела совсем!
Одна из внучек павшего солдата,
Каких так много на моей земле…
Но приходя на братские могилы,
Где молодыми чьи-то спят деды,
Я все ищу за списками большими
Твои, навек пропавшие, следы…

Станислав Виртуозов

Из поэмы «СТЕПАН ДЕЕВ»

…Он от большой кровопотери
В бреду хирурга называл
Поэтом Данте Алигьери
И что-то в рифму бормотал.
Бойцов тяжелых было много,
И только врач спасти их мог.
Искал осколок он недолго
И ловко из груди извлек.
«Не до изящного мне слога
И я от лирики далек, —
Добавил ласково, нестрого.
— Живи, солдат… Живи, сынок!»
Между полей вилась дорога.
Озноб исчез. Утихла дрожь.
Шел впереди хирург от Бога,
С поэтом Возрожденья схож.
…И время лечит раны тоже,
На фронт отбыть приказ был дан.
Однажды в ясный день погожий
Покинул госпиталь Степан.
О, как хотелось поиграть:
Душа скучала по баяну,
Но где такое чудо взять?!
И грустно без него Степану…
Комдив дивизии стрелковой
Вручил подарок горьковчан:
«Держи баян — фабричный, новый.
И, коль ты в музыке толковый,
Сыграй нам что-нибудь, Степан!»
Как будто онемели руки,
Притих военный весь народ…
И полились родные звуки,
Когда ты первый взял аккорд.
С тех пор баян и автомат
С тобой в боях не расставались.
Как много на груди наград,
Как тяжело они достались…

Валерий Митяев

ЛИСТЬЯ ОСЕНИ

Над домами листья, словно птицы, вьются,
К нам они теперь ведь больше не вернутся.
Что случилось с ними, никому не скажут.
И печально где-то у дороги лягут.

Пожелтели листья — стали нам дороже.
На людские судьбы все они похожи.
Потемнело небо вновь от непогоды.
Улетели листья, с ними — наши годы.

Вера Лещева

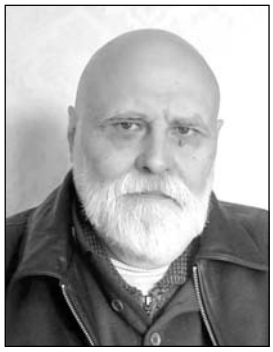
* * *

Что звезды холодные, слышала всюду.
Иные планеты, они недоступные людям.
Что касается всех их, утверждать я не буду,
А над нашею крышей не звезды, а чудо.

Согретые дымом, идущим из печки,
Они, словно кем-то зажженные свечки.
Будто камни-голышки на дне нашей речки
Или теплые зерна: случилась утечка.

А может быть, стадо заблудших овечек,
И месяц-пастух их бодает рогами.
Пьют воду они из морей и из речек,
Сыты запахом трав над большими стогами.

Где ярче есть звезды, гадать я не буду,
И лучше искать я не стану нигде.
Мне как-то открылось: зажигают их люди,
Зажигают все звезды они для людей.



Сергей Алексеевич Таранин *родился в 1956 году в городе Воронеже, детство и юность прошли в селе Хохол. Окончил Воронежский политехнический институт. Служил в Советской армии. Многие годы работал на Воронежском заводе электровакуумных приборов. Литературным творчеством увлекается с начала 1990-х годов. Публиковался в региональных изданиях. Живет в Воронеже.*

Сергей Таранин

ЩУКАРЬ ИЗ СКОТЛАНД-ЯРДА

Рассказ

— Торпэда!!! — хвастливо-восторженно прорычал Шеф, заклинив в медвежьих лапах баранку бежевой «тройки» и притопив до полика «железку» своей слоновьей тумбой. Штангист в молодости, он и ходил — будто сваи забивал.

— Настоящий мужчина начинается после ста килограмм! — любил повторять Шеф, и от той малой дозы, что принял он, едва вырулив с трассы на проселок, его красивые карие глаза потомка сумских чумаков только веселее заблестели.

По ухабистому проселку «торпэда» понеслась так же быстро, как и по асфальту, однако далеко не так плавно. Однако наш штатный виночерпий по кличке Чарнота на заднем сиденье сам приложился к горлышку и другим передал чашу жгучей, но драгоценной влаги, не расплескав ни капли. А остальные с удовольствием, ловкостью и проворством промочили луженые глотки и захрустели «чем бог послал».

— Ммм… где же этот ммм… пр…уд-то? Долго еще?.. А то у меня бензина в обрез! — промычал Шеф сквозь зубы, тыкая в сигарету прикуривателем и косясь одним глазом на дорогу, другим — на Мандровича. — Как он, говоришь, называется? «Скотный яр»?

— «Скотный двор», Владиваныч!.. Зарыбленный пруд — для «особо приближенных» к

императору!.. Или к сторожу… Сторож прикормлен — сильно «ханку», паразит, любит!.. Дорога рядом — это Шурик знает!

Шура, по прозвищу «Журавель» — из «бывших», как он сам себя любил рекомендовать, изгнанный в свое время из Красной Армии за проступки, несовместимые с высоким званием.., в данный момент числился ни много ни мало, «испытателем БАБ» (Бюро Анализа Брака), во всяком случае, он был постоянным и действительным членом нашей «группы захвата» и мно-ого чего знал. Многообещающе и бодро-весело он процедил сквозь зубы:

— Там карпы, Владим Иваныч, сами на берег выпрыгивают!

— Жареные! — уточнил я, а Шура продолжал в запале, не замечая моего ехидства:

— Сазаны в воде коров доят!

— Телок! — подыграл Мандрович.

— Ну, по «телкам» вы у меня все спецы! — поворачиваясь всем корпусом и страшно вращая белками, прорычал Шеф. — В отделе пройти нельзя — каждая собака глаза колет! Еще раз услышу об этой вашей кобелиной работе — пощады не будет!

— А мы — чо? Мы — ничо, Владиваныч! Мы чо, виноваты? КЗоТом не запрещено!.. — отпирался за всех Мандрович, показывая Журавлю кулак за спиной.

— А вот поотрываю, а потом буду разбираться, кто виноват и что делать!.. Я тут… ло энд ордер, закон и порядок; и прокурор, и батюшка! — безапелляционно заявил Шеф, заодно похвалившись знанием английского. — И тебе — первому! — сверкнул он белками на Мандровича. — Ты, Сусанин, лучше за дорогой смотри! Заплутаем, бензин кончится — уволю! Без отработки и выходного пособия!

— А если нормально доедем, Владиваныч? Чо нам за это будет?

— Прогрессивки не лишу! — И его раскрасневшаяся, «шире газеты», рожа расплылась в довольной ухмылке.

— Бензин кончится — керосином заправимся! — попытался было сострить я, постукивая по сумке с бутылками — и ткнулся носом в широкую спину Шефа: так резко встала «тройка»!

— Верно мыслишь иногда! Наливай!

Чарнота как ждал: махом разделил! Рука набита, осталось только морду набить: Шефу — побольше, нам — поменьше; ну а себе в бутылке опять больше всех оставил!

— Ну, поехали! — спокойно скомандовал Шеф. — Веди, Сусанин!

Мандрович и впрямь был ведущим инженером нашей группы и правой рукой Шефа. Левой, производственной, был Чарнота, а Мандрович… Благодаря уникальному набору весьма полезных качеств, он был незаменим, как, впрочем, и все остальные в группе — но у него было одно достоинство, а может, недостаток — помешался на рыбалке!.. Он был готов ловить кого угодно, где угодно и как угодно — включая даже сотрудниц на рабочем месте и в рабочее время… Ну, и перманентно кормил нас обещаниями типа завалить отдел таранкой собственного засола, которую, естественно, никто так никогда и не увидел.

Справедливости ради надо заметить, что в нашем СКТБ если не каждый первый из мужиков, то уж точно каждый второй был рыбаком. В лабораториях вечно что-то пилили, точили, паяли, красили — какие-то мормышки, каркалыжки, чертики, поплавки и тому подобную дребедень; демонстрируя, а потом и обсуждая все это в курилках…

Ах, наши курилки! Вы думаете небось, что инженеры нашей страны росли и мужали в цехах и отделах предприятий? Щас! В курилках! Только понатолкавшись в них, понадышавшись их «ароматами», да понаслушавшись нескончаемого «словесного поноса», начинаешь понимать, что СКТБ — это все же научная база производства, а не какая-то там «СКоТоБаза»!

Я-то был, пожалуй, единственным охотником в этом «обществе буйно и тихо помешанных» рыбаков, и хоть и подвергался неким воспитательным нападкам, но это не мешало мне оставаться постоянным участником подобных выездов. Шеф же не увлекался ни тем, ни другим — зато его, авантюриста по натуре, несложно было уговорить «осчастливить нас своим присутствием» на всяких сомнительных мероприятиях…

Между тем, «торпэда» нарезала замысловатые петли по пыльным проселкам, однако «прикормленный» пруд так и не являлся, подобно легендарному граду Китежу. Похоже, Мандрович с Журавлем плутанули…

Темнело… И по мере того как улетучивался бензин из бака «тройки», исчезало счастливо-лучезарное настроение нашего грозного Шефа. Сопел он уже чуть ли не громче глушителя, все больше накалялся и, наконец, взорвался:

— Где он, этот Скотланд-Ярд хренов?

— «Скотный двор», Владиваныч! — поправил Мандрович.

— А мне — один хрен! Вот четырех скотов я и запрягу! Бензин кончится — назад толкать будете!.. А я-то, старый баран, доверился таким ослам!.. Чтоб я еще с вами связался…

— Скрупулезно подмечено, Владим Иваныч! — съязвил я.

— Что-о? Уволю! Всех уволю! Без отработки!.. — гневно орал Шеф. Боялись мы его, разумеется, как рыба дождика, однако хорошего действительно было мало…

Уже в полной темноте фары выхватили какие-то строения, метелки камыша, и впереди заблестела вода.

— Распрягай — приехали! Приехали, Владиваныч! — обрадовался Мандрович. (Одному ему, да, пожалуй, еще Господу Богу было известно, тот ли это вообще пруд!)

— Ладно, экзекуция откладывается… пока!.. — многообещающе успокоил Шеф. — Наливай!

Шеф возился в машине, я занялся костром, а пьяный (от радости?) Мандрович, вместе с Журавлем и Чарнотой пошли ставить донки — да, видать, перестарались…

Костер еще не разгорелся, не успели мы еще как следует закусить — как зазвонил колокольчик на донке. Мандрович кинулся было к воде, споткнулся, покатился с обрыва, шлепнулся в грязь — однако ухватил леску и подсек! Но на другом конце лески уперлись и поволокли рыбачка в воду.

— Мужики! На помощь!.. Я не вытащу один! — закричал враз протрезвевший Мандрович.

Четыре бугая взревели и один за другим, спотыкаясь и падая, ввалились в береговую грязь.

— Катушку, катушку держи!.. Отпускай!.. Леску отпускай!.. Не дергай так — оборвет! Отпускай! — орал Мандрович на Шефа, заклинившего в своих «клешнях» катушку донки. — Плавно крути, Владиваныч!.. Мужики, тяни Шефа к берегу!

На другом конце лесы тяжеленная туша упиралась и не желала выбираться из глубины, однако вскоре поддалась усилиям нашей команды, и вода заплескалась и забурлила в темноте.

— Ага! На поверхность вышла! Теперь не уйдет! Выбирай, выбирай!..

По поверхности рыбина пошла легче, но у самого берега снова закочевряжилась — видать, потянула в глубину.

— Крути! Не отпускай!.. Не давай слабину — сорвется! — хрипел Мандрович, кидаясь в воду с невесть откуда взявшимся подсаком.

Бедный Мандрович!

Из черной воды, отливающей багровыми сполохами в пляшущем свете разгорающегося костра, на него прыгнул черный, с жуткими горящими глазами, здоровенный лохматый… пес! И если бы не подсак в руках нашего рыбачка и не леска в пасти хрипящего от ужаса и боли пса — тот бы наверняка его съел!

Остолбенело смотрели мы, как эта жуткая «добыча» мечется кругами на привязи по берегу, тщетно пытаясь освободиться от неведомой безжалостной силы, причиняющей ей такую нестерпимую боль. Наконец капроновая миллиметровая струна зацепилась за пылающие поленья, вспыхнула, и наш «улов» растворился в ночной степи, жалобно скуля…

А бедный Мандрович стоял по пояс в воде с подсаком в руке и туго соображал: уж не сбрендил ли он часом?

Первым пришел в себя Шеф, как самый трезвый:

— Эй, Щукарь! Ты что, тоже наживку заглотил?! Иди уху готовь… из язя! Или его есть нельзя?

— Ха-ха-ха! Го-го-го! — грохнули мы разом, и Мандрович, наконец, очухался и заржал вместе со всеми.

— Ну, ты даешь, Щукарь! Классного сторожа ты прикормил!.. Ты на что его взял: на жмых, на живца?

— На сало! Га-га-га!

— Жеребцы! Ничо вы не понимаете! — пытался защищаться виновник торжества. — Тут, видать, усынок узкий, а на той стороне летний лагерь для скота!

— «Скотланд-Ярд»!.. Ха-ха-ха!

— Да кобель-то наверняка оттуда: кто-то же из вас наживку на другой берег перебросил, а он ее и заглотил!

— А ты его и поймал!.. Щукарь!

Мандрович хохотал вместе с нами, не ведая, что после этой рыбалки с легкой, хоть на вид и тяжелой, руки нашего Шефа за ним прочно закрепится легендарная шолоховская кличка.

В принципе, на этом можно было бы и закончить — но рыбалка-то ведь только начиналась. Впереди была еще утренняя зорька, которую все мы с удовольствием… проспали по вполне понятным причинам, то бишь — последствиям!

Все, за исключением нашего несгибаемого Шефа: он-то встал затемно — а может, еще и не ложился. По крайней мере, я этого не помню, потому что не просыпался — до весьма неожиданного момента. Кто-то бесцеремонно стаскивал с меня плащ-накидку, в которую я, судя по всему, ухитрился завернуться накануне.

— Ну, уж нет! Хватит с меня вчерашней вашей рыбалки!.. Щас кому-то ка-ак врежу!..

Но пришлось взять свои слова обратно… Громадный буланый бык глубокомысленно жевал угол моего прорезиненного покрывала и, похоже, не менее был удивлен моим появлением, чем я — его!

— Ах ты, скотина! — задохнулся от возмущения я. — Мало того что разбудил меня самым наглым образом, так он еще и завтракает моим старым, добрым, любимым лейтенантским макинтошем, который мне дорог как память о службе… А ну, пошел отсюда! Тпруси! — заорал я и хлестанул быка по тупо-изумленной морде свободным концом плащ-накидки.

Это был опрометчивый поступок, как тут же выяснилось. А вот раскаиваться в нем пришлось довольно долго, спасаясь вплавь от разъяренного буйвола…

Усынок в этом месте, действительно, оказался не только узким, но и мелким, и мне пришлось поднапрячься и вспомнить все детские навыки игры в «руля» на воде, прежде чем я выбрался на глубину и оказался на безопасном расстоянии. А мой новый приятель месил широченными копытами грязь на берегу и даже ухом

не вел на остальных моих друзей, которые весело ржали на почтительном расстоянии.

Когда пастухи, наконец, отогнали своего бешеного «буланчика», сон мой, разумеется, окончательно улетучился.

Какими эпитетами награждали меня мои друзья, пока «снимался стресс», я из скромности и по праву рассказчика умолчу. Скажу только, что все прозвища, которыми они меня наградили, не прижились, за исключением одного — «Тореро». Я с ним примирился, и остается только улыбнуться.

Но тогда, если честно, мне было не до смеха. Как, впрочем, скоро стало ясно и всем остальным. Дело заключалось в том, что наш «правильный» Шеф, со своими сумскими понятиями, считал, что рыбалка — само собой, а пьянка — само собой, и одно другому не мешает, но раз уж тебе сегодня за руль, то будь добр: сиди «сухим» у воды и пялься на поплавок! Чем он добросовестно и занимался все утро, а мы ему, естественно, не мешали.

Но сейчас он вдруг с остервенением закрутил катушку одной из донок… Неужели вчерашняя ситуация повторялась? Но…

Вода забурлила у берега, и в буруне показался громадный плавник.

Пока Журавель шипел сквозь зубы: «Подсак! Подсак!»; пока Мандрович бежал к машине за подсаком, Чарнота в чем был: в майке, джинсах и вельветовых туфлях рыбкой нырнул в воду, накрыл «чуду-юду» и схватил ее за жабры. И при этом, по-моему, даже сигарету изо рта не выплюнул! Шеф выронил катушку, ухватил ныряльщика за ногу и выволок на берег, подальше от воды.

Вот это был улов! Метровый, с хорошего поросенка, сазан бился и прыгал по траве не хуже вчерашнего кобеля! Сияющий Шеф на радостях отпустил нам все прежние грехи, только «обмыть» отказался. Зато поесть он был не дурак.

Воодушевленные таким примером, все кинулись налаживать снасти. Мандрович, с одной стороны, гордый за «организацию», а с другой — уязвленный в самое рыбацкое сердце успехом другого и памятуя о вчерашнем конфузе, решил лучше утонуть в этой проклятой луже, но реабилитироваться в качестве «профи».

— Шур, ты не видел пакета с опарышем? — озабоченно поинтересовался он, роясь в рюкзаке.

На свет божий извлекались: жмых, мотыль, дождевые и навозные черви, тесто с анисовыми каплями и еще куча всевозможной наживки.

— Какой пакет? — насторожился Шеф. — Я там брал ночью два каких-то пакета: один с семечками, другой, я так понял, с мякушками; ссыпал их в карман, и — то семечко, то мякушку — склевал их за утро… — замер на полуслове Шеф и принялся выворачивать карманы…

На брезент высыпались остатки семечек и пара полураздавленных опарышей.

Все остальное время Шеф кормил рыбу то съеденными подсолнечными семечками, то «мякушками»…

Долго, еще месяца полтора, до самого шефовского отпуска, в отделе свирепствовал «красный террор», и мы ходили по струнке. А в курилках над нами ржали «скотобазные» жеребцы. Зато теперь нашу группу захвата на заводе зовут «Скотланд-Ярд», и у нас есть свой Щукарь. А мы и не в обиде: была же в Мценске своя леди Макбет, а мы — чем хуже?

□ □

Николай Тараканов

НЕВИДИМЫЙ ПРОТИВНИК

Из книги мемуаров «Исчадие ада» — о ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС

СПАСАТЕЛЬ

Стоит немного отъехать от областного центра, и уже где-нибудь на Острогожской трассе поманят тебя простоволосые ветлы над деревенскими крышами, донесется издалека собачий лай да квохтанье кур... И такими родными покажутся проселки, ведущие к затерянным селам и хуторам!

Николай Дмитриевич Тараканов родился в самой сердцевине Черноземья, в этих благословенных местах села Гремячьего. Во всех своих делах он всегда помнил, какие корни взрастили его, какая огромная страна стоит за его спиной и какая милая сердцу земля греет его и поныне.

Сюда, в эти донские места, приезжает он и в минуты радости, и в минуты житейских невзгод и раздумий, чтобы снова набраться той силы, имя которой Родина!

Вот он, небольшого роста, с поставленным командирским голосом, уверенными повадками: может и прикрикнуть, и прихвастнуть, когда в окружении своих сестер идет по аллее старого сада к дому. В разное время в родительский дом приезжали все пятеро братьев и две сестры.

Густая листва старых деревьев о чем-то задумчиво шепчет. Видимо приветствует хозяина усадьбы, который так горячо и нежно любит свои родные места. Все последние годы прожили здесь его родители — мать Наталья Васильевна и отец Дмитрий Тихонович.

За столиком, накрытым льняной скатертью, под яблонькой, отягченной плодами, уже собрались родные и земляки. Каждый дорог ему, в их биографиях есть нечто схожее, близкое, родное. Они всегда рады новой встрече с легендарным земляком.

Как точно заметил Николай Дмитриевич: «В деревне — каждый на виду, люди знают не только тебя, но и несколько поколений твоих предков, так же, как и ты знаешь своих соседей. Если твои поступки отражаются на чести всей семьи, всего рода — это одно дело, и другое, если ты человек без роду-племени, кочуешь с места на место, меняешь работу, друзей. В таких условиях легко забываются как твои неблаговидные деяния, так и благородные поступки».

Николай Дмитриевич Тараканов — писатель, автор трех десятков книг об армейской жизни.

В 1953 году будущий генерал закончил Гремяченскую среднюю школу и

Николай Дмитриевич Тараканов

поступил в Харьковское военное техническое училище. Учебу завершил круглым отличником, лейтенантом с медалью.

Потом были годы службы в училище. Но сухая академическая карьера его не прельщала. Хотелось чего-то живого, и он пишет рапорт о переводе в войска.

Вскоре попадает в Краснознаменный полк войск гражданской обороны, стоявший под Харьковом, на должность командира взвода.

За три года окончил заочное отделение Харьковского автодорожного института и был направлен полковым инженером в Саратов, где практически с нуля построил военный городок.

В 1967 году Николая Тараканова переводят в только что открытое маршалом Чуйковым Московское высшее военное училище войск гражданской обороны на преподавательскую работу.

Через несколько лет Тараканов поступает в адъюнктуру Военно-инженерной академии имени Куйбышева и защищает кандидатскую диссертацию.

Его вскоре приглашают в недавно созданный Всесоюзный научно-исследовательский институт гражданской обороны. И вновь завидное для многих продвижение по службе — Тараканов становится заместителем начальника штаба Гражданской обороны РСФСР.

«Вот оттуда, — признается он, — моя карьера понеслась так, что не позавидует никто. Я попал в Чернобыль, где вместе с заместителем председателя Совета Министров СССР Борисом Щербиной руководил работой по ликвидации последствий аварии.

«Чернобыльские записки» писал в госпитале на больничной койке после трагических событий 1986 года.

Особо опасная зона

В течение трех месяцев генерал Тараканов командовал операцией по ликвидации катастрофы в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС. Работы велись при чудовищном уровне радиации — свыше 1000 рентген в час.

Приведу лишь некоторые свидетельства той встречи.

— Сентябрь 1986 года, третий месяц моей служебной командировки в Чернобыле. Мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного-двух месяцев здесь не задерживались. Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев. Начальство в Москве не возражало.

Практически все, кто работал на атомной станции, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиации выше разумных пределов. Ведь прежде чем посылать на всякие работы солдат — офицеры, особенно химики — шли первыми. Они замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности. Самые опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокорадиоактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяю-

щие сборки, циркониевые трубки... Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

И вот вся эта масса с 26 апреля по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока наконец дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. И дождались! Вертолетами несколько роботов из ГДР были доставлены в особо опасные зоны — но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

16 сентября 1986 года, в соответствии с полученной шифровкой я вылетел на вертолете в Чернобыль. Прибыл в 16 часов на заседание правительственной комиссии, которое проводил Борис Евдокимович Щербина. Речь шла о месте захоронения высокорадиоактивных материалов. Решение было единственное — сбрасывать их в аварийный реактор. Говорили о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «саркофага».

Крыша реактора

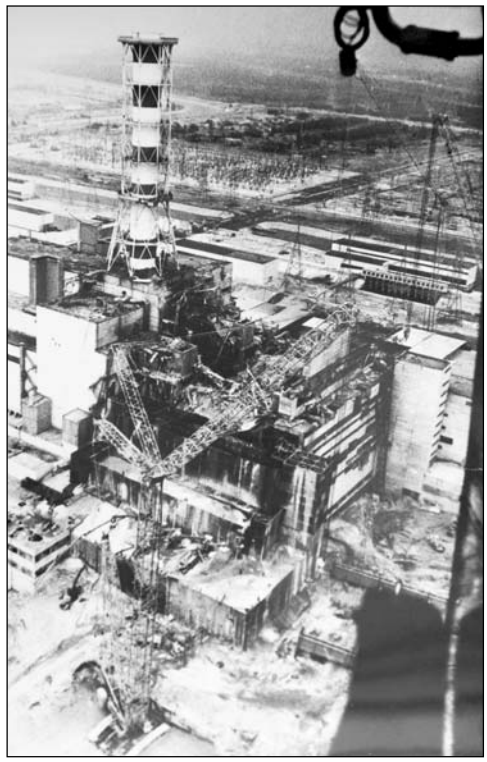
Академическая наука ничего разумного не разработала в организации таких работ в особо опасных зонах. Пришлось самим создавать и на ходу оборудовать специальный командный пункт. Там мы установили телемониторы, для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. В особо опасных зонах были выставлены телевизионные камеры с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП я проводил инструктаж командиров, ставил конкретные задачи каждому военнослужащему.

Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицеров. Выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения времени работ. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в зоне и включал сирену.

В руках офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия. Не меньшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров. Сначала дозиметристы водили их по сложным лабиринтам в особо опасные зоны. И только после этой подготовки маршрутный офицер мог выводить свою команду в зону работ.

Обычно маршрутный офицер выводил до 10–15 команд солдат, и его дозовая нагрузка становилась предельной, то есть 20 рентген.

19 сентября по полудню началась адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался на 5001-й отметке. Солдаты ба-



Разрушенный блок Чернобыльской АЭС

Наставление перед работой

тальона уже переоделись и стояли в строю — всего 133 человека.

Я поздоровался. Довел официальное распоряжение министра обороны на проведение операции. В конце своего выступления попросил всех, кто плохо себя чувствует и не уверен в собственных силах, выйти из строя. Строй не шелохнулся…

Первыми в зоны постоянно ходили разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку.

Солдаты и офицеры

Первую пятерку воинов во главе с командиром майором Бибой я лично инструктировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находившиеся в ней высокорадиоактивные материалы. Вместе с командиром вышли в зону сержанты Канарейкин и Дудин, рядовые Новожилов и Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время майор Биба успел сбросить совковой лопатой почти 30 килограммов радиоактивного графита, сержант Канарейкин с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, сержант Дудин и рядовой Новожилов сбросили семь кусков смертоносных тепловыделяющих элементов. Каждый воин, прежде чем сбросить смертоносный груз, должен был заглянуть в развал реактора — заглянуть в ад…

Наконец секундомер замер! Впервые зазвучала сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом быстро положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же и разведчик, Дмитров вместе с военным врачом сняли показания дозиметров и объявили персонально каждому полученную им дозу облучения. Дозы у первой пятерки не превышали 10 рентген…

Штурм трубной площадки

24 сентября. Начало штурма трубных площадок. Первыми на 5001-ю отметку прибыли воины полка Гражданской обороны из Саратовской области. В этом полку, в должности полкового

инженера, проходила моя служба с 1962 по 1967 год, когда я с семьей переехал из Украины в Россию.

И вот теперь в аду Чернобыля, на отметке 5001, стоял личный состав воинов Саратовского полка. Не было тут ни друзей, ни знакомых... Я коротко выступил перед личным составом, рассказал, что мы работаем шестые сутки. Но предупредил, что предстоит работа самая сложная и самая опасная. Назвал уровни радиации зон (более двух тысяч рентген в час), где они, мои однополчане, начнут операцию по сбору и удалению высокорадиоактивных элементов.

Внимательно всматриваясь в лица, я громко объявил, как и вчера, и позавчера, и ранее: «Кто не уверен в себе и кто плохо себя чувствует, прошу выйти из строя!» Не вышел никто. Командиру полка я отдал распоряжение разбить личный состав по командам, начать переодевание в защиту, а потом уже представлять на инструктаж.

В 8 часов 20 минут начался штурм первой трубной площадки. От воинов-саратовцев эстафету приняли саперы инженерно-дорожного полка, потом полка химической защиты и завершили воины отдельного химического батальона.

Красный флаг над саркофагом

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну, наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была лишь маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии Варенников. Мне уже поздно вечером сообщили, что на следующее утро меня будут заслушивать о ходе операции. Никаких шпаргалок для доклада не готовил — вся информация была в голове.

Утром 27 сентября состоялось совещание. До совещания Варенников долго расспрашивал о работах на АЭС, особенно его интересовало состояние строительства «саркофага», результаты работ по дезактивации первого, второго и третьего энергоблоков.

На совещании хриплым голосом докладывал о мужестве наших солдат, сержантов и офицеров, о выполненных объемах работ, о том, что еще осталось сделать.

2 октября 1986 года мы успешно завершили операцию по удалению высокорадиоактивных элементов. Всего было сброшено в развал четвертого энергоблока около 200 тонн ядерного топлива, радиоактивно зараженного графита и других элементов взрыва.

Специальная комиссия обследовала район работ на крышах энергоблоков, крышах машинного зала и трубных площадках главной вентиляционной трубы, на которую был поднят красный флаг в знак победы над «белой» смертью.

Солдаты на всю жизнь запомнили генерала Тараканова, как отца родного, и с мужской, не напоказ гордостью, позже могли сказать: «Он был с нами». Эта скупая солдатская похвала выше любого ордена.

— Я не знаю судьбу всех солдат-чернобыльцев. Не все были награждены. Многих уже сегодня нет. Но все они — четыре тысячи солдат, — свято верит генерал Тараканов, — достойны звания Героя России.

Ниточка с иголочкой

Супруга Зоя Ивановна вместе с мужем делила пополам все радости и горести, стараясь свести к минимуму скорбь и печаль. Так и прожили без малого шестьдесят лет, основательно, дружно, как ниточка с иголочкой. Даже ездила к мужу в Чернобыль! Сколько раз этой очаровательной хрупкой женщине приходилось срочно собирать в командировку чемоданчик, подниматься вместе с мужем по тревоге среди ночи.

«Родной мой дружочек» — так начинались сотни писем к жене. Николай Дмитриевич о Зое Орешкиной до сих пор хранит их все, жене и спутнице, которая спасла его от смерти, говорит с

теплотой и болью. Она ушла в начале ноября 2017 года, дом осиротел, а он, облученный во время спасательных работ на Чернобыльской АЭС, остался один.

Ломила голова, заканчивались силы, из носа и десен сочилась кровь, кожа на щеках рвалась от бритья. Все это были нехорошие признаки. Тараканов понимал, что схватил критическую дозу, но гнал от себя эту мысль прочь.

— Однажды я вышел к машине и потерял сознание, — рассказывает Николай Дмитриевич. — Меня срочно отправили в Киев, в больницу, такую же «кремлевскую», как и у нас, в Москве. По данным анализов, во мне было более двухсот бэр облучения. Смертельная доза — от шестисот.

Тараканов думал, что спит, когда жена вошла в палату и положила ему на лоб свою прохладную руку. Тихо прошептал ей:

— Извини, Зоечка, не уберегся.

А сама плачет. Прилетела специально из Москвы в Киев к нему. Как врач прекрасно понимала, что муж почти обречен. Его могло спасти только чудо. Потом полгода в клинической больнице в Москве, где один за другим умирали отважные чернобыльские пожарные, ставшие под конец жизни для всех остальных такими же смертельно опасными ядерными объектами, как и сам чернобыльский реактор.

— Другие жены приезжали в больницу, но пускали не всех, — вспоминает генерал. — Зоя проходила — была своя. Она про мое состояние знала лучше, чем я.

Отдавала свои силы, всю энергию. Свою любовь. И я вот все жил и жил, не умирал.

Его спасло обыкновенное чудо — жена, положившая жизнь и карьеру ради мужа.

Землетрясение в Армении

— Все порывался уволиться, но когда грянуло землетрясение в Армении, внутренний голос подсказал мне: ты снова должен быть там. Я ведь доктор

Минута семейной жизни. Николай Дмитриевич с женой Зоей Ивановной

наук в области ведения спасательных работ в очагах ядерного поражения. Спитак — это не последствия ядерной войны, конечно, но завалы-то и руины везде одинаковые, — говорит генерал.

Еще не придя в себя от последствий лучевой болезни, получивший инвалидность, прошедший долгое лечение за границей, Тараканов в декабре 1988 года отправился откапывать живых и мертвых в Спитаке.

«Спитак оказался куда страшнее Чернобыля! Разорванные тела, стоны под руинами… Поэтому нашей главной задачей было не только помочь и вытащить из завалов живых, но и достойно, по-людски, по-христиански проводить погибших. Продолжалось это на протяжении полугода», — позже напишет Николай Дмитриевич в своих воспоминаниях.

Он опять спасал мир. Жена снова его

ждала. За тридцать пять лет службы у Николая Тараканова было по двести дней командировок в год. Поэтому их медовый месяц так никогда и не закончился. Он виделся с женой даже реже, чем с подчиненными.

На 50-летие их супружеской жизни подарил Зое Ивановне толстую книгу, в которую включил все стихи, посвященные ей, пока они были в разлуке.

«Ты всегда придавала мне силы, когда я чувствовал, что их больше нет», — напишет он в одном из многочисленных писем.

И она отвечала.

У Зои Ивановны каллиграфический, совсем не докторский почерк, четко и округло выведена каждая буковка в слове: «Колюша, я так скучаю по тебе, просто невозможно, я уверена, что ты и вполовину так не скучаешь по мне. Милый, хотя бы нам снова побыть вместе».

Пять лет спустя после Чернобыля генерала пригласили отметить дату. В этот раз он взял с собой Зою. Станция была уже дезактивирована, окрестности безлюдны. Опасаться было нечего. Но страна рушилась. 1991 год — период полного распада государства, закончился гораздо быстрее, чем полураспад радиоактивных изотопов…

Уж и впрямь говорят: обманчива бывает седина. Такие люди, как Тараканов, заранее знают, на что идут, выбрав беспокойную, опасную работу. И чем больше боли, сострадания видит он на своем пути, тем больше сил обретает русский генерал из российской глубинки.

В пору беспамятства, когда людские судьбы и история самой страны перекраиваются на все лады переписчиками разного толка — сегодня очень важно появление книг лауреата международной литературной Шолоховской премии Николая Тараканова — непосредственного участника трагических событий на Чернобыльской АЭС и Спитакского землетрясения в Армении.

Николай КОЛТАКОВ

Набирала силу весна 1986 года. Уже установились теплые деньки, но вдруг прогноз погоды пообещал в ночь на 26 апреля приличные заморозки. Многие дачники, а точнее владельцы садовых участков, в спешке выезжали из Москвы и в длинной веренице легковых машин мчались по Киевскому шоссе спасать свои фруктовые деревья. Какая-никакая, а своя собственность. Ведь сколько сил и здоровья было вложено в освоение заболоченных участков земли только в нашем армейском садовом товариществе «Дубрава», что под Калугой! Зато у нас росли яблони и груши, сливы и вишни, малина и клубника, смородина и крыжовник, и прочее. И теперь все это было дорого.

Мы с моим близким и давним другом полковником Геннадием Васильевичем Граммаковым, как и многие другие, тоже рванули спасать свои посадки от мороза. Езды до наших участков, что рядом с поселком Ивакино, в пределах полутора часов. За разговорами в дороге время пролетело незаметно. И это бывает нередко, когда с тобой рядом настоящий друг. Тут уж тем для разговоров, шуток хоть отбавляй. Мой спутник Геннадий Васильевич — человек с большой армейской биографией. По профессии — финансист. Но до чего же талантлив! Помню, я возглавлял комиссию по проверке гражданской обороны Якутской АССР. Он был в составе комиссии и проверял всю финансовую деятельность республиканского штаба Гражданской обороны. Проверка закончилась возбуждением уголовного дела по неправильному расходованию денежных средств. Нити тянулись и в наш штаб Гражданской обороны Российской Федерации. Забавно: когда мы с Геннадием Васильевичем докладывали предсовмина Якутии В.И. Петрову результаты общей проверки, он в конце вдруг предложил Граммакову должность министра финансов. Вот с тех пор я частенько называю его министром. Нас сблизили и армейская

служба, и нелегкие, затяжные командировки, и не менее важное обстоятельство — неравнодушное отношение к стихам великих поэтов России, таких, как Фет, Тютчев, Пушкин, Баратынский, Есенин, Кольцов и многих других.

...И вот мы уже в «Дубраве». Всю ночь жгли солому. Дым окутывал густой пеленой деревья и спасал их от мороза. Когда же дым доводил нас до слез, мы бежали в дом, пили горячий чай, ели бутерброды и, малость передохнув, вновь жгли солому. Так незаметно, в дыму и гари, пролетела эта ночь 26 апреля 1986 года, которая стала одной из самых трагичных не только для нашей страны, но и для всей планеты.

Разумеется, никто из нас не мог предположить, что в эту же роковую ночь за сотни километров от Москвы произошла страшная беда, которая практически отразилась на каждом из нас. Авария в Чернобыле болью отозвалась в сердцах миллионов. Но мы пока еще ничего не знали.

Для нас все началось с пронзительного телефонного звонка из Москвы. Комендант дачного поселка, участник Великой Отечественной войны, сапер 62-й армии маршала В.И. Чуйкова М.И. Журавлев, который в жаркие дни Сталинградской битвы под градом пуль и снарядов обеспечивал переправу через Волгу, бегал теперь по дачам офицеров и генералов и передавал всем, что объявлен «сбор», а для чего — он, естественно, не знал.

В общем-то, в этом не было ничего необычного. Офицеров гражданской обороны вызывают на службу в нерабочее время довольно часто: где-то разбушевалась стихия, вспыхнули лесные пожары, угрожает гидротехническим сооружениям ледоход, произошло землетрясение, а то и просто очередная тренировка или учения.

Потушили мы с Геннадием Васильевичем свои костры, привели себя в порядок и на скоростях отправились в Москву. Заехали домой, переоделись и — в штаб, на службу.

Уже через два часа мы были в кабинете начальника штаба Гражданской обороны РСФСР. Здесь собрались все его заместители и начальники отделов. Весь облик его будто говорил: случилось нечто чрезвычайное. И первые же его слова подтвердили наши предположения: «Товарищи! В стране произошло чрезвычайное происшествие — взрыв на Чернобыльской АЭС. Обстановка там очень сложная, и многое пока не ясно. Я только что от товарища Виталия Ивановича Воротникова. Принято решение в штабе Гражданской обороны России и в ряде АССР, краев и областей Российской Федерации, которым может угрожать радиоактивное заражение, создать оперативные группы и установить контроль за возможным загрязнением радиацией. С этого момента и до особого распоряжения наш штаб переходит на круглосуточную работу. Оперативную группу штаба будут возглавлять генералы — мои заместители. Первым сегодня заступает на дежурство генерал-лейтенант Попов Глеб Всеволодович...»

Таким было для нас начало длинной цепи драматических событий, которые стали известны всей планете как чернобыльская трагедия.

Сразу же после совещания мы, как люди военные, по первым отрывочным данным пытались смоделировать ситуацию. Прикидывали, взрыву какого по мощности ядерного заряда могут соответствовать последствия аварии. Сошлись на мысли, которая может показаться парадоксальной и даже кощунственной: авария в Чернобыле по некоторым параметрам и особенно радиоактивному загрязнению ничуть не «лучше» ядерного взрыва. Тем более, что теперь долгое время будут выделяться радиоактивные выбросы, заражая почву, воду, растительность, продукты питания.

Чернобыльская трагедия поставила много вопросов: технических, организационных, нравственных. Мы привыкли к людям-символам. Если культ, то Ста-

лина, если волюнтаризм, то Хрущева, застойные годы — Брежнева, перестроечные — Горбачева. Словно и не было многих и многих борцов с негативными явлениями и столь же немалого количества карьеристов, прихлебателей, жуликов, просто подонков, чьими усилиями эти явления распространялись. Словно и не было объединенных определенными интересами классов, социальных групп в нашем обществе, словно нет противоречий и борьбы между ними.

Нечто подобное просматривается и на примере Чернобыля. Залечивать раны после аварии, порожденной преступной халатностью, пришлось армии, гражданским специалистам, ученым. Но и в этой ситуации за единицами широко известных героев — десятки, сотни и тысячи простых солдат и офицеров, проявивших не меньший героизм, а за должностными лицами, осужденными судом, — десятки и сотни тех, кто так или иначе способствовал их преступлению. Но где сегодня грань между теми и другими? Или, может быть, кому-то выгодно раствориться в общей массе? Чтобы не было ни героев, ни преступников, а все были равны? И как сделать, чтобы каждому (именно каждому!) воздать должное, дабы восторжествовала справедливость?

Над этими и другими допросами мне и хотелось бы поразмышлять. А отправными пунктами наших размышлений пусть станут действительные события, факты, живые и мертвые люди, с которыми мне довелось длительное время работать в зонах ряда областей, подвергшихся радиоактивному заражению, и у разлома четвертого энергоблока, а позже встречаться в больничных палатах, которых я наблюдал в экстремальных ситуациях и в минуты спокойных раздумий.

Итак, бой с невидимым противником начался для нас 26 апреля. И, как всякий бой, он высветил, чего стоит каждый его участник, выявил достоинства и изъяны в подготовке войск и управлении ими. Но обо всем по порядку.

27 апреля 1986 года в 9 часов 00 минут я принял дежурство по оперативной группе от генерал-лейтенанта Г.В. Попова. Глеб Всеволодович, активный участник войны, организовал работу оперативной группы по-боевому: офицеры были распределены по направлениям и добывали необходимые сведения о состоянии радиоактивного заражения на местности, объектах, продуктах питания от подчиненных штабов Гражданской обороны автономных республик, краев и областей. На основных автомобильных магистралях, ведущих к Москве, а также в ряде городов Российской Федерации были развернуты и функционировали контрольные посты и пункты специальной обработки по дезактивации автомобильного транспорта. На постах велся строгий контроль и учет зараженной техники. Автомобильный транспорт был самым опасным объектом переноса радиоактивных загрязнений. Помню десятки случаев, когда в мое дежурство поступала нестандартная и несколько необычная информация по задержке радиоактивно зараженного транспорта даже на подъездах к Москве.

Наиболее характерный из них. 16 мая в 3 часа ночи позвонил начальник оперативной группы штаба Гражданской обороны Московской области и доложил, что на одном из постов задержана грузовая машина ЗИЛ-131, которая везет сыр из Брянска в Москву. При дозиметрическом контроле обнаружен повышенный фон радиации, причем только на машине. Дежурный спросил меня: «Что делать?» Я ему: «Ну, если сами не знаете, тогда слушайте: сыр срочно перегрузить в первую попавшуюся «чистую» машину с помощью ГАИ, а этот автомобиль дезактивировать». Под утро доложили, что машину отмыли и отправили по назначению.

Были зафиксированы и случаи другого рода: машина совершенно радиоактивно чистая, а продукция заражена выше допустимых норм.

Исключительно добросовестные дозиметристы на контрольных постах круглосуточно несли дежурство вместе с работниками Госавтоинспекции и задерживали радиоактивно загрязненный автотранспорт. Среди автолюбителей было не-

мало недовольства в связи с частыми заторами на дорогах. Было это на многих магистралях, ведущих в Москву, Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Калугу. Но жесткий контроль ставил надежный заслон на путях проникновения в глубь страны радиоактивно зараженных частиц на автомобилях, особенно тех, которые следовали с южного и западного направлений, то есть с Украины и из Белоруссии.

Без преувеличения скажу, что наша группа работала по-фронтовому. За сутки дежурства офицеры обычно окончательно выматывались. Всю ночь «выбивали» сведения, а к 8 часам утра на карту уже наносилась уточненная радиационная обстановка. Карты районов с наиболее сложной обстановкой готовились отдельно. К картам разрабатывались специальные графики изменений радиационной обстановки — начиная с первого дня после аварии. Отдельно прилагались сводные таблицы по основным показателям зараженности местности, воды, продовольствия, транспорта и т.д.

Признанным авторитетом в оценке и анализе радиационной обстановки был, к примеру, полковник Евгений Иванович Коптелов. Он — образец современного высокоэрудированного, интеллигентного офицера. Его отличали аккуратность и аналитический склад ума. Никогда не было лишних слов в его речи и докладах. Кроме всего прочего, он постоянно занимался спортом, по лыжам — неизменный чемпион объединенного спортивного коллектива Гражданской обороны СССР. Он в свои 55 лет легко переносил тяжелые физические и психологические нагрузки в любое время суток. Начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Дмитрий Андреевич Крутских ценил Коптелова, но и «гонял» по всем областям, подверженным радиоактивному загрязнению.

Забегая несколько вперед, скажу: когда я уже вовсю трудился в Чернобыле, вдруг примерно в августе приехали посланцы России — начальники отделов полковники Е.И. Коптелов и Ю.К. Сорокин. Спрашиваю: «А вы-то зачем?» Оказывается, их направил в командировку генерал-полковник Д.А. Крутских для изучения накопленного опыта по ликвидации последствий аварии в Чернобыле. Выделил я им вертолет, и они несколько дней летали и воочию знакомились с радиационной обстановкой на местности, а не по картам.

Как правило, к 8 часам утра печатался доклад с анализом обстановки, выводами и конкретными предложениями. Особенно часто откорректированный мною доклад печатала Лена Пряхина. Казалось бы, совсем гражданский человек, и что ей до наших хлопотных дел? Однако она печатала вплоть до моего отъезда в Чернобыль. Я не помню, чтобы она проявила недовольство или опоздала в штаб к 7 часам утра.

А в 8 часов ежедневно начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Д.А. Крутских заслушивал доклад начальника оперативной группы обо всех деталях обстановки и после этого уезжал в Совет Министров для доклада правительственной комиссии РСФСР. Когда доклад его проходил успешно, он приезжал окрыленный, в добром настроении, шутил, но стоило кому-то из нас допустить оплошность — получай по заслугам. Строго, но справедливо.

Порой обстановка была нервозной, офицеры хронически недосыпали и иногда допускали неточности. Многие из нас и после дежурства оставались на службе и продолжали каждый по своему направлению вести работу. Честно сказать, были офицеры, которые к такому режиму работы оказались неподготовленными и тяжело переносили нагрузки. Иногда проявлялось и неумение офицеров решать нестандартные задачи.

Во многих областях Российской Федерации обстановка была беспокойной, особенно в Брянской, Тульской, Калужской, Липецкой, Воронежской областях. В эти области вылетали члены правительственной комиссии России, министры, ге-

нерал-полковник Д.А. Крутских, офицеры штаба и многие другие руководители и специалисты.

Как-то в 23 часа позвонил мне Дмитрий Андреевич и приказал назавтра к 10 часам утра вызвать с картами по обстановке начальников штабов Гражданской обороны Калужской, Тульской, Воронежской и ряда других областей для заслушивания.

Для некоторых из них приглашение было неожиданностью. За ночь едва добрались. Отдельные доклады были сумбурными. Разбор Дмитрий Андреевич сделал суровый, а некоторые уехали с взысканиями. Большинство же начальников штабов своевременно овладели обстановкой, привели в готовность соответствующие службы гражданской обороны. Особенно четко было поставлено дело в Московской области, где начальником штаба был Герой Советского Союза генерал-майор Николай Петрович Варягов, в городе Москве — генерал-лейтенант Анатолий Васильевич Ермаков. Словом, экстремальная ситуация дала четкую оценку деловым и нравственным качествам многих должностных лиц, их организаторским способностям. Вместе с тем, ряд таких оценок оказался для нас полной неожиданностью. Взять, к примеру, начальника штаба Гражданской обороны Воронежской области полковника Л.Ф. Лизова. В середине апреля 1986 года, то есть всего за полмесяца до описываемых событий, в Воронежской области на реках Воронеж и Дон создавалась чрезвычайно опасная обстановка в период половодья. На реке Воронеж от берега оторвало плавучий кран и понесло на мост, столкновение с которым создавало угрозу его разрушения. Полковник Лизов проявил тогда армейскую находчивость и смекалку. Находясь в вертолете, он по рации связался с военными летчиками, попросил безотлагательно направить самолет, сообщил нужные координаты для бомбометания по этому плавучему крану, дабы его потопить. Летчики отреагировали немедленно. Прицельное бомбометание — и крупный мост через реку Воронеж и плотина были спасены.

А ровно через две недели произошла авария в Чернобыле. В Воронеже срочно собралась чрезвычайная комиссия. Оперативный дежурный в течение двух часов не мог найти начальника штаба. Была допущена халатность и дежурного, и самого Лизова. Эта комиссия постановила ходатайствовать об отстранении полковника Л.Ф. Лизова от должности, несмотря на то, что он привел доказательства, что был действительно занят по службе. Командование сочло применение столь строгой меры к находившемуся ранее на хорошем счету офицеру справедливым.

Я и сам не раз задумывался: справедливо ли такое? Служит человек безупречно 25–30 лет, и вдруг на тебе — один раз не оказался там, где положено, и вся предыдущая служба, доброе имя вроде бы и насмарку... Размышляя над этим, прихожу к выводу, что так и должно быть. Ведь задача офицера в том и состоит, чтобы всей службой готовиться к тому, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте и незамедлительно действовать, как полагается. Этот нужный момент для кого-то наступает один раз в жизни, для кого-то не наступает вовсе. Но готовность к нему — смысл нашей службы. Конечно, это постоянное напряжение дается нелегко, но оно необходимо. И если бы каждый в полной мере понимал это, не было бы ни рустов, ни чернобылей и других аварий, уносящих порой человеческие жизни.

Пример с полковником Лизовым не был типичным. В целом развертывание системы наблюдения и контроля на территории ряда областей Российской Федерации было произведено весьма оперативно. Теперь все зависело от конкретных людей, их профессиональной подготовленности, ответственности и нравственной позиции. Задача стояла одновременно простая и сложная: быстро и точно оценивать обстановку, оперативно передавать информацию о ней, принимать необходимые меры. Но, как показала жизнь, выполнение этой задачи потребовало от

ряда должностных лиц определенного гражданского мужества, которого хватило не всем.

Подлинно драматические события развернулись на Чернобыльской АЭС, в самом Чернобыле и в Припяти в первые часы после аварии. И причиной их стала не только вышедшая из-под контроля энергия атома, но и вполне контролируемые человеческие страсти — как высокие, так и низменные. Но всему этому предшествовала разыгравшаяся трагедия века. Она совершилась глубокой ночью...

Поскольку мне по долгу службы приходилось не раз принимать участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, могу засвидетельствовать, что если по физическим затратам, масштабам работ они бывают сопоставимы с Чернобылем, то психологически бороться с «рукотворной» стихией куда сложнее. Когда идет борьба с природой, все люди оказываются «по одну сторону баррикад». Тут нет приукрашивания обстановки, попыток замазать какие-то негативные моменты. Здесь люди ни в чем не повинны, а потому положение дел представляют таким, каково оно есть на самом деле. На ряде же этапов ликвидации последствий чернобыльской аварии приходилось сражаться не только с незримым, но порой и с тщательно скрываемым недобросовестными должностными лицами противником...

Вообще еще до выезда в Чернобыль, находясь в Москве и получая соответствующую информацию, я пытался мысленно смоделировать ситуацию, отработать варианты действий людей в этой чрезвычайной обстановке, используя при этом опыт работ по ликвидации последствий стихийных бедствий. Хорошо понимал: один из важнейших вопросов, от которых зависит успех дела, заключается в том, как поведет себя в данных условиях каждый конкретный человек.

Теперь о технологии преступления.

В чернобыльской катастрофе человек был повинен от начала развития аварии и до конца. Процесс развития трагической аварии складывался примерно так. Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС в эксплуатацию был введен в декабре 1983 года. На 24 апреля 1986 года была запланирована остановка блока на планово-предупредительный ремонт. Программа проведения испытаний с отключенными защитами реактора в режиме полного обесточивания АЭС была утверждена главным инженером Н.М. Фоминым, который не отличался особой компетентностью. Проведение подобного опыта предлагалось многим директорам АЭС, но так как большинство руководителей понимали опасность и значительный риск, то все они отказывались играть с огнем.

Перед остановкой были запланированы испытания турбогенератора № 8 в режиме выбега с нагрузкой собственных нужд. Цель этих испытаний — экспериментально проверить возможность использования механической энергии ротора, отключенного по пару турбогенератора для поддержания производительности механизмов собственных нужд блока в условиях обесточивания. Этот режим используется в одной из подсистем быстродействующей системы аварийного охлаждения реактора (САОР). При надлежащем порядке выполнение эксперимента на работающей АЭС не запрещалось.

Подобные испытания уже проводились и ранее на Чернобыльской АЭС. Еще тогда было выявлено, что напряжение на шинах генератора падает намного раньше, чем расходуется механическая энергия ротора при выбеге. В испытаниях, намеченных на 25 апреля 1986 года, предусматривалось использование специального регулятора магнитного поля генератора, который должен был устранить этот недостаток. Однако «Рабочая программа испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС», в соответствии с которой они должны были проводиться, не была должным образом подготовлена и согласована.

Качество программы оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по ме-

рам безопасности составлен чисто формально. В ней указано лишь то, что в процессе испытаний все переключения делаются с разрешения начальника смены станции, в случае возникновения аварийной ситуации персонал должен действовать в соответствии с местными инструкциями, а перед началом испытаний их руководитель, инженер-электрик, не являющийся специалистом по реакторным установкам, проводит инструктаж дежурной вахты. Помимо того, что в программе, по существу, не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, ею предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего периода испытаний, то есть в течение четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

В силу того, что безопасности этих испытаний не было уделено должного внимания, персонал к ним не был готов, не знал о возможных опасностях. Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, персонал допускал отклонения от выполнения программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации.

25 апреля в 1 час ночи персонал приступил к снижению мощности реактора, работающего на номинальных параметрах, и в 13 часов 05 минут турбогенератор № 7 был отключен от сети. Электропитание собственных нужд было переведено на шины турбогенератора № 8.

В 14 часов в соответствии с программой испытаний от контура многократной принудительной циркуляции (КМПЦ) была отключена САОР. Однако по диспетчерскому требованию вывод блока из работы был задержан. В нарушение регламента эксплуатация блока в это время продолжалась с отключенной САОР. Это была роковая ошибка Фомина.

В 23 часа 10 минут снижение мощности было продолжено. В соответствии с программой испытаний выбег генератора с нагрузкой собственных нужд предполагалось произвести при помощи реактора 700-1000 МВт (тепл.). Однако при отключении системы локального автоматического регулирования (ЛАР), что предусмотрено регламентом эксплуатации реактора на малой мощности, оператор Л. Топтунов не смог достаточно быстро устранить появившийся разбаланс измерительной части автоматического регулятора (АР). В результате этого мощность упала до величины ниже 30 МВт (тепл.). Только в 1 час 26 апреля 1986 года ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт (тепл.). В связи с тем, что в этот период продолжалось «отравление» реактора, дальнейший подъем мощности был затруднен из-за малого оперативного запаса реактивности, который к этому моменту был существенно ниже регламентного. Это понимали начальник смены А. Акимов и Л. Топтунов.

И все же испытания решено было проводить. В 1 час 03 минуты и в 1 час 07 минут дополнительно к шести работавшим главным циркулярным насосам (ГЦН) было включено еще по одному ГЦН с каждой стороны, с тем чтобы после окончания эксперимента, в котором в режиме выбега должны были работать четыре ГЦН и КМПЦ, осталось бы четыре ГЦН для надежного охлаждения активной зоны.

Тут следует остановиться на особо важном преступнике — заместителе главного инженера АЭС А. Дятлове. Ведь это он в период проведения эксперимента командовал парадом. Он появился на Чернобыльской АЭС еще в 1973 году. До этого работал на одном из предприятий Дальнего Востока, где заведовал физлабораторией. На АЭС никогда прежде не работал и не знал их. И вот этот человек силой власти заставил оператора Л. Топтунова поднять мощность реактора. И тот поднял… Это был смертный приговор себе и многим товарищам…

Во всей этой трагедии были повинны А. Дятлов, Н. Фомин и директор АЭС В. Брюханов.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока А. Акимов нажал кнопку

аварийной защиты (АЗ-5), по сигналу от которой в активную зону вошли все регулирующие стержни и стержни аварийной защиты. Стержни прошли вниз, однако через несколько секунд раздались удары, и оператор увидел, что стержни-поглотители остановились, не дойдя до нижних концевиков. Тогда он обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести.

А. Акимов многого не знал, так как никогда не работал даже старшим инженером управления реактором, который он пытался изучить, и даже сдавал экзамены на рабочее место. Но вот тонкости конструкции тех же поглощающих стержней он не учел, потому что был инженером-электриком. А ведь именно в конструкции поглощающего стержня притаились смерть и вся последующая трагедия чернобыльской ядерной катастрофы…

Примерно в 1 час 24 минуты раздались последовательно два взрыва. Над четвертым блоком, как свидетельствовали очевидцы, взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала и вызвала пожар.

Уму непостижимо, как преступно подбирались кадры на этот особо важный объект, которым было доверено проведение опаснейшего эксперимента.

Так же непостижимо уму и то, что на таком объекте, как АЭС, в погоне за сиюминутной выгодой решили проводить эксперимент. Но, что удивительно, тот же Акимов до самой смерти, которая наступила 11 мая 1986 года, продолжал высказывать одну и ту же мучившую его мысль, что он делал все правильно. Не принято говорить о покойнике плохо, но невозможно удержаться от оценки безнравственности и отсутствия понимания лично Акимовым совершенного преступления. То же самое позже твердил и Дятлов.

Да разве можно было с такими знаниями ядерной энергетики, знаниями реактора браться за столь ответственный эксперимент? Безумие! Это же настоящая диверсия.

Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания. Персонал совершил беспрецедентное преступление перед своим народом и всем человечеством. Такими же преступниками стали и руководители АЭС. Итак, аварию сотворили одни, а расхлебывать пришлось ни в чем не повинным людям.

В результате взрыва в реакторе и выброса разогретых до высокой температуры фрагментов его активной зоны на крыши некоторых помещений служб реакторного отделения, деаэраторной этажерки и машинного зала возникло свыше 30 очагов пожара. Из-за повреждения отдельных маслопроводов, коротких замыканий в электрических кабелях, интенсивного теплового излучения от реактора образовались очаги пожара в машинном зале над турбогенератором № 7, в реакторном зале и примыкающих к нему частично разрушенных помещениях.

Особенно жуткая обстановка сложилась в машзале, откуда пробкой вылетел старший машинист турбины В. Бражник, который сообщил о пожаре и тут же бросился в огонь и смертоносную радиацию. Несколько человек последовали его примеру. Акимов и Дятлов тоже заглянули в машзал и увидели ужасную картину: горело в нескольких местах на 12-й и нулевой отметках, на желтом пластике выделялись раскаленные графитовые блоки и куски топлива. Седьмая турбина была завалена обломками кровли. Чад, черный пепел, хлопьями падающий вниз, хлещущее из разбитой трубы горячее масло, проломленная кровля, нависшая над пропастью машзала панель перекрытия. Акимов позвонил в пожарную часть.

В 1 час 30 минут на место аварии выехали дежурные подразделения пожарной части по охране АЭС из городов Припяти и Чернобыля. Первым прибыл караул лейтенанта В. Правика. Позже прибыл майор Л. Телятников.

Ввиду угрозы распространения пожара по покрытию машинного зала на соседний, третий блок и быстрого его усиления первоочередные меры были направлены на ликвидацию пожара именно на этом участке. Было также организовано тушение возникающих очагов горения внутри помещений с использованием огнетушителей и стационарных внутренних пожарных кранов. К 2 часам 10 минутам на крыше машинного зала и к 2 часам 30 минутам на крыше реакторного отделения основные очаги пожара были подавлены. К 5 часам утра пожар был ликвидирован. Но трагедия пожарных заключалась в том, что они совсем забыли, что пожар был на АЭС после взрыва четвертого атомного блока.

Пренебрегая мерами безопасности, пожарные получили такое облучение, которое стоило им жизни. Руководитель тушения пожара офицер Л.П. Телятников, ныне Герой Советского Союза, повинен в том, что не организовал периодическую замену всех расчетов с учетом радиационной обстановки, которой, по всей вероятности, он не владел. Ведь все пожарные, в том числе и Телятников, хорошо знали, что они охраняют атомную электростанцию, а потому должны были давным-давно отработать план борьбы с возможными пожарами в условиях радиации. Кроме того, они должны были иметь и соответствующую защиту, и приборы радиационной разведки.

Авария на АЭС привела к полному разрушению реактора и его активной зоны, системы охлаждения, а также к разрушению здания реакторного зала, верхней плиты, герметизирующей реакторный отсек. Эта плита находилась почти в вертикальном положении. Верхняя часть реакторного зала была полностью разрушена, на крыши машинного зала, на территорию вокруг АЭС были выброшены целые графитовые блоки и их куски, железобетонные плиты, металлоконструкции. Из жерла реактора постоянно шел белый в несколько сот метров высотой столб продуктов горения (графита), а внутри реакторного пространства образовалось мощное малиновое свечение. Причинами свечения были раскаленные графитовые блоки, оставшиеся на месте, а также горение графита с выделением белесого продукта химической реакции — суммы оксидов углерода. Обычная скорость горения графита — одна тонна в час. В четвертом блоке его было заложено около 2,5 тысяч тонн. От их горения радиоактивность могла распространиться на большие территории.

Первые измерения показали, что якобы существуют мощные нейтронные излучения. Если бы это было так, то некому было бы писать эти записки, и некому было бы их читать. Человечество было на грани глобальной катастрофы. Бог или случай спас нас тогда: при последующих замерах и осмотре вблизи реактора наличие мощного нейтронного излучения не подтвердилось...

К 10 часам 26 апреля в Чернобыль самой первой прибыла воинская часть гражданской обороны из Киева, личный состав которой провел углубленную радиационную разведку на территории АЭС и в 30-километровой зоне. Только после данных о радиоактивном загрязнении территории, полученных воинами гражданской обороны, руководство АЭС и города Припяти, наконец-то, осмыслило всю пагубность этой беспрецедентной аварии и по масштабам, и по последствиям. Все впервые и всерьез задумались над тем, что придется отвечать за преступление.

К исходу 26 апреля оставшиеся три реактора были заглушены. Четвертый, аварийный реактор беспрестанно извергал в атмосферу огромную массу высокорадиоактивных элементов, и они щедро выпадали вокруг АЭС, в городах Припяти, Чернобыле и далее разносились по всему белому свету. Население Припяти и Чернобыля, уже не говоря о других населенных пунктах, жило в неведении, никто о радиационной опасности не оповещал. Будто никогда не было в этих городах граж-

данской обороны, руководители которой в первые часы после аварии обязаны были известить свой народ и уберечь его от облучения.

Примерно около 21 часа 26 апреля в город Припять прибыл заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина, с которым позже мне довелось работать. Он же возглавлял и Бюро по топливо-энергетическому комплексу в СССР. Теперь он стал первым председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. До него пока еще не доходило, что в этих чернобыльских местах повсюду сеется радиоактивное заражение. Уже были заражены и территория, и воздух, здания, сооружения, оборудование. Тут находился и министр энергетики А.И. Майорец, который только теперь признал, что действительно разрушен четвертый блок и взорван реактор. Вот только непонятно, кому пришла впервые в голову мысль, что надо срочно укрывать реактор в бетон, ибо, что делать с раскаленным и адски зараженным реактором, пока никто из прибывших светил не знал. Нужно было принимать немедленно решение об эвакуации. Но Щербина не торопился с эвакуацией. Он весьма спокойно сказал: «Не торопитесь с эвакуацией». Я больше чем уверен, что до Бориса Евдокимовича еще не доходила величайшая опасность радиации, нависшая над жителями не только городов Припяти и Чернобыля…

Председатель правительственной комиссии призывал всех, кто с ним находился, думать над тем, как заглушить реактор. Он воистину не верил, что реактор укротить нельзя. Он хорошо помнил, что в бытность его министром газовой промышленности пожарные часто укрощали разбушевавшиеся пожары на газовых скважинах и порою очень подолгу. Но то были газовые скважины…

После того, как Щербина объявил о мозговом штурме, досужие умы понесли всякую околесицу. Одни предлагали поднять на вертолете огромный бак с водой и плюхнуть его на реактор. Сам Щербина предложил нагнать в подводящий канал, что был рядом с блоком, водометные катера и оттуда залить водой раскаленный реактор. Но кто-то из физиков убедил, что этого делать нельзя, так как ядерный огонь водой погасить невозможно: вода будет испаряться, и пар с топливом накроет все окрестности, — и эта идея отпала.

Один из досужих на ходу предложил забросать реактор песком и закрыть его, таким образом, наглухо. К сожалению, идею подхватили. Тут же запросили из Киева вертолетчиков.

Заместитель командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майор Н.Т. Антошкин направился с вертолетчиками в Чернобыль. Тем временем правительственная комиссия, наконец, стала решать вопрос об эвакуации. Особенно настаивали на ней представители Гражданской обороны СССР и медики из Минздрава СССР. «Эвакуация необходима немедленно! — горячо доказывал первый заместитель министра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев. — В воздухе плутоний, цезий, стронций… Состояние пострадавших в медсанчасти свидетельствует об очень высоких радиационных полях. Щитовидка людей, детей в том числе, нашпигована радиоактивным йодом. Профилактику йодистым калием никто не делает. Поразительно!..»

Борис Евдокимович подвел итог: «Эвакуируем город 27 апреля. Всю тысячу сто автобусов подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов (замминистра внутренних дел УССР. — *Н.Т.*), прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению, а также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев».

Б.Е. Щербина, замминистра электроэнергетики Г.А. Ташарин и академик В.А. Легасов на вертолете поднялись в ночное небо и зависли над аварийным чет-

вертым блоком АЭС. Щербина в бинокль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. Вся ядерная катастрофа была видна как на ладони…

Итак, запоздалое решение было принято. В 13 часов по радио прозвучало обращение к гражданам о временной эвакуации. В 14 часов эвакуация началась. Но даже списки на эвакуацию не были подготовлены, и милиционеры составляли их на ходу.

К каждому подъезду были поданы автобусы. По радио население еще раз предупредили: одеваться легко, брать с собой только минимум необходимых вещей, так как обещали через три дня вернуть всех обратно. Народ был обманут. Большинство людей послушались и даже не взяли с собой ни продуктов, ни денег, ни легких вещей. А ведь для эвакуации населения даже на короткий срок гражданской обороной предусматривалось определенное наименование и количество необходимых вещей. Будто гражданской обороны в эти роковые минуты и не существовало. Между тем, в соответствии с Положением о гражданской обороне мэр города Припяти является начальником гражданской обороны и лично несет ответственность за ее готовность и действия.

Часть эвакуированных людей была вывезена в населенный пункт Иванково и расселилась по деревням, но многие пошли пешком вплоть до Киева. Огромные толпы людей, женщин с детьми, стариков, шли по дороге и обочинам. Машины часто застревали в этих толпах. Все напоминало о минувшей Великой Отечественной войне.

Очень было трагичным расставание жителей с домашними животными: кошками, собаками. Это была жуткая картина, когда собаки подолгу бежали за автобусами. Уже позже одичавших животных пришлось отстреливать на улицах и дорогах: они были опасны для человека.

В ночь на 27 апреля генерал-майор Антошкин по личной рации вызвал первую пару вертолетов. Но без руководителя с земли вертолетчики в этой обстановке сесть не могли. Тогда генерал взобрался на крышу 10-этажной гостиницы «Припять» со своей рацией и стал руководителем полетов. С этой высоты был хорошо виден аварийный четвертый блок АЭС.

Утром 27 апреля по вызову Антошкина прибыли первые два вертолета, пилотируемые опытными летчиками Б. Нестеровым и А. Серебряковым. Этих летчиков я хорошо знал. Они произвели разведку с воздуха и начертили схему заходов на реактор для сброса песка. Подходы к реактору были весьма опасны, так как мешала главная вентиляционная труба АЭС. На высоте ста метров уровни радиации составляли около 500 рентген в час. А ведь для сброса песка необходимо было зависать над аварийным реактором на несколько минут.

Борис Евдокимович нервничал, так как вертолетчики еще не начали сбрасывать песок в реактор. Но не было ни мешков, ни песка, ни лопат, ни людей, которые грузили бы песок. Первый песок возле кафе «Припять» загружали в машину заместитель министра среднего машиностроения А. Мешков и генерал Антошкин. Это, так сказать, по рекомендации самого Щербины. Потом подключились к этому делу управляющий трестом «Южатомэнергомонтаж» А.И. Антощук, главный инженер А.И. Заяц, начальник управления Н.И. Выпирайло и другие.

Позже Анатолий Иванович Заяц с хуторов колхоза «Дружба» набрал около 150 добровольцев на эти изнурительные работы. Они-то и работали, не покладая рук, на загрузке мешков с песком в вертолеты. Никаких средств защиты тогда не было и в помине.

Первым на «бомбометание» вел вертолет военный летчик первого класса полковник Нестеров. Скорость машины составляла 140 километров в час. Зависали

над щелью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой. Щель была всего метров пять шириной, и нужно было не промазать. Биозащита светилась, будто яркое солнце. Для сброса мешков с песком открывали дверь и на глазок бросали мешки. Никакой защиты на вертолете не было. Это уже позже додумались до свинцовой защиты снизу.

Первые 27 экипажей и помогавшие им А.И. Антощук, А.Ф. Дейграф и Д.И. Токаренко вскоре вышли из строя, и их отправили в Киев на лечение. Радиоактивность на высоте 110 метров из-за сброса песка в реактор значительно повысилась и составляла 1800 рентген в час. Пилотам становилось плохо в воздухе.

По состоянию на 1 мая вертолетчики сбросили 1900 тонн песка. В этот день Щербина сократил план сброса песка наполовину из-за того, что не выдержали бы бетонные конструкции, на которые опирается реактор. А всего было сброшено в реактор около 5 тысяч тонн сыпучих материалов.

Под этим грузом продолжал гореть графит в реакторе. К вечеру 9 мая около 21 часа в образовавшуюся пустоту рухнула эта масса песка, глины и карбида бора. Она выбросила из-под себя огромное количество ядерного пепла, а потому резко возросла радиоактивность на АЭС, в Припяти и во всей 30-километровой зоне. Этот пепел лег на Припять и окружающую местность.

Эффект от сброса песка и прочих сыпучих материалов был невелик, а может, даже и пагубен.

А вот как складывалась ситуация на атомной станции по линии гражданской обороны.

В 1 час 55 минут начальник штаба Гражданской обороны ЧАЭС подполковник запаса С.С. Воробьев был вызван директором АЭС В. Брюхановым по телефону на станцию. Стойка циркулярного вызова должностных лиц была в исправном состоянии, но директор АЭС решил ее не задействовать. Руководящий состав АЭС телефонистка оповещала только выборочно. Что это означает? Нерешительность директора АЭС Брюханова? Скорее, чрезмерная осторожность, «дабы не поднимать лишней паники».

Воробьев, получив распоряжение директора о прибытии, захватил с собой секретаря парткома и в 2 часа 15 минут выехал на личном автомобиле на АЭС, в 2 часа 30 минут они уже были на станции. В это время прибывшие на станцию по вызову Брюханова собрались у встроенного в административно-бытовой корпус убежища гражданской обороны, но войти в это защитное сооружение не смогли, так как никто из присутствующих не знал, где хранятся ключи от входа. А ключи находились у начальника смены. Это тоже показатель формального отношения руководства АЭС к содержанию в готовности защитных сооружений. Всем руководителям был урок. Они стояли и ждали Воробьева. Но Серафим Степанович не побежал в убежище, а взял с собой прибор ДП-5В и один пошел замерять уровни радиации. Стрелка прибора зашкаливала. «Значит, дела плохи», — подумал Воробьев и помчался искать начальство. Долго искать не пришлось, так как все еще стояли у закрытого убежища. Серафим Степанович возмутился: «Если не знаете, где ключи, так уж давно бы взломали замок... Ах да, — добавил он, — еще нужно же суметь открыть герметические двери, а потом снова задраить их...»

Столь раздраженный тон Воробьева был результатом затянувшегося конфликта с руководством станции, порожденного, прямо скажу, наплевательским отношением администрации к нуждам гражданской обороны.

Между тем, Серафим Степанович открыл убежище, и в 2 часа 35 минут руководство спустилось в защитное сооружение. Воробьев доложил о высоких уровнях радиации вокруг АЭС, потребовал срочно разобраться в обстановке и принять меры. Однако директор АЭС Брюханов объявил всему руководящему составу...

начало учения по гражданской обороне, запросил соответствующие документы, на что ушло до 20 минут. Воробьев за это время решил замерить уровни радиации в убежище прибором ДП-5В. Ввиду того, что еще до аварии на ночь была включена система местной вентиляции для проветривания и сушки ограждающих конструкций убежища, то, естественно, радиоактивно зараженный воздух от аварийного реактора попадал во внутренние помещения сооружения, так как фильтровентиляция работала в «чистом режиме». Результаты замеров уровней радиации были доложены Брюханову, который распорядился выдать руководству противогазы и поднять по тревоге формирования гражданской обороны. Сбор формирований, по словам Воробьева, прошел неорганизованно, так как в ночное время эти формирования никогда и никто не поднимал по тревоге и не тренировал. Личный состав прибыл вместо назначенного пункта сбора прямо на станцию. Руководство АЭС этими вопросами состояния боеготовности не занималось.

В 2 часа 40 минут Воробьев по своей инициативе доложил об аварии оперативному дежурному штаба Гражданской обороны Киевской области, после чего лично решил провести детальную радиационную разведку вокруг четвертого энергоблока. Прибор ДП-5В вновь зашкаливал. Результаты разведки были доложены директору АЭС, но он им не поверил. Ясно, Брюханов струсил и все надеялся, что скоро аварию ликвидируют, а потому, дескать, зачем паника? Более того, как бывший военный химик — в свое время окончил академию химзащиты — Воробьев доложил, что след от реактора частично пошел по окраине города Припяти, и нужно срочно оповестить население и принять экстренные меры. Эти же результаты были сообщены в штаб Гражданской обороны Киевской области.

Воробьеву Брюханов приказал повторить еще раз разведку, но тот прежде сел в пожарную машину и поехал с майором Телятниковым на склад НЗ, чтобы выдать костюмы Л-1 и противогазы для личного состава пожарных. Кстати, у пожарных не оказалось ни спецзащиты, ни приборов разведки ДП-5В, а ведь охраняли атомную станцию! Склад находился в убежище. По пути к складу на асфальте были разбросаны куски графита, а уровни радиации даже в машине были значительные. Заместителю директора АЭС по науке Воробьев сообщил, что заметил на асфальте графит и пожарная машина едва его переезжает, в чем тот усомнился — то ли для отвода глаз, то ли действительно не понимая, что произошло. А появившийся главный инженер АЭС Н. Фомин заявил, что реактор «заглушен» и никакого графита не может быть на территории: «Это вам, Воробьев, что-то другое попалось. Это басни, и вы не вносите панику на станцию».

С 5 часов 00 минут до 5 часов 30 минут начальник лаборатории отдела радиационной безопасности станции И.И. Коробейников тоже проводил замеры уровней радиации на границах промплощадки, и значения их в докладе были занижены в сотни раз. Более того, он дезинформировал Брюханова и заявил, что Воробьев распространяет ложные слухи и сеет панику среди людей, к чему надо принять меры, убрать его со станции.

После всего этого Воробьев взял с собой инженера из штаба Гражданской обороны АЭС Е.Н. Соловьева, и с двумя дозиметрическими приборами ДП-5В они выехали на очередную разведку. Разведку провели у административно-бытового корпуса, вокруг четвертого энергоблока, где по-прежнему приборы зашкаливали. Воробьев принял решение провести, разведку по большому радиусу по дороге на город Припять. На перекрестке дорог стоял милиционер без защиты. Ему было предложено покинуть пост ввиду высокого уровня радиоактивного заражения местности, но милиционер пост не покинул.

По возвращении на АЭС в 6 часов 20 минут Воробьев доложил результаты разведки Брюханову, который и теперь не поверил данным. Более того, директор приказал Воробьеву уйти с АЭС и больше не паниковать и не появляться на глаза.

Инженер Соловьев предложил проинформировать об этом инциденте секретаря парткома АЭС. Секретарь парткома все выслушал, но отказался что-либо предпринимать и сказал: «Убеждайте директора». А ведь людей надо было давно снять с постов и убрать со станции!

Халатность руководителей перерастала в преступление на глазах у подчиненных. Все это свидетельствует о проявлении полного невежества и безответственности руководящего состава, о низком уровне профессиональной подготовки по оценке радиоактивной обстановки и ее последствий, а также о недооценке и непонимании своих функциональных обязанностей по гражданской обороне. Но главным в преступном сокрытии масштаба аварии было то, что руководство АЭС забыло о людях, которых обязано было оповестить, уберечь и вовремя эвакуировать в безопасное место. Этого не произошло в первые сутки. Люди гуляли, справляли свадьбы, дети пошли в школу, любители рыбной ловли укатили на рыбалку.

По иронии судьбы накануне, в пятницу, в школах района прошли сборы по гражданской обороне. Дети показали на них очень неплохие знания правил защиты от радиоактивного заражения. И вот в субботу ребятишки, уже прослышавшие об аварии, придя в классы, спрашивали учителей: «Вчера же нас учили, что в подобных случаях нельзя выходить из дому до эвакуации. Почему же мы ходим по улице?» Что было отвечать учителям, если и более ответственные взрослые дяди будто забыли, чему их учили?

В 3 часа 00 минут — 3 часа 20 минут медицинская служба АЭС начала выдачу йодистых препаратов, запасы которых находились в цехах.

В 7 часов 00 минут Воробьев вынужден был открытым текстом доложить радиационную обстановку начальнику штаба Гражданской обороны Киевской области полковнику В.Г. Корнюшину, который после этого прибыл на АЭС, но никаких решительных действий не предпринял...

Как же понимать это парадоксальное, казалось бы, явление. Я уже поделился мнением, что истоком преступления должностных лиц стал страх. Но какова его природа? Чего они боялись? Не все же они трусы от рождения. Да и дальнейшее их поведение на АЭС показывало, что в ряде случаев они не боялись подвергать себя смертоносному облучению реактора. Так что же, борьба за правду, честное признание своей вины для них страшнее смерти?..

Тяжелые испытания не раз ложились на плечи нашего народа. Наверное, до самой смерти сохранятся в памяти ужасы войны, которые пришлось увидеть еще мальчишкой. Земля тогда действительно горела под ногами.

Не обошла война стороной и нашу семью. За месяц до ее начала отца взяли на переподготовку рядового состава. Ему тогда было сорок два года. Мы ждали, вот-вот вернется отец домой. 20 июня 1941 года брат Иван окончил Тамбовское училище и тоже известил нас, что скоро приедет в отпуск. Но ни отец, ни Иван так и не вернулись тогда. Более трех лет мы ждали их возвращения.

А наше село Гремячье — центр тогдашнего Гремяченского района Воронежской области — оказалось в 30-километровой прифронтовой полосе. 7 июля 1942 года при осуществлении операции «Клаузевиц» 6-я полевая фашистская армия направилась от Воронежа вдоль правого берега Дона через Малышево, Юневку и Гремячье. В село фашисты ворвались утром.

Моя память сохранила одну деталь захвата села немцами. В нашем саду уже созревали вишни. День был воскресным. Мама рано встала и собралась на базар, что посередине нашего районного центра, на горе. Я было увязался за ней. Но на этот раз она как будто предчувствовала недоброе и меня на базар с собой не взяла. Я остался у калитки и смотрел ей вслед. Увидел, как к ней на деревянной ноге подошел инвалид дядя Степа. Вдруг со стороны горы на бреющем полете появил-

ся фашистский «мессершмитт» и пулеметным огнем полил нашу деревню. Какое-то мгновение — и дядя Степа, перерезанный пулеметной очередью, упал прямо в ноги моей маме. Она вначале от ужаса остолбенела, потом, поняв, что произошло, закричала громко на все село: «Люди, помогите!» Все, кто услышал крик матери, сбежались, в том числе и семья дяди Степы, но он был уже мертв. Это была первая жертва в нашем Гремячьем.

Мама вернулась домой вся в слезах и в страшном испуге. Мы уселись вокруг нее, как цыплята вокруг заботливой наседки, и она тихонько сказала: «Кончилась и наша мирная жизнь, дети».

Через некоторое время в село ворвались фашисты на мотоциклах. Они облили хату Хрипушиных бензином и запалили. Семья едва успела выскочить в чем есть из дома. Видимо, это был какой-то сигнал, что фашистским войскам можно следовать через этот населенный пункт. Спустя несколько минут на машинах появились моторизованные части фашистской армии.

Несколько позже часть колонны — примерно машин пять-десять — остановилась в Гремячьем. Вот тут мы впервые и увидели настоящих фашистов-головорезов. Как голодные звери, они бросились по домам и выгребли все продукты. Залетели и к нам несколько фрицев. Забрали хлеб, сало, мясо и даже чугунок с кашей. Все мы онемели, а когда они уходили со двора, то я, не понимая опасности, выхватил из ведра с углями головешку и бросил ее в спину одному. Видно, это его особенно не смутило, однако, он повернулся и погрозил кулаком. Зато мама схватила меня и, пожалуй, впервые в жизни дала подзатыльник.

Одновременно ворвались немцы и в райцентр, что на горе. В райотделе милиции дежурил наш сосед милиционер Чернушкин, совсем молодой парень. Заметив приближение немцев, он занял оборону и начал вести стрельбу. Несколько фашистов были убиты. По всей вероятности, когда у него кончились патроны, он попытался убежать в Гремяченский лес, что был неподалеку. Фашисты ранили его и схватили. Там же, на горе, у оврага состоялась казнь милиционера Чернушкина. Немцы согнали почти всех жителей Гремяченской горы, а кое-кто прибежал снизу. Пришли и его родители. Вначале фашисты вырезали на его груди пятиконечную звезду, потом перевернули и вырезали на спине две полоски кожи, а потом уже, после страшных мук, поставили на колени у оврага и расстреляли. Спустя сутки его похоронили в этой ерушке (так назывались у нас овраги). Фашисты не искали семью истерзанного милиционера, но мать и старшая сестра его в тот же день тронулись умом. Сестра и племянник по сей день живут одни на этой усадьбе Чернушкиных…

Лютая ненависть к фашистам рождала неистовую жажду мщения в сердцах односельчан. Ни одного дня не обходилось в Гремячьем без происшествий, вплоть до нашей эвакуации. Ночью после казни милиционера Чернушкина были подожжены фашистские продовольственные временные склады и несколько автомашин. Подпольная комсомольская организация во главе с Иваном Баутиным действовала с первого дня и активно мстила за своих погибших земляков и унижения жителей.

Участились воздушные налеты на Гремячье. Мама распорядилась срочно отрыть в саду две глубокие землянки. Наподобие бомбоубежищ. Старшие братья и сама она отрывали землянки по всем правилам военной науки — Г-образной формы. Расчет на оборудование двух бомбоубежищ у мамы был прост: если в одно из них попадет бомба, то в другом в живых останется хотя бы полсемьи. Так поступали и другие жители. В садах рыли укрытия и маскировали их дерном и ветками. А для меня начиналось практическое знакомство с гражданской обороной, которая впоследствии стала моей военной судьбой.

Фашисты, между тем, настолько обнаглели, что выгребали у нас буквально все

подчистую. Забирали коров, поросят, кур и прочую живность. Для того чтобы не бегать за курами во дворах, они приспособили так называемые колотушки в полметра длиной с резиновыми набалдашниками. Заходит во двор фашистский детина и начинает охоту: бросает такую палку в курицу, и добыча в руках.

За сутки до нашей эвакуации из Гремячьего мы с волнением наблюдали за трагедией в небе. Мама все говорила: «А вдруг там наш Ванюшка?» Бабушка Солоня стояла, плакала и все крестилась и просила: «Господи, спаси наших, спаси наших». Было видно, как фашистский самолет с черной свастикой задымился и упал в Аксенову ерушку.

В воздушном бою был сбит и наш самолет, который пронесся с длинным шлейфом дыма над Гремячьим и упал на окраине села Семилуки, недалеко от огорода колхозницы Прасковьи Ивановны Щеголевой.

В самолете остался живым летчик 825-го штурмового авиационного полка 225-й авиадивизии Михаил Тихонович Мальцев, которому была дана боевая задача — поджечь Девицкий лес, где скопилось большое количество техники фашистов. Раненый летчик при падении потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел двух женщин, которые пытались тушить самолет. Потом они извлекли из кабины летчика и потащили его в хату. И тут одна из женщин вбежала в дом и крикнула: «Тикайте быстрей! Немцы идут!» Прасковья Ивановна позвала старшего сына и велела ему сопроводить летчика по оврагу и далее в лес.

Немцы влетели в дом, учинили обыск и допрашивали Прасковью Ивановну, где летчик. Потом обшарили все небольшое село. Позже подъехали гестаповцы в черных фуражках. Гестаповский офицер начал избивать Прасковью Ивановну, выпытывая, куда спрятали военного летчика. Но Прасковья Ивановна твердила одно: «Не видела, не знаю...» Около десятка разъяренных эсэсовцев долго терзали Прасковью Ивановну, ее мать, детей, требуя сказать, куда исчез советский летчик.

Что стоило Прасковье Ивановне ради спасения всей семьи указать на тот овраг, по которому ушли летчик и ее сын? Но она этого не сделала. Тогда немцы расстреляли всех, кто был в доме, и сбросили тела в погреб. Спустя несколько дней старшая дочь Татьяна, которая жила отдельно, и родственница Екатерина Герасимовна похоронили всю семью во дворе дома. Значительно позже погибшей семье был поставлен памятник.

И таких примеров выполнения патриотического долга было множество среди населения оккупированных сел...

Не раз в трудные минуты чернобыльских событий я задавал себе вопрос: каким образом в народе, не раз проявлявшем такую высоту духа, не раз с презрением смотревшем в глаза смерти, демонстрировавшем чудеса храбрости, самоотверженности, жертвенности во имя общего дела, вдруг находили питательную среду и расцветали пышным цветом такие гнусные пороки, как предательство, трусость, подлость, ложь и клевета? Где их истоки?

Конечно, во все времена были разные люди, в том числе и с самыми низменными нравственными качествами. Но почему же у нас именно такие на длительные периоды оказывались наверху? Что за дикий круговорот событий: люди непорядочные захватывают власть — в центре или на местах, — пользуются связанными с ней благами, доводят нацию до страшных бедствий, для спасения от этих бедствий призывают людей с истинно высоким духом, а когда те сделают свое дело, опять отодвигают их в тень, сами продолжая оставаться наверху? Что это? Закономерность? Неизбежность? Возможно ли, и как порвать этот порочный круг? Какие социальные явления лежат в его основе?

Давно прошли времена, когда несогласие с начальством, отстаивание собственного мнения могло стоить свободы, а то и жизни. И тем не менее... Тем не менее, и сегодня нередко приходится встречаться, скажем, с летчиком-испытателем или сапером, смело смотрящим в глаза смерти, но боящимся поднять голос в защиту правды. А мало ли мы знаем примеров из истории, когда беззакония творились на глазах бесстрашных в прошлом революционеров или когда герои Великой Отечественной, по сути дела, становились молчаливыми соучастниками преступлений власть имущих в конце 80-х — начале 90-х годов?

Разобраться во всем этом очень непросто. По-разному пытаемся мы объяснить эти явления. Говорят о том, что героический поступок на поле брани стоил жизни самому герою, а несогласие с руководством в былые времена угрожало всей его семье. Может быть, и в застойные годы гораздо легче было решиться на разовый мужественный поступок, чем на длительную, изнуряющую борьбу за справедливость, стоящую нервов, здоровья, положения в обществе, материальных благ и для себя, и для своей семьи. Приходилось слышать и другие объяснения.

Как бы то ни было, но способность различать правду и отстаивать ее, иначе говоря, совесть граждан, — это своеобразный иммунитет общества. Ослаб этот иммунитет, и вот уже проникают в общественный организм злокачественные клетки коррупции, лжи, карьеризма. Не будучи опознанными и не получая должного сопротивления, они завоевывают все более широкое жизненное пространство, метастазы поражают все новые и новые органы. Спасти общественный организм можно только объединенными усилиями тех, кто видит опасность и способен с нею бороться.

Особенно велика значимость нравственных качеств сейчас, когда в руках человека оказались такие силы, которые могут принести высочайшие блага людям, но могут привести их и к катастрофе. И если раньше человеку приходилось бороться со стихией, то теперь нередко приходится сражаться с вышедшими из-под контроля опаснейшими продуктами собственного труда, что и произошло в Чернобыле.

Виктор Авдеев

ТРОПИНКАМИ СУДЬБЫ

Воспоминания

Виктор Иванович Авдеев родился 5 марта 1942 года в селе Хохол Хохольского района Воронежской области. В 1972 году окончил факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Владеет испанским и португальским языками. Служил на Кубе с 1962 по 1966 год, работал переводчиком в группе советских специалистов ПВО и ВВС. В течение ряда лет работал в Анголе, Мозамбике, Демократической Республике Сан-Томе и Принсипи и Республике Гвинея (Конакри). Член Союза ветеранов Анголы и Союза ветеранов Карибского кризиса, ветеран боевых действий, воин-интернационалист. Член Союза писателей и Союза переводчиков России. Издал восемь книг поэзии, переводов и воспоминаний. Генеральный директор ООО «Гленорд». Проживает в Москве.

Детство Виктора Авдеева было сродни многим ребятам того поколения. Учился в Хохольской Песчановской школе, потом в Стрелице. Стремился быть лидером и в учебе, и в комсомольских делах. А затем рабочая романтика увлекла парня на Крайний Север, оттуда — на кораблестроительный завод в Николаев, где жила сестра. Но главное началось с армейской службы.

...Батарея управления ракетных войск стратегического назначения, куда я попал служить в ноябре 1961 года, формировалась из новичков. Территориально мы располагались во Всеволожском районе Ленинградской области. В нашем подразделении в основном были призывники с Украины и из Москвы. Стало большой неожиданностью, когда меня избрали секретарем комсомольской организации взвода и редактором стенгазеты.

В августе 1962 года наш метеовзвод сняли с военных учений и вернули на место постоянной дислокации. Наутро командир батареи управления приказал всем привести себя в порядок и повел в штаб бригады. Нас начали вызывать по одному. У всех было необъяснимое волнение по поводу данной процедуры. Мой заход помню до мельчайших деталей, помню даже лица всех пятерых сидящих за большим столом. Когда я доложил: «Рядовой Авдеев по вашему приказанию прибыл!», генерал, сидевший в центре, тихим голосом спросил:

— Вы комсомолец?

— Так точно! — ответил я.

— Готовы ли вы выполнить задание партии и правительства?
— Так точно! — вновь ответил я
— Вы свободны!

В тот же день нам дали команду собрать свои вещи. Это касалось также автомата, противогаза и обмундирования. Как только мы это выполнили, нас повели в парк, где стояла техника. У меня был ЗИЛ-157 с будкой «Кунг», в которой работало отделение вычислителей. Расселись по местам, в моей машине замкомвзвода — старший лейтенант Степаненко. Под вечер, закрепив два прицепа, тронулись в путь. Мы ехали первыми. За нами следовал автомобиль Михаила Бекирова с радиолокационной установкой. В его машине — командир взвода Горячев. Путь был неблизким, от усталости очень хотелось спать, бороться со сном помогала мысль, что мы едем выполнять какое-то важное задание. Учитывая, что скорость была небольшая, только на рассвете мы подошли к Выборгу. Петляя по узким улицам, добрались до железнодорожной станции, заполненной незнакомой военной техникой.

Нам раздали металлические скребки и зеленую краску, доходчиво объяснив, что на машинах не должно остаться никаких следов, свидетельствовавших о военном назначении. Рядом кипела работа по подготовке к погрузке на железнодорожные платформы техники и оборудования дивизиона оперативно-тактических ракет «Луна», в состав которого мы и входили. Нас разместили в вагонах-теплушках, и поезд тронулся в путь. Теперь мы могли хорошенько отдохнуть. Правда, сна опять не было. Всех мучил вопрос, что бы все это значило, куда и зачем нас везут? Очень часто наш состав загоняли в тупики, где он долго стоял. Спустя несколько суток, мы доехали до Лиепаи, где нас ожидал сухогруз «Илья Мечников». Нас отвезли в общежитие и категорически запретили выходить на улицу. В один из дней весь личный состав дивизиона привезли в старую церковь, где посреди зала стояли ряды с аккуратно вывешенной одеждой. Каждому из нас полагалось подобрать для себя плащ, костюм, брюки, одну светлую и три клетчатых рубашки, кепку. Все это было высокого качества. Одежду симпатичные девчонки аккуратно заворачивали и ласково вручали нам в руки. Не ошибусь, если скажу, что на гражданке не всем нам повезло так красиво одеваться. Кроме этого, нам выдали еще по тельняшке и морские брюки. В другой раз нас отвезли в Дом культуры, где выступал Краснознаменный ансамбль песни и пляски имени Александрова. Время пролетело как во сне. Все были в неведении. Догадок и домыслов по поводу наших сборов и возможных маршрутов было очень много. Говорили об Индонезии, Египте, Алжире и о каких-то других неведомых странах. Иногда звучала и Куба, но она была настолько далекой и неизвестной, что всерьез ее никто не принимал.

Переодетые в гражданскую одежду, мы ступили на борт корабля. Первое, что я увидел, был мой ЗИЛ-157, одиноко стоящий по правому борту. Все трюмы сухогруза были забиты пусковыми установками, ракетами, колесной и гусеничной техникой. В одном из трюмов были оборудованы двухуровневые деревянные нары. Их глубина позволяла полностью залезть внутрь, но по высоте это напоминало конуру. Нам выдали спальные принадлежности, и мы с вещмешками заняли свои места. Переодетые в матросские робы, все стали похожи на членов судовой команды.

В момент выхода судна из порта все находились на палубе и с замиранием сердца смотрели на убегающий от нас берег. Начиналась новая жизнь, полная романтики и загадочных приключений. После выхода из территориальных вод нас собрали и предупредили, что с этого момента выход на палубу ограничен. На наших глазах люк трюма задраили с помощью корабельных лебедок, оставив небольшой проем, и включили освещение. Посреди трюма установили кинопроектор и рас-

Виктор Иванович Авдеев

ставили лавки. Так твиндек стал нашим общежитием, столовой и кинозалом на период всего плавания.

Первое блаженство от встречи с морем для некоторых из нас стало улетучиваться. Началась небольшая качка, а вместе с ней и первые признаки морской болезни. Неизвестное досель ощущение мы почувствовали еще ночью, но, боясь признаться в этом, с мужеством терпели до утра, не зная, как избавиться от появившегося недуга. Нам принесли завтрак, однако к нему никто не притронулся — аппетита не было. Было одно желание — выйти на палубу и подышать свежим воздухом. Но делать этого было нельзя, потому что шли вдоль побережья какой-то европейской страны. На небольшое время качка успокоилась, и мы попросили завтрак. Судовой матрос предупредил нас, чтобы мы не злоупотребляли пищей, так как прогноз погоды ничего хорошего не предвещал.

Чтобы скрасить плавание, весь день нам крутили фильмы. Время от времени по громкой связи нас информировали о месте нахождения. Однажды торжественно объявили, что мы в водах Атлантического океана и пригласили занять места в зале. Вышел человек в штатском и с импровизированной трибуны сообщил нам ошеломляющую новость. Сначала он говорил о доверии, которое нам было оказано, а потом с нескрываемым волнением заявил, что мы направляемся на Кубу для выполнения интернационального долга по защите дружественной нам страны. О Кубе, кубинской революции, о Фиделе Кастро мы знали мало. И вдруг такое! Мы едем ее защищать! Прокатилось многократное «ура». Долго не могли успокоиться, а человек в штатском рассказывал о революции, о разгроме десанта наемников в районе Плайя-Хирон, высадившегося с американских военных кораблей, и о красотах тамошней природы. Как всегда, нашлась и ложка дегтя для бочки меда. Он начал делиться с нами сведениями о том, что на Кубе много венерических заболеваний, что контакты с кубинками не только нежелательны, но и опасны. Учитывая, что коллектив был сугубо мужской, говорил он об этом откровенно и красочно, особенно про опасное заболевание под названием «испанский воротничок» и какие-то другие недуги.

С каждой милей в трюмах становилось жарче, очень хотелось прогуляться по палубе, но делать это категорически запрещалось. Участились облеты нашего судна натовскими самолетами. Иногда они пролетали на такой высоте, что, казалось, вот-вот коснутся мачты. Мы прекрасно понимали ситуацию и целыми днями смотрели фильмы. Температура в трюмах поднималась выше сорока градусов. Когда становилось совсем невмоготу, добрый боцман запустил компрессор и стал закачивать воздух через прорезиненный рукав. Сначала все рванули к нему, но от горячего и дурно пахнущего резиной воздуха стало еще хуже. Душу отводили ночью. Кто хотел, наслаждался луной, звездами и плескающимся за бортом океаном. По ночам несколько раз видели подводную лодку, которая, видимо, сопровождала наш корабль.

Позади осталась половина дистанции, когда начался сильный шторм. Волны перекатывались с одного борта на другой, все скрежетало. По-настоящему было страшно, а тут еще морская болезнь, мучившая чуть ли не весь личный состав.

В течение четырех дней многие из нас смогли проглотить лишь несколько кусочков сахара, попытки поесть что-либо существенное заканчивались печально. В целях безопасности во время шторма корабль шел волне навстречу. Со слов членов команды, даже им редко приходилось попадать в такую ситуацию. По их расчетам, мы потеряли в пути около трех суток. Во время разыгравшейся стихии нам также не разрешали выходить на палубу, но теперь уже из-за опасения, что волна смоет кого-нибудь за борт. Когда все прекратилось, мы, обессиленные, с трудом выбрались на палубу и стали приходить в себя. Штормовая погода отрицательно сказывалась на настроении, морская болезнь измотала многих, но несмотря ни на что настроение у нас было боевое.

А тут еще предупредили, что скоро на горизонте покажется Куба. Мы облепили борта. Не знаю почему, но о мерах конспирации к этому времени забыли напрочь. Сразу было видно, что едем как к себе домой. Одновременно раздалось несколько голосов: «Куба!». С этого момента глаз от приближающегося острова никто не отрывал, всем не терпелось быстрее ступить на загадочную землю. Человек в штатском провел последнюю беседу, пожелав всем удачи. Кроме того, он заявил, что с момента прибытия на Кубу все мы становимся «гражданскими лицами», обращаться друг к другу нужно только по имени, а к офицерскому составу — по имени и отчеству. Эта новость нас развеселила, и мы повернулись в сторону своих командиров.

До морского порта оставалось совсем немного, когда «Илья Мечников» бросил якорь и стал на рейде в ожидании очереди под разгрузку. Причалить к пирсу нам разрешили только рано утром следующего дня. Это был порт Мариэль.

...Моя машина стояла на палубе, поэтому ее выгрузили первой. Вслед за ней опустили несколько грузовиков, после чего последовала команда всем водителям взять свои вещи и спуститься на причал. Мне легко удалось завести автомобиль, но, когда я попытался тронуться с места, понял, что за время плавания от морской соленой воды все успело проржаветь до такой степени, что педали сцепления и тормозов не хотели слушаться. Я давил на них со всей силой, но в обратную сторону они никак не хотели возвращаться, я вытаскивал их руками. У меня было всего несколько минут для решения этой проблемы, прежде чем поступила команда: «Вперед!».

Мы ехали в голове колонны, поэтому в нее посадили кубинского проводника. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать, но он выглядел как заправский воин. Наперевес красовался автомат ППШ, на ремне с одной стороны висел штык-нож, с другой — кобура с пистолетом неизвестной мне марки. Я с завистью поглядел на него, и он понял это. Мы внимательно изучали друг друга, но мне все время мешали злополучные педали, за которыми я вынужден был нырять время от времени под рулевую колонку, чтобы вернуть их в исходное положение. Мальчишка рукой показывал, куда нам ехать. Мы пригляделись друг к другу и начали разговаривать, конечно, каждый на своем языке. Сначала дорога шла по безлюдной местности. С обеих сторон тянулись поля, где выращивали неизвестные мне культуры. В одном месте мы увидели стадо коров, и я по-русски проговорил «корова», на что он мне ответил «вака». Немного проехав, я увидел собаку и, указав в ее сторону, сказал «собака». Он отрицательно покачал головой и произнес: «Есе». Это были первые испанские слова, которые я выучил по пути к месту моей дальнейшей службы. Было начало сентября, до кризиса оставалось совсем немного. До сих пор не перестаю удивляться, как «янки» проспали у себя под носом, всего в сотне миль от Флориды, высадку группы советских вооруженных сил с баллистическими ракетами, тяжелой бронетехникой и многочисленным воинским контингентом.

К месту назначения мы прибыли глубокой ночью. Трудно поверить, но в этой

Награды ветеранам Карибского кризиса (В.И. Авдеев крайний слева)

поездке было много странного. Проделав многокилометровый марш-бросок, мы оказались в настоящих джунглях. По указанию проводника я заглушил мотор и с удовольствием вылез из кабины. За мной последовали мои сослуживцы. Рядом появился человек, поздоровался по-русски и спросил, кто из кубинцев был с нами. Но мальчишка будто растворился в темноте. Соотечественник сообщил, что до утра нам придется провести время в машинах, намекнув, что было бы неплохо выставить охрану, прежде чем укладываться спать. Это прозвучало как пожелание. В траве слышались какие-то звуки от ползающих тварей, ребята молча залезли в машины и начали размышлять каждый о своем. За несколько недель произошло столько событий, что в голове это просто не укладывалось. Мы были предоставлены самим себе и стали дожидаться приезда наших товарищей.

Ракетные установки и спецтехнику завозили в темное время суток, остальное доставляли днем. Всю боевую технику разместили в пятистах метрах от нашего городка. Распорядок дня стал принимать характерные черты воинского подразделения. Наряды в караул и на кухню стали нормой нашего внутреннего распорядка, но со своими особенностями. Перед первым заступлением в караул нам раздали листочки, где русскими буквами на испанском языке было написано: «Альто! Кьенва?» («Стой! Кто идет?»). Если объект продолжал идти, следовало кричать: «Альто! Вой асерфуэго!» («Стой! Стрелять буду!») Парадоксально было и то, что мы ходили в гражданской одежде, поэтому сначала не должны были показывать свое оружие. Оно было спрятано в укромном местечке поблизости. Вот и попробуй успеть крикнуть по-испански, услышать и понять ответ, да еще принять решение стрелять или миловать. По сути дела, часовой все время охранял свой автомат.

Кризис набирал обороты. О нем уже говорили в открытую. Американцы обложили Кубу со всех сторон боевыми кораблями. Мы готовились к войне, спали не раздеваясь, держа при себе автоматы и противогазы. Днем и ночью постоянные тревоги. Хотя автопарк с боевой техникой находился неподалеку, бегать ночью в кромешной темноте через заросли и каменные завалы было сложно. Не раз видели пролетающие американские истребители, за которыми гонялись наши МИГи. Обстановка была накалена до предела. Утром 27 октября получили команду рыть окопы по периметру дивизиона. Копали молча. Вдруг свист над головами. Мгновенно распластались на дне окопа и тут же услышали, как что-то тяжелое упало

рядом. Подождали несколько секунд — взрыва не последовало. Тихонько приподнялись и увидели, что страху на нас нагнал упавший громадный лист масличной пальмы. Это ЧП запомнилось еще и потому, что именно этот день принято считать кульминацией Карибского кризиса. Одно из наших подразделений противовоздушной обороны обнаружило американский самолет U-2, летящий со стороны Гуантанамо на высоте свыше 20 тысяч метров. У кубинцев был приказ сбивать любые цели противника, нарушившие воздушные границы, но сделать это обычным зенитным вооружением было невозможно. Аналогичного приказа у советских ракетчиков не было. Время на принятие решения было ограничено, поэтому командир взвода капитан Антонец позвонил в штаб генералу Плиеву, чтобы получить соответствующие инструкции. Командующего на месте не оказалось, но его заместитель отдал приказ уничтожить самолет. Пуск произведен и цель была поражена. Пилот самолета-разведчика Андерсон погиб, став единственной жертвой противостояния.

28 октября во избежание дальнейшего обострения международной обстановки, грозившей перерасти в военное противостояние с непредсказуемыми последствиями, вплоть до мировой войны, правительство СССР согласилось с требованием США о выводе ракет с Кубы в обмен на заверение правительства США о соблюдении территориальной неприкосновенности острова и гарантии невмешательства во внутренние дела страны. Демонтаж стартовых площадок произвели за три дня.

Экстремальная ситуация, а она была именно такой, имела свои плюсы. Прошло не так много времени с момента прибытия на Кубу, но нами была проделана колоссальная работа. Мы стали вполне боеспособной единицей, готовой выступить в любую заданную точку для защиты суверенной свободолюбивой Кубы.

Вопросами урегулирования Карибского кризиса с советской стороны занимался Анастас Микоян. В первых числах ноября он приехал к нам в полк вместе с Фиделем Кастро. Об их визите нас предупредили заранее. Мы выстроились на главной дороге нашего городка, чтобы их поприветствовать. Фидель с Микояном осмотрели все подразделения, включая наш ракетный дивизион. Завершился совместный визит посещением столовой, где они попробовали солдатскую пищу. Когда кубинский лидер уехал, Микоян встретился в клубе с личным составом полка. После небольшого выступления он попросил высказать к нему просьбы. Не сговариваясь, все в один голос прокричали: «Письма на Родину», второй просьбой было пожелание «стариков», у которых шел четвертый год службы, демобилизоваться и вернуться домой. Микоян пообещал, что сразу по прибытии в Москву все наши просьбы передаст в ЦК КПСС. Свои обещания он выполнил. На многие годы почтовым адресатом стала «Москва 400».

Кризис остался позади. Наша причастность к этому событию ничтожно мала, но каждый из нас достойно и гордо прожил эти тревожные дни, которые до сих пор трогают и греют душу. Это было время прекрасных и теплых отношений друг к другу, царила неподдельная дружба. Теперь жизнь становилась рутинной, все успокоились. Надо было возвращаться в колею солдатской жизни.

Участившиеся контакты с кубинцами пробудили во мне интерес к изучению испанского языка. Сначала это было робкое общение на пляже, в магазинах, где мы покупали открытки, а также прослушивание местного радио, откуда постоянно звучали революционные призывы. К этому времени меня назначили постоянным дежурным по автопарку. Это было в некотором роде бюро пропусков на территорию, где находилась наша боевая техника. Чтобы не скучать, целыми днями листал кубинские журналы и газеты, пытался их читать вслух, правда, не зная особенностей произношения. Для учета военнослужащих, находящихся в автопарке, был журнал, который я прятал в ящике стола. Как-то, заступив на очеред-

ное дежурство, обнаружил в нем пять песо. Со спокойной совестью забрал их, но рассказал об этом своим близким друзьям: Дятлову, Бекирову и Яхно. Мы решили, что потратим деньги в солдатском кафе, однако судьба распорядилась по-другому. На следующий день я встретился со знакомым из соседнего подразделения. В руках у него был испанско-русский словарь на сорок три тысячи слов, который ему кто-то подарил. Я, недолго думая, предложил ему за этот словарь всю найденную сумму. Устоять перед таким предложением он не смог, и сделка была успешно завершена. С этого момента моя жизнь наполнилась новым содержанием. Язык для меня стал каким-то наваждением, я стал учить все слова подряд, за исключением тех, смысл которых не знал по-русски. В день осиливал по несколько десятков слов и выражений. Когда появлялась возможность, пытался говорить с кубинцами, но они меня практически не понимали. Это меня злило. Проблема была в том, что я не мог правильно читать и запоминал все на свой лад. Понемногу я разбирался с дифтонгами, трифтонгами и другими характерными чертами кубинского испанского языка и дошел до уровня свободного общения на бытовые темы. И еще я приобрел два прекрасных учебника, изданных для слушателей московского института военных переводчиков.

С каждым днем наше общение с кубинским населением становилось более тесным. Этого требовала повседневная жизнь. Офицерский состав вспомнил про дни рождения, звания, свои и кубинские праздники, а чтобы это отмечать, требовалось спиртное и продукты. Нужны были связи на ликеро-водочных заводах, на оптовых базах и сельхозпредприятиях. Кубинцы охотно шли на контакт и делились с нами всем, чем могли. Мои познания в языке стали востребованными. Время от времени я выезжал с офицерами в город для разрешения хозяйственных нужд дивизиона и полка в целом.

Важным рубежом в нашей жизни стало обучение кубинцев правилам пользования советской боевой техникой. Офицеры начали готовить учебные материалы к проведению теоретических занятий. Тут же возник вопрос о переводе лекций на испанский язык, для чего к нам прикомандировали кубинцев, недавно окончивших краткие курсы русского языка. Переводчиков было мало, уровень знаний военной терминологии был таким низким, что эффективность перевода сводилась к нулю. Командир взвода Леонид Константинович Горячев попросил меня сделать письменный перевод. Тематика была известной, поэтому, обложившись словарями, я с божьей помощью приступил к работе. В течение нескольких дней и бессонных ночей мне удалось осилить несколько разделов, после чего Леонид Константинович предложил командиру дивизиона официально провести меня как переводчика на весь период подготовки будущих кубинских коллег. Теперь, благодаря официальному статусу переводчика, у меня появилась возможность заниматься языком сколько угодно.

Теоретическая подготовка кубинцев, длившаяся более двух месяцев, завершилась сдачей экзаменов. Прежде чем передавать технику кубинской стороне, нужно было провести стрельбы боевыми ракетами. Дальность полета ракет составляла от 25 до 50 километров, необходимо было подобрать пригодное для этих целей место. Им стал остров Пинос (Остров молодежи). Под покровом ночи, в сопровождении полицейских пусковые установки и вся техника метеовзвода были доставлены в морской порт, а оттуда — на импровизированный полигон. Времени на предпусковую подготовку было мало, но мы успели в первый же день развернуть технику и произвести несколько запусков аэрозондов для получения атмосферных характеристик этого сказочного острова. Кубинцы внимательно следили за действиями наших специалистов. Стрельбы были назначены на 11 часов следующего дня. И мы, и кубинцы оставшееся время провели в сильном волнении. Едва забрезжил рассвет, все отправились готовить технику. Запустив электростанцию,

мы обнаружили, что напряжение в 220 вольт на РЛС не поступает. Нас охватил ужас, когда мы увидели, что вся проводка была изуродована до такой степени, что в полевых условиях отремонтировать ее было невозможно. Запитаться от городской сети нельзя. Сорвать пуски мы не имели права, поэтому начали искать выход из этой ситуации. Небо было таким же голубым и чистым, как накануне, погода нисколько не изменилась. Проанализировав ситуацию, решили использовать уже имевшиеся данные — другого выхода не было. Риск — благородное дело. К этому времени гости во главе с Фиделем Кастро разместились на крыше близлежащей гостиницы. По команде мы расчехлили пусковые установки с ракетами и произвели первый выстрел. Сигарообразная, блестящая в лучах света ракета вздрогнула и рванула вперед. Набрав необходимую высоту, она выровнялась и полетела в сторону цели — старинного полуразрушенного замка. С наблюдательного пункта сообщили, что точность попадания была великолепной. После консультации с лидером кубинской революции, был совершен еще один запуск. Позже меня еще не раз приглашали на практические стрельбы в танковые и артиллерийские подразделения.

О ЧП с подачей электроэнергии на РЛС, насколько мне известно, была информирована кубинская сторона. Результаты расследования нам неизвестны. Не исключено, что это была преднамеренная порча, совершенная кем-то из врагов кубинской революции.

Пока на Кубе шла повсеместная подготовка к передаче техники, жизнь открыла передо мной интересную перспективу — меня пригласили в учебный отдел бригады и сообщили, что я включен в список кандидатов для поступления на курсы переводчиков. Спустя некоторое время, меня вызвали вновь и сказали, чтобы я прибыл для прохождения мандатно-экзаменационной комиссии. С большим волнением дождался утра и отправился в штаб. Вызывали по одному человеку. Это мне напомнило собеседование перед отправкой на Кубу. Правда, теперь весь разговор шел на испанском языке. Вопросы носили общий характер, и по настроению сидящих там людей я почувствовал, что экзамен выдержал. Меня поблагодарили и сказали, что будут рекомендовать на учебу.

Через несколько дней стало известно, что подготовка переводчиков будет проводиться силами преподавателей, которые прибудут из Москвы в ближайшее время. Со всей Кубы нас собралось около тридцати человек. Местом учебы стала наша бригада. К этому времени по приказу министра обороны Р.Я. Малиновского мы были демобилизованы из рядов Вооруженных Сил и переведены в ранг служащих Советской армии (в целях сохранения воинской дисциплины от нас это держали в тайне до конца завершения курсов). В соответствии с этим каждому из нас была назначена зарплата в рублях и сертификатах-чеках с желтой полосой — от Государственного комитета по экономическим связям.

Курсы возглавил полковник Минин, автор испанско-русских словарей. Вместе с ним прибыли ведущие преподаватели ряда московских вузов. График учебы был настолько плотным, что нам приходилось заниматься даже после отбоя. Все учебные группы формировались с учетом специфики будущей работы. Лично я был зачислен во взвод противовоздушной обороны. Мы учили терминологию, связанную с ракетными зенитными комплексами, радиолокационным оборудованием, особенностями ведения боевых действий и т.д. Много внимания уделялось письменным переводам инструкций и положений. В течение короткого времени преподаватели помогли разобраться в грамматических особенностях языка. Мы также значительно пополнили свой словарный запас. Завершились курсы сдачей экзаменов и распределением по местам предстоящей работы. Попрощавшись с сослуживцами из метеовзвода и поблагодарив своего командира дивизиона, я навсегда покинул расположение части.

Моя работа в качестве переводчика началась в ракетном дивизионе противовоздушной обороны, расположенном в провинции Пинар дель Рио. Я был поглощен своей работой и находился в полной гармонии со своим статусом. Обстановка в коллективе была прекрасной. Офицеры увлеклись изучением испанского языка, некоторые из них уже неплохо усвоили техническую терминологию и могли спокойно общаться со своими «подсоветными». Кубинцы тоже старались учить русский язык, что положительно сказывалось на наших взаимоотношениях и на общей работе. Однажды к нам приехала с инспекционной проверкой группа старших советников из Генерального штаба ПВО и ВВС с кубинским руководством. Переводчика они привезли с собой, поэтому мой начальник посоветовал не мозолить глаза важным персонам и остаться в общежитии. Через полчаса наш советник позвал меня помочь «торезовскому студенту», которого кубинцы не понимали.

В отличие от наших советников я ходил в кубинской военной форме, поэтому наши гости приняли меня за местного переводчика. После завершения проверки руководитель советской группы спросил, где я так хорошо выучил русский язык. Мне пришлось признаться, что я русский и работаю тут, на базе. Прощаясь со мной, он спросил, не хотел бы я поработать в столице. Не дожидаясь ответа, сел в машину и уехал. Через неделю «студента» на джипе привезли на военно-морскую базу, а меня на той же машине увезли в Гавану, где я стал переводчиком советника при главном инженере ПВО Революционных вооруженных сил Кубы. Советническую инженерную группу возглавлял Михаил Муратович, армянин, человек суровый, никогда не улыбающийся. Подчиненных он держал в строгости, а так как он был еще и трудоголиком, никому спуска не давал.

Дивизионы ПВО стояли на всех стратегически важных направлениях, но, в первую очередь, прикрывали столицу, административные центры и важные экономические объекты. Мы исколесили страну, добираясь до стартовых площадок всеми видами транспорта. Необходимость в поездках возникала постоянно. В то время нужно было иметь много терпения, чтобы работать с кубинцами. Мы проводили массу времени в томительных ожиданиях наших кубинских коллег: они умудрялись опаздывать даже в тех случаях, когда для поездки нам выделялся спецсамолет и сообщалось точное время вылета. У нас с ними были прекрасные отношения, поэтому мы не скрывали своего возмущения, а они, как всегда, говорили нам свое любимое словечко «маньяна», то есть «завтра» они не опоздают. Но ничего не менялось, мы опять ждали и опять возмущались. Спустя годы, точно с такой же ситуацией сами кубинцы столкнулись в Анголе и других африканских странах, где выполняли интернациональный долг и учили своих африканских коллег навыкам боевых действий.

Советническая инженерно-техническая группа центрального аппарата ПВО насчитывала около тридцати человек, включая членов семей. Мы проживали в отдельных благоустроенных домах в пригороде Гаваны. В городке были все условия для беззаботной холостяцкой жизни, включая столовую, промтоварный магазин, клуб с танцплощадкой, который ревнивые мужья много раз пытались прикрыть или хотя бы сократить количество танцевальных дней. В Гаване масса исторических мест, связанных с первыми испанскими поселениями, богатой архитектурой, религией, военно-историческими памятниками. Нигде в мире нет такого музея, посвященного Наполеону Бонапарту, как на Кубе. Не менее интересным является Дом-музей Эрнеста Хемингуэя близ Гаваны, где он написал свою знаменитую повесть «Старик и море». Почти в центре города располагался замечательный аквариум с морской водой. Будучи переводчиком, я с каждой группой новых сотрудников регулярно посещал эти музеи, но больше всего мне нравилось бывать «У Наполеона». Гидом там работала молоденькая красивая кубинка Наташа, с которой мы подружились и время от времени встречались. Родители дали

ей имя в честь Наташи Ростовой из «Войны и мира», и в этом тоже было что-то загадочное. К посещениям злачных мест у нас всегда было отношение особенное, но, хотя прямых запретов ходить в ночные клубы не было, мы делали это осторожно.

Переводческая работа мне очень нравилась, поэтому я совсем не замечал, как летело время. В течение первого года мы жили в одном доме с Анатолием Канунниковым, прибывшим в Гавану из МГПИИЯ имени М. Тореза. После его отъезда в Москву, я пошел на повышение — меня взял к себе старший советник при ПВО и ВВС Кубы Борис Павлович Кравчук, а на мое место пригласили парня из провинции. Как мгновение пролетели полтора года работы в качестве переводчика. Наступило время моего первого отпуска. С момента призыва в армию прошло более четырех лет, которые многое изменили в моей жизни. Я достойно отдал долг Родине, а армия помогла мне определить дальнейший жизненный путь. Свой замечательный отпуск я провел в Николаеве и Воронеже. Возвращаясь на Кубу, я привез с собой учебники по русскому языку, литературе, истории и пособие для поступающих в высшие учебные заведения. Решение о поступление в вуз я принял после того, как встретился с Анатолием Канунниковым, у которого несколько дней прожил в Москве в институтском общежитии. Один из преподавателей провел со мной собеседование. Услышав положительный отзыв и предложение поступить к ним, я воодушевился, однако позже, оценив свои возможности, решил, что поступать мне надо на факультет романо-германской филологии Воронежского госуниверситета. Впереди был год упорного труда. Помочь никто не мог, поэтому я все свободное время самостоятельно перечитывал учебники, наверстывая то, что было упущено в школьные годы.

Вскоре на замену старшему советнику Кравчуку прибыл полковник Панин Николай Иванович. Мягкий по характеру в быту, новый шеф был крайне требователен в служебных делах и не терпел разгильдяйства со стороны подчиненных. Он ввел в качестве обязательных занятия наших специалистов с кубинским персоналом, мы стали чаще выезжать с инспекционными проверками в провинции.

Вся внутренняя жизнь советнической группы регулировалась уставными требованиями. Общественная жизнь советской колонии определялась требованиями нашего посольства, торгпредства и других ведомств. Под руководством комсомольской организации, как и везде в советские годы, жизнь била ключом. Проводились массовые мероприятия, мы даже выступали на национальном телевидении совместно с известными кубинскими артистами. Из Москвы в Гавану регулярно приезжали творческие коллективы и спортивные делегации, среди них были Майя Плисецкая, Борис Брунов, Валерий Брумель, Виталий Попенченко, Виталий Агеев и другие.

Зенитные комплексы, поставленные Советским Союзом Кубе, предназначались для защиты воздушного пространства, но островное государство может с большей долей вероятности стать жертвой нападения с моря, как это и произошло в апреле 1961 года, когда в Заливе Свиней высадились контрреволюционеры при поддержке судов военно-морского флота США. Охрана морских рубежей становилась приоритетной задачей в обороне молодого латиноамериканского государства, поэтому было принято решение задействовать средства ПВО. Для этого из Москвы прибыло несколько специализированных бригад, задачей которых являлось внесение конструктивных доработок, позволяющих использовать зенитные ракетные комплексы по надводным и наземным целям. Личный состав кубинских ракетчиков при консультативной поддержке наших советников был готов к осуществлению пусков.

Если для проведения пусков тактических ракет «Луна» был использован остров Пинос, то стрельба по воздушным и надводным целям предполагала пуски в

сторону моря и только с основного острова. Для решения вопросов, связанных с подбором полигона и выработкой рекомендаций кубинской стороне, в Гавану прибыл дважды Герой Советского Союза, маршал авиации Е.Я. Савицкий. В аэропорту его встречал министр обороны Кубы Рауль Кастро. Меня закрепили за маршалом в качестве переводчика. Маршалу был предоставлен вертолет, на котором мы исколесили все побережье острова, пока не нашли подходящее место. Учитывать нужно было не только характеристики густонаселенных рыбачьих поселков, но и опасности, связанные с пролетом иностранных самолетов вблизи Кубы. Международный скандал был не нужен ни Кубе, ни Москве. На протяжении нескольких месяцев каждую субботу проводились стрельбы, были выпущены десятки ракет, что позволило кубинцам в совершенстве освоить зенитно-ракетный комплекс. На показательных стрельбах побывали Фидель и Рауль Кастро, делегации дружественных стран. В эти дни устраивали настоящие боевые шоу с участием военно-воздушных сил, артстрельбой и с использованием гранатометов.

Наступило время отъезда на Родину. С одной стороны, хотелось скорее вернуться домой, к своим близким, а с другой — было жалко расставаться с Кубой, с кубинскими друзьями. Я благодарен Богу и судьбе, что в моей жизни был такой светлый период, оставивший самые добрые воспоминания о моих сослуживцах и товарищах. Более подробные описания можно почитать в моих книгах.

В общей сложности вне дома я находился более шести лет. Позади остался Мурманск, служба в армии и двухлетняя переводческая деятельность с нашими военными советниками при ПВО РВС Кубы. Я вернулся домой, имея за плечами приличный жизненный опыт. У меня было прекрасное материальное обеспечение, что позволило купить собственный автомобиль, а это тогда было большой редкостью. Меня не оставляла мысль получить высшее образование. Казалось, все было хорошо, но не было постоянного местожительства. В Николаеве я прожил несколько месяцев. Женился и уехал в Воронеж, чтобы начать новую жизнь.

В Воронеже сразу пошел в обком комсомола и объяснил свою ситуацию. Как участнику Карибского кризиса мне с женой помогли устроиться на работу аппаратчиками на завод синтетического каучука (СК) имени Кирова с пропиской в общежитии. Правда, жили мы на съемной квартире. В течение года я посещал рабфак при Воронежском госуниверситете, а затем поступил на дневное отделение факультета романо-германской филологии. К этому времени у нас родился сын. На экзаменах я набрал 18 баллов, хотя мне, как отслужившему действительную службу, хватило бы и 12-ти. Это был 1967 год. За учебную парту я сел вместе с ребятами, которые были моложе меня на 5–6 лет. Для начала я возглавил добровольную народную дружину, а чуть позже меня избрали секретарем комсомольского бюро факультета, которым я и был вплоть до пятого курса. Мои отношения с преподавателями были скорее дружескими. Несмотря на занятость по общественной работе, я успешно учился, получал повышенную стипендию. По завершении военной кафедры и соответствующих военных сборов в Гороховецких лагерях получил звание лейтенанта и должность командира взвода противотанковых орудий.

На пятом курсе стал членом КПСС. В то время в университете благодаря замечательным людям, возглавлявшим комсомол, таким как Виталий Кордаш, Николай Семенов, Михаил Есипов, студенты по-настоящему были вовлечены в общественно-полезную работу. В рамках «Университетской весны» проводились конкурсы художественной самодеятельности, где студенты нашего факультета были бессменными финалистами. Весьма плодотворная работа проводилась и в рамках Интернационального клуба. Я очень признателен декану факультета Хосе Морено Пальи, Валентине Алексеевне Белоусовой, Долорес Баскес, Ирине Евгеньевне Крымовой, Николаю Александровичу Голицыну — потомку великого рода и многим-многим

другим. После завершения учебы в университете Николай Александрович по моей просьбе писал на меня рекомендательное письмо для поступления на Высшие курсы КГБ СССР. Хочется также поблагодарить Наталью Александровну Фененко, Валентину Васильевну Гритчину, которые достойно сохраняют традиции нашего факультета. Самая добрая память у меня и о сокурсниках — Валентине Дмитриевой, Светлане Белобородовой, Татьяне Новиковой, Владимире Шмиголе, Владимире Лапине, Нине Шульга, Галине Чурсиной, Сергее Полякове, Михаиле Теплицком и других. К сожалению, связь со многими утеряна…

Куба и все, что было связано с этой страной и Латинской Америкой вообще, стало частью моей жизни на долгие годы. Когда я учился на разведывательных курсах КГБ СССР, был уверен, что буду работать именно в этом регионе. Однако случилось так, что к этому времени бывшие португальские колонии Ангола, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Гвинея (Бисау) и Острова Зеленого Мыса стали независимыми государствами, и с ними установились тесные взаимоотношения. Изучение португальского языка повлияло на определение региона моей профессиональной деятельности.

Первая командировка была в Анголу в 1977 году. Военно-политическая обстановка в этой стране была крайне сложной. По периметру национального аэропорта виднелись зенитные установки, в укрытиях — бронемашины и танки. Солдаты, вооруженные автоматами Калашникова, вели патрулирование всех значимых мест. Среди встречавших я узнал кубинцев. Кроме двух командировок, я несколько раз выезжал в Анголу в составе рабочих делегаций.

С 1982 по 1986 год мне посчастливилось работать в качестве официального представителя КГБ СССР в Демократической Республике Сан-Томе и Принсипи, а с 1991 по 1994 год — в Мозамбике. Все это время вместе с кубинцами занимался подготовкой кадров для национальных спецслужб.

ОБНОВЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Стихи и переводы

ТИХИЙ ДОН

Тихий Дон ласкает берега,
Шепчутся о чем-то камыши.
Как пирамиды, высятся стога,
Да пенье птиц разносится в тиши.

От свежескошенной травы
кружится голова,
Ковром ложатся васильки, ромашки…
Степной простор, да неба синева
И потом просоленные рубашки.

Украсил всех нас бронзовый загар,
Нам труд не в тяжесть — он для нас потеха.
В семнадцать лет, когда в душе пожар,
Он как звезда, ведущая к успеху.

ВЗМЕТНУЛАСЬ ВВЕРХ

Взметнулась вверх кудрявыми ветвями,
Противишься дождям, снегам, невзгоде.
За сотни лет характер стал упрямей,
Что свойственно вполне твоей природе.

Ты чаще шла крестьянам на потребу,
Всегда была ты под рукой.
Нужны дрова, плетни или корзины,
тебя рубили — вербу,
Несли вязанками домой.

Тебя небрежно называли
То хворостом, то мелкими кустами.
Пристанищем служила для пернатых,
Что вили гнезда в зелени густой.
Росла везде: вдоль берега, у хаты.
Судьба твоя была, конечно, непростой.

Ты не могла сравниться ни с березой,
Ни с елью, не говоря уже о дубе.
Однако говорю вполне серьезно,
Что вспоминал тебя и на далекой Кубе.

Лишь изредка с людского позволенья
Ты горделиво крылья расправляла
И вне всякого сомненья
О своей мощи заявляла.

Могла ты вымахать и в три обхвата,
Шагнув из века в век другой.
Взирать достойно с высоты на хаты
И охранять их бережно покой.

На Песчановке, где прошло мое детство, не было ни лесов, ни садов.

Самым распространенным деревом была верба.

Она, как правило, высаживалась так, чтобы являться границей земельных наделов. Для нас вербы были местами уединений и совместных детских игр.

А когда повзрослели — местами для свиданий.

С тех пор прошло много лет, но вербы, посаженные еще нашими дедами, растут.

БАННЫЙ КАМЕНЬ

Из года в год из-под горы,
Известной всем, как Меловая,
Природа нам несет дары,
Со щедростью, не уставая.

Всякий раз после зимних морозов,
По весне от солнечных лучей,
Гора источает белые слезы,
Превращая их в бурный ручей.

Вместе с молочным потоком,
Ну, просто всем на удивленье,
Словно вприпрыжку
да с прискоком
Несутся странные каменья.

Булыжники бурого цвета
Дарят нам недра земли
С весны до середины лета,
Когда выводят птенцов соловьи.

Есть чудо это в каждой хате,
Где любят бани русской пламень,
А называют его, кстати,
В народе просто — банный камень.

СЛЕЗЫ-НЕВИДИМКИ

Что ж вы, слезы-невидимки,
Спутники моих тревог,
Заблестели, словно льдинки,
И пустились со всех ног.

Удержать я вас не в силах,
Человек — вам не указ.
Видно, боль невыносима
И для сердца, и для глаз.

Кап-кап-кап, достигли цели,
Прокатились по щеке,
Чуть подсохли и присели
Сединою на виске.

Цезарь Гомес Чакон

Куба

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ТАНЦУЕТ ОДНА

Женщина, летающая в танце на гране вздора —
Сладкий цветок бушующей весны,
Свободная душа, не замечающая взоров,
Но с верою в любовь и благостные сны.
Одна танцует, чтоб поубавить ненависть и зло,
От уличной среды избавиться не чает,

Включая тех, кому всерьез не повезло,
И тех, кто никогда не видел ласки в дни печали.
Женщина кружится в танце под луною,
Прекрасно смотрятся в ночи ее глаза.
Ее душа не рвется к встрече со звездою,
В ее улыбке свет и чудеса.
В ночной тиши ловлю твой взгляд,
Ты к одиночеству стремишься.
Куда-то вдаль слова твои летят,
Своих признаний ты боишься.
Никаких обещаний давать не спешу,
Лишь поэму на память тебе напишу,
И признаюсь я честно, не скрою,
Буду рядом повсюду с тобою.

СИГНАЛЫ

В моей комнате навязчиво моргал свет,
предостерегал, призывал к бдительности, говорил мне,
что ты собралась покинуть меня.
Я этому не верил.

В твоих глазах отражался настойчивый блеск,
умоляющий, взывающий, требующий,
чтобы я не дал тебе уйти.
Этого я тоже не увидел.

Память подсказывала, что-то щемило в груди,
я чувствовал дрожь, боль, что-то убивало меня,
чтобы я остановил тебя.
Я этого не услышал.

Было столько света,
столько блеска,
столько намеков,
я все это видел…

Было столько любви в моей груди
столько света в душе,
столько сигналов в моей комнате,
но я их не ощутил.

Теперь я верю, слышу, чувствую,
представляю все так ясно,
но понимаю, что уже поздно,
очень поздно…

Сигналы не обманывают,
обманывают свет, желания,
воспоминания…
Обманывает любовь,
однако, в нее надо верить.

Теперь я знаю,
знаю очень хорошо, как и когда я тебя потерял…

Марио Бенедетти

(1920–2009)

Уругвай

СИНДРОМ

У меня почти целы все зубы,
Практически, сохранились все волосы,
И почти нет седины.
Могу заниматься или не заниматься любовью,
Как дважды два, взбежать вверх по лестнице
И пробежать сорок метров, догоняя автобус.
Это говорит о том, что я не должен чувствовать себя старым.
Но, вся проблема в том, что раньше
На все эти детали я не обращал внимания.

Аугушто Жиль

(1873–1929)

Португалия

ПОСПЕШАЙ МЕДЛЕННЕЕ

Направился садовый слизняк
С намерением жениться в Лиссабоне
На одной красавице улитке.
Шел медленно,
Передвигаясь со всем своим удобством,
Декламируя вслух,
Баллады, оды, сонеты…
Ну, вот и город!
А у невесты уже выросли внуки…

Федерико Гарсия Лорка

(1898–1936)

Испания

ОБНОВЛЕННОЕ СЕРДЦЕ

Сердце мое, хотя не змея,
Покинуло тело и кожу.
Теперь на ладонях лежит у меня
И стало мне ближе, дороже.
Вижу на нем я следы от ран,
А также горечь и обман.

Мне так хотелось бы узнать,
Где в нем гнездится мыслей рать?
Где ароматы роз и хны
Для Христа и Сатаны?

Ты всего лишь коварный сосуд.
В тебе не хватало всегда доброты,
Меня заставляло нередко страдать
И разрушало мечты.

Не вернуться уже в детство
В мир иллюзий детских снов.
Стало ты осколком сердца,
Предметом спора мудрецов.

Я оставлю тебя у музейной ограды
На грядках увядших роз.
Подальше от солнца, в прохладе,
С избытком эмоций и горечью слез.

А не посадить ли тебя на вершину ели,
Книгу страданий моей любви?
Чтоб ты послушала, как на рассвете
Поют сердечно соловьи.

Валентин Котюх

ОСВОБОЖДЕНИЕ

(Изгнание фашистских захватчиков с родной земли)

ВСТРЕЧА У НИЖНЕЙ ВЕДУГИ

Шел январь сорок третьего года...
На Дону бушевали снега,
По шоссе, не давая прохода,
Навалила сугробы пурга,
В эти дни не бураны донские,
Обагренная степь в янтаре.
Это воины наши лихие,
Бой кровавый
Вели в январе.

Иван АНТОНОВ.
(будущий мордовский писатель)
Газета «Родина зовет». 141 сд

141-я стрелковая дивизия подполковника Семена Сергеевича Рассадникова 14 января 1943 года, в ходе Острогожско-Россошанской операции наносила удар со Сторожевского плацдарма на север, вдоль реки Дон. Ее поддерживали подразделения 14-й истребительной бригады полковника Николая Георгиевича Сыроваткина, которая находилась в подчинении дивизии. В состав 14-й ибр входили отдельный штрафной батальон 40А майора Андрея Федоровича Остапенко и учебный батальон 305-й сд.

Слева от дивизии Рассадникова наступала 253-я отдельная стрелковая бригада полковника Александра Петровича Крутихина, поддерживаемая 16-й истребительной артиллерийской бригадой подполковника Ивана Владимировича Купина (будущего Героя Советского Союза) и 20-й гвардейской минометной бригадой гвардии подполковника Михаила Никитовича Богдана.

Части освободили в тяжелых, кровопролитных боях придонские села Борщево, Архангельское, Александровку, Костенки, Яблочное, Россошки, хутор Долженки и другие населенные пункты.

Развивая наступление, уставшие, поредевшие пехотные подразделения уперлись в оборону немцев и венгров в районе хуторов Прокудино, Парнишный (сейчас Парничный), Перерывный, Хмелевой лес и сел Рудкино, Кочетовка, Семиде-

ОНИ ОСВОБОЖДАЛИ ХОХОЛЬСКИЙ РАЙОН В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА

Герой Советского Союза командир танковой роты старший лейтенант **Захарченко Павел Федорович**

Герой Советского Союза командир 16-й истребительной бригады **Купин Иван Владимирович** (*послевоенное фото*)

Герой Советского Союза командир 605-го стрелкового полка 232-й стрелковой дивизии **Васильев Григорий Семенович**

сятное. Фашисты здесь успели построить опорные пункты по господствующим высотам с отдельными промежуточными позициями, связывающими вражеские укрепления между собой. Окраины населенных пунктов захватчики укрепили земляными сооружениями в виде окопов, траншей и снежных валов высотой до двух метров. Танковые направления и отдельные опорные пункты они прикрыли минными полями из противотанковых мин нажимного действия в комбинации со шрапнельными минами натяжного действия, заминировали дороги, построили дзоты, в лесах замаскировали артиллерийские позиции, разместили наблюдательные пункты на ветряных мельницах.

Дома местных жителей враги превратили в огневые точки, а подвалы приспособили под блиндажи и соединили их ходами сообщения.

Нашим войскам не хватало боеприпасов, которые вынуждены были подвозить по снежному бездорожью на расстояние 120 километров, отсутствовали подробные карты местности. Дивизии вели наступление на фронте более 30 километров. Противостояли советским воинам части 9-й и 6-й пехотных дивизий венгров и 57-й и 68-й пехотных дивизий немцев.

БОИ ЗА ПРОКУДИНО И ХМЕЛЕВОЙ ЛЕС (141 сд)

19 января 1943 года поредевшие подразделения дивизии выбили противника из хутора Россошка и повели наступления на Прокудино, Кочетовку, но остановились от сильного пулеметного и артиллерийского огня захватчиков. Противник, чтобы вернуть себе отвоеванные у него позиции, бросает в бой 169-й лыжный батальон 68-й пехотной дивизии немцев и до двух батальонов сводных отрядов 9-й и 6-й дивизий венгров, которые в схватке с красноармейцами были полностью уничтожены. Противнику не удалось отвоевать освобожденный хутор, однако попытки выбить дивизию в снежное поле не прекращались.

На следующий день воины 745-го полка в ходе десятичасового боя отбили три контратаки противника со стороны Прокудино. На белом снегу остались лежать 150 врагов. Несмотря на потери, захватчики к хутору перебрасывают новые подкрепления из Ивановки, Никольского.

Одновременно бойцы 141-й дивизии дерутся за хутор Хмелевой лес. В боевом журнале части записано: «Под хутором Хмелевой лес взвод сапер производил разминирование местности. Внезапно на бойцов напала в несколько раз превосходящая по численности группа противника. Саперы приняли неравный бой. В рукопашной схватке они истребили большую часть

гитлеровцев, а остальных обратили в бегство. Политрук Андрей Андреевич Карев и лейтенант Валентин Константинович Клименко погибли в этом бою, руководя отважными действиями саперов. Саперы за время наступления проложили свыше 150 км колонных путей, сняли тысячу мин».

В том бою погиб командир 2-го батальона капитан Григорий Михайлович Васин, смертельно ранен капитан Степан Иосифович Дегтярев и лейтенант Сизиков, пришедшие на помощь минерам со своими подразделениями.

Для укрепления дисциплины в венгерских частях немцы расстреливают, вешают союзников-венгров, дрогнувших перед наступающими советскими войсками. Под страхом смерти они заставляют их держать фронт. Фашистское командование понимает, что с прорывом линии фронта под угрозой окружения окажется вся их воронежская группировка и поэтому бросает все свои резервы для сдерживания советских войск.

Уставшая, вымотанная боями 141-я дивизия перешла к обороне, чтобы подтянуть тылы, подвести боеприпасы, пополнить поредевшие полки. В начале наступления в составе дивизии значилось 7900 человек. В ходе боев части потеряли убитыми и ранеными 3800 солдат и офицеров.

Командир дивизии приказывает подразделениям приступить к укреплению занятых рубежей, организовать разведку в глубину 5–10 км и использовать в борьбе с врагом захваченное в бою оружие и боеприпасы. В ход идут вражеские 81-мм мины для 82-мм минометов, 75-мм венгерские снаряды выстреливаются из 76-мм пушек, пулеметы МГ-42, захваченные пушки.

На помощь 141-й сд командование Воронежского фронта решает ввести в бой из резерва 322-ю стрелковую дивизию генерал-майора Гурия Никитовича Терентьева и 232-ю стрелковую дивизию полковника Ивана Ильича Улитина.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ХУТОРОВ

141-я, 322-я, 232-я дивизии и 253-я бригада с приданными частями переходят в подчинение 60-й армии генерала-майора И.Д. Черняховского и входят в состав ударной группы, которая начинает Воронежско-Касторненскую операцию.

Перед прибывшими дивизиями поставлена задача: 232 сд вместе с 14 тбр подполковника Сергея Тимофеевича Стызика ведут бой за освобождение села Кочетовка, 253 сбр штурмует вражеские укрепления в Семидесятном, 322 сд с 150 тбр освобождает хутора Прокудино, Перерывный, Парничный.

Левое крыло 60-й армии по плану командования, прорвав оборону, наступает на Никольское, Верхнее Турово, Курбатово, чтобы в районе села Нижней Ведуги, встретившись с частями 38-й армии, окружить вражескую группировку.

Выполняя приказ командующего 60-й армией № 003 от 21.01.43г. и боевое распоряжение № 0037 от 22.01.43 г. 322 сд, совместно 150 тбр 23 января готовится к атаке на врага, занимает боевой порядок, артиллерия проводит пристрелку вражеских целей.

Командир 150-й тбр подполковник Иван Васильевич Сафонов, смог выделить на поддержку пехоты 2-й батальон капитана Павла Алексеевича Хорева. Из двух танковых батальонов собрали все боеспособные танки. На хутор Россошка прибыла сводная рота старшего лейтенанта Павла Федоровича Захарченко, таранившего под Болдыревкой два танка захватчиков, будущего Героя Советского Союза. В нее вошло пять Т-34, четыре Т-60 и два Т-70. Другие танки бригады находились в ремонте после проведенных боев.

В поддержку наступающей пехоте командарм Черняховский выделил из резерва, батареи РС М-30 «Катюша» 520-го и 522-го дивизиона 16-й гвардейской минометной бригады гвардии полковника Петра Ивановича Вальченко, пуш-

ГЕРОЕВ НАШИХ ИМЕНА

Уроженцы Хохольского района, награжденные Звездами Героев за ратную и трудовую доблесть

Андреев Григорий Макарович. Уроженец с. Архангельское. Пулеметчик. Звание Героя Советского Союза присвоено за подвиг, совершенный на плацдарме у с. Страхолесье.

Бахметьев Иван Андреевич. Уроженец с. Никольское-на-Еманче. Звание Героя Советского Союза присвоено как командиру полка, успешно проведшего десантную операцию по форсированию Днепра.

ки 839-го гаубичного артполка РГК подполковника Мартина Денисовича Пустэна и 844-й артполк 303 сд подполковника Павла Степановича Желтова.

Части 322 сд, заняв позиции 141 сд, перешли в наступление. Командиры 1087 сп майор Тимофеев Петр Климентьевич и 1089 сп майор Иван Степанович Харланов (будущий Герой Советского Союза) с 15:00 23 января завязали бой за овладение Прокудино. Через три часа боя красноармейцы подошли к хутору. Стрелковый батальон 1085 сп занял рощу в километре юго-западнее Прокудино, стремясь окружить населенный пункт. В атаке батальоны полагались только на свои силы и полковую артиллерию, так как огневая и танковая поддержка из-за бездорожья еще не прибыла.

В первом бою передовой отряд 1089 сп на скатах высоты 228,5. потерял 54 человека убитыми и 66 ранеными. От разведчиков, захвативших на северо-западной окраине Прокудино «языка», узнали, что противник вводит в бой части немецкой 57 пд.

На занятых рубежах батальоны укрепляют отбитые у врага позиции. Ночью пошел сильный снегопад с пургой. За ночь замело снегом все расчищенные дороги, увеличилась высота снежного покрова, которая стала непроходимой для легких танков.

К утру 24 января полки дивизии сосредоточились на исходном положении для атаки и ждали прибытия и развертывания артиллерии. Метель продолжалась. Из-за погоды наступление, назначенное на 12:30, генерал-майором Черняховским перенесено на 15:00, затем на 16:00. За пятнадцать минут до атаки получен приказ: отставить наступление. Командир 2-го танкового батальона капитан Хорев получил распоряжение об отмене атаки, когда танки пошли в наступление с 37 десантниками-автоматчиками на броне. Два танка Т-34 вышли на южную окраину Прокудино. Машина лейтенанта Михаила Васильевича Котова наскочила на фугас. Механик-водитель старшина Тимофей Семенович Кирьянов и командир башни красноармеец Тимофей Алексеевич Кошель погибли. Командир танка мл. лейтенант Николай Ильич Свистунов тяжело ранен. В бою отличился танк механика-водителя ст. сержанта Николая Васильевича Сердюка, уничтоживший три автомашины с боеприпасами, три повозки, две пушки, до роты живой силы врагов.

В этот день в заснеженных полях перед Прокудино осталось лежать более 150 солдат и офицеров дивизии. Среди погибших командир 3-го батальона 1087 сп ст. лейтенант Митрофан Ильич Бурых,

который личным примером с автоматом в руках увлекал за собой бойцов.

Об обстановке, сложившейся в войсках, сказано в боевом донесении 20-й тяжелой гвардейской минометной бригады от 24.01.1943 г. 22:00: «Настоящим доношу, что все готово. Ждем команды огонь. Таковая была назначена и трижды отменялась. Наличие боеприпасов на огневых позициях в районе хутора Яблочный 50 мин. В виду ненастной погоды в поле стоит 12 машин, занесенных снегом. Противник обстреливал огневую позицию. Выпустил до 250 мин. Состояние дорог очень плохое. Движение машин прекращено».

Ночью на расчистку снега вышли бойцы штрафного батальона и резервных полков, но пурга не прекращалась. Находясь в наступлении несколько суток, солдаты роют снежные окопы, в лощинах разводят огонь, чтобы согреться и отдохнуть перед следующей атакой, не покидая отвоеванных позиций.

25 января, когда снежная буря стихла, после часового артиллерийского огня в 10:00, батальоны перешли в наступление. 520 и 522 отдельные гвардейские минометные дивизионы произвели удар по южной окраине Прокудино. Реактивные минометы «Катюша» разрушили 5 дзотов, уничтожили до роты пехоты противника. Удар гвардейских минометов ошеломил захватчиков. Солдаты противника бросили свои позиции, но фашисты, расстреляв несколько человек, вернули их в окопы.

1087 сп вместе с лыжным батальоном, поддерживаемый шестью танками Т-34 150 тбр, наступал на северо-восточную и восточную окраину Прокудино. Танки ворвались с десантом на окраину деревни, где две машины фашистам удалось подбить, а один танк сжечь. Красноармейцы выбиты из населенного пункта контратакой противника, который пытался уничтожить залегших перед хутором красноармейцев. Лежа в снегу, командир 2-го батальона капитан Петр Иванович Зотеев отбил с солдатами восемь атак противника. Раненый он не ушел с поля боя.

В тот день на северо-восточной окраине отдали свои жизни механики-водители ст. сержант Иван Иванович Жаденов и старшина Шакирджан Ишанкулов, стрелки-радисты сержант Александр Всеволодович Кучин и красноармеец Василий Иванович Аксенов. Получили ранения командир роты ст. лейтенант Захарченко, командир танкового взвода лейтенант Иван Даниилович Ульдяков и командир танка мл. лейтенант Николай Николаевич Шерепенко.

В сражении за населенный пункт Прокудино кроме танкистов пехоту поддерживали артиллеристы 844-го артполка 303 сд. В бою отличился наводчик 6-й батареи Михаил Севастьянович Карнаков, прямой наводкой уничтоживший четыре станковых пулемета противника и до 150 автоматчиков. 12 марта 1943 года красноармеец Карнаков под Харьковом, оставшись один на огневой позиции, уничтожив девять немецких танков, расстреляв последний снаряд, подорвал себя и фашистов последней противотанковой гранатой. За подвиги у Прокудино и Харькова представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). В результате дневного боя 1087 сп с лыжным батальоном не дошли до Прокудино 300 метров.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ХУТОРОВ ПЕРЕРЫВНЫЙ, ПАРНИЧНЫЙ И ПРОКУДИНО (322 сд)

В бой за хутор Перерывный командир дивизии вместе с 1089 сп посылает свой резерв — учебный и пулеметный батальоны. Они дважды пытались овладеть населенным пунктом, но залегли на его юго-восточной окраине. В сражении с врагом командир роты учебного батальона лейтенант Федор Миронович Гринчук уничтожил огневую точку на ветряной мельнице, мешающую продвижению.

Добросоцких Владимир Митрофанович. Уроженец с. Рудкино. Звание Героя Советского Союза присвоено как командиру батальона за проявленное личное мужество и находчивость при форсировании Днепра.

Князев Михаил Тихонович. Уроженец с. Верхненикольское. Звание Героя Советского Союза присвоено за умелое командование полком в Берлинской операции.

Неживенко Павел Гурьевич. Уроженец с. Оськино. Командир танковой роты. Погиб в Польше в 1945 году. Звание Героя Советского Союза присвоено за личное мужество и героизм, проявленные в бою.

Капитан Исаак Борисович Бушмиц один из первых ворвался в Перерывный, но был сражен вражеской пулей. Командир 3-го стрелкового батальона ст. лейтенант Беркович Ефим Михайлович в бою за хутор лично из автомата застрелил 6 гитлеровцев. Когда фашисты бросились в атаку на батальон, он ответным ударом опрокинул их наступление и захватил трофеи. В контратаке Беркович получил ранение, но продолжил командовать батальоном. Позже в бою за Никольское он погиб.

1085-й сп майора Петра Митрофановича Доценко наступает на Парничный. Бойцы заняли отдельные дома на юго-восточной окраине Парничного. Противник в 8-30, 9:00, 12:00 силою каждый раз более 100 штыков, переходил в контратаку с тремя танками. Наши солдаты контратаки отбили, подбили один танк и взяли в плен 63 мадьяра, но вынуждены были оставить позиции из-за сильного огня противника и немецких резервов, брошенных в бой из Ивановки. В бою геройски погиб зам. командира полка дважды орденоносец капитан Владимир Иванович Голубев. К концу дня солдаты окопались за 200 метров от Парничного.

24 и 25 января на подступах к населенным пунктам погибли 220 бойцов и командиров и 650 человек получили ранения. Огнем нашей артиллерии уничтожено до 300 фашистов, четыре пулемета, автомашина, шесть дзотов, наблюдательный пункт на мельнице, четыре орудия, подавлено четыре орудия и три минометных батареи.

В 3 часа 26 января батальоны повели бой за Прокудино. Танки — один Т-34, два Т-70 и один Т-60 — поддерживают пехоту с места. Командование посылает 1087 сп с лыжным батальоном с задачей перерезать дорогу Прокудино-Ивановка, что удается сделать к 16 часам дня. Боясь окружения, враг дрогнул и отступил в Перерывное. Разведчики лейтенанта Николая Федоровича Рожкова первыми ворвались в Прокудино.

В 14:00 520 огмд производит залп «Катюш» по южной окраине Перерывного. Немцы и венгры огрызаются пулеметным и минометным огнем. Их сопротивление сломила 2-я стрелковая рота 1087 сп капитана Григория Михайловича Таранца. Под прикрытием темноты бойцы обошли Перерывное и вышли на большак, ведущий на хутор. Таранец приказал бойцам построиться в колонну по два и повел их в населенный пункт. Идущих по дороге бойцов, противник принял за подкрепление. Это позволило овладеть северной окраиной Перерывного без боя, а затем броском вместе с другими подраз-

делениями освободить хутор в результате двадцатиминутного боя. 27 января, покончив с гарнизоном, бойцы, преследуя бегущего врага, освободили Парничный, 2-ю Еманчу, завязали бой за Никольское совместно с 141 сд, форсировав реку Девица, устремились в Верхнее Турово, Курбатово. За время боевых действий дивизией освобождены Прокудино, Парничный, Перерывный, Вторая Еманча, Верхнее Никольское, Верхнее Турово.

БОИ ЗА КОЧЕТОВКУ И СЕМИДЕСЯТНОЕ

Части 232 сд в 4:00 22 января сменили подразделения 796 сп 141 сд и стали готовиться к наступлению на Кочетовку — Верхнее Никольское. Противник предпринял несколько атак нашего переднего края тремя группами, численностью до роты, но вынужден был отойти от дружного огня стрелков. Немцы вели артиллерийский и минометный огонь.

23 января с 13:30 полки дивизии завязали бой за Кочетовку, стремясь охватить село с флангов, но бойцы от вражеского огня залегли вблизи северо-восточных и юго-восточных окраин села. Неподавленные огневые точки мешали продвижению. На следующий день батальоны, ведя разведку боем, продолжали сближение с противником, артиллерия вела стрельбу прямой наводкой. Плохая видимость мешала наблюдению за фашистами и пристрелке пушек.

25 января буран закончился. И в 9:50 началась артиллерийская подготовка, которая завершилась залпом РС-30. Реактивные мины легли с недолетом на южной окраине села, не причинив вреда неприятелю. В 10:00 в атаку пошла пехота, поддержанная танками 1-го батальона 14-й тбр капитана Евгения Ивановича Казбана.

В 11:45 автоматчики командира 2-го батальона 498 сп ст. лейтенанта Ивана Константиновича Камнева ворвались на юго-восточную окраину села и под сильным огнем противника закрепились на отбитых у фашистов позициях. Немецким огнем было подбито три наших танка. 605 сп наступала на высоту 235,6 с задачей обойти неприятеля и зайти ему в тыл. Дивизию поддерживал 497-й армейский минометный полк РГК. Батальоны залегли от сильного огня противника. Санинструкторы ст. сержант Ирина Михайловна Неумывахина, Тамара Александровна Бойцова вынесли с поля боя десятки раненых. На поле боя у рощи южнее села Бойцова упала, сраженная пулей. Командир 712 сп подполковник Константин Алексеевич Сычев приказывает отделению мл. сержанта Касым-Али (Космали) Османова северо-западнее села отбить у фашистов ветряную мельницу. Приказ был выполнен. Противник предпринял две бешеные атаки, чтобы вернуть утерянную позицию. Отражая атаки, защитники мельницы погибли. Османов остался в живых один. Будучи дважды раненым, он из ручного пулемета истребил более двадцати врагов, но мельницу не сдал.

Подразделения 605-го сп достигли рубежа в километре от церкви. Захваченные противником пленные показали, что село обороняют до шести рот пехоты. В селе установлено две батареи 75-мм пушек и противотанковая артиллерия. Немцы повесили нескольких мадьярских офицеров за отступление частей.

В боевом донесении дивизии записано: «27 января противник огнем и контратаками пытается остановить наши подразделения». В ночь ему удается уйти из почти замкнувшегося кольца. Полки, преследуя врага, освободили Верхнее Никольское. Батальон ст. лейтенанта Петра Егоровича Прешкина первым ворвался в Староникольское. При отходе противник оставляет засады из автоматчиков, которые стремятся задержать продвижение наших войск, поджигают соломенные крыши уцелевших домов.

28 января в 3 часа немецкими автоматчиками был убит командир 605-го сп под-

Селезнев Николай Илларионович. Уроженец с. Борщево. Звание Героя Советского Союза присвоено за героизм, проявленный в бою, и спасение полкового знамени.

Чурсанов Иван Михайлович. Уроженец с. Гремячье. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно за героизм и личное мужество, проявленное в бою, в котором командовал ротой автоматчиков. Погиб в бою в 1945 году.

Шипилов Петр Федорович. Уроженец с. Никольское-на-Еманче. Кавалер ордена Славы трех степеней. Разведчик. Боевые награды получил за отвагу и личный героизм.

полковник Григорий Семенович Васильев. В период наступления на Нижнее Турово полк совершал марш. Головная застава попала в засаду противника. Очередью фашистов сражен идущий в колоне Васильев и ранен помощник начальника штаба Тимофей Федорович Ступников. Раненный капитан Ступников организовал отпор неприятелю. Засада уничтожена и село очищено от врага.

Вместе с Васильевым погибли лейтенанты Фома Ильич Пушкарский и Владимир Матвеевич Овчинников, ст. лейтенанты Алексей Александрович Треногин и Иван Васильевич Ломакин, ст. сержант Иван Фомич Самсонов, ефрейторы Александр Федорович Лапшинов и красноармеец Иван Васильевич Аладин.

Похоронили мы своего командира с отдачей воинских почестей в деревне Верхненикольское у дороги в 300 метров южнее церкви».

Посмертно подполковник Васильев представлен к званию Героя Советского Союза. 29 января к 20:30 подразделения дивизии выбили противника из Курбатово.

После освобождения Кочетовки на юго-восточной окраине села остались лежать в снегу сотни солдат и командиров. Местные жители, находя воинов, предавали их земле там, где они приняли последний бой. Весной поле засеяли клевером. Соху глубоко не опускали, чтобы не задеть захороненных солдат. Такого урожая травы, как в этот год, не было никогда. На поле, которое впоследствии получило официальное название «Солдатское поле», стояла высокая трава с большими розовыми головками. Татьяна Егоровна Степанова, нашедшая здесь зимой тела сержанта Петра Александровича Усынина из Алтайского края и его товарищей, вспоминала: «Клевер уродился небывалый, я такого никогда не видела — прямо букетами, букетами. Пойдем с бабами на поле, они ничего, а я прямо чуть не падаю, как вспомню, что под ногами люди лежат...»

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕМИДЕСЯТНОГО (253 сбр)

253 сбр в течении трех суток вела бои на подступах к Семидесятному, штурмуя высоту 210,6, отражая контратаки противника, выбивая фашистов из хуторов Скупой, Кукуев.

2-й стрелковый батальон ст. лейтенанта Николая Васильевича Самарина первым достиг окраины Семидесятного. Бойцы отбили три атаки противника. Красноармеец Андрей Николаевич Кала-

чинский, когда выбыл из строя первый номер станкового пулемета, а враг контратаковал, не дрогнул, а лег за пулемет и отбил атаку.

В ночь с 25 на 26 января, перегруппировав силы, бойцы обошли село с юго-запада и ударили в направлении хутора Медвежинский, оставив у Семидесятного четвертый батальон. Командир бригады бросил в прорыв все оставшиеся силы. На подступах к хутору солдаты попали под перекрестный пулеметный огонь противника. Сержант Василий Захарович Денисенко выдвинул свой «Максим» на левый фланг и подавил огневые точки. Перенеся огонь вглубь немецкой обороны, он расстрелял в лощине двадцать подвод с подкреплением. Фашисты упорно удерживали северо-восточную окраину Медвежинского, МТС, высоту 242,6. Ст. сержант Николай Иванович Пономарев, когда пулеметный расчет погиб, сам лег за «Максим» и открыл ураганный огонь. Комбат Самарин на окраине хутора атаковал дом, где засели восемь захватчиков. Разбив дверь, он уничтожил пулемет и взял в плен растерявшуюся прислугу. После освобождения хуторов Пятилетка, Медвежинского, противника выбили 27 января из Семидесятного. В числе первых в село вошли посланные в разведку в родное село Илья Семенович Шилов и Григорий Ионович Коротких.

Освободив поселки, бригада к ночи 28 января освободила населенный пункт Россошка и устремилась на Глазово и Нижнедевицк.

БОИ ЗА ХУТОР ХМЕЛЕВОЙ ЛЕС

С приходом подкреплений 141 сд и 14 ибр сосредоточиваются на освобождении хутора Хмелевой лес и сел Рудкино, Ивановки, Гремячьего, Дмитриевки. Им помогала 104 сбр подполковника Зиновия Николаевича Гаранина, которая наступала через Дон на Юневку и Гремячье. Ключом к обороне противника являлись высоты у хутора Хмелевой лес. 745 сп отбил у врага высоту 219,5 у села Ивановка. Противник предпринял ожесточенные контратаки, стремясь овладеть господствующей высотой. Сбив боевое охранение, фашисты создали угрозу окружения полка. Спасла положение 2-я батарея 348-го артполка под командованием лейтенанта Лазаря Моисеевича Козлова. Ведя огонь прямой наводкой, она заставила противника откатиться назад. В бою отличились командиры орудий сержант Иван Федорович Смирнов и мл. лейтенант Петр Федорович Филин (погиб), которые без помощи пехоты, подпустив противника на 100-200 метров, метким огнем орудий, установленных на прямую наводку, обратили захватчиков в бегство. Неоднократные атаки нашей пехоты в районе Хмелевой лес не имели успеха. Противник окопался, сосредоточил большое количество огневых средств. 4-я и 5-я батареи под непрерывным артобстрелом в течение пяти дней вели огонь с открытых огневых позиций. Они пушечным огнем уничтожили минометную батарею, разрушили несколько домов, превращенных немцами в дзоты, уничтожили и рассеяли до двух рот пехоты.

25 января завязался ночной бой за Хмелевой лес. После артподготовки солдаты пошли на штурм, но за 800–900 метров от селения фашисты открыли смертельный огонь. За сутки убито и ранено 360 человек красноармейцев, однако сдержать наступление враги не смогли. Наши подразделения овладели Хмелевым лесом, освободили Ивановку, а затем Никольское. В селе Никольском 190-й противотанковый дивизион и 1-й и 2-й дивизионы 348-го артполка прямой наводкой уничтожили отступающего противника. На поле боя противник оставил до 600 подвод, ста орудий и до 500 трупов солдат и офицеров. Со взятием Никольского сопротивление противника было окончательно сломлено. Опасаясь окружения, он стал беспорядочно отступать.

Грибанов Михаил Васильевич. Уроженец с. Хохол. С 1964 по 1988 год бригадир тракторной бригады колхоза «Ленинский путь». За высокие производственные показатели в 1971 году присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Попов Алексей Тихонович. Уроженец с. Верхненикольское. В 1960–1972 годах бригадир тракторной бригады колхоза им. Свердлова. За высокий урожай зерновых и технических культур в 1966 году удостоен звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

В оперативной сводке 141-го сд от 28 января 1943 года в 2:00 сказано: «...подразделения 687-го полка, преодолев сопротивление, овладели Рудкино и Гремячье. 796 сп овладел Ивановка, Хмелевой лес и после сильных боев за высоту 180,3 решительным наступлением овладел восточной окраиной Никольское. В Никольском разгромили штаб 3-го пехотного полка 9-й пехотной дивизии венгров. И весь полк, который отступал из Гремячье. Убит начальник штаба 3-го пехотного полка и взят в плен его командир. Полк наступает на Хохол. 745 сп овладел Ивановкой, восточной окраиной Никольского до церкви, наступает на Хохол». Районный центр освобожден 141 сд к 2:00 29 января. Зачистив от противника Хохол и рощу что севернее райцентра, дивизия выполнила поставленные задачи на территории Воронежской области.

31 января на северной окраине Нижней Ведуги в 7 часов 20 минут встретились войска 60-й армии генерал-майора Ивана Даниловича Черняховского и 38-й армии генерал-лейтенанта Никандра Евлампиевича Чибисова. Со стороны 60-й армии кольцо замкнули танкисты 150-й тбр и стрелки 322-й стрелковой дивизии. Они соединились с учебным батальоном 340-й стрелковой дивизии. Перед наступлением учебные батальоны 240 сд, 340 сд вошли в подчинение 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады полковника Гусева Ивана Андреевича.

Победа в зимних боях над врагом далась большими жертвами. По официальным сведениям, потери составили: 141 сд — 1099, 322 сд — 1579, 232 сд — 641, 14 ибр — 190 солдат и офицеров.

Весной 1943 года, после таяния снегов, жители окрестных деревень стали находить тела незахороненных бойцов. В донесениях райвоенкомы Гремяченского (капитан Пругаев) и Хохольского (ст. лейтенант Карнаухих) районов сообщают в Москву о 347 бойцах, найденных с документами. К сожалению, и через многие годы после кровавых боев остаются сотни неувековеченных героев, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей Родины, имена которых не значатся на обелисках в освобожденных ими населенных пунктах. А это значит, что работы у поисковиков еще много.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУКИНЫХ

(Очерк о семье победителей)

В каждой семье России есть солдаты и офицеры Бессмертного полка. Уже стало традицией выходить 9 мая с портретами защитников нашей Родины, а у кого фотографий родственников не сохранилось, идут с именами героев в рамках.

Бессмертный полк семьи Рукиных в Гремячьем на особом счету.

Правофланговыми в геройском строю по праву считаются погибшие на войне Роман Григорьевич Рукин и его младший сын Константин. Отец был оставлен на оккупированной территории для организации сопротивления фашистам. Погиб от рук предателя 20 июля 1942 года. Жизнь Константина, двадцатилетнего разведчика, гвардии ефрейтора 9-й отдельной гвардейской разведроты 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, оборвалась у реки Ворскла на Полтавщине.

Старший сын Романа Григорьевича Михаил воевал в 15-м отдельном гвардейском ордена Александра Невского батальоне связи 9-го гвардейского механизированного Днестровско-Рымникского Краснознаменного ордена Кутузова корпуса. Гвардии сержант М.Р. Рукин — кавалер ордена Отечественной войны II степени, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Будапешта», «За освобождение Праги», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией».

Дополняет победный строй родственник семейства лейтенант Петр Иванович Рукин. Он прошел дорогами войны в должности начальника военной полевой почтовой станции № 2770 225-й штурмовой авиадивизии. Закончил войну в Восточной Пруссии, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Роман Григорьевич Рукин родился 14 октября 1894 года в селе 2-я Еманча Нижнедевицкого уезда Семидесятской волости в крестьянской семье. Семнадцатилетним парнем он женился на красивой, высокой казачке Марии. Через год родился первенец — Алексей. Вскоре молодая семья ждала второго ребенка, но началась Первая мировая война. Роман Рукин призван в армию. Только из писем с родины он узнал, что у него родился второй сын — Михаил.

Воевал Роман Григорьевич с австро-германскими войсками в 57-м пехотном Модлинском генерал-адъютанта Корнилова полку под командованием полковника Павла Павловича Богаевского на Юго-Западном фронте. Участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. На фронте Рукин стал членом РСДРП.

Тринадцатого декабря 1916 года под городом Рымник-Сэрат (Румыния) русские войска отступили из-за того, что союзная Румыния не сдержала свой участок обороны. Раненого солдата Рукина оставили на поле боя, он попал в плен. В плену Роман Григорьевич пробыл до 1920 года, работая на фермера. Ему удалось в числе первых вернуться в Россию. На заработанные в неволе деньги купил жене Марии туфли 39-го размера, карманные часы, подарки детям. Но дома Романа Григорьевича встречали только шестилетний сын и родители — жена и восьмилетний сын Алексей умерли от тифа.

Через несколько месяцев вдовец женился на молодой крестьянке Екатерине Алексеевне. Голод, начавшийся в селе, вынуждает его ехать с молодой женой на Украину, чтобы обменять привезенные из Германии вещи на продукты. Оставив

сына Михаила на попечение родителей, они уехали. В дороге Роман Григорьевич заболел тифом. Как рассказывал он потом сыну, спасли его от смерти серебряные карманные часы, которые отец отдал доктору за лечение. Ослабленный болезнью, без продовольствия Р.Г. Рукин с женой вернулся во 2-ю Еманчу. Вырыл землянку, в ней семья прожила пять лет.

В 1922 году Романа Григорьевича избрали председателем сельского Совета села Ивановка. В делах и общественных заботах быстро летело время. В семье родился сын Константин. Старший сын Михаил женился. Молодая жена старшего сына Татьяна Павловна подарила внуков — Нину и Вячеслава. Семья перебралась в село Гремячье, куда Романа Григорьевича назначили директором маслосырзавода.

Мирный труд прервала война. В первые дни войны с фашистами на фронт ушли сыновья Михаил и Константин. Как представитель Гремяченского райкома партии Рукин занимался эвакуацией скота и материальных ценностей, боролся с дезертирами, спрятавшимися в Жировском лесу, которые грабили и убивали жителей и эвакуированных. Хорошо знающий немецкий язык, Рукин входил в члены подпольного райкома ВКП(б). Коммунисты в случае оккупации должны были остаться в районе для организации партизанской борьбы. В конце 1941 года фронт стабилизировался. Казалось, враг остановлен, но ненадолго.

В конце июня 1942 года через Гремяченский район устремились через Дон гурты скота, колонны с эвакуированным колхозным имуществом, беженцы. Рукин был ответственным за эвакуацию государственного и колхозного имущества в ряде сел. Роман Григорьевич мог всех своих родных отправить за Дон в эвакуацию, но не сделал этого, так как общественные интересы ставил выше личных. 3 июля ночью он на несколько минут заехал проститься с семьей. На всю жизнь у его внучки Нины Михайловны Зябловой (Рукиной) осталась в памяти встреча-прощание. До сих пор она чувствует последнее прикосновение небритой щеки дедушки.

Учитель Гремяченской средней школы, Почетный гражданин села Гремячье Валентин Федорович Кукуев, мальчишкой переживший оккупацию, вспоминал: «Его узнал и выдал предатель по прозвищу Зоткин, ставший полицаем в селе Ивановка Хохольского района. Романа Григорьевича закрыли в колхозном амбаре. Охраняли его часовые, мадьяры. Из амбара слышались удары, крики и стоны. Предатель вместе с мадьярами пытал, глумился над ним, предлагал выдать сообщников, но не сломил Романа Григорьевича. Когда его вели на расстрел, изверг продолжал избивать его прикладом, колол штыком в спину. В логу за селом фашисты приказали Роману Григорьевичу выкопать себе могилу...»

Валентин Кукуев со сверстниками спрятались за кустами, видели, как избивали ногами и прикладами несломленного коммуниста. Предатель застрелил Рукина выстрелом в затылок. Когда фашисты удалились, подростки подошли к яме. Тело было слегка присыпано землей. Из земли торчали ноги замученного. Председателя сельского совета села Ивановка перезахоронили 8 мая 1965 года вместе с погибшими летчиками и воинами-освободителями в центре села.

О фронтовой судьбе **Константина Романовича Рукина** рассказал архив Министерства обороны.

После призыва на фронт в 1941 году Константин сражается на Южном фронте. На основании постановления №796/СС от 14.10.41 г. Государственного комитета обороны в Ленинградских лагерях у железнодорожной станции Уманская в октябре формируется 14-я отдельная курсантская бригада. Она комплектуется за счет курсантов военных училищ, полковых школ запасных частей, коммунистов, разбронированных с производства, выздоравливающих бойцов и командиров. В

третьем батальоне бригады в пулеметной роте служит Константин Рукин, который прибыл в часть после легкого ранения. К 20 ноября бригада полностью была укомплектована личным составом за исключением вооружения. 15 декабря она убыла в города Перово и Новогиреево Московской области, где вошла в состав 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

Константин Рукин. 10-й класс

Шестого января 1942 года в 21 час 14-я отдельная гвардейская стрелковая бригада выступает из города Перово к новому месту расквартирования — в район города Химки. Красноармейцам поставлена задача пешим порядком к восьми часам утра седьмого января прибыть в Химки. Третий стрелковый батальон Константина Рукина выступил от школы № 38, располагавшейся на улице Плеханова, 39, в третьей колонне. Им приказано скрытно собраться на пересечении Рязанского шоссе и железной дороги у фитингового завода и двигаться по маршруту Рязанское шоссе — Садовое кольцо — Ленинградское шоссе. Командиром колонны назначен старший лейтенант Блажко.

Вскоре воинскими эшелонами бригаду перевезли под Старую Руссу. Высадившись на полустанке, солдаты скрытно сосредоточились у деревни Киево. 29 января 1942 года командиру бригады полковнику Анисиму Илларионовичу Светлякову и военному комиссару Нацибулину была поставлена задача вместе с 203-м отдельным лыжным батальоном войти в прорыв, совершенный 7-й гвардейской стрелковой дивизией, и овладеть узлом сопротивления противника: села Козлово—Давыдово—Сычево—Михалкино—Овчинниково.

Во время атаки 1 марта упал в глубокий снег тяжело раненный гвардеец Константин Рукин. В село Гремячье ушло извещение: «Ваш сын Рукин Константин Романович пропал без вести в районе деревни Сычево». Однако Константина, раненого и обмороженного, нашли санитары другой части и отправили в госпиталь. Чтобы спасти ему жизнь, врачи ампутировали отмороженные пальцы на ногах. После длительного лечения пятого мая 1943 года Константина направляют в Пензенское минометное училище, но его не принимают по состоянию здоровья. Вердикт врачей: «Годен к нестроевой службе». Но разве мог сын, получивший известие о гибели отца, признать себя инвалидом? Константин добивается направления в 9-ю отдельную разведывательную роту 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Он радостно сообщает об этом в письме брату Михаилу на другой фронт. Константин горд тем, что теперь отомстит за погибшего отца и издевательства в фашистском концлагере в селе Семидесятном над матерью, снохой и племянниками — Ниной и Вячеславом.

20-й гвардейский стрелковый корпус, куда входили десантники, начал формироваться в апреле 1943 года. Командиром корпуса назначен генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. В него вошли пятая, седьмая и восьмая гвардейские воздушно-десантные дивизии, которые дислоцировались в селах у города Усмань (ныне Липецкой области). 30 мая десантные дивизии совершили стокилометровый марш в сторону фронта и расположились в селах Казино, Верхний Студенец, Рогожино Липецкой области. После непрерывной боевой учебы войска совершили новый скрытный 300-километровый пеший марш с новым команди-

ром корпуса генерал-майором Николаем Ивановичем Бирюковым в район Великой Михайловки.

В лесах у сел Бубново и Васильев Дол Белгородской области продолжилась учеба гвардии ефрейтора Рукина и его товарищей. После окончания боевой учебы дивизиям корпуса была поставлена задача сосредоточиться западнее Белгорода и вступить в бой.

В одном из сражений так сложилось, что для успешного выполнения задачи нужен был «язык», чтобы узнать, какими силами располагает враг перед фронтом дивизии. Эту задачу — осуществить разведку боем — командование поставило перед самым опытным командиром взвода 9-й разведроты двадцатитрехлетним лейтенантом Иваном Федоровичем Гуторовым. Вместе с ним на задание ушли разведчики Виктор Хохлов из Златоуста, Константин Леонидович Никонов из Куйбышева, Федор Никитович Арсеньев из Челябинской области, Николай Спиридонович Новгородский из Куйбышева, Павел Георгиевич Макаров из Новосибирска. Группу захвата возглавил Константин Рукин.

Было два часа ночи. Разведчики вброд переправились через Ворсклу и проникли в расположение противника. Константин со своей группой спустился в немецкий окоп. Убив из своего оружия немецкого офицера и двух солдат, он смело продвигается вперед по траншее. Ранил второго офицера и подбежал к нему, чтобы взять в плен, но был сражен вражеской пулей. Подбежавшие товарищи обезоружили офицера и взяли в плен. Посеяв панику в стане врага и захватив пленного, группа вернулась с «языком». Он дал ценные сведения о немецких частях и силах, находящихся на правом берегу Ворсклы.

О геройской смерти Константина разведчики написали письмо брату Михаилу Рукину, которое он носил с собой всю войну: «Здравствуй, дорогой брат нашего боевого товарища Кости Рукина. Сообщаем Вам о преждевременной смерти Вашего брата. Погиб он при выполнении боевого задания. Нас было в 10–12 раз меньше немцев, и были мы в его расположении. Он убит. Но за свою жизнь он жестоко отомстил… В этом бою он уничтожил 15 фрицев. Командование высоко оценило заслуги Рукина и представило его к награде орденом Отечественной войны…

Мы привели в этот день пленного немца, который дал очень ценные сведения, но это нас не радовало, ибо мы в лице Кости потеряли смелого и находчивого разведчика.

На этом мы заканчиваем свое письмо и обещаем еще и еще раз жестоко отомстить за его смерть немецким захватчикам.

Его товарищи — Никонов Константин, Арсеньев Федор, Хохлов Виктор».

Похоронка на разведчика родным не пришла. Нет его имени в донесениях о потерях дивизии. Вероятно, документы были уничтожены в боях с фашистами. Сохранился в архиве только наградной лист, где приказом по 7-й гвардейской воздушно-десантной № 24/н от 03.11.1943 Константин Рукин посмертно награжден орденом Красной Звезды.

ЛИСТАЯ ПАПИНУ ТЕТРАДЬ

(*Из воспоминаний Нины Михайловны Зябловой, дочери М.Р. Рукина*)

Листаю старую тетрадь моего отца **Михаила Романовича Рукина**, старого солдата, участника трех войн, и понимаю, как многострадальна наша страна, как трагична судьба простого русского человека и как безмерно велик наш народ.

Папа остался сиротой в пять лет. Его отец, мой дедушка Роман Григорьевич Рукин, 1894 года рождения, с 1914 года воевал на фронтах Первой мировой вой-

ны. В 1920 году вернулся из плена. От тифа умерла любимая жена Мария и старший семилетний сын Алексей. Родившийся в 1914 году уже после ухода дедушки на фронт Михаил в свои шесть лет никак не мог понять, кто этот незнакомый дядя, который называет его сынком. Выходит, что он уже не круглый сирота и у него есть отец?

В 12 лет Михаил уходит в Нижнедевицк к тете — сестре умершей матери. Работает вместе с ее мужем на тракторе «Фордзон», отлично учится в школе. Поступает учиться в Воронежское педагогическое училище, но общежития нет, жить не на что. Получает профессию шофера. Работает на строительстве Юго-Восточной железной дороги (прежнее название «Москва-Донбасс»). Учится в школе механиков. В 1935 году приезжает на практику в МТС села Костенки. На танцах встречает красавицу Татьяну. Влюбляется в нее и добивается с большим трудом ее руки. Моя будущая бабушка никак не желает выдать дочь за городского парня. Молодая семья уезжает в Воронеж. В 1936 году у них появляется первенец — дочь Нина.

С мая 1937 года по 1940 год отец на срочной службе. Участвует в Московских маневрах, параде войск, посвященном XX годовщине Октябрьской революции. Затем под Владимиром и в Ярославле в совершенстве изучает станковый пулемет, становится шофером зенитной установки. В марте 1938 года в команде из 10 шоферов отправлен в Маньчжурию, где был до января 1940 года. За эти почти 2 года старшиной фронтовой автороты наездил более 100 тысяч километров, был избран секретарем комсомольской организации роты. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе.

По воспоминаниям, отец особо отмечал большие заслуги Георгия Константиновича Жукова, которого прислали командиром корпуса 3 июня 1939 года. Под его командованием за июль-август 1939 года наши войска окружили, разбили, пленили 100-тысячную отборную императорскую армию японцев. Притом что у японцев была рядом железная дорога, а наша пехота шла 700 километров от границы пешим порядком по безводной пустыне. Все вооружение приходилось подвозить автотранспортом.

Папа гордился тем, что после Халхин-Гола в Улан-Баторе сидел в первых рядах на совещании младших командиров, которое проводил Г.К. Жуков. Всю свою жизнь папа, исходя из личных впечатлений, считал, что Г.К. Жуков — лучший полководец XX века.

После возвращения отца с восточного фронта семья переехала в село Гремячье. Папа работал механиком в МТС. 4 декабря 1940 года родился долгожданный сын Вячеслав.

В июне 1941 года он был в командировке в Борисоглебске. Там его застало объявление о нападении фашистской Германии на нашу страну. В тот же день он пошел в Борисоглебский военкомат, и с 23 июня, даже не попрощавшись с семьей, ушел на фронт.

Отец после летних боев под Ленинградом был направлен в школу танкистов, где осваивал Т-34. Наступила зима. Ленинград оказался в полной блокаде. В школу пришел приказ — лучших водителей направить под Ленинград для доставки продуктов и боеприпасов в блокадный город по льду Ладожского озера. Михаила Романовича направили на этот участок фронта как опытного водителя. На машинах, груженных боеприпасами и продовольствием, шоферы ночами, под покровом темноты, продвигались по замершему озеру. Машины были со снятыми дверцами, чтобы в случае попадания снаряда или авиабомбы в полынью можно было выпрыгнуть. С погашенными фарами, в сплошной темноте, колонны машин везли спасительный груз для голодных жителей Ленинграда, а оттуда эвакуировали ленинградцев. «Дорогу жизни» постоянно бомбили немецкие самолеты, обстре-

Нина Михайловна Зяблова

ливала артиллерия. От взрывов, прямых попаданий часто машины уходили под лед вместе с водителями. Лишь немногих удавалось спасти. За оборону Ленинграда отец получил медаль.

С войны вернулся летом 1946 года после победы над Японией. Работал механиком МТС в селе Гремячьем. После работы учился в вечерней школе, получил среднее образование. Много читал, занимался самообразованием. Огромная тяга к знаниям была свойственна ему. Выписывал не менее 3–4 газет, читал ночами.

Тяжелое горе пришло в семью: в возрасте 7 лет в январе 1947 года умирает любимый сын Вячеслав от ревмокардита, сердечной недостаточности. Заболевание получил в фашистском концлагере, где жена и двое маленьких детей полураздетые, голодные и холодные без всякой медицинской помощи находились до освобождения от фашистов в январе 1943-го.

Вернулись мы в полностью сожженное врагами Гремячье. Расположенное на берегу Дона, село было передовой линией фронта. От домов остались одни остовы печных труб. Где жить? Как обогреть детей без крыши над головой? Чем их кормить, когда нет ничего: ни крошки хлеба, ни картошинки? А нас у мамы — двое. А у соседки тети Наташи Тараканової — мамы нынешнего известного российского генерала Николая Дмитриевича Тараканова — и вовсе пятеро. Два старших сына из семерых детей и глава семьи, дядя Митя, воевали. Ждать помощи неоткуда. Но наши матери выжили и сохранили детей. Рыли землянки. Из остовов печных труб лепили печурки — кирпич на кирпич, раствора-то взять негде. Оставшиеся в живых старики смастерили «подсанки», на которых женщины и дети по очереди, передавая их от одного двора к другому, ехали за Дон по льду нарубить хвороста, чтобы хоть как-то обогреть землянку.

А в землянке кровать вырублена из земли, стол — тоже земля, и табуретки — земля. Вспоминаю эпизод: маме досталась очередь взять подсанки к вечеру. Зимний день короткий. Мама берет меня с собой — помочь ей. Мне 6 лет. Мама рубит, я укладываю. Переехали по льду Дона. Правый берег крутой, почти отвесный, и по дорожке, протоптанной в снегу, уже выезжали не раз, она укатана до льда. Мама тянет возок впереди, вместо лошади. Сил у нее не хватает, голодная. Возок скатывается назад. Так повторяется много раз. Обессиленная мама просит меня: подталкивай возок сзади, помоги мне. Я пытаюсь помочь, как та мышка из сказки про дедку и репку. Но при этом у меня мысль: вот возок опять скатится и меня

придавит. Но я пытаюсь все-таки толкать сзади и, видно, Бог помогает нам. Мы вытягиваем наше хилое топливо.

Матери идут в поле, находят под снегом грядки неубранной под зиму картошки, свеклы. Разгребают снег, топорами вырубают с комьями мерзлой земли картошку, свеклу и на плечах приносят домой. Я помню картину: корыто с водой и в ней комья мерзлой земли с проглядывающими островками мерзлой картошки. Бабушка в печурке варит свеклу, дает мне попить сладкой водички и кусочек свеклы — какая вкуснятина! Из мерзлой картошки сделают крахмал, конечно серый, вперемешку с землей. Потом будет кисель… Выжили, но братик, обессиленный всем этим, в 1947 году все-таки умер. А меня Бог оставил в живых. Я врач высшей категории, кандидат медицинских наук, 55 лет непрерывного врачебного стажа. Тысячи вылеченных и спасенных людей. У меня два сына, шесть внуков, два правнука.

В семье родителей после войны рождаются четыре сына: Петр, Александр, Владимир, Василий. Родители всем дали хорошее образование, все имеют семьи, детей и внуков, успешно трудятся.

Пишу все это, выполняя заповедь отца. Он часто повторял, что как только забудем ту войну, так начнется новая.

ОТЦОВСКИЕ УРОКИ

(Из воспоминаний Василия Михайловича Рукина, сына М.Р. Рукина)

Я был младшим из 6 детей в семье. В 5 лет отец посадил меня за руль грузовика, и я начал рулить по проселочным дорогам. Все делал отец, а мне приходилось только держать руль. После 9 класса, будучи в Брянской области с изыскательской партией, мне довелось развозить людей по домам на грузовике, так как водитель заболел. Так вот сгодились отцовские уроки.

Когда первый раз он посадил меня верхом на коня, я не помню, но в 15 лет чувствовал себя настоящим наездником. С раннего детства отец брал меня с собой косить траву и хорошо научил меня этому мастерству. В военном училище мне поручали выкашивать всю траву на территории. Первый телевизор появился на улице у нас, и все соседи приходили смотреть фильмы. Отец купил баян старшему брату и отвел его в музыкальную школу. Я был еще мал, и меня учили играть на баяне дома. Когда я пошел в 6 класс, отец купил мне гитару и отвел в музыкальную школу. Так я закончил 3 класса музыкальной школы по классу гитары. Когда я был в 5 классе, отец купил старшему брату и мне мопед. На этом мопеде мы возили в мешках траву для кроликов, которых держали в большом количестве. Осенью, когда заканчивалась на полях уборка сахарной свеклы, мать с соседками выходили с лопатами и выкапывали неубранную свеклу, а мы с братом по очереди отвозили ее в мешках домой на мопеде.

Мои товарищи, которые жили по соседству, утром спрашивали меня, почему у нас ночью горит свет в доме. Я отвечал, что отец допоздна читает книги и газеты. Весь световой день он был на работе и трудился по хозяйству. А ночами читал. По сей день у нас хранятся множество газет с его пометками. Книги он покупал регулярно и прочитывал их все по нескольку раз. Таким образом, у нас собралась довольно большая библиотека не только художественных книг, но и специальных: по сельскому хозяйству, учебников водителя и других. Я помню, как отец учил меня езде на машине. Он ставил стакан воды на переднюю панель и требовал, чтобы я не пролил ни капли. Отец всегда повторял: научись ездить аккуратно, а быстро ездить ты всегда сможешь. Мне часто вспоминается наука моего отца и брата Владимира, который был на три года старше: «Когда ты идешь по дороге, думай о

водителе, чтобы не создать ему помеху. Когда ты едешь за рулем, думай о пешеходе, чтобы не напугать его и не обрызгать из лужи, проезжай мимо тихо».

Мои родители жили в деревне, но были служащими, которым выделялось 15 соток земли возле дома. Ежегодно им давали дополнительные 10 соток земли в разных местах возле деревни для выращивания картофеля. Таким образом, у нас были все свои продукты. В магазине покупали только хлеб, масло, муку, соль, сахар, спички. Как больно сейчас видеть, что земельные паи, розданные крестьянам, и родительские усадьбы, политые потом и кровью наших предков, продаются на сторону за гроши. Люди перестали трудиться на своей земле и при этом возмущаются, что продукты продаются плохого качества.

На нашей улице было футбольное поле, на котором детвора проводила все свободное время. И вот администрация решила отдать это поле под огороды. Отец написал статью в газету. На следующий день мои товарищи встретили меня на улице и рассказали, какую хорошую статью написал мой отец. Он один встал на защиту детей.

После ухода с военной службы на пенсию я 15 лет работал на территории Хохольского района. Встречал людей старшего поколения, которые, узнав, что я Рукин, спрашивали, не сын ли я Михаила Романовича. Получив от меня утвердительный ответ, они с восхищением начинали вспоминать и рассказывать о моем отце, каким он был скромным, добрым, трудолюбивым и отзывчивым к чужой беде.

* * *

В каждой семье на территории бывшего Советского Союза есть свои герои Бессмертного полка. Сохраняя память о них, мы приобщаемся к подвигу наших родных и близких людей, становимся продолжателями их побед. Послевоенная история страны показывает, что «бойцов не редеет строй. Должен и сын героем стать, если отец герой». В семьях потомков Романа Григорьевича Рукина выросла достойная смена. Среди них — двенадцать врачей, два кандидата медицинских наук, доктор экономических наук, профессор, два офицера Российской армии, два юриста.

На 9 Мая в Бессмертном полку с портретами героев Рукиных — Романа Григорьевича, Михаила Романовича, Константина Романовича — в колонне идут их праправнуки Сергей Сергеевич, Константин Сергеевич, Елена Андреевна и прапраправнуки Екатерина, Анастасия, Анна, Николай, Данила, Олечка…

Алексей Валуйский

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

(Необычная история искренней книги)

Удивительная книга удивительного автора. Геолог Алексей Григорьевич Валуйский страну исколесил порядком. В 2016 году, выйдя на пенсию, вернулся в родительский дом и написал книгу о Костенках и своей жизни. Но нынешнее время свершило с ним еще один крутой поворот — он уехал к детям в Швецию и Данию. А оттуда попросил корреспондента районной газеты «Народное слово» Ольгу Соболеву написать предисловие к его воспоминаниям.

Ольга с сердечным пониманием сообщила факты, интересные что шведу с датчанином, что русскому. Планировал геодезист в родном селе ботанический сад создать — выкопал пруд, рыбу запустил, вокруг флора и фауна Дальнего Востока, где больше всего провел «рабочего времени».

Приехал в зарубежье и там не потерялся: шведские и датские тележурналисты сняли о нем документальный фильм как о незаурядном русском ботанике, умеющем целебный женьшень районировать в любой точке света. Потом новое журналистское открытие — 82-летний пенсионер плетет ультрамодную мебель из лозы... Этим журналистам Алексей Григорьевич поведал и о книге своей: «Если ляжет на душу — переводите, печатайте... Это горькая история о моем украденном детстве, через которое познал я глубокий смысл жизни...»

Кроваво-красный цвет форзаца будто отсвет того, что довелось пережить автору. Процитируем строки, которыми зачитываются учащиеся шведских и датских школ.

...Это случилось в прекрасный летний день в селе Костенки. Мы, беззаботные мальчишки и девчонки, играли на улице. Внезапно в небе появились низколетящие самолеты. Нам, никогда не видавшим самолета, было интересно, но вдруг раздались выстрелы, а через какое-то время в селе появились вооруженные мотоциклисты в серых шинелях... Стало страшно. Через некоторое время в подворьях завизжали свиньи, заполошно кудахтали куры, плакали женщины... Немцы пошли по дворам, началось мародерство и грабеж — все отбирали у мирного населения.

На берегу Дона жил одинокий мужчина по прозвищу Еграй. Он не был призван в армию по болезни. И вот к нему зашел немец и начал искать продукты. Вошли в

подвал, где стояла бочка с остатками соленых огурцов. Немец заглянул в бочку, а в это время Еграй опрокинул его головой в рассол. Немец захлебнулся, а хозяин, не взяв оружия, к вечеру переплыл Дон и ушел. Немцы, обнаружив погибшего, посчитали, что он захлебнулся сам. Если бы Еграй забрал оружие, то немцы наверняка расстреляли бы пол-улицы мирных жителей…

Оккупанты допрашивали, пытали: «Где партизаны, где русские солдаты?» Видно, они считали, что солдаты прячутся среди населения… Четверо ребят в возрасте 13–15 лет из села Боево пригнали на колхозный двор бычков…. А на другой день предатель Брыкин немцам сказал, что эти ребята и есть партизаны. Фашисты заставили их копать яму, после расстреляли и побросали тела в эту яму. За три недели немцы расстреляли 14 человек…

…Женщин, в основном наших матерей, стали угонять на работы: рытье окопов, возведение укреплений. В домах оставались беззащитные старики и дети… Избиения и насилия происходили на наших глазах. Было очень страшно.

…В конце июня всех вывели из домов и погнали в неизвестном направлении. За малейшее неповиновение били прикладами и нагайками. Гнали как скот. Очень хотелось пить. К вечеру пригнали к лесу у хутора Россошки. Там был заброшенный колодец, и все бросились к нему утолять жажду. Утром опять всех погнали дальше. Голодные, уставшие, люди не выдерживали и падали. Рядом идущие помогали им подняться, чтобы двигаться дальше, но немцы избивали всех прикладами и нагайками, совсем ослабленных расстреливали… Пригнали к окраине села Семидесятное. Там были какие-то овчарни, обнесенные колючей проволокой. Территория охранялась солдатами и собаками, и тут все поняли, что это лагерь. Если по пути некоторым удавалось бежать, то отсюда убежать практически было невозможно.

Жили в сарае, спали на полу, кормили баландой. Постоянно кого-то избивали плетками и прикладами, травили собаками, многих расстреливали в овраге, который находился рядом с лагерем. Нас одолела вшивость, люди умирали от тифа…

Октябрь. Полураздетые голодные пленники были доведены до отчаяния. Тех, кто пытался бежать, расстреливали.

Моей маме, мне и тете Лене с дочкой ранним утром все же удалось убежать из лагеря. К вечеру по оврагам, через балки мы добрались до Кочетовки. Приютили нас местные жители, отогрели, напоили чаем, а утром дали кое-какую одежду, немного еды, и мы отправились в Россошки: там нашли дедушку с бабушкой — родителей мамы. Они жили в небольшой землянке. Стали жить все вместе. От них мы узнали о смерти моей тети Шуры Шмыковой — умерла от тифа. Ее пятимесячный сынишка Вова был жив, находился у родителей отца, который воевал на фронте. (Перенеся все военные и послевоенные тяготы и невзгоды, Володя потом окончил университет, стал офицером, ушел на пенсию в звании полковника).

Было холодно и голодно. Зима выдалась снежной и очень морозной. В землянке топили небольшую печь, возле которой по очереди грелись…

Немцы относились к нам жестоко. Малейшая неповинность — расстрел….

Был такой случай. Петр Усков (по прозвищу Чурик) шел через лес и увидел четырех человек. Оказалось, трое немцев ведут Ивана Васильевича Колякина, тот сказал Чурику: «Петруша, прощай. Меня ведут на расстрел, признали партизаном». Тогда Чурик начал разговаривать с немцами на немецком языке. Убедил их, что Калякин не партизан, а всего лишь местный портной, и его отпустили. Петр Усков в Первую мировую был в немецком плену. Пять лет работал у фермера в Германии — отсюда и знание немецкого языка. Немцы его использовали потом во время оккупации как переводчика…

…Ночью 16 января 1943 года в хуторе Россошки завязался бой. Утром, когда стрельба затихла, вместо промерзших и злых фашистов мы увидели наших сол-

дат. От радости многие плакали. Солдаты обнимали всех, детей брали на руки, дарили конфеты, печенье, сахар — кто что мог. Мы с сестренкой Аней соревновались, кто больше наберет подарков. Самый счастливый день моего детства! Вечером крепко уснули и не слышали, как ночью шла автоматная стрельба… Хутор снова заняли немцы. Ночью опять был бой. Немцы, отступая, бросали гранаты в дома, землянки — много тогда погибло мирных жителей.

Утром и весь день — тишина. Страшная и загадочная. Стали появляться крытые грузовые машины. Это были «Катюши». Дедушка приговаривал: «Ну, сегодня будет! Ох, что сегодня будет!..»

…Закат — и все сумерки озарились факелами. «Катюши» ударили по Кочетовке, над которой поднялось красное зарево и стоял гул канонады…

На следующий день на улицах ни души — только трупы погибших фашистов на дороге и по обочинам. Ужасное зрелище. Мы занялись поиском еды и одежды. Дед своим дочерям сказал: «Если кто-либо из вас принесет в землянку одежду с убитого, выгоню как собаку…» Мама и тетя Лена принесли несколько пачек гречневой каши. Для нас это был праздник…

…Вернувшись в родные места, увидели жуткую картину. Село немцы превратили в пепелище. Наша хата сгорела, пришлось жить у дедушки. Было холодно, спали на печке и полатях. В хате раздеться было невозможно…

…Весной мама решила вернуться в Попов лог, где осталась целая хата моего деда — свекра матери. Стали жить в этой хате, но вскоре нас выселили и разместили в ней правление колхоза. Оказалось, деда когда-то раскулачили, а хату отобрали, и мы не имели права в ней проживать. Нас выселили в колхозный амбар, из которого тоже скоро выгнали. Пришлось жить в шалаше. Маме тогда помог ее дядя — Лунев, который обратился в Гремяченский райисполком о передаче нам хаты, ранее отобранной при раскулачивании деда. Райисполком решил вопрос положительно. Мы заселились, но правление колхоза не ушло. Нам пришлось жить вместе с правлением, перегородив хату на две половины…

… Жизнь была тяжелой. Пищу готовили на костре, не было посуды и домашней утвари. Топор — и тот один на три-четыре двора. Не было света, жгли лучины. Огонь добывали с помощью «секиры». Это гранитный камень, пыж и кусок плоского напильника. Когда бьешь металлом о камень, высекаются искры, от них загорается пыж, который раздуваешь и получаешь огонь…

…В мае получили письмо от отца. Он находился в эвакогоспитале города Канска. Появилась надежда на его скорое возвращение, но радость была недолгой — где-то 20 июня нам пришло извещение о смерти отца…

…Нищета, голод. Не было хлеба, в пищу добавляли лузгу, желуди, крапиву, одуванчики. В реке набирали ракушек — их варили, жарили и ели. Вкус-сно! Напоминает яичницу. Не было обуви… Так и бегали — грязные, немытые, с полопавшимися пятками…

Отступая, немцы оставили множество боеприпасов. От мин и снарядов погибло 55 мальчиков в возрасте до 17 лет. Многие стали инвалидами. Вся детвора была с нарушенной психикой. Меня нередко преследовал какой-то страх, я просыпался по ночам и куда-то бежал, кричал… Мне кажется, из-за такого детства большинство людей не дожило и до 60 лет…

…Сентябрь. Убрали скромный урожай. Дети в школу пошли полураздетые, разутые, оборванные. Слава Богу, что средняя школа, построенная в довоенное время, осталась цела. Помещения не отапливались, на занятиях сидели одетыми…

Чернила замерзали, и на них приходилось постоянно дышать. Занятиям мешали не только голод, холод, но и вши…. В конце года нам выдали тетради, карандаши и буквари (один на троих). Вот так в 1944-м я закончил первый класс.

Весной все взялись за работу. Основная тяжесть легла на плечи женщин — с

утра до вечера трудились в колхозе. Мы вели борьбу с грызунами, подвозили воду. Вечерами собирались у деда Акима Праслова, чтобы отведать кусочек горячего жмыха. Дед Аким один воспитывал четверых внуков-сирот. В селе было много сирот, которые жили без родителей, со старшими братьями и сестрами…

Мне было 12 лет, матери колхоз выделил волов для вспашки огорода. А кто будет пахать? Осваивать профессию пахаря пришлось мне. Упряжка состояла из ярма, которое одевалось на шеи волов, к дышлу крепился букорь, который состоял из двух колес и лемеха с ручками. Вола с правой стороны дышла погоняли: «Цоб-цобе». Он шел по борозде, а вола с левой стороны тоже погоняли: «Цоб-цобе». Пахарь за ручки управлял букорем и плугом.

Все было бы хорошо, но ослабший вол отказался ходить. Лег в борозду и не встает. Что я только ни делал, ничего не помогало. Я плакал. По улице шли мужики и подсказали мне: «Ты хвост ему покрути». Помогло. Вол вскочил — и бегом, так, что я еле догнал его. Благодаря этой хитрости, я вспахал огород…

Да… война украла у нас детство. Мы многого не видели, у нас не было ни лыж, ни коньков, ни велосипедов. Однако мы жадно тянулись к знаниям, ко всему новому. В пятом классе, получив некоторые знания, я смастерил детекторный приемник. Где-то достали наушники и слушали по радио Москву… Не было света. Приходилось делать ветряки для освещения. С их помощью освещали жилье двенадцативольтовыми лампочками…

Но мы верили в будущее. Практически все получили среднее образование. Большинство из нас поступило в институты и высшие военные училища — стали офицерами, агрономами, руководителями крупных сельхозпредприятий, а некоторые — даже учеными и заслуженными артистами. Мы своим трудом за 25 послевоенных лет создали мощное передовое государство…

…Чтобы больше оставить память о себе, необходимо хорошо учиться, обогащать свою память знаниями. Высокообразованный человек делает меньше ошибок и выбирает в жизни правильный путь. Только грамотное, эрудированное поколение способно вершить чудеса. В этом, на мой взгляд, заключается смысл жизни.

☐ ☐

НЕ БЫВАЕТ УШЕДШИХ БЕССЛЕДНО

(Памятник воевавшим хохольцам установили в Тверской области)

В годы Великой Отечественной войны на фронт ушли 15 тысяч хохольцев, 7,5 тысячи солдат не вернулись с полей сражений. На территории Хохольского района находится 14 памятников погибшим землякам. Большинство фронтовиков из района воевало на северо-западном направлении — в Тверской, Смоленской, Нижегородской, Брянской, Псковской областях.

Теперь памятник павшим уроженцам Хохольского района есть и в Тверской области. Его открыли в День памяти и скорби — 22 июня 2016 года.

Мемориал находится в деревне Черный ручей, в открытом поле, на небольшой возвышенности. Именно здесь до октября 1941 года шли кровопролитные бои. В ходе Смоленского сражения советские воины мужественно сдерживали натиск немецко-фашистских войск, рвавшихся к Москве. В те драматические дни нашего отступления мужественным бойцам удалось оттеснить противника и даже освободить несколько населенных пунктов: Черный ручей, Демяхи, Околица, Лосьмино. Несмотря на значительные потери, советские солдаты стремились выбить противника с занимаемых рубежей. Ожесточенное сопротивление красноармейцев под Смоленском, а позже на всем Западном фронте ослабило наступательную мощь группы гитлеровской войск «Центр» и, как следствие, задержало продвижение врага на пути к Москве. Все это далось ценою больших потерь: тысячи и тысячи погибших. По архивным документам также установлено, что в этих местах около двух тысяч солдат пропало без вести, среди них — уроженцы Хохольского района.

Памятник хохольским ратникам

Эти данные собрал житель Москвы Михаил Переславцев. В августе 2015 года Хохольский районный совет ветеранов получил от него письмо с фамилиями погибших воинов. Бывший военный ведет активную патриотическую работу и занима-

Поклон погибшему отцу

ется поиском сведений о солдатах и командирах 922-го полка 250-й стрелковой дивизии (первого формирования). Михаил Переславцев выступил с инициативой установить в день 75-летия начала Великой Отечественной войны памятник хохольцам, погибшим и пропавшим без вести в 1941 году на тверской земле.

И вот стараниями энтузиастов-поисковиков и властей рядом с мемориалом в селе Черный ручей установили четыре плиты с именами 76 погибших хохольцев и памятный знак, на котором высечены слова: «Воинам 922 полка 250 стрелковой дивизии. Уроженцам Хохольского района Воронежской области. От благодарных потомков».

На открытии памятника побывала делегация Хохольского района во главе с заместителем главы районной администрации Владимиром Морозовым. На торжественном митинге присутствовали родственники погибших, представители сельских администраций, ветераны войны.

Михаил Переславцев передал хохольцам именной список безвозвратных потерь 922 полка, в котором значились фамилии 95 жителей Хохольского района. Среди погибших и пропавших без вести Грибановы, Квасовы, Князевы, Кожевниковы, Турищевы, Цицилины — жители сел Хохол, Верхненикольское, Семидесятное, Кочетовка, Первая Еманча.

В этом скорбном списке — фамилия отца жителя поселка Хохольского Виктора Михайловича Семенихина.

— Мой отец, Михаил Сергеевич, ушел на фронт в первые дни Великой Отечественной войны, мне было всего два года. Связь с ним оборвалась почти сразу – ни фронтовых писем, ни каких-либо других весточек, — вспоминает сын погибшего солдата. — Все, что я знал, мне известно только со слов моей мамы, Екатерины Васильевны. Отец родом из села Староникольского, работал в колхозе бригадиром. Погиб под Смоленском в августе 1941 года. В этом же месяце семье пришла похоронка...

Действительно, как же важно для человека знать, где упокоилась душа твоего близкого. И надо верить, что не бывает ушедших бесследно. Время, память обязательно вернут их следы.

В годы Великой Отечественной войны Хохольский район был оккупирован немецкими войсками с июля 1942-го по январь 1943 года. Оккупанты отправляли людей в концлагеря, расстреливали партизан и коммунистов. Ценой огромных усилий и потерь в ходе Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской боевых операций хохольские села были освобождены от врага. Жители района бережно ухаживают за девятью братскими могилами. В них похоронены 3,5 тысячи советских солдат и офицеров.

Елена ДЕДОВА,
обозреватель Хохольской районной газеты «Народное слово»

Евгений Григорьевич Новичихин *родился в 1939 году в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт. Автор более сорока сборников стихотворений для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов, нескольких киносценариев. Лауреат премий им. М.А. Булгакова и А.П. Платонова, журнала «Подъём» «Родная речь», премии «Имперская культура» им. Э. Володина. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России, Союза кинематографистов. Живет в Воронеже.*

Евгений Новичихин

ФЕНОМЕН ВАСИЛИЯ ПАНИНА

(Память души для малой родины)

Размышлять о творческом пути известного кинорежиссера Василия Степановича Панина для меня одновременно и легко, и непросто. Легко — потому что мы с ним знакомы много лет. Более того, мы родились с ним практически в соседних селах. Пренебрегая не такой уж большой разницей в возрасте, можно сказать, что мы с ним принадлежим к одному и тому же поколению. А непросто — потому что в качестве автора сценариев я работал с ним вместе над несколькими его фильмами, поэтому говорить о нем какие-то высокие слова (а он их, безусловно, заслуживает!) равносильно похвалам и в свой собственный адрес.

Творческий путь Василия Панина — заслуженного деятеля искусств России, кавалера ордена Почета и других весомых наград — неотделим от главных вех развития нашего Отечества. Василий Степанович принадлежит к тому поколению, которое сегодня принято называть поколением детей войны. Это поколение людей, которые с самого детства, лицом к лицу, столкнулось со страданиями, с горем, голодом и разрухой. И, конечно, это во многом предопределило их мировоззрение. Мама Василия Степановича с простым русским именем Мария воспитывала троих детей. А отец, Степан Иванович, был военным моряком, защитником славного русского города Севастополя. Выдержал муки плена, откуда возвратился на свою малую родину только в конце 1946-го.

О своей родине Василий Степанович Панин в книге «Мой путь в кинематограф» написал так: «Родился я в Париже...» Один мой знакомый, попросивший почитать книгу, с улыбкой рассказывал, как он, дойдя до этой фразы и не дочитав пояснения, усомнился в прочитанном и полез в Интернет, чтобы уточнить: правда ли, что Панин родился во Франции? Нет, Василий Степанович родился в селе Хохол Воронежской области, в живописных черноземных местах. А Парижем в его селе земляки привычно называли колхоз «Парижская коммуна».

В кино будущий кинорежиссер влюбился раз и навсегда еще учеником Хохольской средней школы. Вместе с друзьями смотрел и пересматривал трофейные зарубежные фильмы, восхищался знаменитым фильмом «Молодая гвардия». Записался в школьный драматический кружок и здесь, в школьном спектакле, сам играл Олега Кошевого. Выступал со сцены, читая перед земляками произведения Шолохова, Горького, Маяковского и других классиков советской литературы. Начиная с четвертого класса, летом работал со взрослыми в поле, помогая убирать урожай. И, конечно, мечтал работать в кино.

Часто бывает, что детские мечты остаются только мечтами. Но Василий Степанович шел к своей мечте, можно сказать, последовательно, настойчиво. Поступал во ВГИК (кстати, одновременно с Людмилой Гурченко, Зинаидой Кириенко, Натальей Фатеевой) на курс к народным артистам СССР Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой. Тамара Федоровна настойчиво посоветовала ему учиться в театральном вузе. И к этому совету он прислушается, поступив в знаменитое Щепкинское училище. Правда, до этого будет служба на Северном флоте, в Северодвинске. Так что, если бы он сыграл роль в известном фильме «Мичман Панин» (а я знаю, что он действительно пробовался на роль в этой ленте), то это было бы в самую точку.

— Служба на флоте дала мне много, — рассказывал Василий Степанович. — Она была суровой, хлебнул я и в прямом смысле слова холодной морской воды. Но мысль о том, что я сын моряка, настоящего военного моряка, помогала переносить все мои трудности и невзгоды... Жили в старых холодных бараках, где, как нам рассказывали, в сороковых годах отбывала свой срок знаменитая Зоя Федорова. Здесь я окреп и физически, и морально, что в нашей профессии немаловажно.

Был в его творческой биографии и Воронежский драматический театр имени А.В. Кольцова. На его сцене он в качестве артиста вспомогательного состава выступал в пятидесятые годы, когда художественным руководителем театра работал большой мастер театрального искусства и прекрасный педагог, народный артист СССР Фирс Ефимович Шишигин.

В Щепкинском училище Панин учился на курсе великой актрисы Веры Николаевны Пашенной, лауреата Ленинской премии за исполнение главной роли в спектакле Малого театра «Васса Железнова». Профессиональную практику проходил там же — в прославленном Малом театре. В ту пору на его сцене играли Михаил Царев, Игорь Ильинский, Михаил Жаров, Иван Любезнов, Виталий Доронин, Борис Бабочкин, Евгений Самойлов... Корифеи театра и кино! Было у кого поучиться! Вспоминая эти годы, Василий Степанович писал: «В одном из спектаклей на сцене филиала Малого театра на Ордынке мы выходили в массовых сценах вместе с пришедшим в актерский состав Евгением Матвеевым. Почти ежедневно участвовали в спектаклях театра. Рядом с живой легендой, покоряющей столичную публику, мы постепенно, день за днем, осваивали актерское мастерство».

Вскоре и кинематограф обратил на него внимание. В кинофильме «Добровольцы» Панина пригласили сняться в эпизодической роли вместе с Леонидом Быковым. Позднее был кинофильм «Случай с ефрейтором Кочетковым», для работы над которым съемочная группа отправилась в киноэкспедицию в Молдавию. Сам Василий Степанович считает, что это была для него «первая страница в профессиональном киномире: первый раз отправился в далекую поездку». Как актер снялся он и в ряде других кинопроектов.

В. Панин и Е. Новичихин *(крайние справа)* на съемках фильма «На реке Девице». *2005 г.*

А потом учился еще и в ГИТИСе им. Луначарского, на Высших курсах сценаристов и режиссеров Госкино СССР.

Многие годы творческой деятельности Панина были связаны с киностудией «Мосфильм» — можно сказать, святая святых отечественного кино. Здесь он работал вторым режиссером — причем взяли его на эту «роль» единственного со всего курса! Сразу же предложили пойти в помощники к Игорю Владимировичу Ильинскому, который работал тогда над фильмом «Старый знакомый». В качестве второго режиссера Панину пришлось трудиться и в съемочной группе кинофильма «Большой аттракцион». Здесь же, на «Мосфильме», — уже как актер — он снимался в ряде фильмов. А первыми его самостоятельными работами были фильмы «Море улыбнулось» (1975), «Звезды России» (1976) и художественный фильм «Человек на полустанке» (1977), в котором играли великий Николай Крючков, а также Елена Цыплакова, Олег Анофриев, Раиса Рязанова, Владимир Дружников.

Подлинным триумфом режиссера стал двухсерийный фильм «Певучая Россия» о знаменитом собирателе и пропагандисте русской песни Митрофане Ефимовиче Пятницком. Главную роль в фильме сыграл Юрий Соломин. Не буду перечислять всех его фильмов — их более двадцати. Скажу только, что вслед за фильмом о Пятницком Василий Степанович, не раз обращаясь к образам и творчеству наших великих предков, снял фильм «На заре туманной юности» — о поэте Алексее Кольцове, «Покаянная любовь» — по повести Льва Толстого, «Опять надо жить» — по рассказам Андрея Платонова, «Захочу — полюблю» по повести Валерия Брюсова, «Господа артисты» — по мотивам сочинений Владимира Сологуба, «Бульварный роман» — по повести Валентина Пикуля и другие. Русская литература всегда привлекала его глубиной характеров, подлинностью событий, исторической правдой.

Николай Карамзин когда-то написал: «История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество». Василий Степанович иметь Отечество был достоин! По сути дела он — кинолетописец родного края, о чем свидетельствуют не только

фильмы, связанные с именами Пятницкого, Кольцова, Платонова, но и образы простых людей, запечатленные в киноработе «На реке Девице».

Мне приходилось читать о фильмах Панина много разного: и похвалу, и критику. И каждый раз я думал: и тот, кто хвалит его, и тот, кто критикует, лучше бы понимали кинорежиссера, если бы побывали на меловых горах в его родном Хохле. Я там бывал не раз, и любовь Василия Степановича к этой земле, к ее людям мне очень понятна.

Для Василия Степановича родная земля была не просто памятью души и сердца, вечной любовью. Она для него — своеобразное мерило требовательности к жизни и к человеку. Вспомню здесь личное. Когда Панин кому-нибудь представлял меня, то многозначительно говорил: «Мы с Евгением Григорьевичем родились на одной реке». И это для него были не пустые слова, а и оценка.

Мы действительно родились с ним на одной речке — той, что называется красиво: Девица. В Воронежской области есть две реки с таким названием. Наша с Паниным — та, что начинает свой путь в Нижнедевицком районе, петляет, становясь все полноводнее, по Хохольскому, а в Семилукском, уже набрав силенок, впадает в Дон. Я родился в верховьях Девицы, а Василий Степанович — в срединной ее части. Это она снилась нам в наших снах, к ней мы возвращались, чтобы в чем-то повиниться перед малой родиной или, наоборот, поведать о самом сокровенном.

Как земляки мы знались с Паниным очень давно. А вот работать совместно в кино начали с конца 90-х годов. За эти годы я убедился в том, что Василий Степанович способен удивлять. Он так хорошо ориентировался в кино, как будто плавал в своей родной Девице. Возьмем, к примеру, Народный кинофестиваль России, душой которого он был. Идея такого кинофестиваля как бы лежала на поверхности. Все видели, что к концу 90-х — началу 2000-х годов система кинопоказа в России развалилась. Не в каких-то маленьких селах — в иных городах, являющихся районными центрами, не было киноустановок. Как исправлять такую ситуацию? Ясно же: надо идти к зрителю — в районные Дома культуры, в сельские клубы. А у нас все фестивали — в крупных городах, и рассчитаны они в определенной степени на так называемого элитного зрителя. Все, повторяю, это видели и понимали. А додумался до идеи Народного кинофестиваля один Панин!

Первый Народный кинофестиваль прошел в Воронежском крае в 2000 году, можно сказать, на «ура». Благодаря Василию Степановичу и в провинциальных городах, и в самых отдаленных районах области зрители встретились с известными кинорежиссерами, со многими звездами кино. Кое-кому казалось странным, что такое созвездие имен появилось на кинофестивале, который еще себя «не показал». Но если вдуматься, ничего неожиданного в этом нет. Уникальность фестиваля была видна просто невооруженным глазом! Возродить традиции национального кинематографа можно только на этом пути: массовый зритель должен иметь к нему доступ.

К сожалению, прошло только три фестиваля. На этом его путь оборвался — не по вине Василия Степановича. Но в области о фестивале помнят и до сих пор называют его «панинским».

Он любил ощущение пути — и в переносном, и в буквальном смысле. Как-то, при очередной встрече с ним, узнав, что министерство путей сообщения присвоило ему звание Почетного железнодорожника за фильм «Опять надо жить», я позволил себе пошутить: мол, пассажир из вас, Василий Степанович, знатный. А как ощущаете себя в роли железнодорожника?

Василий Степанович ответил вполне серьезно:

— Понимаю, вы хотите сказать, что между железной дорогой и киноискусством — дистанция огромного размера? А я вспоминаю наш разговор с министром путей сообщения, когда мы с Егором Александровичем Исаевым пришли к нему с предложением снять фильм по Платонову. Я начал этот разговор с извинений: простите, дескать, что отрываем от важных государственных дел. А он на это ответил: «Василий

Братья Анатолий и Василий *(справа)* Панины

Степанович, кино для меня тоже дело государственное!» Вот и я говорю: кино — дело государственное. И если бы повсюду утвердилось это понятие, то, наверное, не так удивлялись бы люди, зная, этот режиссер — носит звание почетного железнодорожника, этот — народного учителя, а тот — заслуженного врача... Глядишь, и был бы такой огромный стимул для развития отечественного кино! Материальный-то стимул в наше время сведен почти к нулю...

Панин удивлял и тем, что в его фильмах всегда играли актеры, которых принято называть звездами: тот же Николай Крючков, Любовь Соколова, Кирилл Лавров, Вячеслав Тихонов, Василий Лановой, Георгий Тараторкин, Евгений Моргунов, Юрий Соломин, Лев Дуров, Зинаида Кириенко, Людмила Хитяева, Аристарх Ливанов, Владимир Конкин, Юрий Назаров, Галина Польских, Спартак Мишулин, Александр Пятков, Раиса Рязанова, Наталья Антонова... Этот список можно продолжать и продолжать. С ним работали великие композиторы Исаак Шварц, Евгений Дога, Вячеслав Овчинников, кинооператоры Михаил Коропцов, Тимур Зельма. Выдающийся кинорежиссер Иван Пырьев сказал как-то, что талант кинорежиссера заключается в умении собрать вокруг себя талантливых людей. Если это так, то этим талантом Василий Степанович обладал в полной мере. Многие недоумевали: как ему удавалось собирать такие блистательные творческие ансамбли? Ведь его фильмы, как правило, малобюджетны, много на них не заработаешь. На телеэкранах они тоже нечасто мелькают. Что же находили в них знаменитости?

Юрий Соломин так определил этот феномен Панина: «Василий Панин был талантливым режиссером и доброхотом. Поэтому так у него и любили сниматься все звезды российского кино».

А сам Панин по этому поводу говорил: «Чем талантливее человек, тем меньше у него апломба. Апломб — он ведь связан чаще с бездарностью, чем с большим талантом».

Думается, что и Юрий Мефодьевич, и Василий Степанович правы, но лишь отчасти. А другая часть заключается в том, что у Панина был свой творческий почерк. Попытаюсь объяснить этот почерк, этот феномен так, как понимаю сам.

Первое. Фильмы Василия Степановича никогда не бывали разрушительными. Они и сейчас несут зрителю добро и высокую нравственность. «Разрушительную» моду в

кино (да и не только в кино!), искусственно навязываемую нам с Запада, наш земляк категорически не признавал. В этом он находил понимание и среди многих актеров.

Второе. Панин работал исключительно в традициях отечественного кино. Западные образцы были ему чужды, их в его кинолентах никогда не было. И тут надо сказать вот о чем. Если судить по репертуару иных кинотеатров, по программам некоторых каналов телевидения, то можно подумать, что жизнь — это сплошные бандитские разборки, это убийство за убийством и их бесконечные расследования людьми, которые по своим нравственным качествам иногда ушли не так уж далеко от преследуемых. Василий Панин в своем творчестве ни разу не поддался соблазну пойти на поводу у этой своеобразной «моды». Были у него на счету и успехи, и неудачи, но все они в рамках тех традиций, корни которых в историческом пути отечественной кинематографии. Нет, он не был против изучения зарубежного киноопыта. Напротив, обеими руками — за. Но только не за счет нравственных, моральных критериев отечественных фильмов.

Третье. Начиная с одного из самых первых своих фильмов — «Человек на полустанке» и заканчивая самым близким к нам по времени фильмом «На реке Девице», в фильмах Панина — как один из самых великих актеров — играет русская песня. Та самая, о которой большой русский поэт Виктор Федорович Боков говорил, что она — плоть и кровь русского человека, нашего национального характера. В кинофильмах Василия Степановича неоднократно звучали и Воронежский государственный русский народный хор, и знаменитый ансамбль «Воронежские девчата», и великолепный ансамбль с малой родины режиссера — «Хохольские родники», и фольклорный ансамбль Воронежского музыкального училища под руководством Натальи Массалитиновой, пели и народная артистка России Мария Мордасова, и заслуженная артистка России Мария Зеленева, и другие коллективы и исполнители.

Четвертое. Панин как режиссер не признавал ложного, показного философствования, не прибегал к нему, можно сказать, сознательно, принципиально. Роль философа в его фильмах выполняет русская природа — причем роль далеко не последнюю, а иной раз и главную. Утка, плывущая по озеру, шелест камыша, шумящие на ветру деревья, журчание ручья и другие картины природы в его фильмах так красноречивы, что эти кадры хочется смотреть и пересматривать. И — размышлять.

И, наконец, пятое. В центре его фильмов всегда была русская душа. О русском характере сам Василий Степанович говорил так: «Трудиться — так до мозолей на ладонях, до ломоты в костях, биться с врагом — так до победы, любить — так до гробовой доски!» Именно такими в его фильмах предстают и пожилой железнодорожник, и народный поэт, и юная девчонка, только-только вступающая в жизнь, и многие другие герои. Он и сам всегда был и останется в нашей памяти таким — русский человек, известный деятель культуры, не почивший на лаврах, а трудившийся и любивший до крайнего своего мгновения, до последнего вздоха.

ВРЕМЯ, ЕЩЕ НЕ ОТОРВАННОЕ ОТ ВЕЧНЫХ ИСТОКОВ

(Вспоминая художника Аркадия Васильева)

Сначала несколько важных штрихов из творческой жизни папы...

В феврале 1921 года Павла Ивановича, отца Аркадия, переводят по военной службе из Липецка в Воронеж. В этом же году папа поступает в Воронежские высшие государственные художественные мастерские, где занимается у А.А. Бучкури, ученика И.Е. Репина. В 1923 году он был принят на второй курс Воронежского художественно-промышленного техникума, где продолжает учебу у А.А. Бучкури, а также у С.М. Романовича и В.П. Трофимова. В 1927 году А.П. Васильев окончил техникум по живописно-декоративному отделению и после двухлетней работы вторым художником в Воронежском драматическом театре получил квалификацию художника-постановщика...

...Бучкури боготворили, ему подражали, у него учились, его «впитывали» в себя, обогащаясь и продолжая. Привязанность к любимому учителю, дружба между собой у его учеников осталась на всю жизнь.

Аркадий Васильев не раз произнесет такие слова: «Меня создали два человека: отец и Бучкури»...

Не подражал открыто ему. Пожалуй, в ранних работах больше чувствуется влияние Романовича...

Увлекался старыми мастерами, изучая до тонкости технологию обработки холста, подмалевку, состав красок и другие секреты. Часто писал на дереве: оно гладко «берет» краску, оно природный материал, оно теплое и живое...

Видеть и воспринимать мир по-особому художнику в широком смысле слова дано от природы, но именно Бучкури научил переносить это видение в изображение, не растратив, не испортив его, но и не просто скопировав, как фотограф, а художественно воссоздав. От Бучкури зародилась у Васильева и любовь к русской деревне, к простым и необыкновенным лицам ее обитателей, привязанность и очарованность природой родного края. Это все будет находить свое развитие с годами...

...В 1927 году Васильев едет в Ленинград поступать в Академию художеств. Не был принят из-за социального происхождения: «... не такой, как все, интеллигент...» Знакомится с Филоновым, посещает его мастерскую. Подобная же встреча и учеба у Петрова-Водкина...

Понял окончательно: мастерство достигается трудом, если есть Божий дар и любовь...

...Александр Алексеевич Бучкури его уважал. Учитель и ученик стали коллегами... В 1929 году А.А. Бучкури и А.П. Васильев создают Городскую художественную студию, став в ней ведущими преподавателями...

...Гремячье. Там, «на низу» у Дона, отдыхала наша семья задолго до моего рождения... Жили у тети Паши, с которой мама вместе сидела в тюрьме. Мама обвинялась в пособничестве шпионажу своему первому мужу-поляку... Тетя Паша, мудрая от природы деревенская женщина, попала в застенки за свою преданность христианской вере...

...Едем в Гремячье... Мама собирает в картонные коробки посуду, в старый чемодан одежду, в матерчатые мешочки крупу, макароны, сахар. Там, в деревне, ничего не купишь... Надо хлеба закупить, но больше двух килограммов в руки не дают. Придется сбегать несколько раз в магазин... На завтра выписан в фонде грузовик для «перевозки художника А.П.Васильева с семьей в село Гремячье для творческой работы»...

Так начался гремячинский период в творчестве художника Васильева...

...Избы под соломенной крышей, плетни, сады, срубы колодцев, разноцветные мальвы под окнами...

...Законченных портретов с натуры в Гремячьем папа не писал. Позировать (долго сидеть смирно и ничего не делать) никто не станет, когда огород не полот, свинья не кормлена, корова не доена! Мимолетные «нашлепки», этюды голов фигур. Писал собирательные образы, типажи, которые складывались в художественном воображении под впечатлением реальных людей. Долгими осенними и зимними вечерами эти образы войдут в композиции.

Большое разнообразие вариантов, поиск на гремячинские темы: «На пароме», «Песня», «На дубках», «Доярки», «Пастух». Многие будут перенесены на большой холст...

...Было в Гремячьем одно мимолетное событие, оставившее, однако, неприятный осадок у всей семьи. Все началось осенью. К сообщению папы о потомке Пушкина, живущем в Воронеже, все отнеслись с недоверием... Но когда художник Олег Вадимович Кологривов, приглашенный к обеду, перешагнул наш порог, все сомнения как-то сами собой растаяли. Представлен он нашему семейству был по всем правилам дворянского этикета — уж это папа умел.

Чинно пообедали с темным вином, принесенным гостем, которому очень понравились мамины кулинарные творения... Олег Вадимович рассказал немного о своей родословной, о себе. Очень тактично, без подробностей посетовал на несложившуюся семейную жизнь и неизбежный развод с женой, художницей Ксенией Николаевной Успенской. Всем стало жаль потомка Пушкина, оставшегося бесприютным...

Как только он ушел, было сделано единодушное заключение: похож! И нос, и губы... хоть с тропининским портретом сравнивай. Но вот чем он превзошел великого предка, так это ростом и крепким сложением...

...Вова Четкин, Саша Савин, Жора Акатов, И. Воронов, О.Новиков — талантливые ученики моего папы...»

Татьяна ПЯТОЧЕНКО,
дочь художника Аркадия Павловича Васильева.
(Из книги «Когда была река». Воронеж, 2003).

Основную часть работ своего отца, талантливого художника А.П. Васильева, Татьяна Аркадьевна Пяточенко передала Воронежскому художественному музею имени Крамского, музею Воронежского заповедника.

СТАРОНИКОЛЬСКИЕ ЧАСТУШКИ ДЛЯ АВТОРА «ВАСИЛИЯ ТЁРКИНА»

(Как А.Т. Твардовский был в гостях у хохольских тружеников)

В своей книге «Счет времени», вышедшей в издательстве «Современник» в 1978 году, воронежский писатель Николай Коноплин опубликовал заметки о том, как в 1951 году готовил для газеты «Коммуна» очерк о встрече кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР Александра Трифоновича Твардовского с тружениками колхоза «Великий Октябрь» Хохольского района.

«Года прошли немалые, аромат тех дней лучше улавливается в деталях, — отмечает писатель. — У Александра Трифоновича было молодое, какое-то задиристое, округлого рисунка лицо; великолепная, золотистая, пышная, разлетающаяся на ходу, шевелюра; светло-иронические глаза. Такие глаза небывалой прозрачности, словно бы состоящие из одного чистейшего кристалла, я видел ещё у народного артиста СССР Николая Симонова. Александр Трифонович больше слушал, чем говорил. Ходил неторопливо, держа осанку…

...Все заранее составленные графики встреч были тут же отметены. Поэт отправился читать стихи жаждущим прекрасного людям.

Дом культуры, заметно ветхий, видимо, давно не отапливался. Было здесь довольно зябко, а когда в полутесном зале собрался народ, задышал, со стен, выкрашенных розовой масляной краской, даже заструилась вода. Зажгли свет. Александр Трифонович, не обращая внимания на разные там несущественные мелочи, привычным жестом пригладил распадающиеся волосы и приступил к главному – начал читать «Василия Тёркина»…

Вот уж тишина так тишина установилась в зале. Я, конечно же, постарался устроиться в первом ряду и видел, как, не дыша, ловили люди стихи-откровения…

В этот вечер Александр Трифонович научил меня и всех присутствующих петь хорошие песни. В том числе и такую, задористо-смешную, о том, как чудаки-мужики «метелки вязали».

...А что, разве я не могу гордиться, что вместе с Твардовским, пусть вторя, пел эту песню?..»

Такие воспоминания о встречах с народным советским поэтом на хохольской земле многие годы жили и в памяти местных жителей. Конечно же, время неумолимо прореживало этот строй. Потому столь ценной и благородной представляется нам поисковая работа, которую со своими учениками не так давно проделала Надежда Анатольевна Попова в свою бытность учительницей русского языка и литературы Староникольской школы.

А.Т. Твардовский

* * *

Школа, где я работала, находится недалеко от районного центра – посёлка Хохольский. Наш район – это край с очень интересным прошлым, но к такому выводу пришла я, а вместе со мной и мои ученики, лишь несколько лет назад. И очень жалею, что это открытие не случилось раньше.

А началось всё вот с чего. Есть в нашей работе тема, к которой мы всякий раз прикасаемся бережно и свято, — память о Великой Отечественной войне. Несколько лет назад на встречу с учениками была приглашена Полина Дмитриевна Черных, человек удивительной судьбы. Родилась она 14 октября 1922 года. В конце 1942 года девушка добровольцем пошла на войну, воевала в зенитной батарее 046/77 наводчицей. После войны до самой пенсии работала в нашей Староникольской школе учителем математики. Одним словом, ей было о чем рассказать. И вот в конце своего рассказа она неожиданно спросила:

— А вы знаете, ребята, что в 1951 году в нашем селе был Александр Трифонович Твардовский?

Ребята, и без того взволнованные услышанным, засыпали Полину Дмитриевну вопросами. Да, она запомнила эту встречу, как и другие староникольцы, среди которых названы были В.З. Трофимов, И.М. Руднев, А.Е. Лещева и другие.

Так мои ученики стали краеведами. Они решили встретиться со своими земляками и собрать материал, связанный с пребыванием в родном селе знаменитого поэта. Поисковая работа очень увлекла их. Кстати, общение со старожилами оказалось полезным подросткам: даже самые дерзкие и самые шумные преображаются, занимаясь этим делом: говорят тише, уважительнее, внимательно слушают, боясь нарушить особую доверительную атмосферу. Да и договариваясь о встрече, они обязательно заранее спрашивали, можно ли прийти, в какое время?

Став юными исследователями, ребята по крупицам собрали интересующий нас материал. К сожалению, многих жителей села к этому времени уже не было в живых, но те, кто остались, с удовольствием поделились своими воспоминаниями. Большая удача нас ждала при посещении Анны Васильевны Хрипушиной, дочери бывшего председателя Староникольского сельсовета Василия Алексеевича Хрипушина. Она предоставила нам из семейного архива две фотографии с изображением А.Т. Твардовского, разрешила их перефотографировать, но в школьный музей не отдала: очень уж дорожит ими, так как это память об отце: время тогда было трудное, фотографировались крайне редко.

Так как же А.Т. Твардовский оказался в селе Староникольском?

1951 год. 14 марта — выборы в Верховный Совет РСФСР. Кандидаты в депутаты разъехались по республике для встреч с избирателями. В один из зимних дней кандидат в депутаты Александр Трифонович Твардовский прибыл в село Староникольское. Было это 10 февраля.

Рассказывает В.З. Трофимов:

— Я готовил к приёму гостя площадь перед клубом и само помещение клуба: собирал по селу скамейки, стулья (год-то послевоенный). Клуб был расположен там, где сейчас здание Сбербанка. Привезли Твардовского на лошади, в санях. Одет в длинное

пальто, валенки, шапку-ушанку с отвернутыми ушами. Было очень холодно. Народу собралось на встречу огромное количество, но в этом людском море Александр Трифонович был выше всех. Действительно, поэт был могучего телосложения. Шел ему 41-й год, но он уже был седой.

Митинг начался на улице. Выступали с трибуны, которая была перед клубом. Потом встреча продолжалась в помещении. Сюда привезли школьников.

Вспоминает П.Д. Черных:

— Со всеми сотрудниками школы он поздоровался за руку, запросто интересовался делами школы. Потом спросил: «Ну, кто у вас тут самый смышлёный?» Школа наша была тогда семилеткой. Самым-самым у нас был отличник-шестиклассник, сирота Ваня Руднев. Ему и выпала честь приветствовать от имени школьников высокого почетного гостя.

И.М. Руднев рассказывает:

— К выступлению меня готовил директор школы Георгий Федорович Щичко. Он не так давно демобилизовался после войны, был офицером и ходил в военной форме. Он не только мою будущую речь написал и отрепетировал со мною, но и «нарядил» меня: мою убогую одежонку подпоясал своим офицерским ремнем. Я летал от счастья. А слова, которые произнес полвека года назад, помню до сих пор: «Александр Трифонович, мы рады встрече с Вами, так как ваши стихи учат нас правильно жить, добросовестно трудиться. Мы, школьники, будем отлично учиться. Обещаем Вам, что будем достойно жить, как Ваши герои. А наши родители обязательно за Вас проголосуют. Мы вас очень любим».

После произнесенного Ваней приветствия Твардовский повернул его к себе, пожал руку, положил ладони ему на плечи, поблагодарил за добрые слова.

Удивительно, что, вспоминая свою речь, Иван Михайлович произнес ее без единой запинки, как будто она произнесена была только вчера.

После официальной части было застолье. Твардовский был прост в обращении с людьми, много (и очень красиво) пел. Ему очень понравились староникольские частушки, которые исполнили для гостя местные парни и девчата.

Встречался он в этот день и с избирателями на десятидворке. Было это в доме Сабыниных — Тимофея Ивановича (было ему 80 лет) и Ирины Яковлевны (71 год).

А.Е. Лещёва (тогда еще маленькая девочка, которую мама взяла на десятидворку) помнит, что в доме пели, читали стихи, что «чужой дядя» — Твардовский — был очень большой, крупный. И, кажется, одной из тех, кто пел частушки, была бабушка Нюра Агапочкина.

Ночевать определили Александра Трифоновича к старикам Сабыниным, (к сожалению, в живых их уже нет). Как известно, Староникольское издавна нелегально славилось своей самогонкой. Дед Сабынин угостил гостя собственной заветной бутылочкой. А дальше Твардовский, совсем как его герой из «Василия Тёркина» (вспомните яичницу на сале у старика и старухи), лукаво спросил: «А может, ещё одна найдется?» Конечно, нашлась и вторая, и третья…

А утром гость уехал в Никольскую Еманчу.

К сожалению, домик Сабыниных не сохранился. А.Е. Лещева показала нам то место, где когда-то он стоял. Сейчас там пустырь.

Так мы приоткрыли еще одну страничку из жизни великого русского поэта Александра Трифоновича Твардовского.

Надежда ПОПОВА

Валерий Дмитриевич Березуцкий *родился в 1953 году в селе Рождественская Хава Новоусманского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время — доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. Кандидат исторических наук. Лауреат премии «Родная речь» журнала «Подъём» (2016). Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.*

Валерий Березуцкий

ЖЕМЧУЖИНА ПАЛЕОЛИТА НА ДОНУ

То, что обычному человеку кажется камнем, для знающего является жемчужиной.

Джалаладдин Руми

«Жемчужина палеолита» — так называют Костенки, где находятся стоянки человека эпохи верхнего палеолита. Самым древним из них, как сегодня выясняется, более 42 тысяч лет…

Краткая справка. Каменный век — самая длительная эпоха в истории человечества. Она выделена на основании основного природного материала, из которого человек изготавливал орудия труда — камня. В 1862 году Джорж Леббок предложил разделить дописьменную историю на две части — палеолит и неолит: *«палайос»* — (греч. *«древний»*, *«литос»* — камень, т.е. древний каменный век; *«неос»* — новый, *«литос»* — камень — новый каменный век). Затем Габриэль де Мортилье разделил палеолит на два периода — *верхний* (поздний, который ближе по времени к нам) и *нижний*. Верхний палеолит был датирован временем жизни современного человека (40–12 тысяч лет назад), а нижний — более удаленными во времени тысячелетиями. Сегодня выделен и третий период — *средний палеолит* — переходное время от нижнего (раннего) к верхнему (позднему) палеолиту.

Ландшафт и климат Восточной Европы были в то время суровыми — тундра и холодные степи, промерзшие от постоянных холодов. Леса занимали лишь небольшие пространства по оврагам и балкам.

Температура была ниже современной примерно на 12 градусов и зимой достигала от –35 до –40 градусов по Цельсию. Этот климат создавался ледником, находившимся на территории Скандинавского полуострова и определявшим температурные режимы всей Европы. Соответствовали природным условиям и животные: мамонты, шерстистые носороги, пещерные львы и медведи, полярные животные — северный олень, песец, росомаха, овцебык. Полярные животные, животные холодных степей жили даже в горах Крыма. Стоянки людей располагались на высоких местах у больших рек. Как полагают, это давало возможность наблюдать за животными на равнине, планировать охоту на них.

Специалисты называют людей верхнего палеолита *кроманьонцами* (по названию пещеры Кроманьон во Франции, где были впервые найдены свидетельства обитания людей верхнего палеолита). Кроманьонцы, как об этом свидетельствуют данные антропологов, были высокорослые, широкоплечие, с развитым черепом, орлиным носом, развитым подбородком… Это мы с вами, люди современного типа.

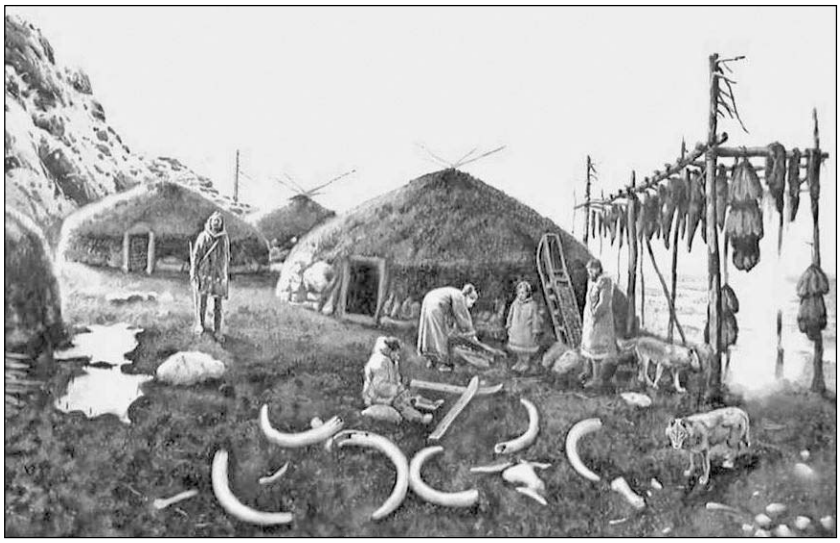
НАЧАЛО. ПОДЗЕМНЫЙ ЗВЕРЬ И СЛОНЫ МАКЕДОНСКОГО

Село Костенки получило свое название по урочищу у Дона, где местные жители с момента своего поселения здесь (с начала XVII века) находили невероятно крупные кости животных. Будучи не в силах объяснить происхождение гигантских костей, их приписывали либо великану, умершему на берегу Дона, либо четвероногому огромному подземному зверю.

Когда Петр I решил строить Воронежский флот для взятия турецкой крепости Азов, весть о диковинных костях дошла и до него, всегда проявлявшего интерес ко всему необычному. В начале 1696 года царь посылает в Костенки солдата Преображенского полка Филимона Касатонова для раскопок «больших костей». Петр часто поручал солдатам своего «потешного полка», которых знал лично, всевозможные ответственные дела. В помощь Ф. Касатонову были выделены жители Костенска, ставшего к тому времени городом. Что в итоге достиг Ф. Касатонов своими раскопками — неизвестно. Но, видимо, Петр остался доволен, поскольку солдат получил после выполнения «его великого государя дела» звание бомбардира (воинский чин в артиллерии). Царь сделал свое заключение о костях: это боевые слоны Александра Македонского, погибшие во время его похода в Индию.

О мамонте тогда ничего не было известно, а первая научная статья об этом вымершем животном была написана российским историком В.Н. Татищевым только в 1730 году. Василий Никитич был первым в России автором работы о древнем и загадочном звере, о котором он собрал разнообразные сведения. Насколько фантастичны были представления людей о мамонте в то время можно судить по таким рассказам, запечатленным в его работе «Сказание о звере мамонте»: *«Оной зверь живет всегда под землей, с места на место приходит, очищая и предуготовляя путь себе имущими рогами…, но не может никогда на свет выйтить; когда же так близко к поверхности земли приближится, что воздух ощутит, то умрет. О пище его не что иное мнят, как токмо самая сущая земля, при том же некоторые сказуют, что он не может в тех местах жить, где люди на земле поселились, но удаляется в места пустые и ненаселенные»*. Так что наивное на первый взгляд предположение Петра I о костях слонов Александра Македонского (войска великого завоевателя древности никогда не были в Подонье) на этом фоне покажется куда как ближе к истине, чем мифы о страшном четвероногом подземном звере.

В 1768–1769 годах в Костенках побывал академик Российской академии наук Самуил Готлиб Гмелин-младший (немец на русской службе) для проверки сведений о больших костях. О своих раскопках исследователь писал: *«Кроме остатков слонов я не мог найти никаких других животных, нельзя было составить*



Палеолитическая стоянка охотников

и ни одного целого скелета. Жители верят в огромного подземного четвероногого зверя, существование которого обнаруживается только после его смерти. Им никак не понять, как попали в эти места скелеты зверей, даже малейшего следа которых нет здесь теперь, и что это за зверь. Однако теперь нельзя довольствоваться подобными вымыслами». Не исключено, что ученый нашел остатки жилища из костей мамонта. Но о жилищах охотников палеолита вообще никому не было известно. Неудивительно, что академик не понял найденные находки, как остатки жилища.

И.С. ПОЛЯКОВ. ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ПРОРЫВ

В 1879 году в Костенках была открыта первая палеолитическая стоянка. Честь ее открытия принадлежит Ивану Семеновичу Полякову (1845–1887), известному естествоиспытателю XIX века. Сын бурятки и бедного забайкальского казака оставил заметный след в зоологии и археологии. Ему было 12 лет, когда он отправился учиться в Иркутск. Интересующегося способного юношу заметили и оставили преподавать в училище. Помощь в овладении естественными науками оказал И.С. Полякову революционер-анархист князь П.А. Кропоткин.

В 1867 году при поддержке князя юноша попадает в Санкт-Петербург и заканчивает физико-математический факультет Петербургского университета в звании магистра. В 1875 году И.С. Поляков становится хранителем зоологических коллекций Академии наук. Эта должность при Академии дала возможность ученому посетить Европу, а на средства Академии и Географического общества Иван Семенович ведет полевые исследования в Центральной России, на Кавказе, Урале, Сибири, Сахалине. И.С. Поляков был хорошо знаком с трудом П.А. Кропоткина по ледниковому периоду, как и с самим ученым-революционером и считал, что в России надо искать палеолит в тех местах, где известны находки костей мамонта.

В 1879 году И.С. Поляков прибывает в Костенки для проверки сведений С.Г. Гмелина. Начало не сулило ничего хорошего. На крестьянском сходе, организованного становым приставом, прибывшим из Воронежа вместе с Иваном Семеновичем для решения своих вопросов, И.С. Поляков спросил о больших кос-

тях. Крестьяне как один отвечали, что, мол, не видели и не знают. Исследователь правильно решил — надо подождать: *«... выражение лиц и позы говоривших, с неизбежным почесыванием затылков, не лишали надежды на благоприятные результаты»*. А когда старушка, принесшая И.С. Полякову кость мамонта, получила вознаграждение, к вечеру того же дня у исследователя была уже куча костей с подробными координатами находок.

Одним из указанных Ивану Степановичу мест, находилось на левом берегу Покровского ручья, который выходил в долину Дона. При рытье землянки для пчел (омшаника) крестьяне находили много крупных костей. Хозяину усадьбы Ф.А. Мануйлову как раз потребовался новый участок для омшаника и И.С. Поляков с восемью рабочими начал раскопки (по другим сведениям, Иван Семенович пообещал вырыть новый омшаник за счет средств Академии наук). Так 16 (28) июня 1879 года он нашел первую стоянку. Находки произвели на исследователя «потрясающее впечатление». Что особо важно: вместе с костями мамонта были найдены изделия из кремня и остатки кострищ!

Иван Семенович мечтал вернуться на новые раскопки, но не смог. Пропагандист науки, зоолог, археолог, этнограф где-то «надломился». Возможно, что-то произошло с ним в личной жизни (он не был женат и с семейной жизнью не сложилось). Так или иначе, о последних годах Ивана Семеновича известно мало... Много пил... Талантливый ученый умер в сорок два года...

И.С. Поляков

С.Н. Замятнин

С.Н. ЗАМЯТНИН И ВТОРОЙ НАУЧНЫЙ ПРОРЫВ

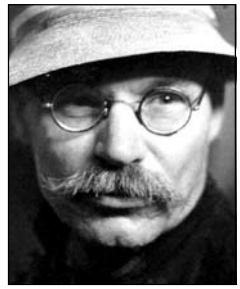
В 1915 году польский археолог С.А. Круковский побывал на Костенковской стоянке и раскопал значительную площадь. В раскопках С.А. Круковского принимает участие и шестнадцатилетний Сергей Замятнин — наш земляк из Павловска, будущий ученый, один из основателей отечественной науки о палеолите.

В 1922 году Сергей Николаевич на средства Государственного Русского Музея организовал экспедицию в Костенки и Борщево. Была исследована стоянка, открытая видным археологом А.А. Спициным в 1905 году и найдена новая стоянка у с. Борщево, продолжены раскопки стоянки в Костенках.

В 1923 году С.Н. Замятнин приглашает в экспедицию в Костенки и Борщево археолога Петра Петровича Ефименко (1884–1969), который сыграл большую роль в становлении палеолитической археологии в нашей стране и, видимо, в выборе научного поиска Сергея Николаевича. Даже уехав из Воронежа в Ленинград в 1924 году, Сергей Николаевич не прекращал исследований палеолитических стоянок у Костенок.

Костенки большинством людей, интересующихся нашей историей, чаще всего воспринимаются как самый древний

П.П. Ефименко



А.Н. Рогачев

памятник людей каменного века, время охотника на мамонта. Читателю будет интересно узнать и другие, куда более значимые открытия в Костенках.

Пожалуй, первое в их ряду принадлежит С.Н. Замятнину. В чем оно заключается? До исследований ученого утвердилось представление, согласно которому человек верхнего палеолита всецело зависел от природного окружения. И если что-то изменялось в его жизни (создание новых орудий труда, приемов обработки камня), то это было вызвано влиянием природно-климатических изменений. А поскольку природа была схожей от Сибири до Испании, человеку того времени приписывалась единая культура, единые традиции, быт.

По мнению же С.Н. Замятнина, различия в культуре палеолита, вызванные изменением природной среды, существуют, но они не существенны. Сходство и различия в культуре палеолита хотя и зависели от среды обитания, но определялись не ею, а особенностями жизни людей того времени — разрозненностью людских коллективов друг от друга, отсутствием каких-либо связей между ними, малочисленностью населения. При высоком же уровне верхнепалеолитической культуры это приводило к появлению местных, особых форм орудий труда, оружия, приемов домостроительства, особенностей одежды, украшений, проявлений первобытного искусства. Иначе говоря, сами людские коллективы не были одинаковыми на обширных пространствах Евразии. Что в этот период уже существовали палеолитические *археологические культуры* со своими особенностями!

И хотя в науке долго господствовало мнение о решающем влиянии природной среды на развитие культур палеолита, идеи Сергея Николаевича впоследствии «пробили» себе дорогу.

Краткая справка. *Археологическая культура* — важнейшее понятие в археологии. Поскольку названия древних племен и народов часто неизвестны, для их обозначения применяется этот научный термин. Археологическую культуру составляют особенности погребального обряда, домостроительства, украшений, гончарства, украшений, оружия и т.д. Каждая культура находится на определенной территории, имеет свои границы распространения, время существования.

П.П. ЕФИМЕНКО. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

В 1923 году П.П. Ефименко обнаружил первое палеолитическое жилище в Костенках. Тогда о существовании жилищ, созданных человеком палеолита, мало кто догадывался, а многие ученые исключали саму возможность такого явления. Первобытных людей палеолита представляли как примитивных бродячих охотников, живших во временных, наспех устроенных убежищах. Петру Петровичу принадлежит мысль о долговременных жилищах эпохи палеолита и об оседлой жизни охотников на мамонта.

Удалось обнаружить жилища благодаря новым методам исследований палеолитических стоянок. До П.П. Ефименко раскопки велись небольшими по площади шурфами-раскопами, оторванными друг от друга. Найденные свидетельства палеолитической эпохи в разных шурфах слабо или, чаще всего, совсем не «привязывались» друг к другу. И было непонятно: найденные кости, орудия из камня из неподалеку расположенных друг от друга шурфов-раскопов принадлежат одним и тем же слоям или нет? При этом найденные предметы после их обозначения на плане сразу убирались, и их возможная взаимосвязь даже не устанавливалась. При таких раскопках найти жилище, хозяйственное строение было можно, но понять его, что оно и есть жилище или иное строение было просто невозможно. Это все равно, что разложить на столе десяток пазлов из ста какой-нибудь картинки и по ним пробовать понять, что изображено. Подобная методика, вероятнее всего, происходила из палеонтологии (науке о древних животных). Ведь палеонтологов

интересовали в первую очередь сами находки, потом уже вопрос о том, в каких слоях они находились.

На базе Костенок начала складываться «костенковская школа палеолита». Через нее прошли многие археологи, ученые — ученики П.П. Ефименко или его последователи: П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев, Н.Д. Праслов и другие. Уже до Великой Отечественной войны на археологической карте у Костенок числилось около 10 стоянок палеолита, а три — в соседнем селе Борщево.

ПАЛЕОЛИТ И МАРКСИЗМ

На первый взгляд, может показаться, что археология дальше всех наук от политики и ее-то уж эта политика никак не касается. Действительно: мамонты, шерстистые носороги и… «марксизм, политика партии и правительства»… Ан, нет. Со второй половины 20-х годов прошлого века марксизм становится в нашей стране единственной допустимой методологической наукой (методология изучает методы исследования). История и археология, в том числе, должны были по тогдашним представлениям большевиков подтверждать «единственно верное учение Маркса» — о постепенном развитии всего человечества от одной ступени к другой. В итоге получалось — «сначала телега, а потом лошадь», сначала принимаем теорию, а потом ее надо обязательно подтверждать. Досталось всем, кто этого не понял. Начались массовые аресты, снятие с должностей. Вузы «чистили» от «идейно чуждых преподавателей». Требовали от ученых заверений в принятии идей марксизма и обещаний борьбы с западными буржуазными учеными — «приспешниками капиталистов». Классовый подход затмил большевикам глаза. Истина теперь должна была быть только одна — марксистская. Других нет и быть не может! Сколько судеб, талантливых и молодых было сломлено…

П.П. Ефименко внимательно изучал труды К. Маркса и взгляды Петра Петровича формировались именно как взгляды убежденного марксиста. В 30-е годы XX века европейская наука основывалась на передовых достижениях французской школы палеолита. Французские ученые Мортилье и Брейль разработали для верхнего палеолита Западной Европы схему развития, основанную на изменении каменных орудий труда во времени. П.П. Ефименко не принял эту схему, поскольку она противоречила марксизму: существовали, мол, стадии, ступени в развитии палеолита, сменяющие друг друга в поступательном развитии. А что происходило с орудиями труда, этот вопрос даже не интересовал ни П.П. Ефименко, ни его учеников. Это ж «буржуазное вещеведение», копаться в предметах, выискивая что-то. А в итоге все население палеолита, как один человек, «шло» от одной ступени к другой вместе с изменяющимися орудиями труда. И так от Сибири до Испании. Именно этому учил марксизм. Среди учеников П.П. Ефименко выделялись Павел Иосифович Борисковский и Александр Николаевич Рогачев. Первый развивал и отстаивал идею стадиального развития, а второй встал на путь ее разрушения.

А.Н. Рогачев, участвуя с 1934 году в раскопках на Костенках, столкнулся с противоречиями, которые никак не объяснялись стадиальной теорией. На одной из костенковских стоянок археологи обнаружили странные факты. Чтобы их понять, необходимо представить хотя бы общее представление об объекте странности. По стадиальным взглядам П.П. Ефименко сначала появляются длинные жилища (первая стадия), со временем они сменяются жилищами округлой формы (следующая стадия). Каждой стадии, т.е. каждому виду жилищ соответствовали орудия труда. Это в теории. Но Костенки напрочь опровергли эти стадиальные рассуждения: найденное в Костенках длинное жилище имело кремневые находки, которые относились к другой стадии, для которой характерны были круглые

жилища! А в круглом жилище археологи нашли находки, которые должны были бы найти в длинных жилищах!

Это был один случай, и обошлось без сенсации. В послевоенный период А.Н. Рогачев возглавляет Костенковскую экспедицию. Следуют раскопки нескольких стоянок. Тогда и было установлено, в частности: древние слои стоянок разделяются прослойкой вулканического пепла. Он четко делит эти слои на два слоя и может служить «точкой отсчета» в сторону более древних периодов и в сторону более молодых периодов палеолита. Вулканическая деятельность не является достоянием Дона, это результат одноразового извержения, происходившего за тысячи километров от Костенок где-то в Средиземноморье. Но именно это извержение и помогло археологам.

А.Н. Рогачев пришел к выводу: разнообразие форм орудий труда из камня и кости отражает не стадии развития, а *этнографические особенности людских коллективов*, т.е. у различных коллективов людей палеолита были разными традиции, да и сама культура! Этот взгляд был революционным, новаторским! Термин «этнографические особенности» тогда применительно к палеолиту никто не применял. Причины? Не сложились, мол, еще те различия, которые можно принять за этнографические, т.е. как особенности культуры племен, народов. Александр Николаевич убеждал: сложились. Исследователь наметил выделение трех археологических культур в Костенковско-Борщевском районе.

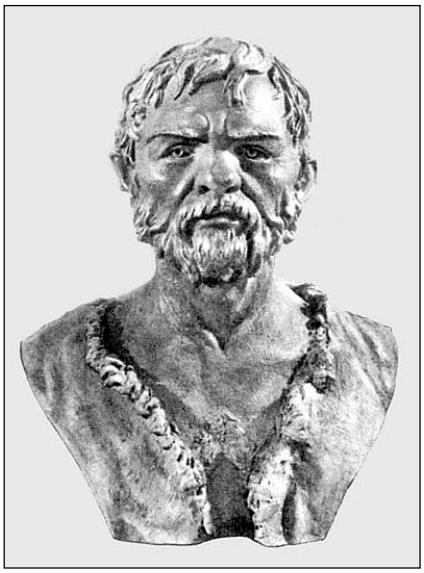
Идеи исследователя не были приняты ни П.П. Ефименко, ни П.И. Борисковским. Все 50-60-е годы идут в полемике между исследователями. Но дальнейшие раскопки подтвердили идеи Александра Николаевича. К началу 70-х годов прошлого века идеи А.Н. Рогачева окончательно утверждаются в науке.

Исследования палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района (название в старой литературе. — *ред.*) привело, таким образом, к пониманию того факта, что верхний палеолит не был единым на территории всей Европы, о чем предполагали ранее. Уже тогда люди были этнически обособлены! В результате в Костенковско-Боршевском районе (название в старой литературе. — *ред.*) выделено несколько археологических культур. А в Костенках и Борщево теперь известно около 60 стоянок эпохи палеолита, находящихся в 26 точках (пунктах).

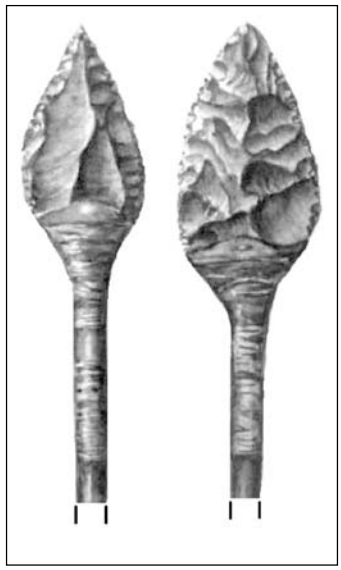
ЗА КАМЕНЬ ЗАМОЛВИМ СЛОВО

Основным материалом для изготовления орудий труда в эпоху верхнего палеолита служил камень. И при этом у современного человека, незнакомого с возможностями этого материала, чаще всего возникает скептическая улыбка. Современные же экспериментаторы давно убедились в удивительных возможностях каменных орудий труда. А еще больше убедились в высоком мастерстве, которое необходимо было иметь первобытному камнетесу для того, чтобы изготавливать орудия труда. Древние люди опытным путем, без микроскопов, спектральных анализов, химических экспериментов познали все тонкости обработки камня, которые не так уж и просты, как может показаться на первый взгляд. Немало экспериментаторов потратило времени, сил, нервов, когда пытались скопировать длинные кремневые клинки или плоские наконечники. Безрезультатно! И это при помощи микроскопов, данных спектральных анализов, химических экспериментов! У древних камнетесов были свои «микроскопы» и своя «химия». Они, без сомнения, на цвет, зернистость, степень блеска камня могли без труда оценить его возможности. Они умели находить ту породу, которая была нужна, отделив ее от массы ненужной, не соответствующей потребностям камнетеса.

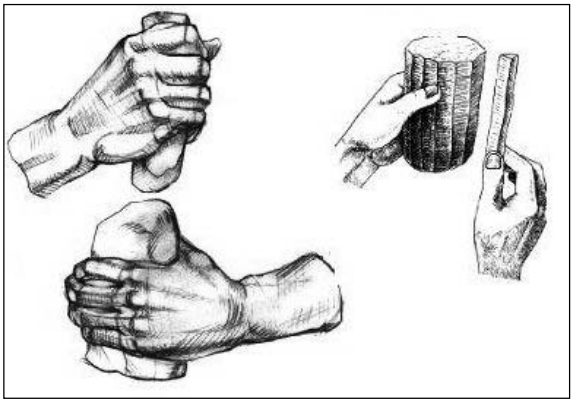
Тверд ли был материал? Один кубический сантиметр простого кварцита вы-



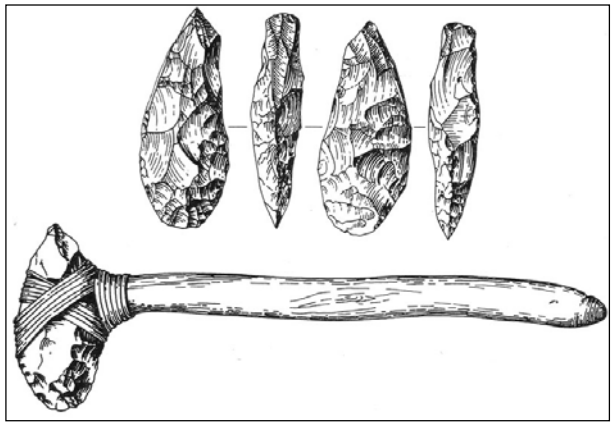
Кроманьонец из Костенок



Наконечники дротиков (коротких копий) эпохи палеолита



Обработка каменного нуклеуса



Реконструкция каменного топора из Костенок

держивает нагрузку в 300–700 кг; качественный кремень — до 8000 кг! А это значит, что изделия из качественного кремня почти не уступают по прочности стали!

Камнетес верхнего палеолита сначала отбивал от куска камня все лишнее и готовил так называемый «нуклеус» — заготовку, с которой при помощи удара другим камнем, или нажатием получали тонкую пластину. Эта предварительная работа названа археологами «первичной обработкой».

Совершенный нуклеус имеет пирамидальную форму. С него удобнее всего получить нужной формы и размеров заготовки. Сколотые или отщепленные заготовки подвергались дополнительной — «вторичной обработке» — ретушированию. Роговым или даже деревянным ретушером камнетес давил на край заготовки или ударял по нему точным ударом. Происходило скалывание мелкой чешуйки камня. Рядом делалось то же. В результате сколотая от нуклеуса пластина получала вид ножа, наконечника копья, дротика, сверла и т.д. Эксперименты показали, что более качественные изделия получаются из свежего кремня, только что добытого, пока он не утратил природную влажность. Но изготовить длинные, до нескольких десятков сантиметров кремневые лезвия никак не получалось. И только длительные эксперименты наиболее терпеливых экспериментаторов привели к открытию: археолог-экспериментатор из США Д. Кребтри выяснил, что древние камнетесы нагревали на костре нуклеус до нужной температуры и лишь потом занимались скалыванием заготовки орудия.

Как долго длится операция по изготовлению орудий труда? Эксперименты рассеяли все предрассудки прошлых представлений типа «дед начинал, внук заканчивал». Еще в 80-е годы прошлого столетия экспериментаторы ответили на этот вопрос окончательно: за полтора месяца два «камнетеса» изготовили десятки тысяч орудий труда, которых первобытной общине позднепалеолитических охотников хватило бы на несколько лет.

Что можно было сделать каменным орудием, например, рубилом, распространенным в палеолитическую эпоху? Односторонним рубилом (обработано с одной стороны) весом в 800 граммов дуб диаметром 10 сантиметров перерубался за 20 минут. Кремневым ножом экспериментатор двумя-тремя взмахами отрезал ивовые и березовые ветви диаметром 8 мм. За час было отрезано 1300 веток. Так что представления о производительности труда при работе каменными орудиями труда не следует преуменьшать.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В КОСТЕНКАХ

Любая археологическая культура характеризуется набором различных признаков. Это погребальный обряд, особенности материальной культуры (домостроительство, гончарство, ювелирное дело и т.д.). Но в эпоху верхнего палеолита, когда погребальный обряд почти неизвестен, за редчайшим исключением, когда отсутствует глиняная посуда, а свидетельства домостроительства, ювелирного дела единичны, важнейшим признаком, который разделяет археологические культуры, является приемы обработки камня. Они, эти приемы, не были одинаковыми, что было связано с разными традициями, доставшимися от разных предков, разными условиями охоты (например, охота это на мамонта или на птицу). Для верхнего палеолита, как и для почти всего периода каменного века важнейшим показателем культурных различий и был камень, вернее приемы его обработки и разница в форме полученных орудий труда.

Так, археологи выделили *костенковско-стрелецкую культуру* (ее часто называют сокращенно — *стрелецкая*) — одна из древнейших в Костенковско-Боршевском районе (название в старой литературе. — *ред.)*. Датируется временем древ-

нее 32 тысяч лет назад, продолжает существовать и в период расцвета палеолита (примерно 24–17 тысяч лет назад).

Исследователи обращают внимание на сравнительную примитивность техники обработки камня населения стрелецкой культуры, уходящую корнями в глубокую древность, к неандертальцу. Об этом свидетельствует, в частности, форма каменных заготовок — нуклеусов, с которых скалывали будущие орудия — скребки, ножи и т.д. Она «несовершенна»: нуклеусы «современной формы» (в форме усеченной призмы) отсутствуют. Вместо этого — нуклеусы, с которых скалывали заготовки не вертикальными ударами, или отжимами, а горизонтальными. Ударные площадки неровные, скошенные. Эта техника обработки типична для более древней эпохи и более примитивна.

Обнаружено и жилище стрелецкой культуры. Оно представляло собой легкую наземную постройку из дерева. Видимо, ее накрывали шкурой животного. Камень, кости крупных животных для ее сооружения не применяли. Этот тип жилищ был широко распространен на всей территории Русской равнины.

Исследователи палеолита считают, что происхождение стрелецкой культуры связано с населением южных районов — Кубани и междуречья р. Днестр. Там известны похожие орудия труда из камня и техника их обработки. Население это продвинулось в северные районы — сначала на Средний Дон, затем на Оку. Там, на Оке, находится известная стоянка Сунгирь с более развитой, чем стрелецкая, культурой, но имеющая с ней много общего в технике обработки камня и наборе каменных орудий. Ее многие называют за эту схожесть «стрелецкой культурой».

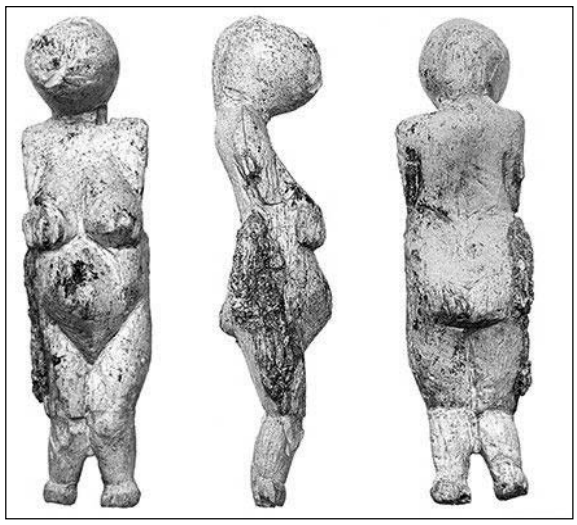
Чем жили люди стрелецкой культуры? Данных мало, но больше всего костей на стоянках принадлежит дикой лошади, которая являлась основным объектом охоты. Оружие — копье или дротик с кремневым наконечником.

Среди каменного инвентаря стрелецкой культуры были найдены и небольшие наконечники, длина которых 2–2,5 см. Другие имеют длину от 3 до 6 см. На одной из стоянок в Костенках было обнаружено более сотни подобных наконечников. Они полностью повторяют большие наконечники копий и дротиков. Уж не наконечники ли это стрел? Исследователи палеолита А.Н. Рогачев, Н.Д. Праслов, М.В. Аникович считают, что это именно наконечники стрел. Стоянка, где они были найдены, имеет возраст более 22 тысяч лет. Более 400 наконечников собрано в пещерах этого же времени в Испании. По своим параметрам и черешкам они аналогичны стрелам эпохи бронзы. Археологи обратили внимание: на наскальных рисунках нет нигде крупных животных, поражаемых стрелами, а только животные средних размеров (наиболее эффективен лук и стрелы именно для средних животных). Хотя стрелы изображены не так четко и ясно как хотелось бы, таких знаков-стрел нет на носорогах, мамонтах. Не найдено остатков луков (эти находки отсутствуют или единичны и для других эпох). Трудно их из-за схематизма изображений вычленить на наскальных рисунках.

В итоге вполне вероятно, что лук и стрелы были изобретены задолго до «отведенного» учеными времени — 10 тысяч лет назад, в конце ледникового периода. Лук и стрелы могли быть изобретены в связи с необходимостью эффективной охоты на быструю лошадь, бизона, пушных зверей.

Находки *костенковско-спицынской культуры* (сокращенно — спицынская) залегают в том же слое, что и находки стрелецкой культуры, а значит они существовали в одно время. Чем же отличается эта культура от стрелецкой?

Люди спицынской культуры при создании нуклеусов получали более совершенную заготовку в виде усеченной призмы. С такого нуклеуса скалывали или отщепляли пластины вертикальными сколами или отщеплением. Но главное: в культуре отсутствуют «неандертальские» формы орудий труда и приемы обработки камня. И в этом отношении культура представляется более развитой, чем стрелецкая.



Венеры из Костенок

Почему же люди в одно и то же время использовали разную технику обработки камня? Одни «влачили» наследие неандертальцев и долго его изживали, а другие как-то сразу совершили скачок к более совершенным орудиям и способам их обработки? Причины этого явления неясны. Полагают, что на этом пути могли стоять разные традиции, происхождение людей. При этом сегодня уже никто не считает неандертальца предком современного человека: сегодня обнаружены стоянки, где жили вначале кроманьонцы, а затем неандертальцы; современный человек охотился на неандертальца; генетически кроманьонец и неандерталец не имеют единых корней и не связаны друг с другом генетически…

Набор костей животных разнообразный, и не выделяются какие-либо виды, как лошадь в стрелецкой культуре: мамонт, северный олень, зубр, сайга, песец, заяц, лошадь, росомаха.

Выше вулканического пепла в верхних слоях (период последнего потепления) находятся палеолитические стоянки, которые также принадлежат разным культурам. Продолжает существование все более развивающаяся стрелецкая культура, все более освобождаясь от наследия прошлого, но появились и новые. Одна из них — *городцовская.*

В этой новой культуре, несмотря на ее «молодость», сохраняются традиции эпохи неандертальцев. Но что примечательно: древняя техника обработки камня разная у представителей стрелецкой и городцовской культур. А это связано с разными традициями разных групп населения. Городцовцы были охотниками на лошадей, и

меньше охотились на мамонтов. Много костяных орудий и в целом культура выглядит более развитой, чем стрелецкая этого же времени, изживавшая свои неандертальские традиции.

Но расцвет культур палеолита произошел в более позднее время. Это время археологи называют «средней порой верхнего палеолита». Этот период определяется 24–17 тысяч лет до наших дней. Кроме расширения ассортимента каменных орудий, широкого применения кости, появляются фигурки животных из кости — мамонтов, изображения головы медведя, пещерного льва. Именно в этот период получают распространение долговременные жилища с использованием костей мамонтов. И еще одно явление — появление фигурок — статуэток с изображением женщин.

ЖЕНСКИЕ СТАТУЭТКИ

Их находки вызвали споры в научном мире, дали пищу для размышлений над искусством людей палеолита и их миропониманием.

Краткая справка. Впервые женская фигурка была найдена около 1864 года на юго-западе Франции маркизом де Вибре. Находчику и принадлежит укрепившееся впоследствии название статуэтки — «Венера распутная» в противовес скульптуре эллинистического времени, названной «Венерой скромной». Палеолитические венеры даже «не пытались» прикрыть интимные части своего тела, как это показано на эллинистических скульптурах. Отсюда и «распутная». Известно более 100 фигурок палеолитических статуэток. Наиболее ранние находки относятся ко времени 28 тыс. лет назад. Встречаются в основном в Европе, но известны от Пиренейских гор на западе до озера Байкал на востоке.

Впервые женскую статуэтку в нашей стране нашел в 1923 году в Костенках П.П. Ефименко. Петр Петрович и поставил впервые вопрос: что это и зачем?

Палеолитические венеры — это небольшие по размерам скульптурные изображения обнаженной женщины от 4 до 25 см в высоту, вырезанные из костей, бивней мамонтов и мягких пород камня. Стоящая фигура, голова чуть наклонена к груди, руки тонкие и непропорциональные туловищу. Лицо никак не выделено, и это, заметим, было, видимо, неважным. И дело здесь не в возможностях охотника-художника, который, мол, просто не мог изобразить лицо женщины. Мог, конечно, как это он сделал на некоторых фигурках, правда, опять-таки небрежно, «необязательно». Глядя на реалистично выполненные изображения животных на стенах пещер, трудно поверить, что у художников того времени возникали какие-то технические трудности для изображения женского лица. Видимо, прав А.Д. Столяр, который верно «распознал» назначение безликих фигурок. Это для нас они «странно безлики», так как мы подходим к ним со своими нынешними эстетическими взглядами. Наш нынешний взгляд таков: каждая женщина индивидуальна и красива, и это необходимо выразить художественным способом. Но для палеолитического художника важна была, видимо, совсем другая идея. Не реальная женщина, а символ женщины! А часто символ женщины-матери! Женская скульптура, таким образом, была не предметом личных переживаний художника, а отражением общественной мысли, взгляда коллектива на женщину, ее роль в жизни этого коллектива. Женский образ, в итоге, был *смысловым*, *а не чувственным*. Он не требовал изображения личных, индивидуальных черт лица.

Женщины разные: тучные и стройные, низкорослые и высокорослые, старые и молодые. Исследователи женской скульптуры выделяют в связи с этим пожилых женщин («бабушки»), женщин среднего возраста («матери») и молодых женщин («девушки»). Это разделение не только по возрасту, положению, но и по хозяйственным занятиям женщин в коллективе. На стоянке Гагарино в Липецкой области С.Н. Замятниным в жилище было обнаружено в хорошей сохранности

три разновозрастные статуэтки. Причем они размещались у его стен, «в головах» у спавших здесь когда-то людей. Это было, по мнению А.Д. Столяра, постоянное место каждой половозрастной группы женщин коллектива. Фигурки «бабушки» и «матери» располагались у восточного края жилища в двух метрах друг от друга, а худощавая фигурка — у западной стенки, на своеобразной «девичьей» половине. Находят статуэтки в ямах-хранилищах, в культурном слое без привязки к какому-либо объекту. Часто фигурки разбиты. Полагают, это связано с тем, что они не имели большой ценности и тем, что использовались в каких-то кратковременных действиях.

Вопрос о назначении и значении статуэток женщин остается неясным. П.П. Ефименко доказывал, что это образ прародительницы рода, который дает этому роду благополучие. Причем, Петр Петрович находил в женских статуэтках подтверждение существования в палеолите матриархата — времени господства женщины, ее культовом почитании. Матриархат сегодня уже не понимают так, как тогда — господство женщины в обществе, преклонение перед ней. В условиях, когда жизнь коллектива зависела от успешной охоты мужчин, женщина не могла занимать это положение. Она могла быть и была «хранительницей домашнего очага». С нее велся счет родства из-за невозможности в тех условиях общественных отношений выяснить отца детей. В этом и состоит «уважение» к женщине, почитание ее, но не господство ее в коллективе. Более того, следует предполагать равенство полов в том обществе. Существование его подтверждается наиболее архаичными (древними) условиями жизни народов Австралии и Океании.

С.Н. Замятнин высказал идею об ином назначении фигурок — содействовать охоте. А.П. Окладников считал скульптурные изображения женщин как отображение женских духов, связанных с миром мертвых, которые выступают в роли владычиц природных стихий. А.Д. Столяр придерживается мнения о разном и многогранном назначении женских статуэток. На стоянках и в их жилищах они выполняли роль «прародительниц рода», «матери и хозяйки». Иное дело — изображения женщины в общественных местах — на стенах пещер. Здесь иное предназначение женщины, изображения которой «говорили» о «родственности» коллектива, «магическом воздействии на него», символизировали плодородие и др. Причем, эти идеи выражались не одной скульптурой или одним изображением, а целой группой. Женский образ проявлялся не в одной статуэтке, одном изображении, а группе статуэток, группе изображений.

Биологи-антропологи Дж. Копер и М. Гришман (США) считают непомерную тучность изображенных женщин следствием специфической болезни (ожирение, сгорбленность, «лунноликость»). Такое явление не могло остаться без внимания и фигурки, таким образом, являлись культовыми, имеющим отношение к шаманству. Однако не все фигурки отражают тучность и другие признаки болезни.

Антрополог Р. Уайт (США) изучил более 100 статуэток и пришел к выводу, что все они имеют признаки беременности. А в итоге венеры служили оберегами для беременных женщин. При этом фигурки не передавались по наследству, а закапывались в землю, ломались, возможно, после родов или смерти роженицы…

Загадочна женщина не только сейчас, но с давних палеолитических времен…

* * *

Раннее утро… Едва светает… В пойме большой реки на всхолмлении, поросшим молодым сосняком, пасется стадо мамонтов. Вожак неподвижно стоит, обратив голову на восток навстречу ветру, и будто спит, или размышляет о чем-то. Другие животные неспешно передвигаются с места на место и шевелят хоботами, доставая пожухлую растительность с обнаженного склона.

Время от времени вожак просыпается, и тогда долину оглашает могучий трубный звук, дающий всем понять, кто здесь хозяин.

Волчья стая затаилась в кустах и, поблескивая глазами, внимательно и зорко смотрит на табун диких лошадей, добывающих копытами из-под снега высохшую траву. Стадные охранники не добывают корм, потому что сейчас у них другая забота: навострив уши, они слушают и внимательно смотрят вокруг. Волки время от времени то поднимаются на полусогнутых ногах, устремив взгляд на табун, когда вожаку кажется, что пора пришла, то снова ложатся на снег, по его едва заметному предостерегающему движению. Рано... Еще рано...

На высоком берегу среди низкорослых сосен в сугробах высоко в утреннее небо поднимаются два столба дыма. Дым исходит из двух больших куполов, покрытых шкурами мамонтов. Они в снегу, и только кое-где из-за тепла обогревающего их огня видны черные пятна, выделяющиеся на белом чистом снегу. В хижинах кипит жизнь. И слышен разговор.

Откинув в сторону полог жилища, из хижины вышел человек, одетый в шкуры песца. На нем меховая куртка, кожаные сапоги, расшитые бусами из бивня мамонта, на голове шапка с такими же бусами, нашитыми на нее. У него в руке два копья с острыми жалами, а на поясе каменный нож. Одна рука человека привязана к туловищу — вчера у каменной пещеры он был ранен пещерным львом. Лев убил двоих, смял и поломал кости еще нескольким охотникам, но упал, не пробежав в галопе и пяти прыжков, сраженный несколькими сильными ударами копий молодых охотников. Голова льва теперь украшает вход одной из хижин. Спокойными, ничего не видящими глазами она смотрит куда-то вдаль, туда, куда ушла его звериная душа...

Эту картину из-за засады наблюдает молодой пещерный лев. Он ждет, что охотники что-нибудь выбросят из хижины, как вчера несколько тушек песца оказались в овраге за кручей и лев сумел хорошо насытить свой желудок. На его правом бедре затянувшаяся глубокая рана — след от копья одного из тех, кто сейчас в хижине. Рана мешает охотиться, как этому его учили с малолетства. Ухо порвано: по осени лев дрался со своим неприятелем за обладание пещерой. И вот, он жив, а тот, кому он проиграл, ушел охотиться на небесные просторы...

С клубами влажного дыма из хижины быстро выходят охотники, и лев невольно вздрогнув, приподнялся на лапы. В руках охотников копья и луки с пучками стрел. Лев понял: сегодня они будут охотиться не на мохнатых великанов, которых охотники пугают огнем. Сегодня их добычей станут пасущиеся за оврагом дикие лошади. Охотников становится все больше. Они что-то говорят друг другу и спрашивают высокого роста пожилого охотника с яркой повязкой на песцовой шапке. Тот коротко отдает команды и, разделившись на группы, охотники пошли: кто по верху берега, кто начал спускаться вниз. Охота скоро начнется. Лев подождал немного. Нет... Сегодня не его день. Придется раскопать запас — тушку песца и насытиться хотя бы им...

Зверь развернулся, поднявшись во весь рост, еще раз посмотрел на удаляющихся охотников, на провожающих их с огнями в руках и неспешно, хромая на больную ногу, затрусил подальше от этого опасного места...

□ □

В ГОСТЯХ У «МАСТЕРОВ»

Музей народного творчества и ремесел «Мастера» открылся в селе Хохол в мае 1985 года. Посетители музея могут увидеть здесь несколько постоянных экспозиций. Это «Крестьянская изба», «Ковроткачество», зал живописи, зал воинской славы, уголок краеведения.

В крестьянской избе музея собраны вышедшие из обихода вещи и предметы XVIII–XIX веков: посуда, одежда, мебель. Представлена большая коллекция полотенец и рушников, вышитых крестом, гладью, выбитым узором (ришелье), мережкой, узорным ткачеством, также домотканые рушники из села Кочетовка, технология изготовления которых внесена в каталог нематериальных ценностей Воронежской области и является объектом культурного наследия.

Больше всего гостей музея поражает настоящая русская печь, в которой нередко разводят огонь, и откуда сотрудники достают угощенья — хлеб, пирожки, тыквенную кашу. За печью стоит железная кровать, над ней под потолком — деревянные полати. У кровати к потолку подвешена люлька — кроватка для малыша. Здесь можно увидеть готовый к работе ткацкий стан, инструменты сапожника, садово-огородный инвентарь, которым пользовались наши прабабушки и прадедушки.

— У нас посетителям можно все трогать, брать предметы в руки, сотрудники музея охотно расскажут и покажут, как применялись в быту те или иные вещи, — говорит директор музея Лилия Абакумова.

Экспонаты для крестьянской избы собирали много лет, и сейчас хохольцы нередко приносят сюда старинные вещи.

Из названия музея видно, что главное, зачем он создавался — популяризировать, сохранять ремесла, характерные для жителей Хохольского района. Так, одно из центральных мест в нем занимают изделия ковроткачихи Марии Ивановны Гладневой — дочери известной ткачихи Натальи Васильевны Клеповой. Ковер мастерицы Клеповой «Адам и Ева» демонстрировался на Всемирной выставке 1900 года в Париже, получил Гран-при и был куплен Лувром. По инициативе Марии Гладневой в 1970-е годы в селе Хохол были возрождены традиции ковроткачества. Узоры на хохольских коврах особые: на черном поле изображены крупные яркие розаны или маки — красные, розовые, желтые.

Из комнаты, где демонстрируются ковры, посетители переходят в зал воинской славы. Эти музейные экспозиции особо любимы школьниками и незаменимы в патриотическом воспитании подрастающего поколения. Здесь представлены фотографии участников Великой Отечественной войны, погибших на фронтах, и тех, которые верну-

Музей «Мастера»
(фото вверху).
Альбом ветерана войны

Экспонаты зала воинской славы

В зале живописи

лись с полей сражений и проживали в нашем селе. Среди них некоторые ребята могут узнать своих дедов и прадедов. К сожалению, многих уже нет в живых. Но в районной «Книге памяти» о каждом ветеране, участнике боевых сражений имеются сведения, которые повествуют нам об их жизни и подвигах. Витрины многое могут рассказать о войне и Великой Победе юному пытливому уму. Здесь выставлены также благодарственные листы, знаки отличия, награды наших земляков, некоторые личные вещи воинов. На базе музея проводятся праздничные мероприятия, посвященные славным ратным датам, встречи с ветеранами войны и труда. На сегодня в нашем селе проживает всего шестнадцать ветеранов Великой Отечественной войны. Это удивительные люди. Они частые гости нашего музея. В общении с ними воспитывается уважение к памяти прошлых поколений, бережное отношение к культурному и природному наследию, без чего немыслимы патриотизм и любовь к своему Отечеству, к малой родине..

В зале живописи собраны картины художников — уроженцев Хохольского района. Это картина художника Виктора Терехова из села Архангельское «Расстрел коммунистов», посвященная событиям 1919 года, «Портрет девушки» кисти Натальи Пахомовой из села Хохол, «Портрет доярки» — Григория Гончарова.

Здесь же можно увидеть работы признанных мастеров кисти, таких как член Союза художников СССР Юрий Внодченко, заслуженный художник России протоиерей Стефан Домусчи.

В выставочном зале музея демонстрируются экспозиции изделий различных мастеров. Сотрудники поддерживают связи с уже известными умельцами, постоянно ищут новые таланты. Выставочные образцы обновляются каждый месяц, свои работы представляют жители разных сел, гости из Воронежа и соседних районов.

В разное время здесь устраивали показ картин жительницы села Костенки Марины Скрипниковой и ее сына Дмитрия Хабибуллина.

Весьма разносторонним является творчество художницы Натальи Пахомовой.

— Наталья Анатольевна освоила масляную живопись, акварель, воскографию, графику. Пишет портреты, пейзажи и натюрморты. Ее работы есть в частных коллекциях Воронежа, Санкт-Петербурга, Белгорода и США, — отметила Лилия Абакумова.

В этом году молодые хохольские умельцы объединились в «Лавку чудес», вместе участвуют в выставках, представляют свое творчество на сельских и районных праздниках.

В музее проходит множество разных интерактивных программ из цикла «Традиции русских народных праздников», который разработала директор музея «Мастера» Лилия Абакумова. В село Хохол приезжают посетители из окрестных сел, Воронежа, других районов области. За последние четыре года с «Мастерами», образно говоря, познакомились и сдружились около 20 тысяч человек.

Людмила ГРЕШНЕВА,
обозреватель Хохольской районной газеты «Народное слово»

ТАК ПРОРАСТАЮТ ТАЛАНТЫ

Музеи нередко называют лабораторией исторического познания. Действительно, каждый человек, соприкасаясь здесь с прошлым, не только получает какую-то полезную для себя информацию, но и постигает те глубины народной памяти, которые помогают ему ощущать истоки своего рода и прочно держат на круге современной жизни. Районные музеи, как правило, аккумулируют в себе самые привычные пласты местной истории — сел и деревень, храмов и погостов, обычаев и традиций и т.д., являясь, по сути, первичной матрицей традиционной народной культуры. Зачастую на первый план при этом выходит краеведческая основа.

Хохольский районный музей в этом отношении, как мы уже убедились, особенный: история здесь выступает через творения рук конкретных людей, и само название «Мастера» несет в себе главенствующий человеческий акцент. В этом есть, безусловно, закономерность, потому что край был славен мастерами и прежде, и сейчас. И не только окрест, но и на весь мир, без преувеличения!

В музее находятся ковры потомственной ковроткачихи Марии Ивановны Гладневой — дочери всемирно известной мастерицы Натальи Васильевны Клеповой, автора шедеврального ковра «Адам и Ева», который стал экспонатом Лувра. А Маша свой первый коврик выткала в одиннадцать лет в далеком 1930 году. В выборе гаммы красок ей помогли мама и старшая сестра Анна. На всю жизнь Мария запомнила это свое первое творение, а еще больше — материнское поучение: «Прежде чем сесть за ткацкий стан, вживись в рисунок ковра, в каждые его цветочек и оттенок». В Хохольском музее народного творчества и ремесел «Мастера» находится ее первый самостоятельный ковер 1939 года, авторский — от рисунка до готового изделия.

Окончив Тамбовский педрабфак, Мария Ивановна стала учительницей. Жизнь захлестнула, закрутила, почти не оставляя времени на вечерний покой у ткацкого станка. В шутку сказанные когда-то слова «Выйду на пенсию — займусь коврами» оказались пророческими. К этому занятию она и вправду серьезно вернулась, когда вышла на заслуженный отдых. И горячо взялась за возрождение семейного ремесла. При ее активном участии в селе Хохол был создан ковровый цех (1977–1984). Первое время было трудно. Мария Ивановна сама ездила за шерстью, потом красила ее у себя во дворе. Но семейная черта — горячее и ревностное отношение к труду помогла выстоять. Мария Ивановна внесла большой вклад в возрождение и развитие традиций Воронежского ковроткачества: обогатила орнамент новыми мотивами и композициями, расши-

Авторские куклы

рила цветовую гамму, заменила горизонтальный стан на вертикальный. За время работы цеха ковроткацкой профессии было обучено 46 мастериц и изготовлено 150 ковров.

Мария Ивановна стала неизменной участницей областных и всесоюзных выставок, в 1983 году единственная была удостоена звания «Народный мастер Воронежской области». В настоящее время работы Гладневой хранятся в фондах Государственного исторического музея, Государственной Третьяковской галереи и в других музеях Москвы, Воронежа и за рубежом. Думается, и открытие в Хохле музея народного творчества и ремесел в 1985 году во многом и ее заслуга.

Надо сказать, что у истинного рукоделия особое долголетие. Мастера Хохольского района всегда это подтверждали своей искусной работой. С 1991 года в селе Хохол работает Дом народных художественных промыслов и ремесел. Здесь продолжают традиции ковроткачества, художественной вышивки и изготовления народных и сценических костюмов, кружевного плетения, бисероннизания. К примеру, были изготовлены костюмы фольклорному коллективу «Хохольские родники» (село Хохол), фольклорному ансамблю «Зарянка» (Голландия), сценические костюмы ансамблю «Воронежские девчата» (г. Воронеж).

В 1998 году местные мастерицы с блеском исполнили заказ от юной воспитанницы и солистки ансамбля «Воронежские девчата» Ольги Чирковой — расшитое льняное платье в традициях Воронежского края. Рисунок разрабатывала Нурия Абдулбариевна Савина (сейчас «Народный мастер художественной вышивки Воронежской области»). На белом фоне традиционный красно-черный орнамент — ромбы с цветами и обережный репей, по подолу широкое вязанное кружево. Вышивали платье Нурия Савина, Снежана Косульникова, Оксана Евсенко, Марина Данилова.

С этого момента сотрудничество хохольских мастериц с прославленным коллективом озарилось прочной творческой дружбой. В 2003 году Анна Григорьевна Ковригина, тогдашний руководитель ансамбля, заказала к юбилею коллектива 12 платьев. Над заказом трудился весь коллектив Дома ремесел, привлекали даже мастеров-надомни-

ков. На эту работу ушло почти три года. На юбилейном концерте 2006 года «Воронежские девчата» выступали в новых платьях. А почетными гостями у певиц были мастера Хохольского Дома ремесел.

Эстафета народного творчества не прерывается, когда у ее истоков стоят творцы, а их дело бережно чтут, продолжают и умножают сегодняшние энтузиасты. В 2019 году при музее была создана «Лавка чудес». Идея этого сообщества мастеров принадлежит заведующей музеем Лилии Леонидовне Абакумовой и преподавателю Хохольской детской школы искусств Наталье Анатольевне Пахомовой. К ним в полной мере относится давно замеченное правило, что дело живет энтузиастами. Всю свою жизнь Лилия Леонидовна занимается творчеством. С 2008 года, став заведующей музеем, начала изучать историю народных художественных промыслов и ремесел. В процессе работы заинтересовалась народно-обрядовой куклой, авторской сувенирной куклой, вышивкой. И в изготовлении их достигла высокого искусства. Неоднократно ее работы представлялись на различного рода выставках-ярмарках в Москве, Туле, Воронеже, а также на международных фестивалях музыки и ремесел «Живая старина» в Ростове Великом Ярославской области, в «Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и на других фестивалях и конкурсах.

Столь же плодотворна творческая стезя Натальи Анатольевны Пахомовой. Родилась она здесь, в поселке Хохольский. Занималась в детской школе искусств на художественном отделении. После Бутурлиновского художественно-педагогического училища вела кружок рисования при музее «Мастера», а с 1999 года преподает на художественном отделении Хохольской ДШИ. Теперь за ее плечами Воронежский педагогический университет, который она успешно окончила по специальности изобразительное искусство. Многие ученики Натальи Анатольевны нашли себя на художественном поприще, это будущие и действующие педагоги, дизайнеры, архитекторы. Сама Наталья Анатольевна постоянно совершенствует свое мастерство, ее девиз «Художник учится всю жизнь». Она регулярно принимает участие в районных и областных выставках и конкурсах, как педагогических, так и художественных, в том чис-

Мастер-класс в музее

ле и организованных Воронежским отделением Союза художников. Работает в техниках масляной живописи, акварели, воскографии, графики, изготавливает авторскую бижутерию, авторские куклы. Картины Натальи Анатольевны Пахомовой находятся в частных коллекциях в Воронеже, Санкт Петербурге, Белгороде, а также в США.

Абакумова и Пахомова со своими подвижниками, с инициативной группой «Лавки чудес» поддерживают тех, кто занимается творчеством, находят новых творцов и помогают их дальнейшему развитию, организуют выставки, мастер-классы. Это позволяет раскрыть творческий потенциал и самореализоваться многим молодым талантливым мастерам.

Максим и Екатерина Кожевниковы уже полтора года занимаются семейным производством — изготовлением декора из экологически чистого материала — фанеры. Фанерный лист в их руках с помощью лазерной резки и гравировки превращается в изящные чайные домики, всевозможные подставки, другие удивительные предметы интерьера и многое другое. И при этом каждое изделие неповторимо.

Валерия Пахомова с детства увлекалась живописью. Сейчас уже сама стала преподавателем в Хохольской ДШИ, ее живопись, авторская бижутерия заметны не только на региональном, но даже на международном уровне, когда Валерия участвовала в конкурсе Greenbird при поддержке Swarovski Create Your Style.

Руки Татьяны Аверьяновой создают неповторимые авторские текстильные куклы, куклы Реборн и свит-дизайн. Екатерина Феклистова вяжет и шьет с 5 лет. Ее авторская детская одежда, игрушки, единственные в своем роде, выполнены по собственным схемам мастерицы. Екатерина Кузнецова занимается творчеством со школьной скамьи, по профессии вязальщица и мастер машинной вышивки. Какое-то время увлекалась милыми забавными игрушками — зайками тильдами. Сегодня остановилась на куклах. Нужно добрые слова сказать в адрес живописцев Марины Скрипниковой и ее сына Дмитрия Хабибуллина. Почти два десятилетия назад они переехали из Узбекистана в Костенки. Это отражается до сих пор в сюжетах их картин, но и новая родина вдохновляет на творчество. У Владимира Гоцкина — своя творческая стезя. Живописцем был его отец, а сам он взялся за кисть уже в зрелые годы, подтверждая, что творчеству все возрасты покорны…

Добрых слов, без сомнения, здесь достойны и молодые люди, которым только открывается удивительный мир искусства, народного ремесла, и состоявшиеся мастера. Но при этом главное заключается в том, что, изучая и продолжая творческий опыт предыдущих поколений, они находят в нем зерна такой мудрости и мастерства, которые обязательно прорастут и дадут добрые всходы.

Владимир НОВОСЕЛОВ.

(По материалам Хохольского музея народного творчества и ремесел «Мастера»)

ЕСТЬ У УЛИЦЫ МУЗЕЙ

(Жители поселковой улицы Шуры Лавлинской создали свой музей)

В здании мебельной фабрики Алексей, Андрей, Евгений Фокины и Владимир Власов собрали коллекцию более чем из тысячи документов, фотографий и предметов старины, связанных с улицей Шуры Лавлинской и ее жителями. В музейном помещении — стенды с фотографиями, пожелтевшими письмами, свидетельствами о рождении, географическими картами разного времени, предметы крестьянского быта. К каждому из них можно прикоснуться, подержать в руках.

Экскурсия по музею начинается с рассказа о первых годах образования улицы. Земли около рек Девица и Хохол изначально, во времена царя Алексея Михайловича, заселяли солдаты, казаки, пятидесятники, десятники, рядовые, а в 1684 году на территории современной Горшихи (так эту местность называют хохольцы) стояла деревянная церковь, в приходе которой числилось 105 дворов.

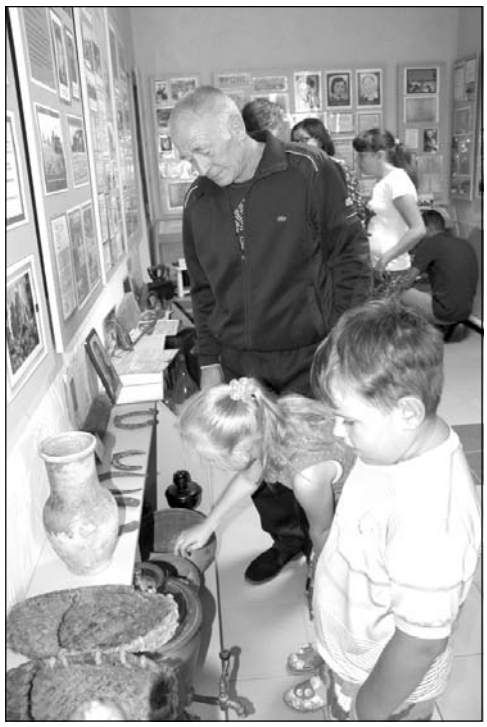
— Интересно, что среди наших прародителей было много однодворцев, военизированных землевладельцев, которые открывали мастерские, выращивали хлеб, имели крепостных, но, в отличие от дворян, платили налоги и несли охрану пограничья, — отмечает один из создателей музея Владимир Власов.

В СЕЛЕ ЖИЛИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И РЕМЕСЛЕННИКИ

В музее хранится копия первой карты Нижнедевицкого уезда, датированная 1780 годом. Из архивных документов, представленных здесь, можно сделать вывод, что Хохол был богатым селом: только четыре двора из 918 числились без земель. Остальные имели от 5 гектаров, а у 97 владельцев было свыше 25 гектаров.

На территории села, по данным переписи 1877 года, существовало 39 кустарных мелких промышленных предприятий, было множество садов. Старожилы вспоминают, что там, где сейчас находятся три озера, в начале XX века была равнина, а на ней собиралась ярмарка. Само название Горшиха пошло от рода деятельности жителей: здесь добывали много огнеупорной глины, было хорошо развито гончарное ремесло.

Изучая стенды музея, можно узнать сведения о жителях улицы Шуры Лавлинской в период Первой мировой, Великой Отечественной войн, первых пятилеток и создания колхозов. Как учились в первой половине прошлого века, работали на субботниках, получали паспорта. Так, в музее хранятся экзаменационные билеты по географии 1939 года, написанные рукой ученика Михаила Грибанова. Он занимался в школе



В день открытия музея улицы Шуры Лавлинской

для взрослых. Там же есть воспоминания, которые он написал о своей жизни.

В 1931 году в Хохле зажглась первая электролампочка. Долгое время в строго определенные часы электричество вырабатывала колхозная дизельная электростанция. И лишь в 1962-м в село пришла массовая электрификация.

НАЗВАНА ПО ИМЕНИ ПАРТИЗАНКИ

На нескольких стендах активисты рассказывают о подвиге сестер-партизанок Шуры и Натальи Лавлинских. В годы Великой Отечественной войны родные сестры, 19-летняя Александра и 31-летняя Наталья, помогали партизанской группе «Ворон». Девушки доставляли им продукты, собирали для них сведения о фашистских войсках. Накануне освобождения села Хохол девушек выследили. После пыток и допросов 26 января 1943 года Наталью Жаглину и Александру Лавлинскую расстреляли неподалеку от села Ведуга Семилукского района. О гибели девушек рассказала газета «Коммуна» 28 июля 1943 года. В Октябрьской школе, в которой училась Шура Лавлинская, в свое время создали музей в честь мужественной партизанки. Когда школу закрыли, самые ценные экспонаты педагоги сохранили. Среди них — альбом с воспоминаниями односельчан о сестрах Лавлинских. Он стал первым экспонатом народного музея. Имя Шуры Лавлинской сельская улица носит с 1965 года. На въезде стоит мемориальный камень в честь подвига партизанок, а на месте дома, где они жили, — памятная табличка.

ЗА КАЖДЫМ ЭКСПОНАТОМ — ИСТОРИЯ

На полу в зале музея стоит сундук. В такие сундуки в начале XX столетия невесты собирали приданое. Рядом с сундуком лежат рубель, с помощью которого когда-то стирали и гладили белье, безмен (рычажные весы), несколько найденных на огороде подков, маслобойка, берды — элементы ткацкого станка, прялка, гребни, лапти, чугунки, утюги.

— Эти предметы были в ходу приблизительно в конце XIX — начале XX веков, а может, даже раньше. Люди их сохранили, передали музею. К сожалению, точный возраст вещей теперь выяснить невозможно, — сказал Владимир Власов.

Среди экспонатов выделяется гармонь. Сделана она из дерева еще в довоенное время, но хорошо звучит до сих пор. Ее сберег Виктор Прохоров. Односельчане помнят, как на инструменте частенько играл Герой Советского Союза Михаил Князев, когда приезжал в родное село Верхнениколькое.

Печальная и трогательная история кроется за строками выцветшего от времени письма Ильи Лавлинского. Солдат воевал под Смоленском, в 1941-м пропал без вести, вероятно, был в окруже-

нии. А в 1945 году красноармеец прислал о себе весточку на немецком бланке. «Здравствуйте, многоуважаемые мои родные, я имею возможность передать вам, что я живой», — писал тогда Илья. Он коротко объяснил, что сообщить о себе раньше не было возможности. Это послание оказалось последним, домой он не вернулся.

РАССКАЖУТ О ЗЕМЛЯКАХ

— Мы занялись сбором сведений о жителях улицы Шуры Лавлинской, наших предках, — говорит Андрей Фокин, который уже собрал несколько папок документов о своих родственниках и призывает односельчан последовать его примеру.

Люди приносят в народный музей семейные фотографии. Так, здесь хранится снимок 1927 года, на котором запечатлен местный житель с Надеждой Константиновной Крупской. В тот год она пригласила в Москву из каждого края, области по одному лучшему работнику избы-читальни. На память сделали общий снимок.

На витринах расположились экспонаты военного времени: солдатская каска, ствол от немецкого пулемета, ключи. Сохранился кирпич с печатью, который изготовили на хохольском черепично-шамотном заводе, газетные вырезки, воспоминания старожилов. На стендах есть информация и о современниках, которые служили или служат Отечеству, активно участвуют в общественной жизни села и родной улицы, названы фамилии тех, кто участвовал в сборе экспонатов, приносили документы или снимки.

Юлия ТУРИЩЕВА,
обозреватель Хохольской районной газеты «Народное слово»

Департамент культуры Воронежской области

Государственное бюджетное учреждение культуры Воронежской области
«Журнал «Подъём»
Директор-главный редактор Щёлоков И.А.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Авторы присылаемых материалов должны сообщить редакции: краткую биографическую справку; домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, регистрация); ИНН и номер страхового свидетельства.
Редакция просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала в формате Word.

Корректор Андреев А.М.
Компьютерная верстка Вовчаренко И.К.

Телефоны редакции: директор-главный редактор — 228-64-12 / 8-903-858-64-12, заместитель директора-главного редактора, ответственный секретарь, отдел поэзии — 228-64-15 / 8-903-858-64-15, отдел прозы, корректор, отдел верстки — 228-64-09 / 8-903-858-64-09, бухгалтерия — 228-64-13 / 8-903-858-64-13, производственный отдел — 228-64-16 / 8-903-858-64-16.
Электронный адрес журнала «Подъём»: **podiem@mail.ru**
Сайт журнала «Подъём»: **http//www.podiemvrn.ru**
Электронный архив журнала с №1, 2001 г. по №6, 2008 г.: http//www.pereplet.ru/podiem
ISSN 0130-8165.

Журнал «Подъём»
Главный редактор **И.А. Щёлоков**
№ 11 (662). Подписано в печать 11.11.2019.
Дата выхода в свет: .
Индекс 73312.
Тираж 1700 экз.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «School Book». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,9 + 0,5 п.л. цв. вкл. Отпечатано с готового оригинал-макета
ГБУК ВО журнал «Подъём». Заказ № . Цена свободная. 12+.

Адрес редакции: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.
Адрес издателя ГБУК ВО «Журнал «Подъём»: 394030, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а.
Адрес типографии ООО «Чемпион»: 394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, к. 10.

Журнал «Подъём» зарегистрирован Министерством печати РФ. Свидетельство № 331 от 12.11.1990 г.
Учредитель (соучредители): Союз писателей Российской Федерации;
Трудовой коллектив редакции журнала «Подъём».

Рассылку журнала осуществляет цех экспедирования печати Воронежского главпочтамта: 394068, г. Воронеж, ул. Лизюкова, 2, ЦЭП.

Во всех случаях полиграфического брака в журнале обращаться в ООО «Чемпион».